

Курган. Так было

Александра
ВАСИЛЬЕВА

Курган. Так было

Александра
ВАСИЛЬЕВА

г. Курган, 2019

63.3(2Р36-4Кур)

В 19

Васильева, Александра.

Курган. Так было / Васильева А. — Курган : Зауралье, 2019. — 444 с. : ил. —

ISBN 978-5-6042937-8-2

Новая книга ведущего краеведа Курганской области Александры Михайловны Васильевой открывает для нас забытые и неизвестные страницы истории зауральского края, Гражданской войны и тех времен, которые когда-то составляли повседневную жизнь наших земляков.

УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ В КРАЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В первой половине XIX века население Кургана стало медленно увеличиваться, появились учителя в уездном училище, лекари, ссыльные поляки и декабристы, вырос штат Земского, а потом и Окружного судов. Стали выписывать газеты и журналы, следить за жизнью страны, как политической, экономической, так и культурной. Образованная часть горожан уже не хотела довольствоваться балаганными представлениями во время ярмарок, а жаждала настоящего театра. Первые образцы салонного искусства были представлены в гостиной декабриста Михаила Михайловича Нарышкина, жена которого, Елизавета Петровна, была необыкновенно музыкальна. В их доме собирались друзья-декабристы, поляки, учителя, местные чиновники. Михаил Михайлович часто усаживался за рояль, чтобы аккомпанировать своей жене. Она превосходно исполняла арии из опер Россини, «Мессу» Бетховена, итальянские народные песни. Елизавета Петровна к тому же была прекрасной пианисткой и, чтобы порадовать своих гостей, ссыльных поляков, играла их национальные песни и гимны. В минуты веселья звучали мазурки. После отъезда Нарышкиных из Кургана эстафета музыкальных вечеров перешла к декабристу Петру Николаевичу Свистунову. Он устраивал квартеты с курганской молодежью, в которых сам играл на виолончели.

Елизавета Петровна
Нарышкина

Для организации постоянного театра в Кургане не было помеще-
ния и финансов. Даже поставив спектакль своими силами, курганцы

не могли найти сцены. Смотритель уездного училища Тимофей Корнильевич Каренгин писал 11 февраля 1844 года директору Тобольских училищ, что четвертого и пятого февраля в зале Курганского уездного училища был устроен театр, в который имели вход одни только благородные лица. Каренгин просил разрешения устроить следующее представление на пасхальной неделе, за которое

Константин Михайлович
Мирославский

Курганское общество обещало сделать пожертвование в пользу училища, но из Тобольска пришел отказ. Тем не менее, самодеятельные постановки пьес продолжались, и спектакли показывали в качестве праздничного развлечения или благотворительной акции. Благотворительные спектакли давались обычно в пользу учебных заведений, детского убежища, бедных студентов, богадельни, голодающих крестьян. Особенную активность в театральном деле проявляли курганские дамы, хотя и мужчины принимали участие в постановках с не меньшим удовольствием. В декабре 1873 года был дан спектакль в пользу женской прогимназии, который принес 80 рублей чистого дохода. Интересен состав участников этой благотворительной акции:

жена окружного врача М. Л. Ольгиатти, жена акцизного надзирателя А. Ф. Панина, ученицы прогимназии А. Л. Дмитриева, Е. И. Плотникова, А. Д. Основина, учителя М. Ф. Глуховцев, Н. В. Михайлов, П. П. Фоянков, помощник акцизного надзирателя Д. И. Панин, чиновники полицейского управления И. С. Шалабанов, Н. В. Попов, бухгалтера А. Т. Кириленко и И. Т. Кропанин.

Самодеятельная театральная жизнь особенно оживилась с появлением в Кургане в 1890-е годы Сергея Валериановича Карновича, чиновника по крестьянским делам. Он не только играл в спектаклях, но и с успехом занимался их постановкой. Весной 1893 года губернская газета опубликовала корреспонденцию из Кургана от 5 мая:

«Не так давно у нас состоялся спектакль, устроительницею которого была О. П. Филинова, а режиссировал по обыкновению С. В. Карнович. Шли «Блестящая партия» — драма Дьяченко и «Картина с натуры» — сценка Турбина. Обе пьесы прошли с полным ансамблем. Декорации были прекрасны и свидетельствовали об особых... заботах устроителей. От души желаем, чтобы такие спектакли повторялись у нас чаще».

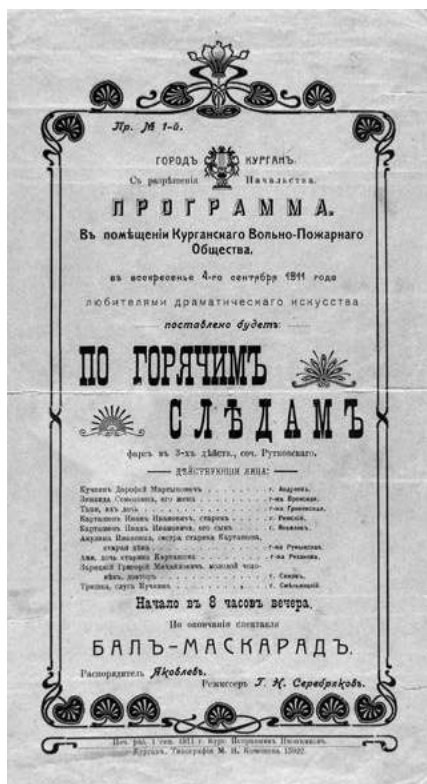
Постепенно сложился устойчивый коллектив, который назывался «Любители драматического искусства». Режиссерами были сами любители. Несколько спектаклей поставил Михаил Фомич Врачинский, железнодорожный фельдшер, уважаемый в городе не меньше иных врачей. В 1909 г. он режиссировал «Женитьбу» Гоголя, где сам играл роль экзекутора Яичницы. Репертуар этого общества был очень разнообразный. Кроме пьесы Гоголя, был поставлен «Медведь» Чехова, «Правда хорошо, а счастье лучше» Островского, «На дне» Горького и одновременно играли веселые комедии ныне забытых или совершенно неизвестных авторов: «Кто в лес, кто подрова», «Мачеха», «Безработные», «По горячим следам» и пр. На афишах обязательно указывалось, что спектакль

Михаил Фомич
Врачинский

идет с разрешения начальства, и нередко можно было прочесть: «Сбор поступает на усиление средств Союза служащих Городского общественного управления» или «Чистый сбор поступает в пользу Сибирских высших женских курсов в городе Томске». В 1914 году со спектаклей, которые шли в помещении Вольно-пожарного общества, 10% сбора отчислялось на оборудование санитарного поезда имени Российских вольно-пожарных обществ. С любительских спектаклей, шедших на других подмостках, иногда половина сбора поступала в пользу Красного креста или в пользу раненых и их семейств.

Кроме коллектива «Любителей драматического искусства», заметную роль в культурной жизни города играло Общество взаимопомощи

Программки любительскихъ спектаклей

приказчиков, при котором был организован хор под руководством Ю. Ю. Чижевского, оркестр мандолин под управлением члена Общества В. Толчинского и драматический кружок. Давались отдельные концерты этого хора. 17 февраля 1913 года в помещении Биржи состоялся концерт хора в пользу детей-подкидышей Николаевского детского убежища. Исполнялись народные песни — русские, малорусские и белорусские. Хор состоял из 55 мальчиков. Представления Общества приказчиков, как его коротко именовали, обычно состояли из двух отделений. В первом ставилась одноактная пьеса, во втором отделении пел хор и выступали музыканты. Проводились вечера, посвященные русским литераторам, наиболее удачным был вечер, посвященный памяти М. Ю. Лермонтова. Его пришлось провести дважды: в залах Первого Общественного собрания и Вольно-пожарного общества. Вечер состоял из трех отделений: в первом был небольшой доклад

УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ В КРАЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

о биографии поэта и характеристика его творчества, декламировались «На смерть поэта» и «Демон и Тамара»; во втором отделении доклад «Лермонтов и война». Артисты читали «Отчизну», «Валерик» и «Песню о купце Калашникове». Третье отделение полностью состояло из декламации стихов. Общество приказчиков имело только летнюю сцену в загородной роще, так что зимой они вынуждены были выступать в Дамском обществе, в здании Биржи, в Общественном собрании и на других площадках.

О вкусах публики можно судить по газетным рецензиям. Так, «Курганский вестник» 15 апреля 1914 года писал: «Устроенный обществом приказчиков 13 апреля в Дамском обществе спектакль прошел очень удачно — публики, главным образом торговых служащих, было очень много. Удачно была выбрана пьеса «Песнь горя». Бедная швея влюблена в видного чиновника-ловеласа, который вскоре ее бросает. Для швеи наступают тяжелые дни голода и унижений, она на краю самоубийства, но для спасения ребенка идет на содержание к купцу,

Капелла под управлением Василия Платоновича Орловского

Общественное собрание (бывший дом Розена). 1815 год

но унижений стерпеть не может и кончает самоубийством. Пьеса была разыграна дружно, любители очень удачно исполнили свои роли. Вечер прошел оживленно и непринужденно».

Кроме общества приказчиков, свои любительские труппы были у Союза сибирских маслодельных артелей и у железнодорожных служащих. Последние давали свои спектакли в здании технических классов у вокзала. Это были «Дорога в ад» Кадельбурга и «Герои синемотографа» Пальмского. Дамское общество устраивало детские спектакли, где исполнителями тоже были дети. На представление собиралось до пятисот человек, в маленьком зале детям не хватало мест, и они стояли вдоль стен и в проходах. Большим успехом в Кургане пользовалась местная капелла под управлением Василия Платоновича Орловского. Это был регент курганских церковных хоров, выходец из Херсона. Имел хороший бас, мог голосом с нескольких метров потушить горящую свечу. Василий Платонович родился в семье священника, с детства пел в церковном хоре и был отправлен церковной общиной на обучение музыке. В Кургане у него было несколько

хоров: из учеников уездного и приходских училищ, мужской хор и смешанный. Взрослые хоры часто выступали с концертами, некоторые хористы имели прекрасные голоса. Чтобы эти таланты не пропадали, в городе после 1910-го года было создано музыкально-драматическое общество. Это общество решило устроить вечер в память 100-летия Т. Г. Шевченко. 25 февраля 1914 года предполагалось прочесть доклад о Шевченко и устроить прения по докладу, но полицейскими властями вечер был ограничен только декламацией стихов, да хор исполнил несколько вокальных номеров со словами из произведений Шевченко. Видимо, власти вспомнили, как в 1910 году, буквально через неделю после смерти Л. Н. Толстого в городском театре была поставлена инсценировка романа «Анна Каренина». Перед поднятием занавеса одним из зрителей было предложено почтить память великого писателя вставанием, и переполненный зал поднялся как один человек.

Профессиональные театральные коллективы стали появляться в Кургане в середине XIX века. 1 февраля 1855 года приезжая труппа дала представление в пользу увечных и раненых. Сбор составил 30 рублей серебром. Когда приезжали гастролеры, провинциальные неизбалованные зрители принимали их с восторгом. Общество делилось на группы поклонников, каждая из которых старалась подбодрить своего любимца. Когда актеры устраивали бенефисы, поклонники по подписным листам собирали деньги на подарки. В июле 1895 года в бенефис актрисы Ланской шла комедия «Блуждающие огни», водевиль «Женщины-арестанты» и живая картина «Ангел-хранитель». Бенефициантке поднесли от публики букет цветов, перевязанный роскошной лентой, в центре которого была помещена сторублевая кредитка. Все гастроли заезжих трупп проходили только в летний период, потому что здание театра, стоящее в саду Общественного собрания, было легкое, неотапливаемое. В связи с выставкой, проходящей в 1895 году на территории сада Общественного собрания, помещение театра было использовано под экспозицию, а взамен на частные средства было возведено временное здание. На период выставки была приглашена труппа под управлением С. В. Северской. В репертуаре были комедии, водевили, драма: «Любовь и предрассудок», «Не узнавши броду, не суйся в воду», «Степной богатырь», «Наши обыватели в Москве на выставке», «Цепи», «Письма в лицах». В сентябре во временном театре уже гулял холодный ветер. Чтобы

иметь возможность приглашать театральные коллективы на зимний период, в 1914 г. сделали пристрой к зданию Общественного собрания и оборудовали сцену.

Общественное собрание, своеобразный клуб, возникло в Кургане в 1875 году. Первые два параграфа его Устава гласили, что цель собрания — доставить своим членам и их семьям возможность проводить свободное время «с удобством, приятностью и пользой». Для своих гостей Общественное собрание могло устраивать балы, маскарады, танцы, музыкальные и литературные вечера, театральные представления. Кроме того, для членов клуба выписывались газеты, журналы и другие периодические издания, приглашались специа-

Николай Андреевич
Гредескул

листы по разным наукам для чтения лекций. Особенно много читалось лекций по литературе. В октябре 1912 года был приглашен лектор В. А. Носсе, который прочел две лекции: «Брак, семья и школа» и «Тайны человеческой души в творчестве Ф. М. Достоевского». Публика была в восторге и потребовала от лектора вторичного приезда. В июле 1913 года он прочел уже три лекции: «Любовь в учении, произведениях и жизни Л. Н. Толстого», «Русская жизнь в произведениях А. П. Чехова» и «Прошлое, настоящее и будущее кооперативного движения». Иногда лекции были похожи на спектакли. Преподаватель Тюменского коммерче-

ского училища Н. Н. Шапошников провел в Общественном собрании три сценическо-литературных лекции. Особый успех выпал на тему «Шекспир и его произведение «Король Лир». Публики было 300 человек. Лектор интонациями своего голоса создавал полную иллюзию видимости живых людей на сцене, за что получил громкие восторженные аплодисменты.

Приезжал с лекцией бывший товарищ председателя I Государственной думы, профессор Харьковского университета Н. А. Гредескул. Он рассказывал о роли интеллигенции в общественной

жизни. Приглашали шлиссельбуржского узника Николая Александровича Морозова, который ездил по России с лекцией о ради и его применении в медицине и технике. Приезд не состоялся, Морозов слег с воспалением легких. Лекции чи-тались и в других залах. Курганский доктор А. С. Шапиро в Дамском попечительном обществе выступил с лекцией «Н. И. Пирогов». Чистый сбор был отправлен Пироговскому медицинскому дому при Пироговском обществе врачей в Москве.

Но все-таки основным развлечением был театр. В 1910 году на зимних гастролях в Кургане была труппа М. П. Павловской, артисты которой 21 февраля отслужили в Богородице-Рождественском соборе панихиду по Вере Федоровне Комиссаржевской, великой русской актрисе, умершей 10 февраля 1910 года от черной оспы в Ташкенте, во время гастрольной поездки. На панихиду были приглашены все, кому была дорога память об артистке. Репертуар труппы, как у всех гастролеров, был на любой вкус. Был у них оригинальный фарс, изображающий массу политических положений, вызывающий неудержимый смех. В Кургане он шел под названием «Курганская фурия», а в Челябинске — «Челябинская фурия» и т. д. Два предыдущих сезона в Кургане работала труппа Л. П. Свирского с репертуаром из произведений русских классиков и со всеми выдающимися новинками.

В 1912 году в Курган приехал знаменитый Мамонт Дальский с пьесой «Отец», которая прошла с огромным успехом при переполненном зале. Газета «Юг Тобола» писала: «Артисты дали образчик подлинного искусства. Игра Дальского — верх совершенства. Артист буквально приковывает к себе зрителя, настолько захватывает, что даже при паузах, длящихся иногда с минуту, в зале было слышно, как летает муха». Охотно посещали курганцы и оперные спектакли. Бывала

Мамонт Дальский
(Мамант Викторович Неелов)

ЗАЛЪ-ТЕАТРА КУРГАНСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО СОБРАНІЯ

== 23 И 25 МАРТА 1915 ГОДА ==

ДАННЫ ВУДУТЬ

ДВА СПЕКТАКЛЯ-КОНЦЕРТА

артиста Императорской Московскѣй и Петроградской оперы извѣстнаго баритона

ПОЛИКАРПА ДАВЫДОВИЧА ОРЛОВА

и оперной артистки драматическ. soprano **НОРВИНЪ-КОССАНОВСКОЙ**

при благосклонномъ участіи Е. Ф. ГАМПЛЬ

Поставлено будетъ въ гримъ и костюмахъ

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ 23 МАРТА

ВЪ СРЕДУ 25 МАРТА

Последняго акта оперы РУБИНШТЕЙНА

Последняго акта оперы у княгини Гуремы, дѣль оперы Чайковского

ДЕМОН

ДѢЛЪ НАРТИНА. В. Сива у мѣстоу. В. Сива въ роли Тараса въ мѣстоу. Деваль-В. Е. Орловъ. Аглицъ-С. Тарасъ-М. И. Король-Молодцова. Аглицъ 20 летъ.

ДИВЕРТИСМЕНТЬ

1) "Аль-Фонсе" Маркелъ "За смѣхъ на сценѣ" въ 1-мъ актѣ. Музыкальное постановленіе Ларинъ А. Е. Соловьевъ.

2) "Аль-Фонсе" Музыка Тараса Молодцова Н. Д. Орловъ.

3) "Аль-Фонсе" Музыка Давыдовъ-Орловъ въ 1-мъ актѣ постановленіе Ларинъ А. Е. Соловьевъ, музыка Тараса Молодцова Н. Д. Орловъ.

4) "Аль-Фонсе" Музыка Давыдовъ-Орловъ въ 1-мъ актѣ постановленіе Ларинъ А. Е. Соловьевъ.

5) "Аль-Фонсе" Музыка Давыдовъ-Орловъ въ 1-мъ актѣ постановленіе Ларинъ А. Е. Соловьевъ.

6) "Аль-Фонсе" Музыка Давыдовъ-Орловъ въ 1-мъ актѣ постановленіе Ларинъ А. Е. Соловьевъ.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ

Музыка П. И. Чайковскаго. Тараса-М. И. Король-Молодцова. Аглицъ 20 летъ. Въ постановкѣ

ДИВЕРТИСМЕНТЬ

1) "Аль-Фонсе" Музыка Давыдовъ-Орловъ въ 1-мъ актѣ постановленіе Ларинъ А. Е. Соловьевъ.

2) "Аль-Фонсе" Музыка Давыдовъ-Орловъ въ 1-мъ актѣ постановленіе Ларинъ А. Е. Соловьевъ.

3) "Аль-Фонсе" Музыка Давыдовъ-Орловъ въ 1-мъ актѣ постановленіе Ларинъ А. Е. Соловьевъ.

4) "Аль-Фонсе" Музыка Давыдовъ-Орловъ въ 1-мъ актѣ постановленіе Ларинъ А. Е. Соловьевъ.

5) "Аль-Фонсе" Музыка Давыдовъ-Орловъ въ 1-мъ актѣ постановленіе Ларинъ А. Е. Соловьевъ.

6) "Аль-Фонсе" Музыка Давыдовъ-Орловъ въ 1-мъ актѣ постановленіе Ларинъ А. Е. Соловьевъ.

АККОМПАНИРУЕТЪ Е. Ф. ГАМПЛЬ

НАЧАЛО СПЕКТАКЛЕЙ РОВНО ВЪ 8 1/2 Ч. ВЕЧЕРА

Цѣны мѣстамъ: отъ 3 р. 70 к. и до 75 к.

Билеты продаются въ Общественномъ Собраніи.

в Кургане передвижная опера, в составе которой был хор и двенадцать солистов, иногда для маленьких партий гастролеры привлекали певцов из хора В. П. Орловского. Особым успехом пользовалась труппа украинских артистов, которые показывали оперы, оперетты и водевили. В их репертуаре были «Наталка-полтавка» Лысенко, «Запорожец за Дунаем» Гулак-Артемовского, «Дай сердцу волю, заведет в неволю» Крашевницкого, «Ой, не ходи, Грицу, та на вечерницу» Старицкого и др. При переезде из Кургана в Челябинск труппа останавливалась в Щучье, где дала два спектакля.

Зал Общественного собрания в Кургане имел 190 мест. Поэтому гастролеры и курганские «Любители драматического искусства» часто выступали на сценической площадке Вольно-пожарного общества с залом на 220 мест. Зал Дамского попечительного о бедных общества вмещал 165 человек. Летний деревянный театр в саду Общественного собрания на 230 мест с весны до осени никогда не пустовал.

История Шадринского театра начиналась с любительских спектаклей в доме городничего Степового. Видимо, здесь же давали представления заезжие гастролеры. Настоящий же театр устроил на территории Иваново-Крестовской ярмарки популярный тогда на Урале Спиридон Гаврилович Бабаш-Королев. Около 1875 года он выстроил деревянное здание театра, и даже выпускались специальные афиши. Благодаря одной из них известно, что 29 ноября 1898 года шел спектакль «На Земской Ниве». Это уже было в Шадринске. У купеческой вдовы Ольги Алексеевны Ушаковой был большой сад, в котором стояло здание театра — вместительный одноэтажный каменный дом. В этом театре и ставил свои спектакли Бабаш-Королев, когда ярмарка не работала. В газете «Екатеринбургская неделя» была опубликована в 1882 году корреспонденция из Шадринска о любительских спектаклях,

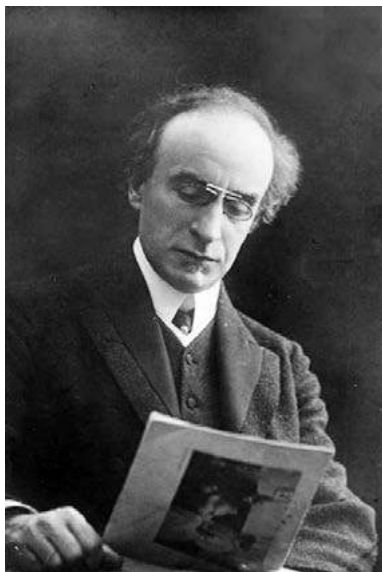
Александр Александрович
Ольхин

дававшихся в доме аптекаря Кондратия Шорнинга, в которых принимал участие сосланный в Шадринск за политические выступления петербургский адвокат, автор одного из революционных вариантов «Дубинушки» Александр Александрович Ольхин. По его совету дочь аптекаря Элеонора стала профессиональной актрисой. В любительских спектаклях участвовали учителя и другие представители местной интеллигенции. Шадринцы могли смотреть в постановке любительских и профессиональных трупп «Ревизора» Гоголя, «Пармскую обитель» Стендаля, «Светит, да не греет» Островского, «Бориса Годунова» Пушкина и множество всяких водевилей и фарсов.

В 1895 году Обществом попечительства о народной трезвости, возникшим в Шадринске согласно Уставу от 24 декабря 1894 года, был открыт постоянный театр. Это была труппа, где играли любители и профессионалы в течение всего сезона. По ходатайству Общественная городская дума в 1898 году уступила под театр заброшенное здание на берегу Исети, некогда принадлежавшее купцу Фетисову. К этому времени здание сильно обветшало, промерзло, зрители зимой сидели в пальто. Зал вмещал 400 человек. В партере стояли 25 крашенных скамеек, на галерке было 100 мест. Сцена была шесть метров в ширину и пять в глубину. Наибольший успех у публики имели постановки пьес А. Островского. В Шадринске был еще один зал, в котором время от времени проходили спектакли. Зал находился в здании земского управления, в 1887 году шадринской управой было принято решение «предоставить право отдачи зала... с определенным взносом за каждый вечер в пользу учеников земских школ или других благотворительных целей».

В 1905 году в Шадринске возникло Общество взаимопомощи приказчиков, при котором организовался драматический кружок с участием учителей и одного врача — Любимого. В 1909 году Общество стало строить собственное здание, которое служило бы клубом, имело бы библиотеку, большой зал для представлений, буфет и т. д. К 1913 году строительство было закончено. Год этот оказался урожайным на гастролеров. Наибольшее впечатление произвела труппа петербургских артистов во главе с Григорием Григорьевичем Ге, артистом и драматургом. Эта труппа гастролировала в феврале 1910 года в Кургане, имела успех и в 1913 году повторила свои гастроли. Из Кургана они переехали в Шадринск. Гвоздем репертуара была пьеса Г. Ге «Казнь».

М. В. Здобнов, выступавший как театральный критик под псевдонимом Коляко, так отзывался об этой труппе: «Это были настоящие артисты, каких Шадинску приходилось видеть чуть ли не впервые». В Кургане эта пьеса привлекла громадное количество публики. Зал Общественного собрания не мог вместить всех желающих, и многим пришлось стоять у дверей. Вероятно, подобный успех был и в Шадринске. Выделялся своей игрой Ге. Следующие гастролеры того же года — труппа Осипа Комиссаржевского. М. Здобнов выразил общее неудовольствие, написав в местной газете «Исеть»: «В этой труппе любовников играют какие-то бумажные подергунчики, героинь — семипудовые особы...». Из гастролеров можно вспомнить антрепренера П. П. Кручинина, который был в Шадринске в апреле 1911 года, когда театр еще ютился в наемном помещении. Его труппа показывала «Кин, или Гений и беспутство» А. Дюма. Зимой 1912 года руководители Общества приказчиков пригласили в город постоянную труппу с режиссером А. А. Светловым-Канунниковым. Его женой была Элеонора Кондратьевна Шорнинг, которая талантливо играла в постановках своего мужа. Репертуар составляли, в основном, пьесы Чехова, Толстого, Островского. Постепенно сложилась постоянная труппа шадринского театра. Режиссеры, они же актеры, старались придерживаться классического репертуара. На первых порах актеры плохо знали свою роль, делали отступления от авторского текста, импровизировали. Музыкальные спектакли сопровождалась игрой оркестра, который содержался на средства городского общества. Кроме того, в Кургане и Шадринске существовали духовые оркестры при Вольнопожарных обществах. Капельмейстеры получали 600 рублей в год, музыканты — 300 рублей. Духовые оркестры играли на танцевальных вечерах, которые часто устраивались после спектаклей, на балах, за особую плату оркестры играли на вечерах разных организаций

Григорий Григорьевич Ге

Духовой оркестр Вольно-пожарного общества

и частных лиц, на катках, в кинотеатрах, а также сопровождая до вокзала призванных на военную службу новобранцев. Особенно часто заказывало духовой оркестр Общество приказчиков, как в Кургане, так и в Шадринске. В 1914 году член шадринского Вольно-пожарного общества П. С. Емельянов пожертвовал своему оркестру флейту, трубу и кларнет. В Кургане и Шадринске гастролировали оперные певцы и музыканты-инструменталисты. В Шадринск приезжала известная на Урале оперная певица Д. В. Соболева и начинающий талантливый певец Б. Д. Хохлов, в 1914 году здесь выступала капелла В. Г. Завадского. В Кургане гастролировал слепой скрипач М. Г. Карасик, по одному концерту в Кургане и Шадринске в январе 1913 года дал очень известный в то время скрипач К. М. Думчев, в феврале того же года состоялся один концерт известного пианиста-композитора, ученика А. К. Глазунова, лауреата и свободного художника Санкт-Петербургской консерватории Я. П. Воынского, автора опер «Одуванчики» и «Зимние сны». Он же писал музыкальные иллюстрации к пьесам Г. Г. Ге. В Кургане, кроме своих пьес, он играл Баха, Шумана, Шопена, Листа, Чайковского.

Лето 1914 года было отмечено для Кургана приходом артистов Санкт-Петербургских театров: М. Г. Петровской (сопрано), Н. А. Жукова (бас) и Андрея Кежемского (тенор). Жуков и Петровская в 1912 году весь летний сезон с успехом выступали в Париже, в театре Сары Бернар.

Можно сказать, что театральная-концертная жизнь Кургана и Шадринска в начале XX века была довольно насыщенной и разнообразной. Стремление к театральным представлениям стало активно проявляться в начале XX века и на селе. Поскольку в деревнях не было просторных помещений, которые могли бы служить зрительным залом, стали использовать здания сельских Вольно-пожарных дружин. Но для этого надо было получить разрешение. Уездный исправник М. В. Иконников и страховой агент 3 участка Курганского округа А. И. Клюгер 4 мая 1911 года осматривали здание Макушинской Вольно-пожарной дружины, в котором местными любителями ставились спектакли и устраивались народные увеселения. В акте осмотра указали, что «здание деревянное, может вместить до 200 человек, считая партер и галерею. Здание для постановки спектаклей и прочих увеселений вполне приспособлено, нужно считать безопасным и в пожарном отношении...».

В начале XX века у театров Кургана и Шадринска появился конкурент. Это был цирк. В Кургане здание цирка было выстроено в 1907 году на углу Троицкой улицы и Думского переулка (ныне Куйбышева — Комсомольская). Цирк был круглый в плане, в зале было шесть рядов на 460 мест, поднимающихся амфитеатром. Между секторами рядов было четыре прохода, один из них артистический. В зале было два балкона: один для артистических уборных, на другом разместился обширный буфет. Возможно, цирк был выстроен как временное сооружение И. П. Сайковским, содержателем и директором цирковой труппы, которая гастролировала в Кургане в конце 1907 — начале 1908 годов. Цирк Сайковского имел обширную программу. Представление давали в трех отделениях с 15-минутными антрактами для посещения буфета. Номера были самые разнообразные: японская пирамида на стульях, полет через арену цирка под названием «Чертов мост», вольтижировка на неоседланной лошади, жонглирование. Был номер, который назывался «Морской спорт двух английских офицеров, исполняющих акробатические упражнения на палубе корабля» в исполнении братьев Амор. Половина

Курганский цирк (угол улиц Куйбышева и Комсомольская). 1907 год

труппы имела иностранные имена — Фреди, мадмуазель Антуанетта, мадмуазель Александри, Мардали, Васильямс. В труппе был кордебалет, который исполнял гардат, русские танцы «в роскошных боярских костюмах». Как обычно, гвоздем программы была французская и русско-швейцарская борьба. В программках цирка, которые раздавались зрителям, делалось несколько объявлений или предупреждения: дирекция просит почтеннейшую публику не занимать чужие места; курить в здании цирка кроме буфета воспрещается; в случае дерзкого обращения служащих цирка с публикой обращаться в администрацию цирка.

В Шадринске в 1908 году было выстроено временное дощатое здание цирка на Покровской площади (называлась так же Хлебной или Базарной). Здание взял в аренду известный шадринский торговец лесом Иван Сидорович Быков, который и приглашал на гастроли разные труппы. Первым приехал цирк А. Г. Коромыслова, в апреле перебравшийся в Тобольск и гастролитовавший там до начала 1909 года. В тот же год Коромыслов купил цирк в Кургане и работал

там целый год. Об этом коллективе газета писала: «Цирк Коромыслова стягивает большое количество зрителей. Виной этому относительно хороший состав цирка. Лучше всего поставлен отдел партерной гимнастики, турник и комический элемент. Необычайно легко и чисто работают братья Ластини, несколько тяжелее, но все же достаточно хорошо г. Зубрицкий, очень недурной комик в движениях г. Васфилов и в особенности хорошо г. Коромыслов. Последний в пантомиме уморил публику со смеху. Забавен дрессированный верблюд. Дрессированные верблюды большая редкость. Хорошо то, что отсутствуют ломающиеся и изгибающиеся дети и летающие под куполом дамы, что бьет по нервам...». Из этой рецензии видна вся программа цирка Коромыслова.

Как только сборы стали падать, цирк должен был переехать в другой город, но оставалось само здание цирка. А. Г. Коромыслов предложил городской Думе приобрести его, чтобы была возможность приглашать другие цирковые труппы. На двух февральских заседаниях 1910 года Дума постановила приобрести цирк за 1500 рублей. Директором цирка был назначен И. Г. Бондаренко. Он сделал упор на французскую борьбу, и самый вместительный зал города чаще всего был забит до отказа. Борцы скрывались под псевдонимами Черная Маска, Красная Маска, кто-то выступал под своим именем. Все они были курганцами, и лишь иногда приглашался борец, известный по всей России. Каждый год в Курганский цирк приезжала новая труппа гастролеров. Привозили самые разнообразные номера: балет, жонглирование, музыкальных эксцентриков, которые исполняли классические арии на самодельных инструментах, акробатов, детей-наездников. Владелец цирка Коромыслов сам выступал с каждой приезжей труппой в роли комика-сатирика на злобу дня. Кроме того, он занимался дрессировкой собак, которые проделывали забавные трюки, вызывающие хохот публики.

Часто в цирке шли спектакли. В 1910 году в Курган приезжал знаменитый актер П. П. Гайдебуров с труппой (художественно-передвижной театр) и ставил в Общественном собрании «Антигону» Софокла. На его спектакль пришло 30 человек. В тот же вечер в цирке давали пошленькую пьесу «Шантеклер», и вся курганская публика пришла ее смотреть. Сбор Гайдебурова составил 40 рублей, а в цирке — более 700 рублей. Поскольку в первый вечер

Иван Михайлович Заикин

на «Шантеклер» не могли попасть все желающие, то на завтра спектакль повторили и собрали еще 300 рублей. Через год в курганском цирке выступал известный дрессировщик Анатолий Дуров со своими питомцами. Рафаил Адельгейм, популярный артист, в 1911 году ставил в цирке «Разбойников» Шиллера. Но серьезные спектакли утомляли публику, и ее было так мало в огромном здании, что она была незаметна. Здесь давал концерт Кара Георгиевич со своей капеллой и имел успех.

Комитетом попечительства о народной трезвости 30 декабря 1913 года в цирке был устроен вечер трезвенников. Вход был бесплатный. Собралось до 850 человек, которые мужественно просидели до конца в неотопляемом помещении. Был прочитан доклад о вреде пьянства, самодеятельный артист Збруев прочитал «Богатыря» А. Толстого, хор Троицкой церкви под управлением В. Орловского исполнил «Буря мглою небо кроет», «Белеет парус одинокий», «Стрекоза и муравей». Выступление хора было гвоздем программы. Напоследок выступили цирковые артисты. Временное помещение цирка зимой промерзло, и в 1915 году начали устройство отопительной системы. В это время Бондаренко уступил место директора Доре Спампани,

которая быстро покинула город. Цирк в Кургане в 1917 году получил экзотическое имя — «Кадырга-Лам». Возможно, по сценическому псевдониму какого-нибудь циркового артиста, сделавшегося директором. В беспокойные революционные годы здесь проходили митинги, общественные собрания, потом шел вечер французской борьбы, ненадолго заезжала какая-нибудь труппа и опять митинги. В 1918 году публика рвалась в цирк посмотреть волжского богатыря Ивана Заикина. У него был рискованный номер: Заикин ложился на арену и его медленно переезжал автомобиль. Однажды артист был сильно помят этим автомобилем и несколько дней не выступал. Прощальный бенефис Ивана Заикина в Курганском цирке состоялся 20 декабря 1918 года (н. с. 2.01.1919).

Он исполнял игровой номер «Клич Стеньки Разина Поволжью» и дрался на ринге за премию в 500 рублей. В 1919 году здание цирка было реквизировано для размещения войсковых частей, в ноябре 1920 года здесь выступал Михаил Михайлович Калинин, председатель ВЦИК, прибывший на станцию Курган с агитационно-инструкторским поездом имени Октябрьской революции. В 1926 году здание цирка разобрали. Подобная судьба постигла и шадринский цирк.

В начале XX века жители Кургана и Шадринска познакомились с чудесным изобретением братьев Люмьер — синематографом. В начале 1909 года прусский подданный Георгий Федорович Швензов обратился к курганскому купцу Василию Ивановичу Окладовикову с просьбой сдать ему в аренду свой дом под устройство электро-синема-театра. Получив согласие хозяина, Швензов заказал проект переустройства здания под синематограф со зрительным залом на 150 мест курганскому архитектору Николаю Александровичу Юшкову. Строительное отделение Тобольского губернского управления проект не утвердило, и Швензов решил делать синематограф в доме аптекаря Каликста Сигизмундовича Земянского по Гостинодворскому переулку (ныне улица Пичугина). 2 июля 1909 года разрешение из Тобольска было получено, и 15 сентября 1909 года состоялось открытие кинематографа «Модерн». Весной 1910 года Швензов попытался перенести его на открытую сцену театрального помещения в саду Общественного собрания, но отказался от этой затеи в связи с отъездом.

К этому времени в Кургане уже существовал второй кинематограф, владельцем которого был Матвей Дмитриевич Селиванов, до этого

ЦИРКЪ И. П. БА

Городъ

пурганъ.

Съ разрѣшенія

Начальства.

Въ воскресенье 27 января 1908 года

— дано будетъ —

большое парадное представление.

Отдѣленіе I-е.

- 1) Японская пирамида на стульяхъ исп. Егоровъ.
- 2) Селезневъ исп. элѣфантъ м-ль Аллоисандра.
- 3) Полетъ чрезъ арену цирка подъ назван. чертовъ мостъ исп. неустр. король воздуха г. Фреди.
- 4) Жонглированіе разн. предметами исп. м-ль Антуанета.
- 5) Сцена Гусарь исп. г.г. Козловъ и Егоровъ.

АНТРАКТЪ 15 МИНУТЬ.

Отдѣленіе II-е.

- 1) Экскурсію по проволокъ исп. . . . М-ль Александри.
- 2) Гротескъ исп. г. Васильямсъ.
- 3) Національный русскій танецъ въ роскошныхъ боярскихъ костюмахъ исп. Кор-де-балетъ
- 4) Быстрый вольтижъ на неосѣд. лошади исп. Фреди.

— 5) Выходъ музыкальныхъ америк. эксцентриковъ г.г. Араби. —

АНТРАКТЪ 15 МИНУТЬ.

Отдѣленіе III-е.

- 1) Выходъ характерныхъ и національныхъ танцовщицъ, которые исп. танецъ Чарданъ М-ль Аделина и М-ль Люда.

проживавший в Бийске и Минусинске. В Кургане он арендовал дом купца Ивана Михеевича Малышева по Троицкому переулку (ныне ул. Ленина). Проект переустройства помещения под кинематограф также принадлежал Н. А. Юшкову. Проект был утвержден Строительным отделением 8 февраля 1910 года. Новый кинематограф, получившего название «Эхо», был готов к приему зрителей 15 июня 1910 года, имел зрительный зал на 250 мест, фойе на 75 человек. Какое-то время «Модерн» и «Эхо» существовали вместе и даже показывали одни и те же картины, например, «Похороны Толстого». В эти дни даже стояли очереди за билетами. Впечатление от просмотренного было настолько сильным, что на дальнейшую программу никто не оставался. Через 2 года Селиванов закрывает «Эхо». Домовладелец И. М. Малышев решает в уже приспособленном помещении открыть свой электротeatр. В Строительное отделение 7 декабря 1912 года уходит прошение следующего содержания: «Представляя при сем проект перестройки помещения, в коем находился в течение более двух лет электро-театр «Эхо», имею честь покорнейше просить... разрешить мне вновь действия электро-театра под другим названием — «Ли́ра», т. к. помещение в настоящее время особенно хорошо приспособлено. При этом считаю необходимым присовокупить, что электро-театр «Эхо» прекратил свои действия вследствие того, что владелец его Селиванов крайне небрежным и халатным отношением к делу совершенно уронил таковое так, что публика почти совсем перестала посещать «Эхо». Поэтому оставался единственный выход — закрыть театр, что Селиванов и сделал. Разрешение на открытие электротeatра «Ли́ра» желательно было бы получить, по возможности в непродолжительном времени». Получив разрешение, Малышев провел ремонт, и в Новый год дал первый сеанс. Проработав два года, кинематограф «Ли́ра» был закрыт для капитального ремонта, который длился несколько месяцев. После ремонта Малышев дал своему кинематографу новое имя — «Весь мир». Этот кинотеатр существовал еще какое-то время после Октябрьской революции. В июне 1918 года Малышев пожертвовал на нужды курганского добровольческого отряда 800 рублей, за что в 1919 году, с приходом красных, кинотеатр был конфискован. После ремонта в этом здании был открыт зимний театр под названием «Новый мир». В августе 1911 года в городскую думу обратился мещанин Михаил Александрович Головизнин за разрешением на установку

Переулок с кинематографом «Весь мир»

на своей усадьбе динамо-машины для кинематографа. В каменном флигеле он открывает кинематограф «Прогресс», который стал конкурентом «Эху», а потом «Лире». Малышев начал вести переговоры с местным фотографом Карташевым об открытии электрофотографии при кинематографе «Лира». Предполагалось установить аппарат для моментальных снимков, которые бы производились перед сеансами и во время антрактов. Но в дело вмешался Головизнин и предложил Карташеву более выгодные условия. В «Прогрессе» устраивались лекции, собрания, гастролы артистов.

«Курганский вестник» объявлял: «С 8 апреля 1914 года в кинематографе «Прогресс» гастролы Мэри Эрналдо, знаменитой трансформаторши. Выступление после каждого сеанса». Головизнин в 1917 году продал кинотеатр Давиду Израилевичу Гетлихерману.

Бурные события 1917—1919 годов не позволили Гетлихерману долго владеть «Прогрессом». Сначала здание реквизируют под солдатскую казарму, а 29 декабря 1918 года городская дума разрешила начальнику военно-авиационной школы занять «Прогресс» под классы мотористов, в 1919 году там разместили лазарет. Гетлихерман попытался кинотеатр продать, но не успел. С установлением советской

власти «Прогресс» был национализирован и передан политпросвету, который продолжал использовать его по назначению.

В Шадринске кинематограф был открыт в 1910 году Никифором Дмитриевичем Штипенко в бывших амбарах Анны Дмитриевны Виноградовой. Скоро это здание было передано в аренду шадринскому Вольно-пожарному обществу. Поскольку здание имело печное отопление, то сеансы в нем продолжались зимой и летом. В ноябре 1910 года в Шадринске был открыт второй кинематограф по инициативе Общества взаимопомощи приказчиков в его собственном здании, где давались и театральные постановки. В полуподвальном этаже здания размещался локомотив, вырабатывающий электричество, буфет, кухня, раздевалка, бильярд и подсобные помещения. На первом этаже — фойе, зрительный зал на 700 мест, артистические уборные и чайная. На втором этаже были устроены балкон, галерея для гулянья и раздевалка для благородной публики. Репертуар курганских и шадринских кинотеатров состоял из русских и заграничных мелодрам, о содержании которых можно было судить по их названию: «Ужас задуманного», «Смятая роза», «Любовь и корона», «Дуэль соперниц», «Яд проклятия», «Алая и Белая роза», «Зарево мести», «В крови горит огонь желанья», «Величие души», «Кровавые замыслы», «Человек-зверь», «Где женщины, там обман».

5 января 1914 года курганский кинематограф «Лира» праздновал годовщину открытия. Показ фильмов начался в два часа дня, и через каждые два часа — новый сеанс. Дамам бесплатно дарили цветы. Специально были заказаны картины «Роман русской балерины» и «Ночь соломенного вдовца» с участием знаменитого петербургского актера К.А. Варламова. Газета писала: «Появление на экране наших знаменитых артистов следует приветствовать, так как с ними знакомится широкая публика, знавшая их только по газетам и журналам». Шли картины познавательные («От Гельсингфорса до мыса Кулен»), исторические («Петр Великий», «Сим победиши» — драма из жизни Константина Великого). В январе 1914 года в Кургане и Шадринске шла картина фирмы Ханжонкова «Воцарение Дома Романовых». По заказу Министерства внутренних дел и с согласия Св. Синода режиссером А. А. Дворецким при участии докторов Канеля, Коровина, Вяземского и других была снята картина «Пьянство и его последствия», «в захватывающе интересной форме показывающая весь

№	Электра-театръ МОДЕРНЪ.	1
открытки выдаются	Воскресенье 29 Апрелья 1912 г.	по праздникамъ.
	Японскій разбойникъ	
	Драма.	
	Трунышкитъ	
	Комическая	
	Торхый вѣжъ Лиркей	
	ПРО	
Видовыя	Соле, н	Серія первая.
	Драма.	
	ЖРИ-ЖРИ	
	Комическая.	
	Акваріумъ	
	Нлучная.	
№	3 мая театр „МОДЕРНЪ“ будетъ открытъ.	1

Афиша кинематографа «Модерн»

ужас, до которого доводит пьянство». Этот фильм прошел в Кургане и Шадринске в марте 1914 года.

О курганских кинотеатрах писал некто, скрывающийся под псевдонимом Невидимка: «На весь город есть у нас два учреждения, в которых еще можно убить время — это кинематографы, или по-кургански — «моргалки»... Зайдешь в эту самую «моргалку» — тут тебе и «нате — журнал» расскажет, где что делается на свете, и над драмой поплачешь, и над Прэнсом и Максом Линдером вдоволь посмеешься...»

Осенью 1913 года в селе Мокроусово в помещении Вольно-пожарного общества начата демонстрация картин. Инициатором было само Вольно-пожарное общество, приобретшее аппарат «Кок» с целью пополнения своих доходов. Сеансы давались довольно редко, что было связано с доставкой картин, но желающих их посмотреть было много. Еще раньше, в 1912 году, был устроен кинематограф в школе монтеров Переселенческого управления, находящийся при станции Петухово. В пояснительной записке от 28 мая 1912 года говорилось: «Применение кинематографа в стенах школы предполагается периодическое, без преследования коммерческих целей, а лишь исключительно для просветительских целей, как учебное пособие, позволяющее с достаточной полнотой и ясностью иллюстрировать курсы предметов, проходимых в школе, и вместе с тем дающие возможность ученикам получать разумное развлечение, столь необходимое в закрытом заведении, как названная школа монтеров». Сеансы устраивались 2–3 раза в месяц в ученической столовой, где занавешивали окна и устанавливали аппарат. Этот «зрительный зал» вмещал 80 человек. Так, шаг за шагом, кинематограф покорила всю Сибирь.

В конце XIX века в Кургане начинают проводить выставки. На весь Урал и Западную Сибирь прогремела сельскохозяйственная и кустарная выставка 1895 года. Она не только продемонстрировала экономические достижения Тобольской губернии и прилегающих регионов, но дала возможность продемонстрировать декоративно-прикладное творчество населения, экспонируя ковры, самотканые скатерти, вышитые картины, громадный интерес привлекла серия фотографий Алексея Ивановича Кочешева, запечатлевшая сельскую жизнь округа. На выставке работал театр со специально приглашенной труппой. Во время выставки выходила специальная газета «Справочный листок Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки 1895 г.»

Открытие первой сельскохозяйственной и кустарной выставки в Кургане. 1895 год

Итогом выставки стало создание в 1897 году Курганского отделения Московского общества сельского хозяйства, основной целью которого было распространение новых технологий обработки земли, новых сортов злаков и огородных культур, новых пород животных и птиц. КО МОСХ стал инициатором создания собственного музея, в котором проводил выставки птиц, создал в 1911 году в нем отдел по пчеловодству, который к концу 1911 года насчитывал 51 экспонат. КО МОСХ выстроил собственное помещение, получившее название «Саманный дом», который стал одним из культурных центров Кургана. Здесь собиралась как городская интеллигенция, так и крестьяне окружающих сел, ищущие новизны. Здесь читались лекции по разным вопросам, не только сельскохозяйственной тематики. Собрание 10 ноября 1911 года было посвящено чествованию памяти Л. Н. Толстого. От имени собрания вдове Софье Андреевне была послана следующая телеграмма: «Курганский отдел МОСХ, оплакивая кончину гениальнейшего писателя и мыслителя Л. Н. Толстого, просит Вас принять выражение искреннего соболезнования по поводу жестокого горя, постигшего Вас». Одно из заседаний членов Общества было

УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ В КРАЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

посвящено собственному музею. Было отмечено, что существование музея должно лежать в основе деятельности Общества для изучения края во всех проявлениях его хозяйственной жизни. Председатель правления КО МОСХ обратился ко всем лицам, заинтересованным в работе отдела с просьбой способствовать пополнению музея экспонатами. В 1911 году состоялась Западно-Сибирская выставка в Омске, в которой КО МОСХ тоже принимал участие. Благодаря этой выставке музей КО МОСХа пополнился экспонатами, подготовленными самим отделом и пожертвованными ему после выставки курганским городским самоуправлением. В марте 1914 года общее собрание постановило организовать при музее комиссию по изучению родного края, состоящую из сельскохозяйственной, зоологической, ботанической, культурно-исторической, торгово-промышленной и библиотечной секции. В эти секции записались 142 человека. Многие горожане пользовались библиотекой КО МОСХа. Отдел был ликвидирован в 1920 году.

Почти одновременно с музеем КО МОСХа 22 июля 1895 года при Мокроусовском сельском училище был открыт один из первых школьных музеев. Это была инициатива волостного писаря Первухина.

Первая художественно-археологическая выставка в Кургане. 1914 год

Здание 5-го мужского училища

Горячее участие в создании музея принимали приходской священник и некоторые крестьяне. При собирании экспонатов музей руководствовался специальной программой, составленной известными педагогами. В Кургане и Шадринске тоже были школьные музеи, которые помещались в каком-нибудь одном училище, а экспонаты выдавались на временное пользование. Курганский музей городских приходских училищ имел в 1913 году 404 названия предметов, и на временное пользование его брали 12 учебных заведений. В это же время передвижной музей сельских училищ имел 391 название предметов, выдавался в 37 учебных заведений. В 1919 году реквизировались школьные здания под размещение воинских частей. Курганская школьная комиссия настояла, чтобы здание 5-го мужского училища, где размещался музей, было оставлено в распоряжение города, тем самым сохранив довольно обширный и весьма ценный городской школьный музей и передвижной музей земских школ.

В здании 5-го мужского училища в 1914 году проходила первая художественная выставка в Кургане. Поскольку здание достраивали уже в конце учебного года, перемещать в него училище пока не стали, а городские власти решили устроить там на Пасху художественно-археологическую выставку. Выставка имела большой успех. За первые четыре дня ее посетили более 800 человек. Художественный отдел был представлен гобеленом работы крепостных мастеров, принадлежавшим местному купцу Петру Ивановичу Меньшикову, картинами, шитыми гарусом, из коллекции Алексея Ивановича Кочешева. Жена агронома Николая Лукича Скалозубова, Ариадна Васильевна, была дочерью художника-передвижника Василия Максимова и представила на выставку несколько этюдов отца. Были живописные работы академика Комагорова и местных художников-самоучек, в том числе курганского поэта Кондратия Худякова и учителя графических искусств Василия Гнедаша. В отделе нумизматики экспонировались не только разные русские монеты, но и старинные римские, византийские, китайские, сибирские. Был отдел детского рисунка. Каждый день на выставку приходили около 200 человек, из них очень много учащихся. Вход на выставку был платный, чтобы оправдать понесенные расходы. Выручка составила 288 руб. 47 коп., а расходы 235 руб. 54 коп. Осталось от выставки 52 руб. 93 коп., из которых организаторами выставки было решено 15 руб. пожертвовать в пользу Курганского общества попечения об учащихся и 27 руб. 95 коп. — КО МОСХу на дело изучения родного края в художественно-историко-археологическом отношении.

Обогащаясь духовно, наши жители постепенно пришли к мысли о физическом развитии, о физической культуре. Кулачные бои, катание с горок, подвижные игры были известны издавна. Систематические занятия спортом в Кургане начались в 1913 году, когда было создано гимнастическо-спортивное общество, которое часто именовали просто гимнастическим. Это общество взяло в свои руки даже катание с горок и устройство катков. Раньше катки устраивали только пожарные части — либо возле Дамского попечительного общества, рядом с городской каланчой, либо на Александровской площади, вблизи Александровской церкви. Гимнастическое общество стало устраивать платные катки на Тоболе и на Битевке, а чтобы привлечь публику, устраивали на катке карнавал-маскарады у наряженной

Гимнастическо-спортивное общество. 1913 год

елки и за оригинальные костюмы выдавали призы. Для развития зимних видов спорта Гимнастическое общество приобрело коньки и лыжи, которые выдавались желающим покататься за определенную плату. Практиковались коллективные лыжные походы до ближайших деревень при условии, что температура будет не ниже 12 градусов. Гимнастическое общество выписывало журнал «К спорту», в котором описывались различные виды спорта, методика занятий, и в Кургане решено было открыть секции пластической гимнастики, борьбы, фехтования. Обратились в дирекцию городского училища с просьбой представить на воскресные дни 1-2 класса для работы секций. Для занятий на открытом воздухе выписали инвентарь для крокета и футбола.

17 июня 1914 года городская дума рассматривала вопрос об уступке Гимнастическому обществу участка земли за Тоболом, около городского моста, размером в 2 десятины, сроком на 5 лет для устройства футбольного поля. Дума уступила просимое место с условием, что участок будет огорожен, и туда бесплатно будут допускаться дети для подвижных игр. С этого года футбол стал популярным видом спорта в Кургане.

Летом Гимнастическое общество арендовало купальни частных владельцев, а также устраивало прогулки на лодках по Тоболу. В июле 1915 г. директор мужской гимназии Леонид Дирдовский обратился в городское самоуправление с просьбой предоставить в распоряжение гимназии остров, окруженный Битевкой, для устройства там гимнастической и спортивной площадки для учащихся. Предполагалось место это сравнять, засадить деревьями, приспособить Битевку для гребного спорта, вблизи, на Тоболе, поставить купальню. Дума дала разрешение при условии, что руками гимназистов будет посажен сад, который лет через 10 будет местом для отдыха и развлечений горожан.

В Шадринске в 1912 году Галюков и Е. В. Носов, придя с военной службы, организовали из молодых ребят группу физкультурников. В основном занимались силовыми видами спорта — борьбой и тяжелой атлетикой. Они выступали в городском саду, в клубе ремесленников.

Шадринский мещанин Николай Степанович Куликов в 1908 году вознамерился устроить велодром длиной 150 сажен и шириной 80 сажен для любителей велосипедной и верховой езды. Даже было получено разрешение управы с уплатой в доход города 25 руб. в год. Претворить идею в жизнь Куликову все-таки не удалось. Так же, как и в Кургане, в Шадринске устраивались гонки на коньках с призами, лыжные вылазки, развивались летние виды спорта.

На фоне западно-сибирских окружных и уездных городов Курган и Шадринск имели достаточно насыщенную духовную и спортивную жизнь.

КУРГАН. ГОД 1917-Й

1917-й год — переломный год в истории государства Российского. Уже несколько лет в стране чувствовалась тревога перед грядущим, с началом войны в 1914 г. усилились противоправительственные настроения, в губерниях начались экономические кризисы. С началом войны в Кургане удвоилось население. Количество войск и военнопленных колебалось в пределах 9000 человек. Вызывало недовольство расквартирование в городе большого количества военнопленных, которые прибывали в грязной одежде, без запаса белья, много больных малярией, рожей, тифом. Кроме того, скученность военнопленных в тесных помещениях представляла опасность распространения инфекционных заболеваний среди местного населения. В 1915 г. стали

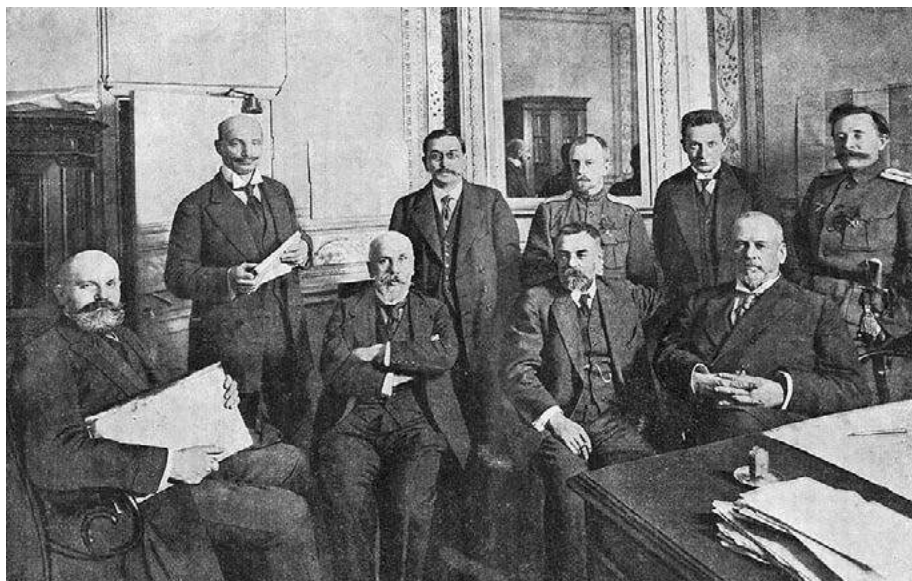

В доме нотариуса Попова Я. К. размещался штаб 34 запасного полка

срочно строить бараки для военнопленных, которые все прибывали и прибывали. Зимой 1915–1916 гг. их в Кургане насчитывалось 5000 человек. В 1915 г. в Курган прибывает 34-й Сибирский стрелковый запасный батальон из Омска, где было сформировано 8 запасных батальонов, №№ 32–39. Существует открытка, отправленная из Кургана, со штемпелем: «34-й стрелковый запасный батальон, 8-я рота» и с указанием числа — 27 июня 1915 г. 8-я рота располагалась в здании клуба Вольно-пожарного общества. Через год, в мае-июне 1916 г. запасные батальоны №№ 32–39 были развернуты в полки. Штаб Курганского полка разместился в доме нотариуса Якова Константиновича Попова, на углу Думского переуллка и Центральной улицы (Горького-Комсомольская).

5 июня 1916 г. командиром 34-го полка был назначен полковник Витольд Викторович Ляссотович, 1862 года рождения, католик, профессиональный военный, выпускник Московского юнкерского училища, участник 1-й мировой войны, кавалер орденов Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 2 ст., Св. Владимира 4 ст. Театр военных действий покинул по контузии. Кроме 34-го запасного полка в Кургане в 1916 г. находилось армейское отделение конского запаса, и формировалась дружина ополчения № 704. Солдаты были на казарменном положении, офицеры жили на частных квартирах, у многих были семьи. Например, будущий активный деятель курганских событий 1917–18 гг. Михаил Николаевич Петров жил в Думском переулке, в доме Зайцева, с женой Антониной Михайловной. 12 февраля 1917 г. у них родилась дочь.

Курганскими гражданскими властями делались усилия не допустить экономического упадка. В 1915 г. создается Военно-промышленный комитет, в задачи которого входило выяснение возможностей работы промышленных предприятий города и округа на нужды обороны, посредничество в получении военных поставок для армии. Союз сибирских маслодельных артелей поставлял фронту масло, мясо, яйца; турбиностроительный завод инженера С. А. Балакшина перешел на выпуск мин и гранат. В 1915 г. в Кургане вступил в строй мясоконсервный завод с производством 75–80 тыс. банок в день, в мае 1916 г. открыта еще одна скотобойня, мельницы поставляли армии муку. Несмотря на усилия Военно-промышленного комитета сохранить рабочие места, экономический кризис нарастал, обостряя ситуацию. Курганский исправник Михаил Васильевич Иконников в 1916 г.

Временное революционное правительство России. Председатель правительства Александр Федорович Керенский. 2 марта 1917 года

доносил в Тобольск: «Опереться местной власти в городе не на кого, а рабочие очень опасный элемент, вполне положиться за спокойствие при настоящей нервозности населения нельзя, зависит все от момента, поэтому и приходится быть все время на страже».

В ноябре того же года кто-то приколол к дверям учебной команды 34-го полка записку с воззванием к нижним чинам: «Господа учебная команда и господа студенты! До каких пор нас будут мучить? И так пропали наши братья, и мы пропадем, и семейство наше, а пользы нам не будет никакой. Долой войну, долой немецкое начальство и не мучьте нас, и так наши лета прошли» (ГАРФ, ф.102, оп. 246, д. 291, л.1). Прапорщик Иван Кириллович Сидоренко, который руководил учебной командой, доложил о записке командиру полка Ляссотовичу. Полковник доложил о ней по инстанциям, провел расследование, но анонимный автор не был обнаружен.

Внешне жизнь в Кургане протекала как обычно. В гимназиях и училищах в декабре 1916 г. прошли рождественские елки, дети получили подарки. В Народном доме — спектакли, балы, маскарады. Народный дом пришел на смену Общественному собранию, которое изжило

себя. Уже в 1914 г. газета писала: «Все культурно-просветительские начинания Общественного собрания свелись на нет. Их вытеснили карточные игры, лото и вечера с «возлияниями»... В настоящее время Общественное собрание обслуживает интересы только небольшой кучки местного бомонда... При такой постановке дела Общественное собрание является гнилой организацией, которая тлетворно действует на все окружающее ее, тормозя развитие культурно-просветительской жизни города... Скоро кончается срок аренды помещения Общественного собрания, и город должен взять в свои руки эксплуатацию этого здания» (Курганский вестник, № 44. 23.04.1914).

В декабре 1915 г. городская Дума поставила вопрос об учреждении в Кургане общества «Народный дом» на смену Общественному собранию. Цель нового общества была такой же, как первоначально у Общественного собрания: дать населению возможность проводить свободное время в разумных развлечениях, способствовать подъему культурного и нравственного уровня горожан, устройство

Солдаты 34-го Курганского стрелкового запасного полка. 1917 год

школ и курсов для взрослых, лекции, беседы, различные кружки и т. д. Своего рода — общедоступный клуб. Были избраны пять учредителей — Михаил Фомич Врачинский, Федор Алексеевич Гвоздев, Антон Тимофеевич Первухин, Карп Александрович Петунин, Георгий Петрович Шубский. 3 августа 1916 г. курганское общество «Народный дом» было внесено Тобольским губернским присутствием по делам об Обществах в реестр обществ и союзов. Согласно Уставу, «Народный дом» обслуживал все политические, просветительские, профессиональные, благотворительные организации Кургана и играл роль объединяющего фактора. Располагался он на Дворянской улице, в здании Общественного собрания (быв. дом Розена). Вот тут горожане и веселились, встречая Новый 1917-й год. Председателем Народного дома был выбран доктор Абрам Самуилович Шапиро, который 15 февраля 1917 г. выступил перед собранием уполномоченных маслодельных артелей Курганского округа с просьбой оказать материальную помощь новой организации. Собрание постановило ассигновать Народному дому в безвозвратное пособие три тысячи рублей и выразило желание, чтобы он отвечал на духовные запросы крестьянства (Народная газета. №8. 6.03.1917). Тем временем, Первое Общественное собрание продолжало существовать. Оставшись без постоянного помещения, старшины Собрания пытались арендовать какие-то дома для своих собраний, но это удавалось с трудом, и тогда было решено купить свое здание. 11 марта 1917 г. казначей Собрания Николай Ионович Розанов приобрел двухэтажный каменный особняк мещан Васильевых по улице Дворянской, 111.

Пока в Кургане было все относительно спокойно.

В стране 1917-й год начался с забастовок, политических митингов и демонстраций в годовщину 9 января. Четыреста стачек и почти 300 000 участников в январе! В феврале накалилась обстановка в Петрограде: 22 февраля закрыли Путиловский завод, 23-го — стачка текстильщиц на Выборгской стороне, собрания рабочих на всех предприятиях, 24-го — на улицах многочисленные демонстрации, 25-го — рабочие Обуховского завода вышли с красными флагами и пением революционных песен. 25 февраля было воскресенье, на Невском собралась демонстрация, которая была расстреляна. В полках началось возмущение, солдаты не хотели участвовать в разгоне демонстрантов, тем более в расстрелах. Утром 27 февраля восстала учебная команда

Волынского полка. Был убит командир команды, восставшие подняли весь полк, который двинулся к Литовскому и Преображенскому полкам и увлек их за собой. Началось массовое вооружение рабочих. Хотя факторы, подготовившие революционный взрыв, складывались уже давно, февральские события не были ни организованы, ни подготовлены, разразились стихийно и внезапно для всех партий и самого правительства. Ни одна политическая партия не проявила себя организатором и руководителем революции, которая застала их врасплох. События развивались стремительно. В тот же день, 27 февраля, был создан Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, а на следующий день уже вышел первый номер газеты «Известия Совета рабочих депутатов». Одновременно был сформирован Временный Комитет государственной Думы, из которого 2 марта образовалось Временное революционное правительство, в которое вошли 12 человек.

В Кургане о петроградских событиях узнали уже 28 февраля из телеграмм, полученных по железнодорожному телеграфу. Биржевой Комитет уже 28 февраля потребовал у местных властей немедленного опубликования задержанных телеграмм. Широкое население еще оставалось в неведении. Члены курганской Думы, полиция, жандармерия не могли определиться в своих действиях. 2 марта были получены телеграммы Российского телеграфного агентства, и ночью состоялось совещание чинов военного и гражданского ведомства во главе с земским исправником Михаилом Васильевичем Иконниковым. Было принято решение опубликовать телеграммы немедленно. В ночь со 2 на 3 марта правительственные телеграммы были напечатаны в типографии А.И. Кочешева. Заволновался 34-й запасный полк, в ротках и учебной команде шли бурные обсуждения событий.

Здание Курганской почты

Курганский телеграф

Стало известно, что 1 марта Петроградский комитет издал знаменитый «Приказ № 1», который предусматривал создание в воинских частях выборных солдатских комитетов, отменял титулование офицеров и отдавание чести вне службы, подчинял командиров частей солдатским комитетам, тем самым нарушая необходимый для каждой армии принцип единоначалия, что сразу повлекло падение воинской дисциплины. Третьего марта этот приказ уже знали в Кургане, и в ночь с 4 на 5 марта собрались представители от нескольких рот и учебной команды для избрания Временного исполнительного военного комитета, согласно петроградского «Приказа № 1». В комитет вошли пять прапорщиков: Михаил Николаевич Петров, Константин Матвеевич Петров, Глеб Сергеевич Гребенников, Иван Кириллович Сидоренко и Мирзоев.

Этот комитет должен был совершить переворот в Кургане и объявить о своей поддержке нового правительства. 5 марта революционная часть полка вышла на улицы. Жители Кургана с интересом наблюдали, как солдаты подошли к полицейскому участку, обезоружили и арестовали полицейских, которые и не сопротивлялись. Потом арестовали

жандармов, но тут же выпустили тех и других с наказом работать под контролем комитета. Не то, чтобы захватили городскую и железнодорожную почтово-телеграфные конторы и телефонную станцию, но приставили к специалистам своих людей. Командир полка Витольд Викторович Ляссотович, исправник Михаил Васильевич Иконников, начальник гарнизона Игнатий Венедиктович Галицкий арестованы не были. Городской Думе был предъявлен ультиматум, чтобы через два дня был организован Комитет общественной безопасности.

5 и 7 марта шла организация этого комитета и определение его деятельности. Известно, что первое заседание Комитета состоялось 7 марта, на котором был избран председатель Комитета и Бюро, как исполнительный орган, в который вошли 9 человек, в том числе К.М. Сажин, И.И. Грязнов, К.А. Петунин, М. Н. Князев, П. П. Успенский. Председателем был избран 51-летний Иосиф Антониевич Михайлов, уроженец Курской губернии, из дворян, за плечами ссылка в Енисейскую губернию, после которой в 1913 г. поселен

Музыкантская команда 34-го запасного полка

Здание Курганской тюрьмы и ее сидельцы

в Тобольской губернии. Когда оказался в Кургане, не установлено, но в 1915 г. уже служил в Союзе сибирских маслодельных артелей и был уполномоченным Курганского отделения Московского Общества сельского хозяйства по приему и распределению между хозяевами военнопленных. Товарищами (заместителями) председателя избраны Константин Михайлович Сажин и Константин Матвеевич Петров, казначеем — Гавриил Всеволодович Татаринов. На заседании 8 марта был поставлен вопрос о личной безопасности граждан и безопасности всей жизни города, для чего немедленно требовалось организовать милицию, а для продовольственной безопасности города и уезда — организовать Продовольственный Комитет. Стоял вопрос о наименовании Комитета. Было два варианта — Комитет общественной безопасности (КОБ) или Исполнительный комитет. Проголосовали за Исполнительный комитет.

Состав Исполкома расширялся с каждым днем. 8 марта в Исполком вошли от Военного комитета три прапорщика — М.А. Косов, Ф.И. Климайтис, Д.М. Кучинский. Те люди, которые в первые дни вошли в состав Исполкома, будут играть большую роль в жизни

Кургана, возглавляя различные структуры. Выборы представителей от городских предприятий и общественных организаций шли еще несколько дней, потом влились по два человека от волостных Комитетов безопасности, но в полном составе Исполком собирался редко. На заседании Исполкома 9 марта были избраны 5 человек для вхождения в городскую Думу и один — в Управу. 11 марта на своем заседании гласные Думы приветствовали новых членов, введенных от Исполкома с правом решающего голоса — Косова, Фефелова, Бронтмана, Павлова, Князева и нового члена Управы, председателя Исполкома И. Михайлова. Дума и Управа прежнего созыва работали до июля месяца, пока вновь избранная Дума не вступила в свои права. Дума собиралась один раз в две недели, Управа работала каждый день.

Одновременно с организацией Исполкома (Комитета общественной безопасности) шло формирование Советов. 5 февраля 34-й полк вышел на улицы с оркестром, чтобы продемонстрировать свободу собраний и неприкосновенность личности. В этот же день был избран Совет солдатских депутатов и председатель Совета — солдат из команды военных писарей Илларион Алексеевич Стрекалов. Под руководством Совета на следующий день состоялось общее собрание полка. Обсуждался вопрос о положении Ляссотовича, Галицкого и командира конского запаса поручика Лебедева. Постановили просить командующего войсками Омского военного округа перевести первых двух в другие части, а поручика Лебедева вообще удалить со службы. Ляссотович передал командование полком капитану Наумову, которого позже сменил капитан Иванов, и вскоре отбыл из Кургана.

С личным докладом командующему округом о действиях полка отправился К.М. Петров. Сорокалетний прапорщик, теперь уже член Исполкома, пользовался в полку большим уважением. Он был уроженцем Шадринска, являлся депутатом Государственной Думы 3-го созыва, где входил в Трудовую группу, участвовал в событиях 1905-1907 гг., по убеждениям — эсер. 8 марта Петров сел в поезд и 9-го утром прибыл в Омск. Он явился с докладом к командующему, который сам был назначен на эту должность только 5 марта и пробыл на этом посту до 7 июля 1917 г. Это был генерал-майор В. Г. Григорьев, в котором Петров узнал своего воспитателя по школе прапорщиков. Генерал одобрил все действия Курганского Совета солдатских депутатов.

В Общественном собрании Совдеп размещался с марта по ноябрь 1917 г.

Тем временем в Кургане 8 марта был образован Совет рабочих депутатов. Председателем Совета выбрали Белоногова Тимофея Павловича, бывшего учителя. В городе начались митинги на заводах, всевозможные собрания. Была атмосфера всеобщей эйфории.

Например, еврейская община на своем собрании 8 марта составила и послала телеграмму М. В. Родзянко: «Еврейская община города Кургана, узнав благою весть о раскрепощении русского народа, когда стало возможным освобождение русского еврея, излюбленной жертвы темной реакции, и приобщения его к свободе и равенству, молит Всевышнего о наступлении светлого будущего для великой своей родины — России и всех ее сынов» (Народная газет. №13. 10.03.1917).

Заключенные Курганской тюрьмы послали телеграмму министру юстиции: «В тот великий момент, когда все ныне свободные граждане России ликуют по поводу низвержения старого деспотического строя, много веков державшего в тисках все гражданские свободы, позвольте, господин министр, и нам, томящимся в заключении в Курганской тюрьме, из-за каменных стен и железных решеток выразить Вам свою великую радость за освобожденную Родину... и передать Родзянко наши чувства безграничного восторга и глубокой благодарности, принося искреннее раскаяние в своих прегрешениях перед обществом — просим предать все содеянное нами забвению и даем клятвенное обещание впредь быть достойными гражданами Отечества» (Народная газета. №13. 10.03.1917).

Не осталось в стороне и магометанское общество, которое тоже послало телеграмму Родзянко: «Все магометанское население г. Кургана во главе с муллой, с восторгом выслушав известие о переходе власти в руки представителей народа, выражает самую горячую преданность и готовность всемерно содействовать новому правительству. Верим в грядущее благоденствие всего народа, нового правительства, при новом строе в скорую победу над врагом, и свидетельствуем Вам и представителям народа свою глубокую благодарность и готовность положить все свои силы на благо нового правительства» (Народная газета. №15. 12.03.1917 г.).

9 марта общее собрание Совета солдатских депутатов установило, по примеру петроградского «Приказа № 1», общие правила для солдат, по которым каждый солдат мог быть членом любой организации, свободно высказывать свои взгляды, отлучаясь не по службе, мог носить штатское платье и не отдавать офицерам честь, отменялись всякая цензура, телесные наказания, общая молитва и т. д. Но офицеры понимали, что в такой ситуации нужны конкретные люди, которые бы отвечали за порядок в городе.

11 марта они предложили Совету солдатских депутатов кандидатуру на пост коменданта города — прапорщика И.К. Сидоренко, как лица пользующегося доверием гарнизона. Иван Кириллович был командиром учебной команды 34-го Сибирского стрелкового запасного полка. Кандидатура его была утверждена единогласно.

12 марта Советы объединились в Совет рабочих и солдатских депутатов и на общем заседании решили издавать свой печатный орган — газету «Известия Курганского Совета рабочих и солдатских депутатов», опять же по аналогии с петроградскими «Известиями...» Курганское мещанское общество выделило на издание газеты единовременное

Михаил Николаевич
Петров

В доме Ижболдина Совдеп размещался с ноября 1917 по январь 1918 г.

В этом доме Совдеп размещался с января по июнь 1918 г.

пособие — 500 рублей, рабочие согласились отчислять на нее 0,5 % месячного заработка (Народная газета. №18. 15.03.1917).

Видя такое воодушевление населения, офицеры 34-го полка решили принять более активное участие в Совете, отчего он стал именоваться с 18 марта Советом рабочих и военных депутатов. Через некоторое время вернулись к первоначальному варианту.

8-9 апреля в Кургане состоялся Крестьянский съезд, на котором присутствовало свыше 300 человек. Делегаты постановили организовать Совет крестьянских депутатов. 17 апреля был избран Исполком совета в составе 17 человек, из его состава избрали президиум или комитет, в который вошли 5 человек: председатель Совета Константин Матвеевич Петров, товарищ (заместитель) председателя Иван Васильевич Майоров, сельскохозяйственную секцию возглавил Исаак Кирьянович Черкозянов, административно-юридическую — Павел Филиппович Пономарев, культурную — Иосиф Антониевич Михайлов. Совет крестьянских депутатов решил не объединяться с городским Совдепом. Заседал он отдельно, в доме Ольги Шух на Троицкой улице.

8 апреля состоялось заседание объединенного Совета рабочих и военных депутатов, на котором решался вопрос практического слияния Советов в одну организацию. В постановлении заседания говорилось: «Обе организации сохраняют полную самостоятельность, но объединяются в одну организацию под названием Курганский Совет рабочих и военных депутатов с исполнительными органами в лице избранного общим собранием Исполнительного комитета. Вопросы внутреннего устройства и чисто профессиональные каждая организация разрешает самостоятельно, а вопросы, не разрешенные одной — переносятся на общий Совет. Касса у каждой организации своя, распределение расходов, носящих характер общих, выносятся в Совет рабочих и военных депутатов... Председателя избирает общее собрание, остальных — Исполнительный комитет из числа выбранных в него членов...» (Известия Совета раб. и воен. деп. №9.26.04.1917).

При голосовании председателем объединенного Совета был избран Петров Михаил Николаевич. В исполнительный комитет вошли: от рабочего Совета — Белоногов Тимофей Павлович, Колчанов Арсений Прокопьевич — рабочий депо, Потехин Семен Никанорович — рабочий завода «Унион», Марфин Авакум Иванович, Евдокимов

Антип Александрович — рабочий депо, Иванов П.Н., Яшин Василий Георгиевич — рабочий депо; от военного Совета — Стрекалов Илларион Алексеевич — военный писарь, Сидоренко Иван Кириллович — прапорщик, комендант города, Демин Федор — прапорщик, Борисов Петр Андреевич — солдат, секретарь Совета военных депутатов, председатель Правления общества солдаток, Стеценко, Белоус Александр Михайлович — подпоручики, Кириллов.

Объединенный Совет разделяется на Военный отдел и отдел Труда. Собрание выразило поддержку Временному правительству и призвало упорно и активно оборонять страну, но стремиться к скорейшему заключению мира.

Совдеп разместился в летнем помещении Народного дома (дом Розена) на Дворянской, но это помещение не годилось для зимы.

В октябре Совдеп ходатайствует перед городским самоуправлением об отводе для Совета дома т-ва Ижболдиных на Береговой улице, «как наиболее подходящего по своим размерам, а также по центральному месту, им занимаемому» (Новый мир. №34. 17.10.1917 г.).

Переезд состоялся в конце октября. В доме Ижболдиных Совдеп пробыл недолго. 19 января 1918 г. наряд вооруженных людей явился в здание 1-го Общественного собрания, на Дворянской, 111, занял все входы и выходы, и было объявлено, что Совдеп занимает помещение для своего размещения и все имущество, находящееся в здании и во дворе, реквизируется в пользу Совета.

Пока Курганский Исполком (КОБ) и Советы делали первые шаги, Петроградский Совдеп постановил считать 10 марта на вечные времена общенародным праздником — Днем Великой Русской революции. Курганский Совдеп, Дума и Исполком занялись организацией праздника и подготовили своих ораторов. Торжества проходили на Лесной площади (ныне улица К. Мяготина между улицами Ленина и Пичугина). Собралось около 30 000 человек, в том числе причты всех церквей, войска гарнизона, заводы, организации, учащиеся. 34-й полк и Вольно-пожарное общество пришли с оркестрами. Была отслужена панихида по всем павшим за свободу, затем благодарственный молебен. С трибуны произносились призывы и приветствия. Это был прообраз будущих праздничных демонстраций в Кургане.

18 апреля (1 мая) состоялся еще один массовый праздник. К 10 часам утра стройные колонны различных организаций с красными флагами

и плакатами с революционными надписями шли за Тобол, где их маршами встречал духовой оркестр. Пришли организации латышей, эстонцев, поляков и украинцев, на шелковом знамени которых были вышиты слова «Хай живе вільна Україна». Собрались на площади за мельницей Бакинова. Главным оратором был М. Н. Петров. Разошлись в два часа, вечером уже в городе проходили многочисленные митинги. Фотографии обеих манифестаций позже продавались в магазине Кочешева.

13 марта 1917 г. Временное правительство публикует Декрет об учреждении должностей губернских и уездных комиссаров для управления местными органами власти. Эти должности соответствовали компетенции губернаторов и исправников. Исполком Совдепа 15 марта назначает выборы городского головы и уездного комиссара. На заседание приглашаются рабочие и солдаты. Уездным комиссаром избрали И. А. Михайлова, который 17 марта вступил в исполнение обязанностей. Выбрать городского голову Совдеп доверил Думе.

19 марта Управа «доводит до сведения учреждений и населения г. Кургана, что вместо отказавшегося городского головы Федора Васильевича Шветова избран и вступил в отправление обязанностей 18 марта Иосиф Антониевич Михайлов» (Народная газета, № 22. 15.03.1917 г.). Михайлов становится, как председатель Исполкома, уездный комиссар и городской голова, основным проводником и защитником политики Временного правительства. 15 марта он получает телеграмму от губернского комиссара Пигнатти, которая гласила: «В вашем лице должна быть сосредоточена вся власть в уезде...» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.19, л.7). В распоряжение Михайлова поступили все ассигнования, перечисленные ранее Курганскому полицейскому управлению и уездному исправнику. В лице уездного комиссара появилась власть, подчиняющаяся Временному правительству, и в Кургане создалась ситуация, которая определялась как двоевластие.

Если двоевластие и было в Кургане, то разграничить его сферы влияния очень трудно. Одни и те же люди входили в Советы, в Думу, в Исполком, возглавляли профсоюзы, были членами различных комитетов. Большинство решений по уезду и городу исходило от уездного комиссара. Михайлов совмещал обязанности земского исправника

Демонстранты идут на празднование 1 Мая

и городского головы, что было затруднительно. Решать городские проблемы Михайлову помогали члены управы: Иван Яковлевич Андреев, Иван Ильич Никифоров, Антон Тимофеевич Первухин.

В апреле Михайлов шлет телеграмму губернскому комиссару Василию Николаевичу Пигнатти: «Ввиду массы работы по уезду буду вынужден отказаться от должности городского головы» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.18, л.6). В помощь Михайлову появляется должность помощника уездного комиссара. 3 мая им становится 39-летний Матвей Васильевич Алексеев, уроженец села Макушинского, сын волостного писаря, окончивший Омскую медицинскую школу. Практиковал он недолго, был склонен к гражданским должностям и занял место секретаря Съезда крестьянских начальников Курганского уезда, председателем которого был Корнилий Петрович Нилов.

К моменту назначения на должность помощника уездного комиссара Алексеев очень нуждался материально. Михайлов пишет отношение губернскому комиссару Пигнатти: «...Алексеев получает 58 рублей в месяц, такое содержание менее жалованья сторожа, нести за него

обязанности секретаря съезда и помощника комиссара совершенно немислимо. Отсутствие определенных указаний источника содержания участковых помощников комиссара, исполняющих обязанности станковых приставов и крестьянских начальников, грозит уходом всех и полной дезорганизацией местной власти в крайне ответственный момент...» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.19, л. 27об). Жалованье Алексееву было повышено.

20 апреля из Тобольска была получена телеграмма на имя уездного комиссара и городского головы, в которой сообщалось о том, что Временным правительством 15 апреля утверждены правила выборов гласных городских Дум на основании прямого, всеобщего, равного и тайного избирательного права. Голосовать могли все достигшие 20-летнего возраста. Избирательного права лишались комиссары разного уровня.

Михайлов отказывается от должности комиссара, чтобы иметь возможность баллотироваться в Думу. Он отправляет телеграмму губернскому комиссару Пигнатти: «Считаю постановление съезда исполкома, категорически воспрещающее комиссарам принять участие в активной работе каких-либо союзов и партий, незаконным, как посягающее на право каждого гражданина участвовать в любых партиях и союзах, и как вынесенное учреждением, имеющим только совещательное значение, нецелесообразным, как устраняющее в ответственный момент государственной жизни наиболее активные элементы, могущие привлечь на обслуживание нужд государства наибольшее количество организованных партий и союзов, сил народа. Считаю оный глубоко контрреволюционным, подчиняться ему считаю невозможным» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.18, л.13). Вероятно, таким запретом возмущился не только Михайлов, потому что Временное правительство пересмотрело вопрос о избирательных правах комиссаров и решило его положительно.

5 мая на заседании уездного Исполкома Михайлов ставит на обсуждение вопрос о выборе кандидатов на должность уездного и городского комиссара, так как губернский комиссар предложил ему отказаться от должности городского головы в связи с тем, что комиссар должен контролировать работу городского головы, т.е. Михайлов контролирует сам себя. Но Михайлов хотел остаться городским головой, так как на комиссара падает большая канцелярская работа и контролирующие

функции, и должность эта чисто чиновничья, а он, как общественный деятель, желает остаться на общественной работе.

И все же Курганский Исполком единогласно переизбрал Михайлова уездным комиссаром. На заседании городской Думы 15 мая городским головой закрытой баллотировкой единогласно избран Михаил Константинович Сажин, учитель мужской гимназии, вступивший в должность 17 мая. Ему поручается Думская избирательная кампания. Списки избирателей составлялись с 23 мая по 10 июня, в них внесено было гражданских лиц — 12682 чел., военных — 2837 чел. (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.18, л.32).

Одновременно со списками избирателей составлялись списки кандидатов в гласные городской Думы. Таких списков было шесть:

- 1) от социал-демократов и социал-революционеров;
- 2) от избирателей 3-го района;
- 3) от группы «Трудовой демократии»;
- 4) от торгово-промышленников и домовладельцев;
- 5) от трудовой группы мещан;
- 6) от среднего трудового класса.

Всего в списках было около 200 человек: там и уездный комиссар Михайлов, и председатель Совета рабочих депутатов Белоногов, и комиссар труда Петров 1-й, от 34-го полка было 8 человек. Баллотировались врачи, учителя, рабочие, бухгалтеры, священники, живописец и водовоз, и даже несколько женщин, что в прежние времена не практиковалось. Списки были подписаны Сажиним и тремя членами предыдущей управы. Все кандидаты обязательно давали расписку следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, сим заявляю, что на включение меня в список кандидатов гласных Курганской городской Думы изъявляю свое согласие, а также изъявляю согласие и на принятие звания гласного в случае избрания меня» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.18. л.53).

Предвыборные собрания, которые происходили в летнем помещении Народного дома, в цирке, в Бирже носили страстный характер. Шла горячая борьба между объединенными социалистами и сторонниками беспартийного демократического списка. Среди заводских рабочих шла усиленная агитация в пользу эсдеков и эсеров.

Выборы состоялись 2 июля, в воскресенье. Полагалось отдать свой голос только за один из списков, подачей избирательной записки,

в которой указывались фамилия, имя, отчество и адрес голосующего, а также номер списка кандидатов в гласные, за который избиратель подает свой голос. Записки вкладывались в непрозрачные одноцветные, без каких-либо пометок, конверты, заготовленные городской управой, с ее печатью, заклеивались и лично вручались председателю избирательной комиссии, который в присутствии избирателя опускал конверт в опечатанный ящик. Председателем 1-го избирательного участка был Мечислав Петрович Свентковский, 2-го — Михаил Константинович Сажин, 3-го — Леонид Иванович Дирдовский. Избирательные участки находились:

- в здании 4-го женского приходского училища;
- в Абоимовском переулке (ныне ул. Кравченко);
- против депо Вольно-пожарного общества;
- в здании Народного дома (быв. дом Розена) на Дворянской;
- в здании Богородице-Рождественского училища на углу

Казарменного и Центральной (ныне Кирова и Горького).

В выборах приняли участие только 5150 избирателей. Избраны 40 гласных, которые получили свои полномочия до 1 января 1919 г.

Первое заседание новой Думы состоялось 13 июля 1917 г. Сначала гласные дали клятвенное обещание на верность и преданность Российскому государству, как своему Отечеству, затем приступили к выборам.

Членами управы были избраны: председатель Совета рабочих депутатов Тимофей Павлович Белоногов, председатель городского Продовольственного комитета Карп Александрович Петунин, служащий по заготовке хлеба Михаил Петрович Князев, общественный деятель Георгий Васильевич Корсаков, секретарем управы — Григорий Матвеевич Легких, исполнявший эту должность многие годы при прежних созывах городской Думы. Городским головой переизбран Сажин. Он еще был должен принять в свое заведование одну из отраслей городского хозяйства. Содержание ему положили 400 рублей в месяц. Городская Дума была правительственным органом и должна была поддерживать уездного комиссара и его помощников.

3-4 июля в Петрограде состоялись массовые демонстрации под большевистскими лозунгами — Долой войну, Долой Временное правительство, Вся власть Советам! Закончились они кровопролитием. Шаткое равновесие между Временным правительством и

Петросоветом было нарушено. Лозунг «Вся власть Советам» был снят с повестки дня.

В Кургане о событиях в Петрограде сообщила газета «Крестьянский союз». Эти события своеобразно повлияли на солдат курганского гарнизона. Солдаты выразили нежелание ехать на фронт, требовали отправлять туда кадровых офицеров, а солдат распустить. Группа солдат устроила самосуд над двумя товарищами, стоящими по званию выше. Вслед за этим началось массовое волнение во всем гарнизоне. Дело дошло до того, что в гарнизоне наметились две ярко враждебных друг другу группы вооруженных людей, готовых кинуться друг на друга.

Вскоре в газете «Курганское свободное слово» появилась статья, характеризующая текущий момент: «Вся Россия устала, намучилась от безвластия, которое явилось следствием двувластия или даже многовластия. Правительство — одна власть, Советы рабочих и солдатских депутатов — вторая власть, профсоюзы и разные Комитеты — тоже власть... Целый ряд таких провинциальных Советов часто не чувствовавших никакой зависимости от Петрограда — все власть. И чем

больше появлялось многочисленных органов, тем призрачнее становилась действительная правительственная власть, пока наконец мы не дошли до анархии.

Курганский Совдеп уже не раз доказывал, что считает себя обладающим всей полнотой самовольно присвоенной власти в Кургане. Он, вопреки распоряжению центральной власти, присвоил себе право распоряжаться военнопленными, учредил своей властью должность комиссара труда, требовал предоставления ему регулярных отчетов от некоторых должностных лиц...» (Курганское свободное слово, №59. 30.07.1917).

Довольно быстро страсти улеглись, внимание горожан переключилось на новые проблемы. ЦК Советов рабочих и солдатских депутатов в августе направил телеграммы местным Советам о праздновании 27–28 августа полугодовщины Февральской революции. Была высказана просьба об отчислении или повсеместных сборах на нужды революции, но избегая манифестаций, шествий и других внешних эффектов. Исполком Курганского Совдепа предложил устроить митинги и собрания, где и произвести сбор пожертвований.

Днем сбора назначили 3 сентября. Для устройства митингов избрали комиссию из 7 человек: Михаил Николаевич Петров — председатель, члены — Илларион Алексеевич Стрекалов, Константин Григорьевич Бронтман, Микитюк, Алексей Иванович Сальников, Аваакум Иванович Марфин, Григорий Федорович Селедцов. Комиссия обратилась ко всем политическим партиям, профсоюзам и другим организациям с просьбой поддержать Совет. Откликнулись даже актеры гастролирующей в Кургане труппы и в Военном клубе устроили спектакль, который дал чистого дохода 196 р.31 к. в пользу ЦК. Кроме того, в сентябре шла подготовка к новым выборам.

На первом заседании вновь избранной Думы, когда подводились итоги выборов, уездный комиссар и гласный Думы И. Михайлов доложил присутствующим о новых выборах. Им было получено распоряжение Временного правительства о введении в спешном порядке в Курганском уезде земства, в Комитет по выборам в уездное земство должны быть избраны от городской Думы 3 человека. Выбрали гласных — Павла Григорьевича Торпакова, Карпа Александровича Петунина и Михаила Петровича Князева. Председателем особого Комитета по введению земства в Курганском уезде стал И. А. Михайлов.

Множество обязанностей, лежавших на Михайлове, заставили его снова просить отставки с должности уездного комиссара.

Просьба была удовлетворена. В августе его место на этом посту занял Мечислав Петрович Свентковский, юрист по образованию.

Процедура земских выборов была такой же, как и в городскую Думу, только большинство кандидатов в гласные были выдвинуты волостными правлениями, от города баллотировалось несколько человек. Выборы состоялись 1 октября 1917 г., были избраны 82 человека гласных, из их числа вошли в земскую управу: председателем — Торпаков Павел Григорьевич, членами управы Еланцев Трофим Семенович, Карасенко Кирилл Иванович, Матвеев Дмитрий Григорьевич, Тарасов Николай Александрович и Антонов Кузьма Павлович.

Все члены уездного земства дали Клятвенное обещание: «Клянусь честью добросовестно выполнять возложенные на меня доверием населения обязанности уездного земского гласного, в точности соблюдая существующие законы и прилагая все силы своего разума к наилучшему выполнению своего долга перед Родиной и народом, в чем и подписуюсь» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.2-б, л.56).

Работа земства была направлена на взаимодействия с волостями, с сельским населением,

На этом избирательные кампании не завершились. Настала очередь выборов в Учредительное собрание. Созыв Учредительного собрания обсуждался еще в годы первой русской революции, но в жизнь не претворился. Зато стал одной из первоочередных задач Временного правительства.

2 марта Исполком Петросовета решил немедленно начать подготовку к созыву Учредительного собрания, как органа верховной демократической власти, который установил бы форму правления и конституцию страны.

25 марта постановлением Временного правительства было созвано Особое совещание для разработки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Закон был подготовлен, но выборы под разными предлогами несколько раз переносились. 14 июня Временное правительство назначило выборы на 17 сентября, а созыв — на 30 сентября. 9 августа выборы были перенесены на 12 ноября, открытие — на 28 ноября. В Кургане организовали комиссию по выборам в Учредительное собрание в следующем составе:

председатель — М.А. Никулин, члены — Ф.А. Коротков, А.А. Коботов, И.А. Михайлов, А.И. Князев, М.К. Сажин, К.А. Петунин. Заседала комиссия в магазине И. Дерягина, примыкавшего к Троицкой церкви. Каждая партия выдвигала своих кандидатов. Так, от РСДРП выдвинули комиссара труда, прапорщика 34-го полка Мих. Ник. Петрова и члена городской Управы Мих. Петр. Князева; партия Народной свободы — редактора газеты «Курганское свободное слово» Гавр. Всев. Татарина и врача Пет. Пав. Успенского; социал-революционеры — Иосифа Ант. Михайлова и рабочего Троф. Влад. Баранцева; от блока Трудовой Народно-социалистической партии и Всероссийского Крестьянского Союза — железнодорожного фельдшера Мих. Фом. Врачинского, сотрудника ССМА Исаака Кирьяновича Черкозьянова и троих крестьян: Ив. Ив. Ракова из дер. Нагорской Утятской волости, Герас. Ив. Скокова из дер. Больше-Глубокой Лебяжьевской волости, Фрола Аф. Яковлева из дер. Россия-Носкова Марайской волости.

Известие о начавшемся в Петрограде восстании посеяло среди населения страх, что выборы в Учредительное собрание не состоятся. Представители курганских революционных организаций на своем совещании высказались против захвата власти, особенно накануне выборов в Учредительное собрание, и потребовали немедленного восстановления власти Временного правительства и незамедлительного созыва Учредительного собрания в назначенный срок.

29 октября вышел экстренный выпуск газеты «Новый мир» с материалами о перевороте в Петрограде и с обращением к населению, напечатанному крупными буквами: «Кто не хочет гибели Родины в анархии, кто любит Родину, кто стремится закрепить права народа, тот должен принять участие в выборах в Учредительное собрание. 12, 13 и 14 ноября решается судьба народа, судьба России. Пусть в этот день не будет ни одного равнодушного гражданина! Идите и голосуйте за борцов за народное дело!».

В предыдущем номере газеты тоже был призыв к населению: «Вся власть Учредительному собранию! Граждане! Готовьтесь к выбору Учредительного собрания — в нем спасение страны. Только властный голос всего народа — через их представителей даст нам действительную власть, даст крестьянам землю, рабочим — возможность спокойного труда на заводах с правом защищать свои интересы, закрепить за солдатами гражданские права. Вместе с тем Учредительное собрание

даст мир стране и восстановит спокойствие граждан. Всякий уклоняющийся от выборов — враг Родины и сторонник анархии и гибели страны» (Новый мир. №44. 28.10.1917).

Выборы состоялись. От Курганского округа депутатами Учредительного собрания стали И. А. Михайлов и Т. В. Баранцев. Учредительное собрание, открывшееся 5 января 1918 г., заседало всего несколько часов и было разогнано. Михайлов и Баранцев в Курган не вернулись, через какое-то время вошли в Комуч — Комитет защиты Учредительного собрания, заседавший в Самаре.

О петроградских событиях 25 октября в Кургане знали на уровне слухов. Все сообщения Телеграфного агентства были прерваны. Никакие сообщения из Петрограда не поступали. С железнодорожного телеграфа приходили неясные сообщения.

27 октября газета «Новый мир» публикует: «В Петрограде происходят события чрезвычайной важности. Сообщения поступают отрывочные. Телеграфное агентство занято и сообщений не передает». Наконец начали поступать телеграммы. 28 октября была получена телеграмма из Самары: «По полученным точным сведениям... Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Военно-революционного комитета, ставшего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Войска на стороне революционного народа... Занято все: вокзалы, телеграф, станции, почтамт, Зимний дворец и штаб, выключенный из телеграфной сети...» (Новый мир. №49. 3.11.1917).

В тот же день состоялось чрезвычайное заседание городской Думы, на котором было зачитано несколько телеграмм: Всероссийский комитет железнодорожников сообщал о захвате власти революционным комитетом под руководством большевиков и о решении поддерживать ЦК Совета рабочих и солдатских депутатов; Омская городская Дума сообщала о своем осуждении анархических действий большевиков и о решении поддерживать Временное правительство; Ставка Верховного главнокомандования требовала немедленного прекращения большевиками насильственных действий. После заседания Думы состоялось объединенное совещание всех общественных и революционных организаций Кургана, которое выразило решительный протест против захвата власти большевиками. Участники совещания

Александр Павлович Климов с женой Агриппиной

призвали население сохранять спокойствие и не участвовать в каких-либо выступлениях. Представители Совдепа, присутствующие на этом совещании, поддержали общее решение.

Вскоре Совдеп поменял свое решение. 14 ноября состоялись новые выборы в Курганский Совет. Избраны 150 человек. 18 ноября избрали исполком нового Совета в количестве 20 человек, по 10 представителей от отделов: от отдела труда — Шалавко, Стратилатов, Глаздовский, Каминский, Никитин, Кравченко, Федоров, Кунгуров, Неудачин, Горячев; от военного отдела — Климов, Стрекалов, Журов, Семенов, Капустин, Левенец, Жолотов, Лещенко, Церетели, Кетов. В исполком вошел без избрания комиссар труда М. Н. Петров. Председателем Совета избран Петр Яковлевич Гордиенко, большевик. Совет не стал большевистским, потому что заседание постановило членов от отдельных политических партий в состав Совета не включать. Только в исполкоме было несколько большевиков.

На общем заседании гласных Земского собрания и городской Думы И. А. Михайлов доложил, что 19 ноября Совдеп постановил взять власть и контроль над органами местного самоуправления — городской,

земской и продовольственной Управами. Собрание постановило: не подчиняться какому-либо контролю и указаниям лиц или группы лиц, не уполномоченных на то избирателями законным порядком (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.2-6, л.110).

23 ноября в 8 часов вечера состоялось экстренное собрание Совдепа, на котором стояло два вопроса:

1. О переходе власти в руки советов;
2. Избрание руководящего органа с неограниченной полнотой власти.

Наутро было объявлено городской Думе о ее низложении и о переходе всей власти в городе и уезде Совдепу. Дума решение Совдепа о своем роспуске проигнорировала и продолжала собираться один раз в неделю.

В середине декабря в Совдепе произошли изменения. Была получена телеграмма председателя Краесвета Белоусова, разосланная во все уездные Продовольственные комитеты по вопросу роспуска гарнизонов Западной Сибири для увеличения рабочих рук в сельском хозяйстве и транспорте. Курганский Продовольственный комитет 9 декабря постановил: «Ввиду недостатка рабочей силы в деревне, где до сих пор лежат в полях не обмолоченные хлеба, и недостаточного подвоза такового на приемные пункты признать роспуск гарнизона желательным» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.50, л.23).

Омский военно-окружной комитет 14 декабря издает приказ № 840, согласно которому все чины Омского военного округа должны были снять погоны. 34-й Сибирский запасный стрелковый полк был распущен. Военный отдел Совдепа прекратил свое существование. Солдаты, большинство которых были из волостей Курганского округа, разъехались по деревням, кто-то нанялся в работники в те же деревни.

«Известия Курганского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» 3 января 1918 г. публикует следующее обращение: «К гражданам г. Кургана. Офицеров нет. Они ушли по праву всеобщего роспуска совершенно, другие переменили свою оболочку. Многим из них в силу создавшегося положения приходится оставаться в Кургане, вернуться сейчас домой, на родину, не представляется никакой возможности. Особенно семейным, при теперешнем передвижении. И вот они, вдали от родного угла, остаются без куска хлеба. Поэтому нас,

оставшихся офицеров, и побудило обратиться в Бюро труда... в поисках работы в какой-то ни было отрасли труда — безразлично...».

Потеряв Военный отдел, Совет рабочих депутатов решил опереться на крестьян и на 17–18 декабря созвал 1-й уездный съезд Советов крестьянских депутатов. На съезд прибыли представители Петроградского Совета братья Пичугины, Дмитрий и Андрей, и Ногаец Фома. Съезд принимает решение о слиянии Совета крестьянских депутатов с Советом рабочих и солдатских депутатов, постановляет всю полноту власти предоставить объединенному Совету, приложить все силы для претворения в жизнь правительственных декретов, приветствовать организацию рабочей Красной гвардии.

На очередном заседании Думы, 19 декабря, было доложено заявление всего состава городской Управы о сложении своих полномочий в связи с текущими событиями. После долгих колебаний городской голова Сажин и два члена Управы, Князев и Корсаков, согласились временно остаться.

В тот же день уездный комиссар Свентковский заявил о сложении своих полномочий и передал должность своему заместителю Михаилу Васильевичу Алексееву, который часто замещал Михайлова, и Свентковского во время их отлучек. С 20 декабря Алексей официально числился уездным комиссаром. В тот же день он шлет телеграмму Пигнатти: «В Кургане местным Совдепом избраны народные комиссары, из них образован Совет...».

Комиссарами избраны: Климов — военный комиссар, Глаздовский — комиссар порядка, Петров — комиссар банков, Шалавко — комиссар продовольствия, Губанов — комиссар труда, Сладкевич — комиссар почты и телеграфа, Грунт — комиссар тюрьмы, Горячев — комиссар городского хозяйства.

С 20 декабря формируется Курганская Красная гвардия для охраны порядка, личной и имущественной безопасности граждан и для борьбы с контрреволюцией. До этого охраной совместно с милицией занимался 34-й полк.

Комиссаром Красной гвардии назначен Михаил Николаевич Петров, штаб разместился в доме Ижболдина, где в это время находился Совдеп, в чьем распоряжении и была Красная гвардия.

28 декабря Дума приступила к избранию нового состава Управы. Вместо Сажина городским головой избрали Ивана Евгеньевича

Рагозина, членами Управы — Михаила Петровича Князева, Тимофея Павловича Белоногова, Петра Васильевича Петровского и Сергея Иосифовича Журавлева.

В тот же день, 28 декабря, по созыву Исполкома Совдепа состоялся 2-й крестьянский съезд, который принял решение о создании революционных трибуналов (народных судов) в волостях.

Революционные трибуналы начали организовываться согласно декрету Совнаркома от 22 ноября 1917 г. «О суде». 28 ноября в Известиях ЦИК...» был опубликован нормативный акт под названием «Революционный трибунал. Руководство для устройства революционных трибуналов». Трибуналы создавались для борьбы с контрреволюцией, с мародерством, саботажем и т. д. Первоначально трибуналам приходилось рассматривать все уголовные, и даже гражданские дела, пока декретом Совнаркома от 4 мая 1918 г. они не были освобождены от уголовных дел и все усилия должны были направить на борьбу с контрреволюцией. Ревтрибунал состоял из председателя и шести заседателей, избираемых Советами на один месяц. Предварительное следствие при трибунале осуществляли Следственные комиссии.

Точной даты образования Курганского трибунала мною не найдено.

Таким образом, Курган вступал в 1918 год с новым составом Совдепа, Думы, ревтрибуналом и формирующейся Красной гвардией.

КУРГАН. ГОД 1918-Й

Можно считать, что с 1 января и до 1 июня 1918 г. Курган жил при Советской власти, или, как говорили в городе, «при первой советской власти». Хотя 24 ноября 1917 г. было объявлено Совдепом, что вся власть в городе и уезде теперь принадлежит ему, но продолжали работать уездный комиссар, городская Дума и управа, продовольственный комитет, уездное земство. Только после 1-го уездного Крестьянского съезда, состоявшегося 17-18 декабря, когда были избраны комиссары, составившие 19 декабря новый Совет, власть фактически перешла к Советам. Первое, о чем подумал новый Совет — о защите своей власти.

Уже 20 декабря 1917 г. Михаил Николаевич Петров издает приказ № 1: «1. Сего числа сформирована Красная гвардия с целью охраны порядка, личной и имущественной безопасности и борьбы с контрреволюцией.

2. Комиссаром Красной гвардии назначен тов. М. Н. Петров.

3. Гвардейцы каждого завода объединяются в заводскую группу, которая делится на сотни, а последние на десятки. Каждой заводской группе, каждой сотне и каждому десятку немедленно избрать комиссаров...

4. Комиссарам десятков составить списки своих десятков в трех экземплярах с указанием в них, какое оружие и сколько патронов дано каждому гвардейцу...

5. Штаб Красной гвардии временно помещается в доме Ижболдина.

6. Штабом Красной гвардии приняты меры к оплате рабочим за время несения службы по охране порядка.

7. Сбережение оружия, употребление его только при исполнении своих обязанностей... является непреложным правилом каждого гвардейца.

8. Красная гвардия находится в распоряжении Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

9. В штабе Красной гвардии назначается дежурство для отдачи всякого рода спешных распоряжений и дачи разъяснений». Приказ был опубликован 22 декабря 1917 г. в газете «Новый мир». Пока это был только приказ.

Вступление в Красную гвардию было добровольным, предприятий в Кургане было немного, а с большим количеством рабочих — единицы. Поэтому первые заводские дружины были малочисленные и почти без оружия. Многие даже не умели стрелять.

Участник Красной гвардии Павел Георгиевич Чичиланов вспоминает: «Началась учеба, каждый вечер после работы выходили на занятия за Бакиновскую мельницу. Изучали материальную часть винтовки, учили штыковому бою... Выходили на тактические занятия на пересеченную местность с буграми и оврагами, делали перебежки с трещотками, заменяющими пулемет, метали гранаты (бутылочные), много уделялось внимания строевым занятиям...» (ГАОПДКО, ф.5857, оп.1, д.97, л.7).

Инструкторами были бывшие фронтовики. Одним из первых, кто с началом формирования Красной гвардии взял на себя этот труд, был бывший поручик 159-й дивизии Николай Александрович Соколов, который был командирован с фронта в Курган на замену кадров.

Газета писала: «...Он всей душой отдался делу, не считался с часовым рабочим днем, ни с теми трудностями, трениями, которые приходилось претерпевать. Занимаясь с утра до вечера в штабе, он ночами просиживал над составлением различных инструкций, положений и т.п. Он чуть ли не один на своих плечах вынес весь труд организации Красной гвардии, которая, до его поступления насчитывавшая два-три десятка человек, его энергией, неустанной работой разрослась в силу, на которую трудящиеся смело могут положиться... Будучи человеком беспартийным он при частой смене комиссаров гвардии замещал их должности, всю свою деятельность направлял на поднятие уровня сознательности. Его труды: Устав Красной гвардии, создание товарищеского суда и следственной комиссии, положение о суде...» (Изв. Сов. раб. и солд. деп. № 73. 16.04.1918).

Соколов пал жертвой случайности при исполнении службы и был похоронен 3 (16) апреля на Троицком кладбище.

В заметке упоминается частая смена комиссаров Красной гвардии. После Петрова был Александр Павлович Климов, Михаил Витальевич

Дом Дунаева. Здесь располагался первый
трибунал и следственная комиссия

Городецкий, Кузьма Григорьевич Авдеев, Яков Иванович Новиков, Иванов (имя не установлено), которого 28 мая сменил Пантелей Тимофеевич Кузьмин. За шесть месяцев сменилось семь комиссаров, поэтому говорить о ком-то одном будет неправильно. Членов Красной гвардии часто назначали для несения караульной службы по охране складов, для патрулирования улиц, из них формировали кавалерийские подразделения.

Параллельно с Красной гвардией в марте в Кургане, как и в Шадринске, начинается формирование частей Красной армии. Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной армии на добровольных началах был подписан В. И. Лениным 15 января 1918 г. и опубликован через три дня. В ряды Красной армии могли вступить сознательные граждане не моложе 18 лет, на полное государственное довольствие и к нему 50 руб. в месяц.

22 февраля было опубликовано воззвание Совнаркома «Отечество в опасности!» На следующий день состоялись митинги в Петрограде, Москве и других городах, где началось массовое вступление добровольцев в Красную армию и формирование ее отрядов и частей. Этот день, 23 февраля, стали считать днем рождения Красной армии.

Начальником штаба Курганского отряда Красной армии был назначен Губанов Владимир Владимирович, бывший комиссар труда, комиссарами — Федор Максимович Григорьев и Михаил Витальевич Городецкий, член штаба — Федор Федорович Игумнов, организатор снабжения — Михаил Михайлович Наумов, инструкторы: Алексей Иванович Губин, Владимир Андреевич Кромберг, Виктор Иванович Комаров, Илья Владимирович Филатов. Многие члены Красной гвардии перешли на постоянную службу в Красную армию. Когда после переворота прошли аресты, из 532 задержанных на 14 августа 1918 г. 140 было красноармейцев и только 30 красногвардейцев.

Точная дата образования Курганского трибунала не установлена, но в январе он уже работал. В Кургане было два трибунала — городской и железнодорожный. Городской трибунал располагался в доме Дунаевых по Троицкой (Куйбышева, 87), где ранее была Биржа. Председатель и заседатели трибуналов в числе шести человек должны были назначаться Советами на один месяц, но это в Кургане не соблюдалось. Члены трибунала назывались народными судьями. Председателем железнодорожного трибунала был Василий Петрович Комаров, один из членов — Иван Макарович Середин. Первым председателем городского трибунала был Николай Михайлович Михайлов. С 1 марта, а может и раньше, но не раньше 18 февраля его сменил Игнатий Антонович Ястржембский.

Члены трибунала менялись либо всем составом, либо частично. В феврале народными судьями состояли: Мартин Петрович Грунт, Иосиф Яковлевич Буждан, Церенщиков, Василий Назарович Денисов и секретарь трибунала Владимир Андреевич Курбатов. В следующем составе остался Буждан и к нему присоединились Иван Савельевич Бутаков, Подгорнов, Алексей Михайлович Зарубин, Самойлов и секретарь Пономарев. В следующем составе остались Бутаков, Зарубин,

Владимир Владимирович
Губанов

Самойлов, присоединились Прокопий Никитич Кунгуров, Семен Нестерович Тишков и секретарь Александр Естафьевич Мартынюк. При трибунале работала следственная комиссия...

И председатели трибунала, и заседатели вряд ли имели представление о судопроизводстве, поэтому было сделано предложение нескольким судьям о сотрудничестве. Откликнулись двое. Мировой судья Всеволод Михайлович Фон-Воюцкий принял на себя должность комиссара юстиции, частный поверенный Владимир

Андреевич Курбатов — секретаря трибунала. О том, какие дела проходили через трибунал и какие приговоры выносились, можно судить по Постановлению от 1 марта 1918 г. Матроса Балтийского флота Леонида Тихоновича Акимова, совершившего кражу со взломом из цейхгауза 8-й роты 3-го Сибирского стрелкового полка, приговорили к каторжным работам на 8 лет с лишением всех прав состояния и снятию с него формы матроса; Евстафия Ивановича Лось за торговлю самогоном — к общественным работам при Курганской тюрьме на 1 год; Егора Семеновича Федорова за торговлю самогоном —

Игнатий Антонович
Ястржембский

к штрафу 150р. в пользу средств комиссариата юстиции и к общественным работам при Курганской тюрьме на 3 месяца (Изв. Сов. раб. и сол. деп. №50. 20(7). 03.1918).

Работы у трибунала было много. К 1 июня число не рассмотренных дел превышало две тысячи.

12 января 1918 г. по решению Совдепа были арестованы члены продовольственной управы вместе с председателем Константином Матвеевичем Петровым и избран новый комитет. Через несколько дней члены управы были отпущены, председатель остался под арестом. Был арестован и также через несколько дней отпущен председатель уездной земской управы Павел Григорьевич Торпаков. Началась приватизация промышленных предприятий.

Уездный комиссар Матвей Васильевич Алексеев 24 января сообщает в Тобольский губернский комитет: «В Кургане Совдепом заключаются в тюрьму без суда неугодные ему лица. Предъявлено начальнику тюрьмы требование об освобождении содержащихся по постановлению мировых судей подследственных. Члены Продкома будут содержаться в тюрьме до решения дела трибуналом. В казначейство и в государственный банк назначен советский комиссар. Он обещал только наблюдать за делом, просил продолжать работу и только в случае недоразумений обращаться к нему. В хозяйственном управлении уезда полная разруха, поступления платежей от населения на содержание больниц, приютов, училищ прекратились, эти учреждения находятся в критическом положении...» (ГАОПДКО, ф.6916, оп.1, д.69. л.48).

Служащим всех учреждений нужно было платить жалованье, да еще Совдеп с 19 января открыл общедоступную дешевую столовую в гостинице Баранцева, на углу Дворянской и Гостинодворского. Была организована общественная библиотека с читальным залом, выдавались ежемесячные пособия безработным и солдатам, возвращающимся с позиций. Нужно было содержать приюты и Общество внешкольного воспитания детей. Чтобы пополнить финансы, Совдеп в январе накладывает контрибуцию на торгово-промышленный класс города в 170 тыс. руб. Городская дума по этому поводу вынесла протест и пожелание воздержаться от уплаты. Но все-таки было собрано около 150 тысяч руб.

Новая власть старалась экономить во всем. Принимая во внимание надвигающуюся безработицу, Продовольственный комитет нового состава 15 февраля постановил, что служба родственников в управе недопустима, что служащие управы не должны занимать другие платные должности.

Всеволод Михайлович
Фон-Воюцкий

Дом Васильевой на Дворянской. Здесь находилась Крестьянская секция.

Деньги от первой контрибуции быстро кончились, и по постановлению исполкома Совдепа было объявлено новое обложение налогом. Газета «Сибирская земская деревня» писала: «В Кургане на капиталистов и купцов наложена контрибуция в два миллиона рублей. Срок уплаты к 13 (26) марта. По словам начальника милиции внесено уже около 900.000 рублей чеками. За невзнос грозят чрезвычайные меры, вплоть до расстрела. Для этой цели в Кургане стоят два карательных отряда, один тот, что был в Тюмени, другой — из Омска. Отряды с пулеметами и броневидами, случаев применения карательных мер еще не было. Население в буквальном смысле терроризировано» (Сибирская земская деревня, №5. 30.03.1918).

Но один факт насилия известен. Он не связан с контрибуцией. Между 1 и 7 марта в тюрьму явился морской карательный отряд из пяти матросов, которые предъявили начальнику тюрьмы письменное требование от начальника уголовного розыска Толчинского о выдаче в распоряжение отряда арестантов Петра Кошкарева, солдата Евгения Церетели, матроса Леонтия Акимова и мещанки Макриды Серковой. Кошкарева матросы расстреляли прямо у тюремной ограды, Церетели расстреляли у вокзала, Акимова и Серкову увезли

на разъезд Камчиха и судьба их неизвестна. Все они были обвинены в контрреволюции. Матросы явочным порядком заняли комнаты в доме Соснина (угол Пушкинской и Троицкого переулков). Накануне переворота, 1 июня, группа матросов из четырех человек явилась в депо Вольно-пожарного общества и потребовала от старшего служителя лошадь и седло для отряда моряков, но получили только седло. Седло было обнаружено 2 июня около Смолинского поселка (не путать с деревней Смолино) на лошади добровольца Шабловского. Сами матросы в ночь на 2 июня вместе с отрядом Губанова держали оборону возле дома Соснина, на перекрестке.

Чтобы Дума и другие организации не вмешивались в распоряжения Совета, 7 марта в комиссариат явились представители Совдепа и изъяли дела, документы, реестры, текущее делопроизводство и казенное имущество по канцелярии уездного комиссара, помощника комиссара по сельской части, уездного совещания, уездного по воинской повинности присутствия, попечительного о тюрьмах отделения и уездного отделения комитета попечения о беспризорных детях. Все дела и документы были перевезены в помещение Крестьянской секции (дом Е. Васильевой) на Дворянской. На следующий день состоялось собрание земских служащих, на котором был выражен протест против насильственного захвата вооруженной силой органов местного самоуправления. «Вместе с тем собрание считает невозможным лишить массы населения той широкой помощи, которую ему оказывает работа земства, так как Советы, предоставленные сами себе, приведут земское дело в состояние неисправимой разрухи» (ГАОДКО, ф. 6916, оп.1, д.69, л.104). И служащие комиссариата перешли вслед за документами в дом Васильевой.

В тот же день Курган был объявлен на военном положении, запрещались любые собрания, митинги, увеселения, въезд и выезд из города, появление на улицах после 10 часов вечера. Уездный комиссар Алексеев фактически был устранен от исполнения своих обязанностей. Тем не менее, он решил произвести личный объезд населения Курганского уезда, чтобы выяснить отношение крестьян к текущим политическим событиям. По постановлению трибунала Алексеев был настигнут в селе Макушинском, арестован и доставлен в Курганскую тюрьму 8 апреля. На следующий день следственная комиссия рассмотрела дело Алексеева по обвинению его в контрреволюции,

в распространении ложных слухов и, принимая во внимание уличающие его документы в делах комиссариата, решила передать дело в ревтрибунал. По решению трибунала Алексеев 30 апреля был освобожден под домашний арест с содержанием конвоя на его счет. Дума фактически была распущена, осталась управа, которая теперь именовалась «комитетом городского хозяйства».

В Совдепе происходили ежемесячные перестановки. Первым председателем в ноябре 1917 г. был избран Петр Яковлевич Гордиенко. Если сопоставить воспоминания участников событий 1918 г., окажется, что после Гордиенко был Михаил Петрович Князев, потом Алексей Яковлевич Каменских, в апреле его сменил Василий Михайлович Мунгалов, с середины мая — Зайцев Евгений Леонтьевич.

Таким образом, с января по 1 июня сменилось шесть председателей Совдепа. Быстрая смена руководящих кадров в Совдепе, Красной армии, Красной гвардии, в милиции, продовольственном комитете привели к тому, что, когда над городом нависла угроза со стороны чехословацкого корпуса, Советская власть не смогла дать достойный отпор. 14 мая чехи уже были в Челябинске, вероятно, в это же время или чуть позже 5 эшелонов прибыли в Курган. 24 мая Лев Троцкий издал приказ о насильственном разоружении корпуса. Но чехи требовали пропустить их дальше, смогли захватить железнодорожный арсенал с оружием и контролировали вокзал и прилегающую местность.

Вследствие недоразумений между Советской властью и чехами 25 мая прекратилось пассажирское и товарное движение от Кургана на восток.

С вечера 29 мая телеграфная контора прекратила прием телеграмм на Сибирь. Не имея сил сдерживать напор чехословаков, Исполком Совдепа 27 мая разослал по волостям обращение к сельскому населению, прося о помощи: «...Находящимися в Кургане 6-ю вооруженными эшелонами чехословаков предъявлено ультимативное требование отправки в глубь Сибири, что на основании распоряжения Совета Народных Комиссаров сделать не можем, а по сему, ввиду возможного столкновения, просим всех, стоящих на платформе Советской власти и сочувствующих ей, встать под ружье в ряды своей Красной Армии, особенно охранять всю линию железной дороги и ни в коем случае не допускать продвижения каких-либо эшелонов с иностранными войсками...» (ГАКО, ф. 168, оп.1. д.22, л.4).

Одновременно с этим обращением был отправлен приказ Крестьянской секции Исполкома волостным исполкомам о проведении частичной мобилизации: «Крестьянская секция приказывает немедленно... мобилизовать добровольцев 1918 г. по десять человек, вооружив их теми винтовками, кои имеются у вас в волости. В случае, если добровольцев не будет, жеребьевкой выбрать десять человек вышеозначенного года. Означенная мобилизация временная, необходимая в силу того, что в Кургане взбунтовались чехословацкие отряды, идущие в разрыв с условиями мирного договора. Крестьяне, настал решительный час! В ваших руках ваша воля, ваша свобода! Немедленно на защиту революционных завоеваний! Время не терпит. Все за оружие! Кто не может быть рабом, тот должен быть с винтовкой в руках в рядах Красной Армии!» (ГАКО, ф.168. оп.1, д.22, л.5). Обращение и приказ были подписаны председателем Крестьянской секции Дмитрием Пичугиным. Откликнулся только его брат Андрей, который привел небольшой отряд из их родного села Моревского.

Угрожающая обстановка в городе заставила Совдеп вплотную заняться курганскими отделениями банков. Еще 14(27) декабря 1917 г. Декретом ВЦИК «О национализации банков» в стране была введена государственная монополия на банковское дело. По этому Декрету акционерные коммерческие банки, банкирские конторы, общества взаимного кредита и акционерные земельные банки передавали свои активы Государственному банку. В декрете имя нарицательное «народный банк» с конца января 1918 г. стало употребляться как имя собственное — Народный банк. В Кургане претворение этого Декрета в жизнь началось только в мае, хотя в январе уже был назначен комиссар банков, который обещал только наблюдать за делом и просил обращаться к нему в случае недоразумений.

Евгений Леонтьевич
Зайцев

Чехи на Курганском вокзале

11 мая 1918 г. (по новому стилю) по требованию Совдепа частное коммерческое отделение Сибирского банка прекратило свою деятельность и передало все денежные суммы и ценности отделению Волжско-Камского коммерческого банка, переименованного в Курганский филиал Народного банка. 28 мая Совдеп предложил Обществу взаимного кредита немедленно сдать все денежные запасы в Государственный банк. Общество намеревалось не исполнять это распоряжение или хотя бы отложить исполнение, но со стороны комиссара банка Константина Петровича Малина было сделано недвусмысленное предупреждение, и поэтому после угрозы деньги были отосланы в Государственный банк в тот же день, в 5 часов вечера. В тот же день Совдеп распорядился о сдаче Казначейством, ввиду осадного положения в Кургане, всей денежной наличности в Государственный банк. Такое же распоряжение было дано Городскому банку им. Багашева.

Когда все денежные запасы были собраны в Государственном банке, Совдеп начал переговоры с банком о вывозе исключительно денежных знаков из кладовой банка. Управляющий банком Сергей Якубов писал: «Комиссар банков Малин объяснял причину такого поступка тем, что по сведениям, чехословаки, по взятии Челябинска,

завладели кладовой банка и деньги употребили для закупки хлеба и продовольствия... Комиссар находит целесообразным вывезти деньги в ближайшее место на 3-4 дня, в какой срок полагал ликвидировать чехословацкий инцидент. На протесты банка был введен в отделение банка наряд красноармейцев с винтовками и револьверами. По распоряжению Малина в банк были доставлены два сундука, два брезента и пригнано до десяти подвод для вывоза ценностей. Велись переговоры между Малиным и администрацией банка и с 6-7 представителями Совдепа с Зайцевым во главе в течение двух ночей с 30 на 31 мая и с 31 мая на 1 июня. Ценности не были вывезены совершенно случайно из-за раскола среди партии большевиков и ревизионной комиссией — левыми социал-революционерами. Со слов помощника комиссара Кузнецова, он же председатель ревизионной комиссии, Кузнецов, как протестовавший против вывоза денег, был арестован Совдепом» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.58, л.12).

Ситуация в городе становилась все напряженней. Неизвестный «обыватель» писал в своем дневнике: «28 мая. Сегодня вечером курганский Совдеп, получивший днем какие-то тревожные вести, переехал с приличной охраной за Тобол и занял мельницу бр. Бакиновых. Говорят, с этого же дня местная мужская гимназия на ночь занималась отрядом красноармейцев, человек до сорока. Цель неизвестна, но предположительно для наблюдения за Александровской площадью. Видимо, что-то ожидается или готовится. 29 мая. Утром Совдеп переехал в город и день провел в своем помещении, недавно захваченном у Сибирского банка. Было какое-то бурное заседание, закончившееся такими взаиморазоблачениями, попреками друг друга и укорами, о которых лучше бы в добрый час и помолчать. Ночью с консервного завода за Тобол, куда опять перебрался Совдеп, вывозились консервы, окорока и другие копченья. По слухам, занято этим было до 30 подвод. Часть названных продуктов была отправлена на заимку Беневоленского в 15 верстах от города. Сегодня же происходило вооружение рабочих на заводах и служащих Продовольственной управы, первых — для защиты Советской власти, вторых — для охраны подведомственных ей учреждений. Для последней цели на ночь было отряжено 20 человек» (Курганская Свободная Мысль, №11. 21.06.1918).

29 мая состоялось объединенное заседание рабочих, крестьянских, железнодорожных депутатов, продовольственного комитета,

Частное коммерческое отделение Сибирского банка

представителей Красной армии, на котором были высказаны ряд предложений: препятствовать движению эшелонов вплоть до угона паровозов и разборки пути; не входить в острый конфликт; вывезти оружие из города; до прихода крестьян движению эшелонов не препятствовать; оставить в Кургане небольшой отряд, остальных направить в Омск для концентрации военной силы Сибири.

Пичугин считал подготовку военной силы в уезде неудовлетворительной и обвинял в этом Военную коллегия и Исполком Совдепа в целом. Предлагал принять самые решительные меры, вплоть до расстрела к тем, кто будет действовать против народовластия. Сошлись на том, что нужны переговоры с чехами. Переговоры назначили на 31 мая.

Чехи рассказывали о дружбе с русским народом, о грядущей всемирной революции и о том, что до Владивостока они должны доехать с оружием в руках. Со стороны представителей Советов указали на бессельность принятия открытого боя с чехами, ввиду их большей численности и вооруженности и при малочисленной, плохо вооруженной и недостаточно обученной курганской дружины.

После собрания было принято постановление: «Дать свободный проезд пассажирским и продовольственным поездам, а затем

и чехословацким эшелонам, и в то же время обязать подпиской командный состав эшелонов о не вмешательстве чехословаков в наше внутреннее распоряжение. Чехословаки должны снять контроль с телеграфа и всю охрану станции Курган, а также возвратить все оружие и патроны, отобранные чехословаками на этой же станции» (ГАОПДКО, ф.6916, оп.1, д.35, л.1).

Резолюцию 1 июня понесли Михаил Иосифович Шалавко и Михаил Петрович Князев. В ответ получили от чехов ультиматум: 1 июня к часу дня разоружить Красную Гвардию и армию, все оружие сдать чехам, Советы объявить распущенными, всю полноту власти передать чехам. По возвращении делегации срочно все эвакуировали за Тобол, в воинский штаб на мельнице Бакинова. Каждая сторона готовилась к бою.

«Народная газета» писала: «В связи с требованием, предъявленным Советской властью к чехословакам о разоружении, 1 июня в г. Кургане с полудня наступило тревожное настроение. По требованию Советской власти занятия и торговля с двух часов дня всюду прекратились. По улицам были расставлены патрули из красногвардейцев. С 6-7 часов вечера в центральные улицы проходящие не пропускались. Конные объезды предупреждали о закрытии окон ставнями и т.п.

В два часа ночи началась ружейная и пулеметная стрельба. Оказалось, что стоявшие на железной дороге чехословаки перешли в наступление. К трем часам уже выяснилось, что красногвардейцы перешли за Тобол к мельнице Бакинова. Около пяти часов они подняли белый флаг и сдались в количестве около 150 человек. Наибольшее число красногвардейцев — по слухам около 400 человек — с некоторыми руководителями бежали на ближайшие заимки и в деревни. К вечеру отправилась сформированная из чехов и добровольцев погоня» (Народная газета, № 14. 6.06.(24.05)1918 г.).

Во время переворота погиб Ястржембский. Газета сообщала: «К вечеру 3 июня прошел слух об убийстве председателя революционного трибунала Ястржембского. Передавали в разных версиях. Одни говорили, что убит в стычке с чехословаками их пулей, другие — неумело им самим брошенной бомбой, третьи — пулей одного из своих соратников в коридоре тюрьмы, куда они явились в день переворота для расправы с заключенными политическими противниками» (Курганская свободная мысль, № 117. 4.05 (22.05) 1918).

Мельница братьев Бакиновых

В метрической книге Богородице-Рождественского собора есть запись: «Ястрожембский Игнатий Антониевич, мещанин города Варшавы, римско-католического исповедания, 43 лет. Убит 20 мая 1918 г. (стар. стиля), погребен 23 мая. Погребен по удостоверению Курганской городской больницы от 21 мая 1918 г. на приходском кладбище. Провожали священник Николай Буров с диаконом Иоанном Волчковым с пением «Св. Боже» (ГАКО, ф.235, оп.3, д.3982, л. 129-130).

Начались аресты. Накануне переворота, 1 июня, были арестованы комиссар милиции Лавр Аргентовский и редактор «Известий...» Иван Яковлевич Пуриц. 2 июня доставили в тюрьму комиссара тюрьмы Мартина Петровича Грунта, председателя совдепа Евгения Леонтьевича Зайцева, члена следственной комиссии Филиппа Ивановича Кучевасова, секретаря трибунала Александра Евстафьевича Мартынюка, секретаря Совдепа Сергея Александровича Солодникова и его брата, секретаря ревизионной комиссии Виктора Александровича Солодникова. Основная масса защитников Советской власти ушла из города. Чтобы погоня могла объехать деревни Митинской и Марайской волостей, привлекли 70 извозчиков, которые 2 июня участвовали в погоне вместе с военным отрядом.

Советская власть в городе была свергнута исключительно чехословацкими войсками.

Уездный комиссар Алексеев доносил: «Свержение большевиков в Кургане было произведено так быстро и для них неожиданно, что они при своем бегстве все находящееся в их распоряжении движимое имущество и дела почти целиком пооставляли в помещениях своих разных учреждений, не успев даже получить из банков хранившихся на счетах Совета деньги и бумаги, сумма которых выражается в 512.079 рублей. Все это имущество, принадлежащее разным правительственным учреждениям и должностным лицам, упраздненных большевиками, а равно реквизированное в общественных собраниях и у многих зажиточных горожан, заключалось в мебели и столах, шкафах, книгах, письменных принадлежностях, экипажах, сбруе, лошадях и пр. Все это имущество было принято по описи, сделано объявление о вызове владельцев и по получении заявления от тех или других лиц имущество возвращается под расписку. В отношении денег, хранившихся в банках, было дано распоряжение о перечислении их на счет государственного казначейства» (ГАКО, ф. р-852, оп.1, д.192-а, л.62).

Второго июня власть в городе оказалась в руках чехословаков, но они успокоили население, заявив, что как только будет сформированы органы городского управления, власть им будет передана немедленно.

А пока комендантом города был назначен поручик Вацлав Сухий, который 3 июня издал приказ, согласно которому осталось в силе военное положение; все насильственные действия, убийства, поджоги и пр. должны были подвергаться суровым мерам, вплоть до расстрела; все оружие — сдать прямо 3 июня, будут обыски и если найдут оружие — последует суровое наказание.

Спешно стали восстанавливать органы самоуправления. В целях скорейшего создания местной власти председателем чехословацкого Военного Исполнительного комитета в период с 2 по 5 июня созывалось несколько собраний из представителей всех общественных, профессиональных и партийных организаций города, на которых было вынесено решение временно всю полноту власти, за исключением военной, передать городскому самоуправлению в лице временной городской Думы, сконструированной до новых выборов на коалиционных началах из представителей предыдущих Дум.

5 июня была избрана временная коалиционная Дума, в которую вошли 64 гласных. Городским головой избрали врача Георгия Петровича Шубского, председателем управы — врача Абрама Соломоновича Шапиро. 5 июня Дума восстановила все существующие до Советской власти правительственные, административные и судебные органы.

Должность уездного комиссара была возвращена Матвею Васильевичу Алексееву.

Комендант Сухий издал приказ: «Согласно пожеланию городской Управы передаю все дела бывшего Курганского Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов избранному городской Думой уездному комиссару гражданину Алексееву. Ему же передаются на рассмотрение все дела, касающиеся реквизированного и расхищенного в городе Кургане движимого имущества» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.1, л.6).

5 июня вся власть чехами была передана городскому самоуправлению. Дума избрала Военского начальника и для заведывания имуществом, принадлежащим военному ведомству, образовала военную коллегию из трех лиц.

В это же время Думой была образована Следственная комиссия для рассмотрения правильности арестов большевиков (была реорганизована в связи с законом от 20 июня, принятым Западно-Сибирским комиссариатом). Комиссия не выносила приговоров, но имела определенные права: освободить из-под стражи по согласованию с уездным комиссаром красноармейцев и красногвардейцев; лиц, задержанных с оружием или скрывающих таковое; лиц, принадлежащих к составу исполкомов и трибуналов, комиссаров, чинов милиции и вообще лиц, занимавших ответственные должности при Советской власти. Комиссия могла содержать арестованных под стражей не более трех месяцев. Если человек признавался не опасным для государственного строя, его освобождали, если признавался опасным — оставляли до суда.

Следственная комиссия приступила к работе 5 июня, заседала в здании Биржи (дом Дунаева по Троицкой), работала без выходных по 10-12 часов в сутки. Возглавлял ее товарищ прокурора 1-го участка Мечислав Петрович Свентковский, его заместителем был частный поверенный Ефим Павлович Беляев, членами комиссии были заведующий ремесленной школой Николай Георгиевич Буторин, учитель Высшего начального училища Георгий Максимович Иваньшин,

частный поверенный Александр Владимирович Петров, адвокат П.О. Кривоногов. Комиссия всесторонне обсуждала вопрос о виновности каждого арестованного, на основе собранных материалов писала свое заключение и представляла его исполнительному органу, состоящему из воинского начальника и председателя военно-полевого суда чехословацких войск.

На создание Следственной комиссии откликнулся редактор газеты «Земля и труд» Василий Алексеевич Рябков статьей «Не надо мести». Он писал: «Можно и должно судить представителей свергнутой власти за уголовные преступления. Должно судить таких господ, как провокатор Ястржембский и другие шантажные элементы... но нельзя преследовать всех большевиков огульно, ибо в большинстве случаев это простые, доверчивые люди — рабочие и крестьяне — судить их только за то, что они большевики, это значит совершенно не понимать Революции, ее смысла и глубоких причин, ее вызывающих. Не надо политической мести! Да здравствует гласный, всенародный, на правильных началах организованный суд, в котором лучше «десять виноватых оправдать, чем одного невинного осудить» (Земля и труд, №3. 8.06.1918).

Следственная комиссия своей властью освобождала почти каждого второго арестованного, главным образом красноармейцев и красногвардейцев, представителей сельских советских учреждений. К 14 июня из 400 арестованных было освобождено 120 человек.

Но на заводах были недовольные работой комиссии. Одни считали, что к большевикам относятся благосклонно и многих освобождают неосновательно, другие находили задержание многих лиц несправедливыми. Рабочими было составлено ходатайство о допущении представителей восьми заводских комитетов в состав следственной комиссии. Рабочие считали, что они лучше знают арестованных и легче могут

Мартин Петрович Грунт с женой Эмилией и дочерью Эльвирой

О ЧЕХО-СЛОВАКАХЪ.

ГРАЖДАНЕ!

Повсюду идутъ вѣсти о томъ, что въ Сибири совершился переворотъ, что съ помощью чехо-словацкихъ войскъ свергнута совѣтская власть.

Но эти вѣсти доходятъ въ искаженномъ видѣ.

Кто такіе чехо-словаки, почему они свергаютъ совѣтскую власть и какую власть устанавливаютъ, вмѣсто свергнутой, почти никто не знаетъ.

Слухи ходятъ разные.

Одни говорятъ, что чехо-словаки идутъ грабить ваше имущество и отбирать вашу снотъ.

Другіе говорятъ, что чехо-словаки идутъ, вмѣстѣ съ контръ-революціонерами, чтобы возстановить царскую власть, отнять завоеванныя свободы.

Но это ложь.

Не грабить и не царскую власть возстановлять идутъ чехо-словаки. Не такой народъ они, чтобы могли это дѣлать!

Чехи и словаки—наши братья-славяне, живущіе въ Австріи подъ страшнымъ гнетомъ австро-германскаго имперіализма. Завѣтной мечтой чехо-словаковъ была мечта о свободѣ.

500 лѣтъ они боролись за нее и продолжаютъ бороться понынѣ.

Исконными врагами чехо-словаковъ были ихъ поработители—мадьяры и нѣмцы.

Когда вспыхнула русско-германская война, австрійское правительство послало чехо-словаковъ на русской фронтъ. Но они отказались проливать братскую русскую кровь. Они не могли помогать Австро-Германіи ковать цѣпи для рус-

скаго народа. Цѣпями полками они добровольно сдавались въ русской плѣнъ.

Сдавались въ плѣнъ, чехо-словаки добровольно вступали въ ряды нашей арміи и, вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, плечо о плечо съ нимъ, храбро дрались съ полчищами австро-германскаго имперіализма.

Когда въ началѣ нынѣшняго года совѣтская власть большевиковъ заключила позорнѣйшій миръ съ Германіей и Австріей,—миръ, отдавшій въ рабство германскому имперіализму русской народъ и нашихъ братьевъ-славянъ, чехо-словаки отказались покорно сложить оружіе передъ своими и нашими поработителями.

Они испросили у совѣтской власти разрѣшеніе проѣхать черезъ Дальній Востокъ во Францію, чтобы тамъ, вмѣстѣ съ французскимъ народомъ, продолжать борьбу за свободу народовъ.

Но въ то время, какъ чехо-словаки были въ пути, какъ ихъ эшелоны растянулись почти черезъ всю Россію, отъ Пензы до Владивостока,—совѣтская власть, по приказанію новаго хозяина Россіи—германскаго правительства, хотѣла разоружить чехо-словаковъ, чтобы разоруженныхъ выдать въ руки ихъ враговъ.

Чехо-словаки не могли примириться съ этимъ.

Они возстали—и въ разныхъ городахъ разоружили наемниковъ совѣтской власти—красногвардейцевъ, чтобы имѣть возможность свободно продолжать свой путь.

разобраться в их виновности, и всех задержанных по политическим делам необходимо освободить немедленно. Дума 14 июня большинством голосов, 32 против 12, отклонила это ходатайство.

Следственной комиссии приходилось решать дела и другого характера. Группа служащих различных советских учреждений, а именно — трибунала, квартирной комиссии, музыкального оркестра, красноармейцы и др. обратились в Думу с прошением о выдаче им жалованья за май месяц, которое они не успели получить. Сумма составляла 36.150 рублей. Дума все прошения передала в Следственную комиссию и поручила удовлетворить просьбы тех лиц, которые несли труд, необходимый при любой власти, а красноармейцам и их семьям отказать, т. к. их труд был вредоносным для настоящего строя.

5 июня в помещении Народного Дома (бывший дом Розена) по приказу коменданта Сухого состоялось собрание всех бывших офицеров русской армии, не обязательно местных жителей, которые в это время находились в Кургане. Собралось около 400 человек. Обсуждался вопрос об организации Добровольческого отряда для несения охраны и поддержания порядка в городе, а также для оказания сопротивления и подавления предполагаемых выступлений большевиков. Запись в отряд началась 5 июня в помещении Управления Воинского начальника.

По тому воодушевлению, которое было во время собрания, можно было предположить, что все запишутся в первый же день. Но за первые три дня записались только 90 человек. Записавшиеся стали спешно готовить ультимативную ноту всем «маменькиным сынкам», укаывая, что в такое критическое время их гражданский долг — идти в Добровольческий отряд ради интересов Отечества.

Затруднение было в том, что в отряд принимали не всех. Желаящие записаться должны были приносить с собой заполненный бланк с подробной описью: фамилия, имя, отчество, какого звания, национальность. На этих описях должны были быть записи о поручительстве не менее трех лиц, преданных своей Родине. Набралось около 150 человек. Семьям лиц, записавшихся добровольцами, по распоряжению городской Думы выдавались деньги: одному члену семьи — 75 р., двоим — 125 р., троим — 150 р., четверым — 175 р., пятерым и выше — 200 р. Начальником отряда был назначен поручик Франтишек Грабчик, начальником штаба — подполковник Иванов. Отряд нужно

было финансировать, обратились к жителям, но после контрибуций и экспроприаций Советской властью желающих давать деньги в Фонд спасения отечества было немного.

Сначала Добровольческий отряд вылавливал по уезду небольшие группы красноармейцев, но его первой крупной операцией, совместно с чехами, был разгром отряда во главе с Дмитрием Пичугиным. 17 июня отряд в составе 130 пеших и 15 конных выступил из Кургана, утром 18 прибыл в село Белозерское, откуда направился к Усть-Суерке, где и произошел бой. Пичугин был пленен штаб-ротмистром Гусевым, который 11 июля погибнет в бою под Далматовом.

Газета сообщала, что при ликвидации отряда «сам Пичугин был убит и труп его привезен в Курган» (Курганская свободная мысль, №12. 22.06.1918).

Отпевал Пичугина Дмитрий Егоровича в Александровской церкви протоиерей Николай Богословский, погребли его на Троицком кладбище у железной дороги.

В конце июня Добровольческий отряд присоединился к чехословакам, которые готовились к выступлению на Шадринск и далее. К этому времени в Кургане уже вторую неделю ежедневно хоронили по несколько человек — жертв Гражданской войны.

Было отведено место на Соборном кладбище (ныне Парк Победы) под Братское кладбище. Среди погибших были чехи, добровольцы, казаки, сербы и румыны. Всех хоронили с музыкой и салютом. 5 июля в 11 часов вечера на станцию Курган прибыли тела павших при взятии Шадринска. Их было четверо: поручик Дмитрий Васильевич Егоров, подпоручик Александр Иванович Бакин, прапорщик Алексей Васильевич Никифоров, старший фейервейкер Сергей Арсеньевич Пузанов. Наутро тела торжественно, с музыкой, при значительном стечении публики были перенесены в приемный покой городской больницы. Схоронили 9 июля на Братском кладбище. 11 июля в бою под Далматово было много погибших, среди них и курганские добровольцы. Железнодорожного сообщения на этой ветке еще не было, и тела погибших были привезены через несколько дней в цинковых гробах и опять помещены в приемный покой. Газеты опубликовали имена павших: поручик Антон Порфирьевич Степанов, прапорщик Иван Никандрович Несговоров, поручик Михаил Семенович Гостюхин, доброволец Станислав Николаевич Гриневиц, старший унтер-офицер

Василий Карпович Сашко, прапорщик Аркадий Львович Даревский, поручик Александр Иванович Калмаков, подпоручик Владимир Владимирович Шух, подпоручик Александр Прокопьевич Ушаков, доброволец Алексей Илларионович Васильев, штабс-ротмистр Этьен Викторович Гусев, поручик Карманов из Омска.

Дума решила устроить особо торжественные похороны, и не на братском кладбище, а в центре города, возле Богородице-Рождественского собора. Разработали порядок похоронной процессии — кавалерия, кресты, венки, музыка, войско, певчие, священники, гробы, родственники, общественные представители и затем публика.

«В воскресенье, 21 июля, в 12 часов дня огромные толпы народа пришли во двор городского приемного покоя, и городское духовенство начало отпевание под открытым небом. Была вся городская администрация — председатель Думы Шапиро, городской голова Шубский, группа гласных, председатель Земской управы Торпаков, уездный комиссар Алексеев, начальник гарнизона Гуринович, комендант города поручик Губ, представители 1-го Добровольческого отряда, офицеры 3-го степного полка. Проникновенную речь произнес о. Богословский. Колесницы с гробами за воротами больницы были встречены почетным чешским корпусом и двумя духовыми оркестрами. На центральной площадке соборного сквера была вырыта братская могила. Было много венков, в том числе лично от поручика Грабчика...» (Курганская свободная мысль, №36. 23.07.1918).

На следующий день в ту же могилу в соборном сквере похоронили прибывших с опозданием тела павших под Далматово поручика О.И. Налимова, прапорщика Д.А. Бучина, прапорщика Николая Кузнецова и прапорщика Матвея Иванова.

23 июля уездный комиссар Алексеев направил телеграмму Министру внутренних дел: «21 июля в Кургане при торжественной обстановке преданы земле в братской могиле тела 13 офицеров и трех добровольцев из 1-го Курганского Добровольческого отряда, погибших в бою на станции Далматовой... Мною на гробы возложен венок живых цветов от имени Временного Сибирского правительства» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.155, л.18).

В сентябре городская управа решила перенести тела офицеров-добровольцев, ранее похороненных на Братском кладбище, в братскую

Похороны участников добровольческого отряда

могилу в соборном сквере.

29 сентябрятела Бакина, Ильина, Никифорова, Пузанова, Егорова и Бирючевского торжественно перенесли с соборного кладбища в братскую могилу. Последнее захоронение было 3 октября — поручика Ивана Ивановича Меньщикова, павшего под Алапаевском.

22 июля, в день дополнительных похорон, чехословаки устроили в железнодорожном Народном доме торжественный обед. Интендант чехословацких войск прапорщик Петрш пригласил начальников хозяйственных частей всех чехословацких полков и представителей от курганского городского и земского самоуправления, от кооперативов, железной дороги и телеграфа для обсуждения организации снабжения чехословацких войск продовольствием. С горячими речами выступили городской голова Шубский, председатель управы Шапиро, от имени 17 волостей выступил председатель земской управы Торпаков, представитель местных кооперативов Грязнов. Все обещали помощь. Интендант Петрш в их лице поблагодарил население города и уезда за радушное отношение и большие услуги, оказанные чехословакам еще до переворота. Продовольственная управа для чехов вскоре была открыта, хотя ненадолго.

В конце июня положение в городе начало осложняться. Тюрьма имела 25 камер на 158 мест и в больничке 24 места, а число арестованных доходило временами до 400 человек. Тюрьма была переполнена красноармейцами и большевиками, для содержания арестованных женщин оборудовали на территории тюрьмы из столярной мастерской 3 камеры на 20 мест, часть заключенных перевели в подвал дома нотариуса Попова, где размещался чехословацкий штаб.

По словам уездного комиссара Алексеева, заключенные вели себя грубо и вызывающе, заявляли, что Советская власть все равно восторжествует. Несмотря на запрет свиданий, с воли умудрялись передавать продукты, письма и даже деньги. «Дерзость заключенных большевиков доходила до явного неуважения новой власти и полного игнорирования законных распоряжений. Прибегали к подкупу тюремной стражи и через нее сносились с внешним миром» (ГАКО, ф. р-852, оп.1, д.192-а, л. 66).

Были уличены в содействии арестованным два тюремных надзирателя — Михаил Федорович Ровбути Савва Прокопьевич Семеряков. Оба отправлены в Омский концлагерь. В городе появилась подпольная организация, состоящая в основном из железнодорожников, руководителем был стрелочник Варфоломей Репнин.

Трудно установить всех членов-подпольщиков, в воспоминаниях фигурируют 24 имени, официальных документов в курганских архивах не обнаружено.

Алексеев доносил в штаб чехословацкого корпуса: «Все эти большевики, сидя в подполье, не дремали, а пользуясь малосознательностью большинства... населения и их прежней распрогандированностью в духе большевистских идей, с другой стороны, учитывая те моменты, когда в городе оставалось мало войсковой силы вследствие передвижения в те или иные районы подавления большевизма, вели усиленную, сначала подпольную, а потом

Дмитрий Егорович
Пичугин

№ 85 КУРГАНСКАЯ № 85
СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

<p>ПЛАТА за объявленія за 1-ю страницу 30 коп. за послѣднюю 20 коп. за строку ислета.</p>	<p>Общественно-политическая беспартийная газета. — Выходитъ ежедневно, кроме дней-послѣдаразличныхъ, въ Курганѣ Тобольской губ.</p>	<p>ПОДПИСКА ГАЗЕ- ты въ мѣсяцъ: въ Курганѣ... 1 руб. наперозы... 1 руб.</p>
<p>Примѣч.: въ редакцїи, по- ставленъ экзemplаръ отъ 11 въ 7 час. дня.</p>	<p>АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Духовый пер. д. Колесова. — Тел.-редакцїи и типографїи № 315.</p>	<p>За пересылку адреса, схинуеся въ редакцїи.</p>
<p>Воскресенье 8 (21) июля 1918 г.</p>		

Курганская Городская Дума съ душевнымъ присорбемъ
извѣщаетъ гражданъ города Кургана и его уѣзда:

11-го сего июля пали СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХЪ въ бою подъ гор. Долматовымъ, Пермской губ.

Поручикъ **СТЕПАНОВЪ**, Антонъ Порфирьевичъ.
 Прапорщикъ **НЕСТОРОВЪ**, Иванъ Никандровичъ.
 Поручикъ **ГОСТИХИНЪ**, Михаилъ Семеновичъ.
 Доброволецъ **ГРИНЕВИЧЪ**, Станиславъ Николаевичъ.
 Ст. унт. оф. **САШКО**, Василій Мартовичъ.
 Прапорщикъ **ДАРЕВСКІИ**, Аркадій Львовичъ.
 Поручикъ **КАЛМАКОВЪ**, Александръ Ивановичъ.
 Подпоручикъ **ШУХЪ**, Владимиръ Владимировичъ.
 Подпоручикъ **УШАКОВЪ**, Александръ Прокопьевичъ.
 Доброволецъ **ВАСИЛЬЕВЪ**, Алексѣй Илларионовичъ.
 Шт. ротмистръ **ГУСЕВЪ**, Зѣянъ Викторовичъ.
 Поручикъ **КАРМАНОВЪ** — изъ Омска.

Въ воскресенье 21-го (8) июля во всѣхъ церквахъ гор. Кургана будетъ совершена-
 заупокойная литургія объ усопшихъ, въ 12 час. дня. (21 июля) въ Городской Больницѣ
 состоится отпѣваніе ихъ, а затѣмъ погребене въ БРАТСКОЙ МОГИЛѢ въ Соборномъ
 скверѣ.

СВѢТЛУЮ ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХЪ, ОДАВШИХЪ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗА ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ПОПРАННОЙ РОССИИ И ЕЯ
 ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ, ВЪЧНО БУДУТЪ ХРАНИТЬ ВЪ СВОИХЪ СЕРДЦАХЪ ТѢ, КОМУ ДОРОГА РОДИНА,
 ЕЯ КУЛЬТУРА И ЕЯ СЧАСТЬЕ.

открытую агитацию как против чешских войск, так и против создания сибирской армии. Рабочие курганских заводов стояли на стороне большевиков ...» (ГАКО, ф.р-852,оп.1, д.192-а, л.65).

Алексеев начал ходатайствовать перед тобольским комиссаром о переводе 200 человек из Курганской тюрьмы в Тобольскую каторжную тюрьму, на что было получено разрешение.

Незадолго до отправки заключенных в ночь с 14 на 15 сентября было совершено покушение на поручика Франтишека Грабчика, командира 1-го Добровольческого отряда. Брошенная бомба упала под дорожный мостик и взорвалась. Грабчик был сбит с ног и на некоторое время потерял сознание. Согласно приказу Сухого от 3 июня, за насильственные действия может применяться расстрел.

Комендант города поручик Губ уже на следующий день отправил на казнь 10 «главарей большевизма».

В воспоминаниях существует несколько версий этого события, но точно известно, что в этот день расстреляны: Аргентовский, Грунт, Губанов, Зайцев, Зырянов, Климов, Кучевасов, Мартынюк, Пуриц, Солодников. Отпевали комиссаров 1 января 1919 г. в Богородице-Рождественском соборе, но в метрической книге место погребения не указано. Вероятно, это было соборное кладбище.

21 сентября в Тобольскую тюрьму отправлено из Кургана 198 человек, которые в силу обстоятельств уже в дороге были перенаправлены в Омский концлагерь. Среди жен задержанных и отправленных в Тобольск большевиков чехословацкой контрразведкой была раскрыта

Продовольственная управа для Чехов

Чехи в Кургане

организация по сбору пожертвований на усиление большевистской пропаганды. По делу тайных большевистских организаций арестовано 7 участниц, при обыске найдены подписные листы и воззвания.

Газета писала: «Июньский переворот, а за ним и последующие месяцы, вырвали кормильцев многих семей. Единственную поддержку они получают от рабочих организаций. Несут рабочие свои гроши отвергнутым и однодневными отчислениями и подписными листами. Тяжело им, но они несут несчастным детишкам и вдовам» (Земля и труд. №143. 30.11.1918).

После выступления чехословацкого корпуса по всей линии Транссибирской магистрали Временное Сибирское правительство с середины июня начало создавать Сибирскую добровольческую армию, в которую принимались граждане не моложе 18 лет, нравственно незапятнанные и изъявившие искреннюю готовность преданно служить идее народовластия. Срок службы устанавливался в 5 месяцев.

12–14 июня в Кургане состоялся 5-й крестьянский съезд, одна из резолюций которого гласила: «...Принимая во внимание тяжелое

положение, в котором находятся в настоящее время Сибирь и вся Россия, и в целях защиты нашей Великой Родины от врага внешнего и внутреннего, высказываемся за создание постоянной армии на началах всеобщей обязательной воинской повинности» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.50, л.111).

Были напечатаны листовки, призывающие идти в добровольцы. Но вскоре от добровольческого набора Временное сибирское правительство перешло к мобилизации. Правительство повелело призвать на службу офицеров и военных врачей действительной службы и запаса до 43-летнего возраста. На заседании Курганской думы 17 июля начальник гарнизона полковник Гуринович сообщил, что грядет всеобщая мобилизация и необходимо приготовить помещения для 5000 человек. Свободных помещений в городе не было. Бараки, приготовленные под войска, были заняты беженцами и военнопленными.

18 июля Гуринович отдает приказ: «Приказываю всем офицерам и военным чиновникам, находящимся в г. Кургане и уезде, еще не зарегистрировавшимся и зарегистрировавшимся, но не призванным в войска по каким-либо причинам, явиться не позднее 20 июля в Управление Курганского воинского начальника для регистрации и призыва на службу. Все, не явившиеся к означенному времени офицеры и чиновники, будут арестовываться и предаваться суду за уклонение от службы» (Курганская свободная мысль. № 34. (7) 20.07.1918).

Позже был приказ о регистрации у воинского начальника всех врачей, фармацевтов и ветеринаров.

В Кургане был расквартирован 3-й Степной Сибирский кадровый полк (не путать с 3-м Степным Сибирским стрелковым полком, переименованным 25 августа в Курганский стрелковый полк — авт.). Задачей кадрового полка была мобилизация, для солдат новобранцев

Поручик Франтишек
Грабчик

были реквизированы лесная школа, духовное училище, магазин Колокольникова на Нижне-Базарной площади и пр.

В газете появляется объявление: «В 3-й Степной сибирский кадровый полк приглашаются добровольцы: подпрапорщики, фельдфебели, унтер-офицеры для обучения молодых солдат...» (Земля и труд. №82. 15.09.1918).

5 ноября из этого полка, сформированного исключительно из новобранцев Курганского уезда, было отправлено на Самарский фронт две роты обученных солдат.

С 15 августа полк возглавлял полковник Евгений Михайлович Катанаев.

В октябре был образован Курганский военный округ. 1 ноября в город прибыли командующий войсками вновь образованного округа генерал-лейтенант Василий Васильевич Артемьев со своим штабом. Артемьев был назначен на должность 24 октября по распоряжению генерала Дитерихса, которому были предоставлены чрезвычайные полномочия, но от Сибирского правительства. Артемьев необходимых полномочий не имел. Катанаев не получил от сибирской власти извещения о том, что с него сняты полномочия начальника гарнизона, и для выяснения ситуации поехал в Омск. В результате Артемьев был перемещен в Хабаровск.

Исполнять обязанности начальника Курганского гарнизона было поручено генерал-майору Александру Герасимовичу Георгиевскому. Георгиевский был назначен 25 октября тем же Дитерихсом начальником штаба Курганского военного округа и прибыл в Курган вместе с Артемьевым. 4 ноября он принял от Артемьева командование округом и оставался в этой должности до 5 августа 1919 г.

1 ноября также прибыли окружное военно-медицинское управление, авиационные и автомобильные парки. Вскоре прибыла на отдых 1-я Гусистская чешская дивизия. Город был переполнен войсками, беженцами, военнопленными, мешочниками, бушевала эпидемия тифа.

Таким Курган вступил в 1919 год.

КУРГАН. ГОД 1919-Й

Если читать только протоколы заседаний Курганской городской Думы за 1919 г., то Курган покажется глубоко тыловым мирным городом, где идет повседневная жизнь. Заслушиваются отчеты о работе электростанции, о внешкольном воспитании, о распределении покоев, об очередных выборах в городскую Думу и т. д. Самый острый вопрос — борьба с эпидемией тифа.

Эпидемия началась осенью 1918 г. 31 декабря 1918 г. старший ординатор лазарета Степанов сообщал городскому голове Шубскому, что, ввиду заполнения углового барака городской больницы сыпнотифозными больными, лазарет нуждается в новом помещении для воинов, больных тифом, и просил немедленно отвести для лазарета помещение, в котором разместятся от 50 до 100 человек. За ноябрь поступило больных сыпным тифом местных жителей — 50 человек, военных — 15 человек, в декабре — местных 115, военных — 64, в январе 1919 г. заболело местных — 120, военных — 100, в феврале — местных 80, военных — 304, в марте местных — 105, военных — 676, в апреле — местных 85, военных — 1040. Тиф был сыпным, возвратным и брюшным. Эпидемия продолжалась и в 1920 году. Была образована городская санитарно-исполнительная комиссия, которая наблюдала и за госпиталем, и за лазаретом. В мае комиссия докладывала, что армия не имеет достаточного количества белья, которое при эпидемии нужно часто менять, не хватает помещений и персонала. В апреле заразился сыпным тифом и умер 29-летний врач авиаотряда Петр Алексеевич Новиков. Заразилась врач городской больницы Анна Николаевна Пухова. Среди больных было много беженцев, которые оседали в городе, несмотря на запрет.

На самом деле жизнь в городе была ключом. Он был переполнен военными. В январе стало известно, что в Курган на отдых и формирование прибывает корпус генерала Каппеля: 5 000 солдат, 500 офицеров, 1 500 лошадей. Управляющий уездом Алексеев 25 января 1919 г. отправляет Гаттенбергу, управляющему министерством внутренних

дел в правительстве Колчака, ходатайство: «Начальником штаба Курганского военного округа предъявлено требование о немедленном отводе помещений для следующих войсковых учреждений округа: Управлению военных сообщений, Управлению по квартирному довольствию войск, окружным артиллерийскому и ветеринарному Управлениям, унтер-офицерской школе — 50 человек, команде выздоравливающих — 500 человек, сапожной мастерской — 150 человек, пересылочному пункту — 300 человек, военнопленным красноармейцам — 500 человек, союзным войскам — 2 000 человек. Кроме того, вследствие возобновления работ на винном складе по розливу водки, размещенный в складе военный лазарет — 350 кроватей, необходимо перевести в другое помещение, т. к. оставление лазарета на складе при условии розлива без ущерба для больных невысказано. С нахождением в Кургане на отдыхе чешских частей, 3-го Сибирского полка и штаба округа, занявших все магазины, большие частные дома и большую часть учебных заведений, размещение указанных начальником штаба новых войсковых учреждений и войск без реквизиции мужской и женской гимназий и остальных приходских училищ не представляется возможным. Без разгрузки же населения города не представляется возможным расквартировать прибывающих офицеров.

Генерал Владимир Оскарович Каппель

Спешно ходатайствую о разрешении мне принять на учет и реквизировать мужскую и женскую гимназию и остальные приходские училища и произвести разгрузку населения города от лиц, не связанных службой или работой на оборону» (ГАКО, ф. р-852, оп.1, д.71-а, л.149).

По правилам казарменного распределения помещений полагалось: для офицера — 1,5 кв. саж., для семейных — по отдельной комнате, на солдат — по 1 кв. саж.

Срочно было опубликовано обязательное Постановление Временного Сибирского правительства, принятое еще в конце 1918 г., по которому воспрещался въезд в Курган лицам, постоянно не проживающим в городе, либо не состоящим в нем на службе или на обучении. За нарушение штраф — 3 000 рублей или тюремное заключение. Те из проживающих в Кургане, кто не имел недвижимости или не был связан какой-либо деятельностью, требующей постоянного пребывания, должны были выехать в двухнедельный срок. За неисполнение — выдворение милицией. 3-й Сибирский Степной кадровый полк переведен в Омск. Чехи частично освободили казармы.

Первые эшелоны с каппелевцами прибыли 4 февраля. В тот же день квартирьер Волжского корпуса штабс-капитан Максимов получил ордера на занятие помещений: под штаб корпуса весь дом Гетлихермана на углу Александровской улицы и Гостинодворского переулка (Урицкого-Пичугина), под интендантское Управление — магазин Дерягина возле Троицкой церкви, под Управление инженерной артиллерии и Санитарное управление — первый этаж в меблированных комнатах Е.М. Васильевой. В казармах, оставленных 3-м Степным полком, разместили Казанскую бригаду Волжского корпуса, часть помещений третьего полка оставили для двух кадровых полков, приходящих из Тюмени и Троицка. 5 февраля кинотеатр «Весь мир», 9 февраля — «Прогресс» объявили о прекращении спектаклей и сеансов в связи с реквизицией. Они были отданы Волжскому корпусу. Солдаты подвижной починочной артиллерийской и оружейной мастерской корпуса оставались жить в эшелоне. Каппелевцы понемногу разместились по квартирам, кто в городе, кто в соседних деревнях, но при этом происходило немало недоразумений, пререканий и взаимных обид и недовольства.

Населением города Волжский корпус был принят настороженно. Чтобы как-то расположить жителей, газета писала: «В Кургане

появились необычного вида офицеры и солдаты. На первый раз впечатление как будто неприятное. Нет или мало военной выправки, к которой уже привыкли курганцы по квартировавшему здесь 3-му Сибирскому стрелковому полку, плохо пригнанные, часто рваные и грязные шинели, стоптанные валенки, самый разнообразный и при этом тоже затасканный головной убор. «Но полюбите нас черненькими, а беленькими Вас всякий полюбит». А чтобы эта чернота скорее была вам понятна, напомним курганцам, что эти не вылощенные и не вымуштрованные офицеры и солдаты 8 месяцев без передышки, без отдыха, без поддержки сражались на фронте. Что три четверти из них никогда до этого странного боевого периода в войсках не служили, что только горячий патриотизм и сознание долга перед родиной сделали их, еще недавно может быть блестящих, чистеньких, опрятных — таковыми с виду грязными, серыми, оборванными... Одним словом напомним, что это солдаты славного отряда генерала Каппеля. Будем же к ним хотя бы только справедливы... воздадим должное их светлому духу, их бодрости, их любви к родине, их героизму» (Курганская свободная мысль. №35. 18.02.1919).

Генерала Каппеля некоторое время в Кургане не было. Он проехал сразу в Омск, где представлялся Верховному Главнокомандующему Колчаку. Владимир Оскарович оставался в Ставке и после отъезда Колчака на фронт.

Утром 9 февраля Колчак выехал из Омска на бронепоезде. В 4 часа 30 минут поезд прибыл в Курган. Верховного Главнокомандующего встречала вся военная и гражданская администрация Кургана, на перроне был выстроен почетный караул русских войск с оркестром и кавалерийская часть чешских войск. В город адмирал не выходил, депутацию курганского самоуправления принял в салон-вагоне. Поздно вечером бронепоезд отбыл в Челябинск.

Волжский корпус, Троицкий и Тюменский полки прибыли в Курган не только на отдых. Их главной задачей было формирование новых частей из жителей соседних округов. Генерал-лейтенант Ханжин, командующий Западной армией, в состав которой входили корпус и полки, 11 февраля 1919 г. объявил мобилизацию на территории введенной ему армии, в том числе и в Курганском уезде. Главный начальник Курганского военного округа, генерал-майор Георгиевский для быстрого формирования армейских транспортов 23 февраля приказал

во всех населенных пунктах округа произвести платную реквизицию: 600 саней и 1200 лошадей с упряжью (600 с дуговой упряжью и 600 с упряжью для пристяжных). Начальник Курганского гарнизона генерал-лейтенант Федор Константинович Язвин 26 февраля приказал всем офицерам до 43-летнего возраста, проживающим на театре военных действий и не состоящим на службе в войсковых частях, явиться в комендантское управление для назначения в строевые части или зачисления в резерв. 2 марта Ханжин приказал мобилизовать всех ветеринаров до 45 лет, женщин-врачей до 40 лет, медицинских врачей до 50 лет, фельдшеров. Управляющий Курганским уездом Алексеев 9 марта публикует объявление: «Командующий войсками Западной армии приказом от 3 марта 1919 г. приказал: в Курганском уезде призвать в действительную военную службу лиц, не исключая и беженцев, в возрасте от 19 до 33 лет включительно, имеющих образовательный ценз не менее четырех классов средних учебных заведений или равный им. Первым днем явки на сборный пункт Воинского начальника назначается четверг 20 марта 1919 г. От явки на сборный пункт и призыва в войска по настоящей мобилизации освобождаются лица, состоящие в день объявления призыва:

- а) на службе на железной дороге;
- б) на почтово-телеграфной службе;
- в) на заводах и фабриках, работающих на армию;
- г) учителя средних и высших учебных заведений до окончания учебного года;
- д) лица непригодные к несению военной службы по состоянию здоровья.

Возвратившиеся и возвращающиеся из плена пользуются в настоящий призыв 3-месячной отсрочкой со дня прибытия из плена домой. Призванным иметь при себе: полушубок, кожаные сапоги, три смены белья и другие необходимые вещи, за которые, при условии их годности к носке, по оценке комиссий при воинских частях будет уплачиваться: за полушубок — 150 р., сапоги и валенки — 120 р., варежки — 5 р., теплая шапка — 35 р., теплые кальсоны — 23 р., фуфайка — 23 р., нательная рубашка — 15 р., нательные кальсоны — 13 р., портянки холщовые — 4 р., утиральник — 4 р., рубашка суконная — 64 р., шаровары суконные — 53 р., платок носовой — 5 р., шинель — 75р. Все уклонившиеся от призыва будут предаваться на месте военно-полевому суду...

Воспращаю выезд из пределов Курганского уезда лицам, подлежащих призыву в войска» (Земля и труд, № 51. 19.03.1919).

Призыву не подвергались поляки, уроженцы губерний бывшего Царства Польского, которые считались иностранцами. В марте в корпус Каппеля влилась большая часть пленных красноармейцев, содержащихся в Кургане.

Войска гарнизона 15 марта были приведены к присяге на верность службе. Торжество проходило на Соборной площади. «Вдоль Троицкой улицы сажен на 200 были расставлены шпалерами солдаты поротно, по вероисповеданию и национальности. В 11 часов дня после торжественного молебна на площади православные воины полковым протоиереем А. Тверитиным, при участии нескольких городских иереев, были приведены к присяге на верность русскому Государству. Прежде чем принять присягу, перед фронтом были зачитаны статьи закона, карающего виновных за неисполнение воинского долга и измену родине, а также перечислены подвиги, за которые воины могут быть награждены георгиевскими крестами. Во время парада и присяги над войсками реяли аэропланы местного авиационного парка. Присяга закончилась торжественным парадом. В это же время при домово́й церкви Духовного училища были приведены к присяге чиновники и служащие при военном штабе и военном интенданстве» (Тобольские Епархиальные ведомости, №8. 10(23).03.1919).

Генерал Федор
Константинович Язвин

Большим событием для Волжского корпуса было однодневное пребывание в Кургане генерала Альфреда Нокса. Нокс в 1911–1918 гг. занимал должность военного атташе при британском посольстве в России, в 1918 г. назначен главой британской военной миссии в Сибири. Англия решила оказать Сибирской армии самую широкую материальную помощь в деле снабжения обмундированием и вооружением.

Распределением этой помощи и стал заниматься Нокс. Современники характеризовали его, соединяющим мужество солдата с высокими качествами государственного человека, созданного для руководства специальными делами. В ноябре 1918 г. Нокс был одним из организаторов власти Колчака. В Омске он ведал всем поступающим из Англии снабжением для русской армии. Отправляясь на Уфимский фронт, Нокс 2 апреля в пять часов утра прибыл на Курганский вокзал.

Торжественная встреча была организована только в половине десятого утра. Стрелков Волжского корпуса возглавлял Каппель. Нокс посетил штаб Волжского корпуса, где ему предложили скромный обед, потом в сопровождении Каппеля осматривал роты, беседовал с офицерами и солдатами, особо уделял внимание тем солдатам, которые бывали в боях. Он твердо пообещал, что корпус будет снабжен всем необходимым.

В тот же день он передал значительное количество обмундирования, пришедшего с тем же эшеленом, в распоряжение Каппеля. Доктору Оссовскому, который заведовал лазаретом, Нокс передал как подарок от Британского и Канадского Красного Креста значительное количество предметов, необходимых для госпиталей, значительное количество консервов, куриного бульона, варенья и других съестных припасов.

Вечером того же дня Нокс отбыл на Уфимский фронт. Комплект английского обмундирования, переданного Ноксом, стоил 2000 рублей и включал шинель темно-серого сукна, гимнастерку и брюки защитного цвета «хаки», ботинки, сумку, котелок и баклагу.

Уже 4 апреля Каппель отдает приказ: «С понедельника, 7 апреля, разрешаю корпусному интенданту начать выдачу частям корпуса английского обмундирования и снаряжения. Чтобы установить однообразное ношение этого обмундирования приказываю: 1) в первую очередь выдать обмундирование на всех наличных офицеров, классных чинов и солдат строевых частей, штабов и управлений; 2) выдачу в тыловые части и учреждения временно задержать до подхода следующих эшелонов с обмундированием». Всего в приказе было 11 пунктов.

Положение на фронте складывалось в пользу Красной армии. Чтобы оценить обстановку на месте, из Омска выехал начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Лебедев.

Во время остановки в Кургане он был встречен почетным караулом, Каппелем и комендантом Курганского уезда, ранее начальником гарнизона, Федором Константиновичем Язвиным. Лебедев предупредил, чтобы Волжский корпус готовился к выступлению в район боевых действий.

Согласно документам перед отправкой в корпус насчитывалось до 50 000 человек из добровольцев и мобилизованных разных городов, по преимуществу с образовательным цензом. В это же число входило 15000 пленных, бывших красногвардейцев. Существует версия, пока не подкрепленная документально, что перед отправкой Каппелю было вручено шелковое знамя, изготовленное в Кургане — светло-зеленое двустороннее полотнище. На одной стороне вышито: «Волжане генерала Каппеля». На другой стороне вензель «ВК».

Исход каппелевцев начался 9 мая. Первой уходила батарея. В книге К.В. Сахарова «Белая Сибирь» читаем: «Первая остановка (15 мая) была в Кургане, где грузились в эшелоны последние части Волжского корпуса. Части производили хорошее впечатление, чему сильно содействовал их внешний вид: новенькое английское обмундирование с русскими белыми погонами, люди были хорошо обуты и имели достаточно белья. У всех имелись шинели». Прибыв на фронт, Каппель принял командование на Самарском направлении, его корпус был введен в бой под Белебеем. Белый фронт отступал, и в августе части Волжского корпуса заняли позиции у Кургана, на участке 5-й красной дивизии. «К моменту занятия красными кавалеристами города Кургана, дивизии Волжской группы еще не успели отойти за Тобол, а враг был уже у них в тылу, захватив самую удобную переправу. Повернув корпус на юг, генерал Каппель обошел город. Во время этого маневра, 13 августа 1919 г., в части неожиданно приехал адмирал Колчак. В деревне Галишево он провел смотр полкам,

Генерал Альфред Нокс

раздал награды, а затем со своей свитой на семи автомобилях уехал в штаб корпуса в село Меньшиково» (Винокуров О.А. Битва на Тоболе: 1919 г. в Курганской области. Шумиха. 1913 г. с. 57).

Раньше каппелевцев из Кургана ушел чехословацкий корпус.

После чешского переворота 1 июня 1918 г. комендантом города был назначен поручик Богуслав Губ. 1 января 1919 г. дела, касающиеся русских войск и населения, он сдал коменданту русских войск в Кургане полковнику Лазареву. В январе чехи начали подготовку к продвижению на восток. Их желание быстрее вернуться домой усугублялось тем обстоятельством, что 28 октября 1918 г. была провозглашена независимая Чехословацкая республика. Ее первым президентом стал профессор Пражского университета, историк и философ Томаш Гарриг Масарик.

31 января Губ сообщил управляющему уездом Алексееву, что ввиду прошедшей надобности барак №1, отведенный под расквартирование чехословацких частей, освобождается.

7 марта в 9 часов утра на Александровской площади состоялся парад чехословацких частей по случаю дня рождения Масарика. Накануне, 5 марта, правительство Колчака вручило в Омске чехословацкому воинскому руководству Грамоту: «Российское правительство считает долгом чести и братской дружбы обратиться сегодня к чехословацкому государству и его армии с торжественными словами благодарности и приветия. Великая мировая борьба забросила часть чехословацкого народа в далекую Сибирь. Здесь его доблестные войска стяжали себе героическую славу. Чудесным образом облегчили начало воссоздания национальной России. Восемь месяцев назад зарождавшееся русское правительство, тогда еще Сибирское, в первый же день принятия ими власти, обратилось с горячим призывом к братьям чехам и словакам, высказав им признательность русского народа и ознаменовав этим сотрудничество в суровой борьбе, где помощь чехословаков еще долгое время служила твердой опорой молодой русской армии... Выполнив свою боевую задачу, чехословацкая армия, уступившая место на фронте нашим войскам, продолжает сейчас служить для нас источником помощи и ценного содействия. Чехословацкие эшелоны двигаются на восток и принимают на себя охрану железной дороги, позволяя освободить для фронта русские войска. В трудный час нашей национальной жизни подоспела к нам

помощь доблестного братского народа и навсегда останется памятной его заслуга перед Россией и славянством» (Курганская свободная мысль, № 51, 9.03.1919 г.).

Грамота была подписана Колчаком и всеми министрами. 31 марта в Кургане прекратило работу управление чехословацкого коменданта. Губ выехал. Его квартиру заняло британское про-консульство.

В Кургане остался полк 1-й чехословацкой дивизии им. Яна Гуса. Эта дивизия пришла в Курган на отдых в декабре 1918 г. Командиру дивизии Карелу Воженилек 25 декабря было предоставлено два номера в бывшей гостинице Марфы Васильевой, по Дворянской, 111; начальнику штаба капитану Иванову освободили два номера в гостинице Баранцева; адъютанта дивизии капитана Яначка поселили в доме Петра Бакинова, по Троицкой. Квартирмейстер дивизии капитан Освальд размещал по квартирам штаб дивизии, команды связи, разведчиков, автороту, инженерную роту, скорострельные пушки. Гусистская дивизия жила обособленно от чехословацкого корпуса.

В феврале основная часть этой дивизии ушла на Восток, но остался Боровской стрелковый полк. Перед отъездом Богуслав Губ сообщил городскому голове Шубскому, что все обращения Дума может направлять командиру 3-го батальона майору Кудрна, который остается начальником чешского гарнизона. Располагался он в доме Русско-Азиатской конторы, на усадьбе Поклевского-Козелл, по Троицкой.

Электротехнический отдел городской Управы 12 апреля потребовал от коменданта чехословацких войск уплатить 442 руб. 60 коп. за телефон, которым пользовался Губ. Ответ пришел 22 мая из Штаба

Знамя, изготовленное в Кургане для генерала Каппеля

чехословацких войск в России: «...Препровождаю счет за освобождение чехословацкими войсками города Кургана и прошу сумму 38 276 600 за вычетом 442 руб. 60 коп. за пользование телефоном № 115 чехословацким комендантом города внести не позднее одного месяца после получения этого счета у Начальника Финансового отдела Военного министра, отделения для России в городе Иркутске. Майор Айнзберг».

Далее следовал сам счет. «Счет за освобождение чехословацкими войсками города Кургана от большевистских банд:

1) За освобождение города Кургана от большевиков, за успокоение населения истреблением большевиков в городе и уезде экспедициями, за гарнизонную службу — охрана государственного и народного имущества, охрана беспечности и спокойствия граждан:

а. рента семействам после трех павших и трех пропавших без вести при перевороте добровольцев — 288 000 франков;

б. излечение восьми раненых — 1 000 франков;

в. пособие раненым, как вознаграждение за полную или частичную потерю трудоспособности — 100 000 франков.

Итого: 389 000 франков.

2) Расход на численность гарнизона...:

— 40 офицеров и 2 100 солдат — паек натуральный (пища и п р.) за три месяца — 577 000 руб.; жалованье за три месяца — 344 000 руб.; расход на румынский батальон (15 офицеров и 600 солдат) — паек натуральный за пять месяцев — 260 000 руб.; жалованье за пять месяцев — 168 000 руб.; расход на помещение коменданта города — 80 000 руб.

— Ночные патрули из-за политически-охранных целей сверх 8-часового рабочего дня — 8 патрулей по пять человек по 20 руб. в продолжение 9 месяцев — 172 000 руб.

Итого: 1 592 000 руб.

Увеличение жалованья и пайка чехословацких войск на жалованье и паек колониальных войск (основание: если бы чехословацкая армия хотела понимать свою деятельность из торговой точки зрения, как городское управление, а не идейно, требовала бы, по крайней мере, жалованье и паек колониальных войск... увеличения на паек — 3 274 200 руб.; на жалованье — 2 248 400 руб. На паек румынам — 1 530 000 руб., на жалованье — 1 240 000 руб., на управление — 100 000 руб. Итого: 8 276 000 руб.

3) Вследствие ненормальных и неестественных дезорганизованных условий русской жизни потерпел чехословацкий гарнизон и его военные деятели огромный ущерб на здоровье, нервах, разуме и морали, результатом чего есть значительное ослабление работоспособности, как интеллектуальной, так и физической, что денежными суммами оценить нельзя. Переворотом спасено государственное и народное имущество наличностью в совдепах, банках, казначействах, управах — около 10 000 000 рублей. Переворот помешал варварству большевиков, контрибуциям и уничтожению народного достояния, которые бы городу и гражданам принесли ущерб не менее 20 000 000 руб. Итого спасено 30 000 000 руб., к этому означенных выше 8 276 000 руб.» (Красный Курган, № 108. 10.06.1920).

Курганская управа сообщила в Иркутск, что взаимоотношения не могут быть целиком уложены в идейные рамки, так как во всяком деле имеется материальная сторона, где мерой служат не идеи, а рубли и франки, и действия технического отдела управа считает

Памятник чешским легионерам на Сибирском кладбище

правильными. Разумеется, счет из генерального штаба управа оплачивать не собиралась.

Тем временем на 1 июня в городе готовилось празднование годовщины освобождения Кургана от Советской власти. Предполагалось возложение венков на братских могилах. Возник вопрос — кто похоронен у Богородице-Рождественского собора?

Это оказалось неизвестным ни городской управе, ни соборному причту, ни военному начальству. Списки нашли в газетах 1918 г. Дума предложила городской управе изготовить доску с именами погребенных и поместить ее на могильном кресте. Кроме того, управе поручалось заказать проект памятника на братскую могилу.

Начальник гарнизона Язвин издал приказ: «29 апреля у собора, на братской могиле офицеров и добровольцев, погибших за освобождение Родины, военным духовенством будет совершена панихида в 12 часов дня по всем воинам, павшим в войне 1914—1917 гг. и в войне с большевиками. Для присутствия на панихиде выслать по одной полуроте при положенном числе офицеров от полков, квартирующих в городе Кургане, а от частей меньших подразделений — команды при офицере. На панихиде присутствовать офицерам, свободным от служебных занятий и нарядов. Накануне этого дня в каждой части разъяснить солдатам о значении этой общей панихиды» (Кург. своб. мыс. № 89. 29(16).04.1919).

29 апреля панихида была проведена в присутствии родственников захороненных офицеров.

1 июня при большом стечении народа состоялся торжественный молебен в соборе, снова панихида в соборном сквере, возложение венков, с речами выступили городской голова Шубский и председатель уездной земской управы К. И. Карасенко.

Затем процессия отправилась на католическое кладбище для открытия памятника на могиле чехословаков, погибших в боях с большевиками. Было много венков, шествие замыкалось оркестром Вольно-пожарного общества и частями чешских и русских войск.

В своем выступлении представитель чешских войск сказал: «Сегодня мы передаем этот памятник в братские руки братского народа, с которым наша судьба так тесно связана». Была отправлена телеграмма адмиралу Колчаку: «Курганская городская Дума в знаменательный день освобождения Кургана от большевиков приносит

в лице Вашего Высокопревосходительства приветствия доблестной Сибирской армии и пожелание довести до успешного конца начатую год тому назад славными чехословацкими войсками борьбу за возрождение России. Городская Дума счастлива отметить, что Ваше Высокопревосходительство неоднократно заявляли о неуклонном решении созвать Всероссийское Национальное собрание и в приказах своих торжественно подтверждали неприкосновенность личности и жилищ граждан, чем дали неопровержимое доказательство того, что возглавляемое Вами правительство несет освобождение России, государственный порядок и законность. Да здравствует великая свободная Россия, да здравствует доблестная Сибирская армия и ее Верховный главнокомандующий адмирал Колчак» (ГАКО, ф. р-852, оп.1, д.46, л.110).

Адмирал прислал ответную телеграмму с благодарностью за приветствия и пожелания. Были отправлены телеграммы генералу Сырову Яну, поручикам Грабчику, Сухий, Губ, интенданту Петраш, которые в свою очередь тоже поздравили городскую Думу. Утром 29 июня на Александровской площади были выстроены все войска гарнизона, отслужен торжественный молебен о здравии Верховного правителя, всех чинов армии, совершена панихида о всех погибших воинах.

Фронт все ближе подступал к Кургану.

Начинается массовый исход из города чиновников и купечества. Федор Смолин 18 июля подает прошение начальнику уезда Алексееву на право выезда из Кургана ему и брату Льву Дмитриевичу с семейством: с женой Елизаветой Ивановной и детьми — Анатолием, Надеждой, Сергеем, Екатериной, Софьей, Борисом. В этот же день подали прошения четыре семейства Дунаевых, Дерягины, Харламовы, Елена Балакшина с тремя детьми. Днем раньше ходатайствовали Колпаковы, Бакиновы, Ольга Шух с семейством, Борис Туник, Емельян Перминов с семейством и другие. Все хотели уехать подальше от Кургана — Омск, Томск, Иркутск, но всем было разрешено ехать только до маленькой станции Куломзино, не доезжая до Омска. Уже обсуждался план всеобщей эвакуации.

Алексеев 27 июля сообщает управляющему губернией: «Настроение в уезде стало открыто большевистским, дезертирство громадное... предстоит скорая эвакуация из города. В отправке железной дорогой моего управления и милиции отказано. Прошу срочно разрешения

Генерал Ян Сыровы

закупить для перевозки моего управления при эвакуации 10 лошадей, телег, сбруи, иначе неминуемо должен остаться» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.56, л.206).

Вскоре на стенах учреждений и частных домов, на заборах появились листовки большого формата с приказом генерал-майора Лазарева: «Согласно приказа Главного руководителя эвакуации района Западной армии я, сего 3 августа, вступил в исполнение обязанностей начальника эвакуации города Кургана.

1) Призываю население к полному спокойствию и безусловному подчинению моим распоряжениям и лиц, мною уполномоченных. Только спокойствие и соблюдение порядка гарантируют возможность полной и планомерной эвакуации.

2) Ежедневно в составе отправляющихся эшелонов будет предоставляться определенное количество вагонов как для правительственных и общественных учреждений, так и для семейств военнослужащих, милиции, но помнить надлежит всем, что в первую очередь пойдет обмундирование, снаряжение и продовольствие войск.

3) Семьи военнослужащих (офицеров и солдат) с сего числа регистрируются у коменданта города, кроме тех, кто уже зарегистрировался у начальника гарнизона. Правительственные и общественные

гражданские учреждения, служащие в них, а равно и их семьи регистрируются у уездного коменданта. Военные учреждения, как-то: интенданство, госпитали, лазареты и пр. регистрируются у меня в Управлении.

4) Погрузка и посадка в вагоны будет производиться под непосредственным наблюдением командированных мною офицеров.

5) Никто без предъявления удостоверений на выезд или экстренных отзывов на вокзал не пропускается. Наблюдение за этим возлагается на железнодорожную милицию.

6) Категорически приказываю железнодорожной милиции принять самые решительные меры против появления в полосе отчуждения всех лиц в нетрезвом состоянии. Последних, кто бы они не были, задерживать для предания военно-полевому суду.

7) Вся железнодорожная администрация и комендант станции обязаны немедленно и в точности выполнять все мои распоряжения в области эвакуации, кроме технических.

8) Ни одно правительственное или общественное учреждение, ни одно должностное лицо, военное или гражданское, ни под каким видом и ни в коем случае не должно вмешиваться в мои распоряжения и моих уполномоченных.

Все обязаны немедленно и беспрекословно подчиняться устанавливаемым порядкам и очереди эвакуации. За неподчинение виновные, кто бы они ни были, будут привлекаться по всей строгости законов при фронтовой полосе.

9) Приказываю всем немедленно прекратить самовольные реквизиции подвод и всякого рода предметов. Уездному коменданту при содействии начальника охраны города принять в этом отношении самые решительные меры.

10) Вместе с обозами, эшелонами всех проходных поездов и одиночным порядком следуют массы солдат с фронта без документов. Никто не принимает мер пресечь это зло. Приказываю строго исполнять приказы о борьбе с дезертирством и требую от комендантов уездного, города и станции, а также от начальников городской, уездной и железнодорожной милицией решительных мер к немедленному прекращению позорного для Родины явления.

11) Начальником охраны города назначаю начальника гарнизона, а станции и всех дорожных сооружений и депо — командира батальона железнодорожной охраны.

90БЛ ⁿ⁻³
177

119

Копія.

ПРИКАЗЪ

Гарнизону города Кургана

12-го Юня 1919 года.

№ 1.

§ 1.

Во исполнение приказа Начальника Гарнизона города Кургана отъ 12-го Юня за № 100 § 1, основанномъ на приказѣ Главнаго Начальника Округа отъ 29-го мая сего года за № 93, я вступилъ въ исполнение должности Начальника Гарнизона сего числа. О чемъ объявляю войскамъ Гарнизона для свѣдѣнія.

§ 2.

Управление Начальника Гарнизона будетъ находиться при Штабѣ Отдѣльной Кадровой Бригады 2-го Уфимскаго армейскаго корпуса, помѣщающагося на углу Центральной улицы и Думскаго переулка, въ домѣ П о п о в а.

§ 3.

Всѣмъ частямъ, учреждениямъ и заведениямъ военнаго вѣдомства Гарнизона представить мнѣ свѣдѣнія о штатномъ, списочномъ и наличномъ составѣ офицеровъ, солдатъ и лошадей по состоянію къ 14-му Юня.

Подлинный подписать:

И. д. Начальника Гарнизона,
Полковникъ Б ы р д и н ъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

И. д. Адъютанта Гарнизона,
Прапорщикъ И в а н о в ъ.

12) Назначенной в мое распоряжение роте вооруженных солдат к пятью офицерами ежедневно прибывать к 12 часам дня.

13) Распоряжения о подаче вагонов и кому они предназначены и час их погрузки получать ежедневно: правительственным и гражданским учреждениям, их служащим и рабочим и их семьям у управляющего уездом, семействам военнослужащих — у коменданта города, военным учреждениям — в канцелярии начальника эвакуации — дом Борисова, угол Дворянской и Троицкого переулка, в 5 часов вечера.

14) На погрузку вагонов будет дан короткий срок.

15) Начальнику гарнизона собрать всех военнопленных с частных работ и составить из них две рабочие роты по 200 человек каждая.

16) Уездному коменданту, управляющему уездом, начальнику уездной и городской милиции озаботиться немедленно доставкой ежедневно 2 000 подвод для перевозки имущества. Подводы эти находятся в моем распоряжении.

17) Наряд рабочих и подвод производиться будет мной: начальнику гарнизона и уездному коменданту.

18) Семьи всех служащих будут перевозиться отдельно от глав; главы же, состоящие на службе, должны работать до последнего времени.

19) Приказ этот считать боевым, и всякий нарушивший его будет предан военно-полевому суду.

20) Доставка вещей на вокзал для погрузки в вагоны должна быть закончена накануне и вещи должны охраняться часовыми» (ГАКО, ф.р. 580, оп.1, д.24, л.1).

Эвакуация продолжалась десять дней. Ночью 13 августа белые части были выбиты из Кургана кавалерийским отрядом Томина Николая Дмитриевича при поддержке пехотинцев 30-й дивизии.

Утром Томин доносил в штаб 30-й дивизии: «Энергичным ударом частей около пяти часов, во время которого со стороны противника была введена артиллерия и броневик, противник, оставив массу убитых и раненых, отступил за Tobol. При отступлении противник старался поджигать мосты, но они почти все сохранены... Во время боя нами захвачена масса пленных, винтовок, патронов. В Кургане найден большой запас продовольствия, фуража, как-то: овса, муки, консервов...» (Южное Зауралье в период гражданской войны. Курган, 1963 г. с.122).

15 августа отряд Томина был сменен частями 5-й дивизии. Был образован временный ревком, который 24 августа передал власть в Кургане постоянному революционному комитету, назначенному реввоенсоветом 5-й армии.

Председателем ревкома был назначен Николай Николаевич Воронцов, его заместителем Александр Федорович Дмитриев, членами — Никита Афанасьевич Денисов, Лисин и Шалавко. Первые трое — петроградцы, рабочие-металлисты, работники политотдела 5-й армии, Лисин и Шалавко — курганцы.

Докладная записка Николая Томина о взятии Кургана

Воронцов сообщал, что временный ревком не ограничил время свободного передвижения по городу, разрешил обращение сибирских денег наравне с советскими знаками и сам принимал и производил выдачу «колчаковками».

Постановлением ВЦИК от 27 августа 1919 г. (опубликовано 3 сентября) была образована Челябинская губерния в составе уездов: Челябинского, Курганского, Кустанайского и Троицкого. Курганский ревком подчинен губернскому, т.е. Челябинскому ревкому.

Ревкому очень не хватало своего печатного органа. С августа по декабрь в Кургане не было типографии. Они были вывезены колчаковцами. В конце декабря прибыла из Омска типография, принадлежащая городу Ирбиту. Она имела много дефектов и не могла работать полным ходом. С большим трудом было выпущено четыре номера газеты «Красная Сибирь». В конце января 1920 года была возвращена Курганская типография, с прибытием которой ирбитская типография была отправлена в Ирбит.

В сентябре белая армия перешла в контрнаступление, и Курган снова оказался в полосе военных действий.

В самом Кургане и его окрестностях стояла масса воинских частей, которые требовали продуктов, фуража и подвод для передвижения. Ревком образовал из безработных несколько рабочих дружин и отправил их на уборку урожая в брошенные частные владения и в крестьянские хозяйства. Опасались захвата города белыми.

Была создана эвакуационная комиссия, но когда 28 сентября пришла телеграмма о немедленной эвакуации к 12 часам ночи, оказалось, что комиссия никакой подготовительной работы не вела. Самое ценное удалось вывезти в Челябинск и Миасс. Поезд ревкома выехал последним 2 октября и оставался на станции Юргамыш.

Согласно полученному из Челябинска распоряжению 17 октября ревком вернулся в Курган. Вернулись учреждения и предприятия.

Пока ревком был в эвакуации, кругом гремели бои. Особенную активность проявляли неприятельские аэропланы, в середине сентября над городом кружили целые эскадрильи, сбрасывали бомбы, прокламации, газеты. Был поврежден вокзал.

7 октября неприятелем была проведена воздушная разведка и «ночью белые пытались переправиться через Тобол в районе деревень Большой Чаусовой и Белоярской. С этой целью еще с вечера был открыт огонь из тяжелых орудий и из бронепоезда, пуская, таким образом, части под надежным прикрытием. Некоторые части неприятеля ночью достигли подступов к переправе, но были достойно встречены нашими заграждениями и быстро вернулись на свои места» (Советская Сибирь, №8. 9.10.1919).

9 октября появился один аэроплан, по которому стоящие в городе части открыли огонь, но летчику удалось обстрелять штаб одного из полков, при этом была убита девочка и ранен мальчик.

17–18 октября бои в районе Кургана имели переменный успех.

Николай Дмитриевич
Томин

Здесь располагался революционный комитет

Противник ввел свежие резервы, много артиллерии и броневики. В половине десятого вечера 18 октября белые «повели наступление на деревню Смолино. Красная часть, занимавшая этот пункт, перешла в контрнаступление и обратила противника в бегство, захватив более 10 пленных и 3 пулемета.

19 октября под давлением противника мы вынуждены оставить деревню Шепотково. Теперь на этот пункт ведется наступление с трех сторон» (Советская Сибирь, № 18. 21.10.1919 г.).

Ревком вернулся во фронтовой Курган и продолжил работу. Были образованы отделы: народного хозяйства (совнархоз), здравоохранения, народного образования, земельный, социального обеспечения, финансовый, юридический, военный комиссариат, милиция.

Таким образом, ревкому подчинялась вся жизнь города и уезда.

Были организованы комиссии по борьбе с тифом и дезертирством, с топливным кризисом, по подготовке к выборам в советы.

Многохлопот причиняла непрекращающаяся эпидемия тифа. Было оборудовано 4 000 коек, предполагалось развернуть еще 3 000 коек. Смертность доходила до 200-300 человек в день.

Были открыты санитарные курсы, на станции оборудовали карантинную баню для проходящих воинских частей. В приемник на станции вместо выбывших больных поступали новые из воинских эшелонов, которые стояли в Кургане неделями.

В связи с закрытием школ из-за военных действий весь учительский персонал был привлечен для работ в госпиталях.

Ревком располагался на Дворянской, в доме Семена Корнильцева, напротив кинотеатра «Прогресс». Здесь же 4 ноября организовался Союз коммунистической молодежи. Членов насчитывается до 63 человек, преимущественно рабочие. Выбрано городское организационное бюро, которое продолжает запись желающих вступить. За это короткое время Союз принял участие в проведении праздника 2-й годовщины Октябрьской революции» (Сибирский листок, № 30. 4.11.1919 г.).

Первое бюро уездного комитета комсомола возглавил Г.И. Семенов, секретарь — Киреев, члены бюро: Евгения Буждан, Геннадий Грудных, Валентин Коржев.

Комиссия по подготовке празднования 2-ой годовщины Октябрьской революции приняла решение переименовать некоторые улицы города: «Бакиновский переулок — в проспект Володарского. Наименование проулка по фамилии одного из представителей класса капиталистов, класса угнетателей не может быть терпимо в Красном Кургане. Комиссия по празднованию постановила назвать этот проулок проспектом Володарского, народного трибуна, убитого в Петрограде при проезде на митинг на Александровский вагоностроительный завод предателями рабочего класса.

Шишкинский переулок — в Пролетарский переулок. Как названный Шишкинским по имени крупного когда-то купца, ознаменовавшего свою жизнь лишь тем, что брал с живого и мертвого, проулок этот должен быть переименован и назван именно Пролетарским, по имени тех, кто теперь стал на место прежних вершителей судеб народных.

Суворовская улица — во Въезжую улицу. Суворовская — в память царского генерала. Улица, как находящаяся на окраине города, при самом въезде в него, названа Въезжей улицей.

Компанейский переулок — в Заводской переулок. Компанейский — по имени торговой компании, переименован в Заводской по тем же причинам, что и остальные проулки, носившие имя торговцев.

Думский переулок — Рабочий переулок. С уничтожением прежнего городского самоуправления Думы, наименование Думского переулка должно быть изменено.

Гостинодворский переулок — переулок Троцкого. По имени славного вождя Рабоче-Крестьянской Армии товарища Троцкого» (ГАКО, ф. р-63, оп.1, д.7. л.37).

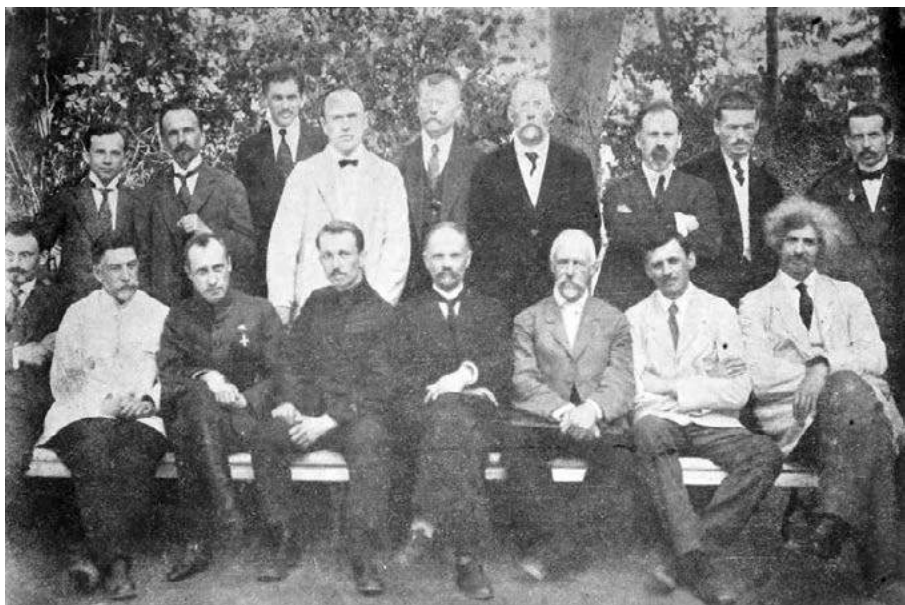
7 декабря состоялось общее собрание большевиков городских организаций, на котором был избран городской партийный комитет из семи товарищей. В него вошли Самоданов, Воронцов, Жуков, Васильев, Ершов, Малашкевич, Коваленко. В таком составе комитет пробыл недолго. Воронцова через несколько дней по решению Реввоенсовета 5-й армии отзывают в Красноярск. Курганский ревком просит задержать отзыв, и Воронцов уезжает из Кургана в середине января 1920 г.

Знаменательным событием для Кургана было прибытие в декабре литературно-инструкторского поезда им В. И. Ленина. Ревком был оторван от центральной власти, и благодаря этому поезду удалось получить кой-какие инструкции.

С трудом, но жизнь в городе начала налаживаться.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. ПОЕЗДКИ НА ФРОНТ

Летом 1918 г. на территории Сибири, Урала и Поволжья господствовали несколько правительств — Временное Сибирское правительство в Томске, Уральское областное правительство в Екатеринбурге и Самарский Комуч. Все это приводило к децентрализации военных операций белой армии. Встал вопрос о создании единой централизованной власти, которая бы координировала как военные операции, так и жизнь мирного населения. В июле и августе 1918 г. состоялись два совещания представителей местных правительств по этому поводу, но прийти к соглашению не удалось ввиду притязаний каждой из местных властей стать всероссийской. Под нажимом союзников, заинтересованных в твердой власти, в сентябре состоялось совещание в Уфе, где

Члены Временного Сибирского правительства. Июль 1918 года.

было образовано Всероссийское временное правительство, так называемая Директория. Работать Директория должна была в Омске, т. к. Совет министров Временного Сибирского правительства еще 23 июля 1918 г. постановил считать Омск столицей Сибири. Союзники хотели видеть во главе сибирского белого движения диктатора, фигуру зна-

Александр Васильевич
Колчак

ковую, харизматическую. Они остановили свой выбор на Александре Васильевиче Колчаке.

В октябре 1918 г. адмирал Колчак в поезде английского генерала Альфреда Нокса из Владивостока направился в Омск. В Чите Нокс имел конфиденциальную встречу с атаманом Семеновым, с которым говорил об адмирале. Семенов откровенно высказал свое мнение, о котором говорит в своих воспоминаниях: «...Признавая его любовь к родине и готовность на всякие жертвы во имя ее, я не был уверен, что адмиралу удастся справиться с ролью Всероссийского диктатора в той сложной обстановке столкновения самых противоположных интересов и стремлений, которая создалась в Омске. Вопреки ходячему мнению о несокрушимой воле адмирала и его железном характере,

я считал его человеком весьма мягким, податливым влиянию окружающей обстановки и лиц, и потому, учитывая его резко выраженные англо-французские симпатии, не сомневался, что адмирал всецело подпадет под влияние наших западных союзников».

13 октября Колчак прибыл в Омск, 28 октября пришли эшелоны с английскими войсками, присутствие которых должно было повлиять на развитие событий.

4 ноября, в понедельник, адмирал вошел в Совет министров Временного Сибирского правительства в качестве военного и морского

АДМИРАЛ КОЛЧАК. ПОЕЗДКИ НА ФРОНТ

министра. Тогда же, 4 ноября, полковник Джон Уорд, начальник английского экспедиционного отряда получил телеграмму от британского консула в Екатеринбурге с просьбой командировать туда отряд к 9 ноября для празднования церемонии пожалования знамен четырем батальонам чешской национальной армии. Приглашение на церемонию получил и Колчак. Ввиду редких поездов он попросил разрешения Уорда прицепить свой вагон к его составу.

Из Омска выехали в пятницу, 8 ноября, прибыли в Екатеринбург за час до начала торжества. Военному министру тут же представился командующий местными войсками генерал Гайда. После церемонии во время банкета Колчак произнес свою первую речь в ранге военного министра.

Затем адмирал направился на Кунгурский фронт и 10 октября около 11 часов утра прибыл в штаб армии, которой командовал генерал князь Голицын. При осмотре переднего края офицеры попали под артиллерийский обстрел, но ни один снаряд не достиг цели.

На следующий день отправились на Лысьвенский фронт, где были встречены генералом Пепеляевым. Несмотря на молодость, Пепеляев выглядел старым солдатом. Он высказал уверенность, что сможет

Проект флага Верховного правителя России, подписанный Колчаком

разбить врага, если его люди будут снабжены оружием и амуницией. Половина его солдат ждала ружей от своих товарищей, которые будут убиты или замерзнут в снегу. У многих ноги были обмотаны тряпками.

Колчак заявил, что положение солдат настолько тяжело, что его непосредственным делом будет организация тыла и обеспечение мер, благодаря которым солдат на фронте сможет исполнять свой долг.

Следующим пунктом был Челябинск, где состоялась встреча Колчака с генералом Сыровым, командующим чешской армией, и с генералом Дитериксом. Совещание с ними продолжалось до 5 часов вечера, и через некоторое время поезд направился в Омск.

Курган проехали ночью и прибыли в Петропавловск 16-го около 11 часов утра. Здесь задержались на целый день, ждали из Омска встречный поезд с генералом Болдыревым, который в состоявшейся беседе с адмиралом, вероятно, предупредил его о последующих событиях.

В Омск прибыли 17 ноября уже под вечер, а ночью произошел военный переворот, в результате которого власть полностью перешла в руки Совета министров, провозгласившего Колчака Верховным Правителем России.

Утром адмирал публикует обращение «К населению России»: «18 ноября 1918 г. Всероссийское Временное правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу русского флота Александру Колчак. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии для победы над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру. Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам. Верховный Правитель адмирал Колчак. 18 ноября 1918 г. Омск».

Вот с этого 18 ноября можно говорить о колчаковщине. Приняв власть, Колчак оказался в очень щекотливом положении. Он не умел командовать сухопутными войсками. Ему казалось почти

непостижимым искусством распоряжаться массами людей, двигая ими по своему усмотрению. Во флоте можно было не выходить из флагманской каюты, ведь корабельная армада жила сама по себе, как предельно отлаженный механизм, в котором воля командующего играла, скорее, регулирующую роль. Незнание тактики и стратегии сухопутного боя не раз обернется для Колчака большими промахами. Армия была неоднородна. Та ее часть, что была составлена из добровольцев, остро нуждалась в обмундировании и обуви. Рассчитывать на быстрые поставки союзников не приходилось.

Срочно были изданы листовки с призывом к населению оказать материальную помощь войскам. Помощь пришла от Союза Сибирских маслодельных артелей.

Незадолго до приезда Колчака Главная контора Союза из Кургана, где она располагалась 10 лет, была переведена в Омск. 28 ноября представители от контор Союза, расположенных от Урала до Байкала, собрались на совещание в Омске. 29 ноября делегаты, наряду со своими насущными вопросами, обсудили создавшуюся ситуацию и вынесли постановление:

1. Для расчетов в прифронтовой полосе и для немедленного снабжения полевых казначейств предложить Верховному Правителю заимобразно один миллион рублей мелкими купюрами;

2. Все имеющиеся в настоящее время в оптовых складах контор валенки, рукавицы, шапки, сбрую и прочие вещи, пригодные для армии, безотлагательно предложить военному ведомству;

3. Доложить обо всем количестве мануфактуры, имеющейся в Союзе... и предложить часть этой мануфактуры обменять на одежду солдатского образца (шинели, куртки, шаровары и проч.) с приплатой, если понадобится, деньгами;

4. Организовать в срочном порядке шитье белья и вещей в каждой из районных контор;

5. Для немедленного доклада об изложенном Верховному Правителю избрать делегатов из следующих лиц: директора Правления А. А. Балакшина, члена Правления А. П. Медведева, членов районных Правлений: Н. М. Каташева, Ф. И. Кожевникова и Ф. И. Фейкенгаймера...» (Народная газета, №36. 29.12.1918).

На следующий день избранные делегаты были приняты Колчаком и передали ему деньги. Верховный правитель немедленно через газету

выразил свою благодарность: «Сегодня ко мне явились представители маслодельных кооперативных артелей и передали мне от имени Союза миллион рублей в мое распоряжение в виде займа, с возвратом, когда состояние финансов государства будет этому благоприятствовать. Означенная сумма передана мною г. министру финансов для помещения в Государственном банке и будет использована для отправки на фронт, где существует крайне острая необходимость в мелких разменных знаках. От лица армии приношу глубокую благодарность Союзу маслодельных артелей, первыми пришедшими на помощь для удовлетворения неотложных потребностей армии» (Народная газета, №29. 29.12.1918).

С конца 1918 г. колчаковский фронт был основным фронтом гражданской войны, на котором решалась судьба страны. В декабре 1918 г. адмирал, собрав крупные силы на правом своем фланге, попытался прорвать фронт красных и соединиться сдвигающимися от Архангельска английскими и русскими белыми войсками. 24 декабря генерал Анатолий Николаевич Пепеляев, чей брат Виктор входил в правительство Колчака и позже был расстрелян в Иркутске вместе с адмиралом, захватил Пермь.

Но в январе 1919 г. Красная армия перешла в наступление. Было необходимо готовить ответный удар. Колчак решает выехать на фронт.

Ранним воскресным утром 9 февраля его поезд отбывает из Омска. В 2 часа 30 минут того же дня в Кургане получают известие, что специальный поезд с Верховным Правителем вскоре прибудет на станцию Курган. На вокзал спешно собираются члены военного ведомства, в том числе начальник гарнизона генерал-майор Георгиевский, комендант города полковник Лазарев, уездный воинский начальник полковник Гуринович, интендант Курганского военного округа Лукашевский, командир 3-го Сибирского Степного полка полковник Крылов. Кроме военных, прибыли представители городских организаций: управляющий Курганским уездом Матвей Васильевич Алексеев, начальник милиции Адам Адамович Кибо, уполномоченные Министерства продовольствия и снабжения — Георгий Васильевич Корсаков и Александр Александрович Варзин, заведующие мясными заготовками Воронцов и масляными заготовками Б. В. Мурзаев, городской голова Георгий Петрович Шубский, председатель земской управы Павел Иванович Задорнов, представитель Союза Сибирских маслодельных артелей и председатель Курганского Союза кооператоров Иван Иванович Грязнов, директор мужской гимназии Леонид Иванович Дирдовский, лесной ревизор Владислав Михайлович Ячинец, управляющий Государственным банком Сергей Иванович Якубов и другие. На перроне был выстроен почетный караул русских войск с оркестром и кавалерийская часть чешских войск. Среди офицеров находился комендант города поручик Губ, начальник 1-ой Чехословацкой Гусистской дивизии полковник Воженилек, начальник его штаба подполковник Иванов. Привокзальная площадь быстро заполнилась любопытным населением, мальчишки заранее забрались на крышу вокзала и других построек.

Бронепоезд Колчака прибыл в 4 часа 30 минут. Колчак вышел из вагона, принял рапорт от военных властей, поздоровался с почетным караулом, с офицерами и с кавалерийским отрядом. После этого он вернулся в вагон. Публика и представители ведомств стали расходиться. Поскольку гражданские лица на перроне не представлялись Верховному Правителю, им было предложено представиться в вагоне. Дежурным генералом были приглашены пять человек: уездный

Екатеринбург. Штаб Сибирской армии. Сидит (второй слева) адмирал Колчак

комиссар Алексеев, городской голова Шубский, председатель земской управы Задорнов, председатель Союза кооператоров Грязнов, лесной ревизор Ячинец. Их имена и общественное положение были записаны в дежурный журнал, и после этого секретарь с адъютантом пошли докладывать о них адмиралу. Во время приема городской голова сказал речь: «Ваше Превосходительство! Примите горячий привет от граждан города Кургана и Курганской городской Думы. Я счастлив заявить Вам, что Курганская городская Дума всецело стоит на точке зрения всемерной поддержки Вас и Временного правительства. Мы живем и работаем в единственной надежде на то, что Вы и Временное правительство создадите законность и порядок в стране и восстановите транспорт, торговлю и промышленность. Позвольте Вам пожелать сил, здоровья на то, чтобы благополучно докончить святое дело восстановления Великой и Могучей России, объединенной в своих прежних пределах» (Земля и труд. №3. 12.02.1919).

Остальные приглашенные рапортовали о работе своих подразделений. В ответ Колчак высказал свой взгляд на задачи государственной

власти, говорил о разрухе на железнодорожном транспорте, в финансовой сфере, о застое в промышленности и в торговле, о сложностях в получении помощи от союзников. В заключение адмирал сказал, что от представителей самоуправлений и общественных организаций, от напряжения деловой работы зависит будущее и выразил надежду на исполнение возложенных на них обязанностей.

Сразу после этой встречи П. И. Задорнов на заседании земской управы рассказал о приеме у Верховного Правителя, и собрание немедленно отправило Колчаку телеграмму: «Курганское уездное земское собрание... постановило приветствовать в Вашем лице Верховную власть и заявить, что оно всецело стоит на точке зрения существующей Верховной власти как в ее борьбе с большевиками, так и в ее стремлении укрепить власть, установить правопорядок для возрождения Великой России» (Земля и труд. № 3. 12.02.1919).

Утром 10 февраля поезд Колчака прибыл в Челябинск, где Верховный Правитель был встречен представителями городского и земского самоуправления хлебом-солью. Город успел подготовиться, улицы были украшены национальными флагами. В этот день Колчак посетил военные и общественные учреждения и госпиталь. Вечером торгово-промышленная палата устроила в здании реального училища торжественный обед с присутствием представителей Союзных миссий, военных и общественных организаций.

На следующий день состоялось совещание в штабе Западной белой армии в номерах М. И. Дядина. Присутствовали все командующие фронтами. Обсуждался план ставки нанести главный удар в северном направлении по линии Пермь-Вятка-Вологда. Срок назначили на начало марта. Конечной целью ставился захват Москвы. Выступавший в конце совещания Колчак заявил, что тот, кто первый

Генерал Александр
Иванович Дутов

Генерал Радола Гайда

войдет в Москву, будет господином положения. 12 февраля адмирал пробыл в Златоусте, где посетил цехи и мастерские знаменитого завода, общался с рабочими. Следующие два дня прошли в прифронтовых районах, где полевые командиры докладывали о расстановке сил и местных боях. Колчак побывал на передовой, в километре от белых сторожевых охранений посетил маленький лазарет, где раздал боевые награды солдатам. Это прибытие адмирала 13 февраля на позиции 6-го Уральского корпуса 12-й пехотной дивизии, где белые терпели неудачу, привело к успеху — удалось отбить у большевиков несколько деревень.

15 февраля в 10 часов утра поезд Верховного Павителя прибыл в Троицк, на вокзале которого были выстроены казахи и французские части. После торжественной встречи Колчак с атаманом Александром Ивановичем Дутовым и свитой отправились на тройках, в сопровождении казачьего конвоя и киргизских всадников в ярко-алых чалмах

на заседание очередного Большого круга Оренбургского казачьего войска, которое состоялось в женской гимназии. Председатель круга сделал доклад о военных действиях казачества, о его нуждах, о надвигающихся весенних работах, а в заключение сказал: «Не питая никаких сепаратных желаний, Войсковой круг заявляет, что войско Оренбургское стремится только к созданию вновь Великой России, укреплению твердой государственной власти». В ответной речи Колчак назвал казачество одной из самых надежных опор государства. Днем Верховному правителю был дан обед.

В 4 часа поезд отошел из Троицка. Вечером в Челябинске Колчак принял караул командующего армией и башкирскую делегацию. В Челябинске задержались недолго, и в час дня следующего, 15 февраля, Верховный Правитель прибыл в Екатеринбург.

На вокзале были выстроены уланы и другие части Сибирской армии. С вокзала Колчак проехал в кафедральный собор, где епископ Григорий произнес речь и отслужил молебен. Из собора — в штаб армии на заседание Георгиевских кавалеров, потом торжественный обед, на котором Колчака приветствовали консулы английский, французский, американский, представители общественных организаций. От имени Сибирской армии своего Верховного вождя приветствовал генерал Радола Гайда. Гайда (Рудольф Гайдль) двумя днями раньше отметил свое 27-летие. Такой молодой — и уже генерал, командует армией. Этот одаренный чешский авантюрист какое-то время пользовался полным доверием адмирала и непререкаемым авторитетом у чехов. Был честолюбив не по способностям. Ради достижения своих целей шел на все, даже на предательство, что и показало время. Весной, в ходе генерального наступления, Сибирская армия под его командованием одержала ряд побед и уже подходила к Казани. В это время Западная армия при командующем генерал-лейтенанте

Генерал-лейтенант Михаил Васильевич Ханжин

Представители союзных войн

Ханжине терпела поражение. Колчак приказал приостановить наступление Сибирской армии и перебросить ее основные силы на помощь Западной армии. Гайда отказался выполнить приказ, что обернулось разгромом Западной армии. 7 июля Гайда был отстранен от командования, в сентябре был уволен из армии, лишен всех наград и генеральского чина. 17 ноября 1919 г. во Владивостоке Гайда возглавил мятеж против Колчака, был арестован, потом по требованию союзников освобожден и покинул Россию. А тогда, в Екатеринбурге, он понравился Колчаку.

17 февраля Верховный Правитель принял французского и английского консулов, делегации от общественных организаций, объехал войсковые части, вечером был в театре, ночью литерный поезд отправился в Нижний Тагил, где 18 февраля Колчак в вагоне принял делегацию от рабочих.

На следующий день прибыли в Пермь, в 9 часов утра. Колчак с генералами Гайдой и Пепеляевым поехали в собор. Он благоволил к этим молодым генералам, прощал их своеволие и заносчивость. Для него, образованного опытного моряка, было почти сверхъестественным, что вчерашний поручик и неудачливый фельдшер безбоязненно

брались за любые крупномасштабные операции и, что самое поразительное, доводили их до более или менее успешного завершения. Эта его слабость к сухопутным практикам не раз оборачивалась для него промахами в выборе военачальников.

Анатолий Николаевич Пепеляев был старше Гайды на один год и тоже не лишен авантюрных наклонностей. За его плечами было участие в 1-й мировой войне, когда он зарекомендовал себя как беспредельно храбрый офицер. В данное время он был очень популярен в войсках, Пермь встречала его как своего освободителя от красных.

В Перми состоялся грандиозный смотр войскам, потом в зале Благородного собрания Верховному Правителю представился ряд делегаций, после чего завтрак и приезд на торжественное заседание земского собрания и городской Думы. Там выступающими была высказана уверенность, что правительство Колчака выведет Россию из всех ужасов Гражданской войны и экономической разрухи.

Из Перми адмирал выехал в прифронтовые районы, в том числе задержался ненадолго в Мотовилихе, где посетил пушечный завод.

Утром 23 февраля вернулись в Екатеринбург. Колчак в вагоне принял генералов Гайду и Ханжина. Михаил Васильевич Ханжин, опытный командир, в январе был назначен командующим Западной армией, и именно он в марте 1919 г. начал наступление на Уфу, Самару, Казань, добился большого успеха, но летом последовало отступление.

За два дня, проведенные в Екатеринбурге, Колчак принял парад войск на Соборной площади, во время которого было освящено знамя 25-го имени адмирала А. В. Колчака полка. Командир полка коленопреклоненно принял знамя из рук командующего. Вечером состоялось заседание городской Думы со всеми общественными организациями,

Полковник Анатолий Николаевич Пепеляев

Награды от Верховного правителя

где опять была выражена уверенность, что правительство исполнит все свои обещания. Колчак в ответной речи уверил, что все будет исполнено.

На этом поездка на фронт была окончена, и через Тюмень Колчак вернулся в Омск.

Обещания адмирала давали какую-то надежду сторонникам прежнего режима. Так, курганские землевладельцы, проводившие съезд 29 марта 1919 г., послали министру земледелия Сибирского правительства телеграмму следующего содержания: «От имени только что закончившего свою работу по выяснению условий, обеспечивающих нормальное развитие сельского хозяйства, съезда земельных собственников Курганского уезда, объединяющего около 300 землевладельцев, покорнейше просим Вас передать Его Высокопревосходительству господину Верховному Правителю, что в его лице курганские землевладельцы приветствуют все активные силы возрождающейся страны, которые, мы глубоко уверены в этом, вновь создадут здание Великой России, построив его на основе уважения и охраны жизнеспособных

прав всех государственных элементов страны. Надеемся, что основы сельского хозяйства будут правильно решены правительственной властью и, благодаря громадному земельному запасу, Сибирь в ближайшем будущем будет покрыта по примеру Европы и Америки цветущими культурными фермами собственников».

На этой телеграмме Колчак поместил свою резолюцию: «Благодарю за приветствие. В решении земельного вопроса лежит основание благоденствия нашей родины, и в работе земельных собственников заложено обеспечение этого благоденствия. Адмирал Колчак» (Курганская свободная мысль, 20.05.1919).

Эта февральская поездка Колчака была единственной такой триумфальной — с парадами, с оркестрами и банкетами, с киргизами в алых чалмах. Он приезжал на Урал в мае, июне и июле, но уже через Тюмень. К тому времени чехи забили железнодорожную сеть до самого Ново-Николаевска, блокируя любые перевозки, не считаясь ни с грузом, ни с графиком и пренебрегая чьими-либо приказами и просьбами.

Тем временем наступление, так удачно начатое Западной армией Ханжина 5 марта, захлебнулось в конце апреля.

25 апреля южная группа Восточного фронта под командованием М. В. Фрунзе перешла в контр наступление. Гайда помочь не захотел, начался отход Западной армии Колчака. Следом начали отступать к Уралу и другие армии. В мае адмирал выезжает на фронт, чтобы оценить обстановку на месте и пообщаться с командующими.

17 мая он возвращается в Омск. Летние неудачи заставили Колчака реорганизовать фронт. В результате были созданы новые армии и группы войск: 1-я армия под командованием генерала Пепеляева, 2-я армия под командованием генерала Лохвицкого, 3-я армия — генерал Сахаров, Волжская группа — генерал Каппель,

Генерал Константин
Вячеславович Сахаров

Уфимская группа — генерал Войцеховский, Уральская группа — генерал Кругловский, Оренбургская армия — атаман Дутов, 2-й отдельный Степной корпус — генерал Ерофеев.

Все это называлось Восточный фронт, главнокомандующим был назначен генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс, потомственный военный, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Предки — чешского происхождения, в связи с этим он пользовался поддержкой чешского корпуса. Дитерихс был убежден в своем назначении спасти Россию.

Но Красная армия неудержимо двигалась на восток, и 7 июля 1919 г. пала Уфа, 13 июля — Златоуст, 14 июля — Екатеринбург, 25 июля — Челябинск. К 10 августа вся Сибирь до реки Тобол была освобождена из-под власти Колчака. До Омска было рукой подать.

Генерал Михаил
Константинович Дитерихс

Колчак спешно выезжает в войска. 22 августа 1919 г. он прибывает в штаб Ижевской дивизии, расположившейся в селе Арлагуль Курганского округа. Он произвел смотр полкам. Потом были розданы подарки солдатам, ведь с Верховным Правителем прибыли несколько автомобилей с продуктами и куревом. Желание Колчака найти путь к сердцу солдат было понятно и производило большее впечатление, чем блестящие речи.

На линии Курган-Акмолинск-Ишим Красная армия была остановлена. Дитерихс сумел собрать силы, и 1 сентября армии Восточного фронта перешли в свое последнее наступление, которое оказалось довольно удачным. Весь правый фланг красных был совершенно разбит. Большевики были отброшены за Курган.

Дитерихс понимал, что для закрепления успеха необходим завершающий удар казачьей конницы по красным тылам. Сибирский казачий корпус первоначально имел крупный успех, но наступательный порыв кавалерии был недолог.

С началом успеха Колчак выехал на фронт к казачьему отряду. 10 сентября вместо донесения о начале налета Дитерихс получает телеграмму от самого адмирала: «Ввиду переутомления войск и в особенности казаков, остановил войска на трехдневный отдых. Очень вам благодарен за успех». Это вмешательство Колчака в боевые действия как раз характеризует его неспособность стратегически оценить ситуацию. Остановка наступления другим военачальником была бы квалифицирована как воинское преступление.

Эта остановка дала возможность красным подвезти подкрепление, и в середине октября они сами сделали такой нажим, что 3-я армия генерала Сахарова неуклонно покатилась вдоль железной дороги на Петропавловск.

Последняя поездка Колчака на фронт состоялась в начале октября. На пароходе «Товарпар» он доплыл до Тобольска. Артиллерия красных гремела уже под самым городом. Тобольск казался вымершим, правительственные учреждения были эвакуированы. Адмирала встречал архиерей Иринарх с иконою и благословением.

Белые части, шедшие по Тоболу в тюменском направлении, на которые Колчак возлагал большие надежды, оказались в окружении. С трудом их удалось посадить на баржи и вывезти в безопасное место. В этой поездке адмирала сопровождал Георгий Константинович Гинс — управляющий делами Совета министров в правительстве Колчака. В своей книге «Сибирь, союзники и Колчак» он написал:

«...Адмирал был политически наивным человеком. Он не понимал сложности политического устройства, роли политических партий, игры честолюбий как фактора государственной жизни. Ему было совершенно недоступно и чуждо соотношение отдельных органов управления, и потому он вносил в их деятельность сумбур и путаницу.

Георгий Константинович
Гинс

Крест на месте гибели Колчака

Редкий по искренности патриот, прямой, честный, не умеющий лукавить, умный по натуре, чуткий, темпераментный. Но человек корабельной каюты, не привыкший управлять живыми существами, наивный в социальных и политических вопросах — вот каким мне представился адмирал Колчак после нашей поездки в Тобольск. Я одновременно полюбил его и потерял в него веру. Какую ответственность взяли на себя люди, которые в ночь на 18 октября 1918 г. решили выдвинуть адмирала на место Директории...»

После возвращения из Тобольска стало очевидным, что Омск не удержать.

12 ноября 1919 г. вместе с несколькими эшелонами с золотым запасом и отходившими частями своих армий Верховный Правитель выехал на восток. 14 ноября в Омск вошли красные части. Эшелоны двигались медленно, с большими остановками. Следом катилась

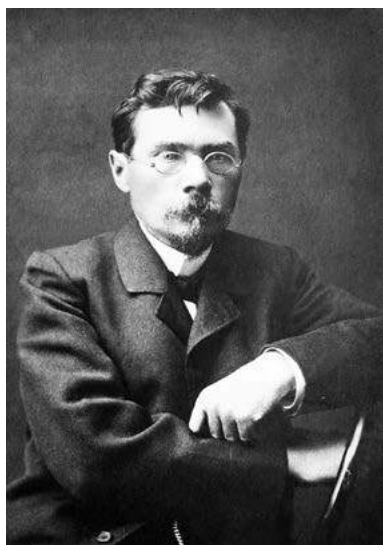
волна восстаний против колчаковского режима. Восстали и шахтеры Черемхово, небольшого города перед Иркутском.

Одним из инициаторов этого восстания был Василий Иванович Буров. В 1917 г. он служил прапорщиком в 34-м Сибирском запасном полку, расквартированном в Кургане, и звался Михаил Николаевич Петров. Сначала меньшевик, потом большевик. В июне 1918 г. был арестован белыми и отправлен в Омский концлагерь, откуда бежал с чужими документами и с тех пор звался Буровым. Он возглавил Черемховский партизанский отряд и оставил воспоминания о тех днях: «Иду на телеграф и прошу передать в обе стороны телеграмму: всем, всем, всем! Разбитый Колчак подходит к станции Черемхово, стремится прорваться во Владивосток. Надо помешать этому... Черемховский ревком предлагает эшелон Колчака пропустить на Восток при условии ввода в эшелон 50 % нашей охраны. При несогласии разберите пути и поезд задержите. Буров».

В Черемхово в эшелон Колчака сели 8 вооруженных рабочих, в том числе Буров. Через несколько часов, 15 января 1920 г., поезд с вагоном Верховного Правителя подошел на станцию Иркутск под охраной чешских легионеров и черемховских рабочих. Тюрьма, куда препроводили Колчака, находилась совсем недалеко от Харлампиевской церкви, в которой 5 марта 1904 г. он венчался с Софьей Федоровной Омировой. 20 января начались допросы Колчака, а в ночь с 5 на 7 февраля он был расстрелян.

КУРГАНСКИЕ ТИПОГРАФИИ И ГАЗЕТЫ ДО 1920 Г.

Зарождение сибирской периодической печати возможно отнести к 1857 г., когда в ряде сибирских городов начинается официальное издание «Губернских ведомостей», в том числе и в Тобольске. В течение XIX в. в России не было журналистского образования, поэтому не было и профессиональных журналистов, тем более в Сибири.

Первый ответственный редактор первой газеты Кургана
Николай Лукич Скалозубов

Редакторы и корреспонденты газет происходили из местной интеллигенции и политических ссыльных. Это в полной мере относится к Кургану.

Первая курганская газета вышла в 1895 г., и связано это с выставкой, отражавшей экономическое состояние Тобольской губернии. Называлась газета «Справочный листок Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки». Комитету выставки по ходатайству тобольского губернатора Николая Модестовича Богдановича было разрешено издание «Справочного листка», чтобы подробно отражать жизнь выставки. Ответственным редактором был утвержден один из организаторов выставки, правительственный тобольский губернский агроном Николай Лукич Скалозубов. Был назначен и цензор — председатель уездного съезда чиновников по крестьянским делам Сергей Валерианович Карнович. Выставка открывалась 20 августа, но «Тобольские губернские ведомости» уже 3 мая поместили объявление об открытии подписки на «Справочный листок». В программу «Справочного листка» входило 8 рубрик:

1. Телеграммы Российского телеграфного агентства;
2. Законоположения и правительственные распоряжения по вопросу о выставках;
3. Распоряжения Комитета по выставке;
4. Статьи по обзору разных отделов выставки;
5. Отчеты по организации и деятельности распорядительного Комитета выставки и экспертных комиссий;
6. Новости в области сельскохозяйственной, кустарной и обрабатывающей промышленности;
7. Справочный отдел;
8. Объявления.

Газета печаталась в типографии Федора Ивановича Шубина, которая в то время была единственной в Кургане.

Разрешение на открытие типографии Шубин получил 27 ноября 1884 г. Находилась типография на усадьбе Шубина, на углу Дворянской улицы и Шишкинского переулка (Советская-Пролетарская). Работников было пять человек — три наборщика и два печатника. Заказов поступало много, и в 1894 г. купец Николай Гаврилович Зикеев просит у городской Думы разрешение на открытие в Кургане второй типографии, «что крайне желательно и необходимо, т. к. типография г. Шубина не может удовлетворить всех своевременно — сам хозяин занят службой, а служащих при типографии недостаточно» (Тобольские Губернские Ведомости, №4. 23.01.1894).

Зикеев открыл типографию, которая выполняла мелкие заказы. Постоянным заказчиком этой типографии была городская управа, для которой печатали бланки, линовали конторские книги. Единственной крупной работой было издание внушительной книги «Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана», составленная под руководством земского исправника Ивана Яковлевича Трофимова к выставке 1895 г.

Маленькая типография Зикеева не могла равняться с типографией Шубина. В 1908 и в 1910 гг. Шубин купил две новых печатных машины и обновил наборы шрифтов. Неожиданная смерть хозяина в декабре 1915 г. прервала работу типографии, и наследники Шубина предложили Комиссии по городским предприятиям купить типографию в собственность города. Сделка не состоялась из-за разногласий в цене.

Цена номера 5 к.

Цена номера 5 к.

СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТЪ

КУРГАНСКОЙ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И КУСТАРНОЙ ВЫСТАВКИ 1895 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: вся номера — без пересылки и доставки . . . 1 р. 50 к.
с доставкой и пересылкой . . . 2
Редакция № 1. Курганъ Троицкаго квартала, бывшагого Общественнаго Помещения быв. учащихся.

ВЛАДА на объявленіи срока начала или заключенія см. № 10 и 4, посылка письма, 20 к. впередъ текста.
За объявленіи, почитаемыя до 10 рядъ, 10^е сдвѣдъ, до 20 рядъ — 25^е.

Листокъ выдана Редакціоннаго Комитета выставки. Подписки принимаются въ Тобольскѣ у А. С. Стефанова, въ Крайнейскѣ у В. М. Котляревскаго и въ Красноярскѣ городской общественной въ Москвѣ въ редакціи Сибирскаго Края; въ Пермѣ въ книжномъ магазинѣ С. Петрова; въ Оренбургѣ у Г. И. Потапова. Листокъ д. 20 к. 10 к. въ Курганѣ у Шредера; въ Казани въ редакціи С. В. Карновича, въ редакціи Лепета и въ типографіи Ф. И. Шубина; въ Иркутскѣ въ редакціи Лепета; въ Иркутскѣ въ редакціи Лепета; въ Иркутскѣ въ редакціи Лепета.

№ 13-й.

Пятница 18 Августа 1895 г.

№ 13-й.

Отъ Комитета по устройству сельско-хозяйственной и кустарной Выставки въ г. Курганѣ въ 1895 г.

тѣло Комитета Выставки, Председателю крестьянскаго Присутствія С. В. Карновичу.

Председатель Комитета С. Карновичъ.

1. — Въ первые дни по открытіи выставки въ г. Курганѣ будутъ устроены конские бѣга. На бѣга допускаются скаковые лошади, тройки и пары, при чемъ коренниками не должны быть иноходцы. — За лучшихъ лошадей будутъ выданы награды: денежные, медали и похвальное листы. Кроме того, на состязаніе допускаются рысакъ — одиночки, но бѣга права на получение премій. Бѣга будутъ происходить на особо устроенномъ для сего бѣговомъ кругу въ 2 версты, близъ г. Кургана. Желающіе принять участіе въ бѣгахъ должны со своимъ желаніемъ заявить не позднее 19 Августа члену Комитета, Окружному Исправнику И. Я. Трофимову.

Комитетъ по устройству сельско-хозяйственной и кустарной выставки въ г. Курганѣ имѣетъ честь уведомить желающихъ посетить выставку; что по предположенію Городскаго Управы, гражданскія торжества представляются приложить, на время выставки, съ 20 Августа по 20 Сентября с. г., квартиры въ одну, две, три и четыре комнаты отъ одного до шести рублей въ сутки. Прибывающіе на выставку благоволятъ обращаться въ Городскую Управу, на всякое время дня и ночи, гдѣ имъ будутъ указываться дежурными служащими квартиры по ихъ желанію. Помимо означенныхъ квартиръ въ городѣ являются двѣ гостиницы.

Председатель Комитета С. Карновича.

Объ изслѣдованіи рыбныхъ промысловъ на низовьяхъ Иртыша и Оби.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ доходности казенныхъ земель Тобольской губерніи, а именно, съ точки и историческаго и юридическаго быта, являлись рыбные промыслы, существовавшіе въ низовьяхъ Иртыша и Оби на такъ называемыхъ «промыслахъ». Изъ социальнаго рыбнаго промысла эти промыслы являлись такъ, что означаютъ промыслы на казенн. и на иждур. крестьянск. и иждур. земл. могутъ лишь обогащать иждур. земл. земледельцевъ, дѣятельность которыхъ вредно отразится на иждур. промышленности, такъ и на развитіи рыбныхъ промысловъ, и въ то же время истощаютъ казенную и иждур. земл. земледельцевъ.

2) Состава будетъ устроено состязаніе пахарей (составленіе имѣть целью а) выяснить достоинство и недостатки жѣстной сохи и б) поощрить наградами лучшихъ пахарей. Состязаніе будетъ происходить на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Въ состязаніи могутъ принять участіе каждый хлѣбоводецъ Тобольской губерніи 2) Соха должна быть жѣстная и составленъ собственноручно пахаря или (если пахарь наемный работникъ) его хозяина. 3) Пахота будетъ производиться на выбранномъ Комитетомъ выставкѣ полѣ близъ г. Кургана всѣми состязующимися пахарями одновременно. Пахата въ тройки лошадей пары на второй рядѣ, глубиною до 4 вершковъ. Каждый пахарь долженъ будетъ вспахать одинъ заговъ шириною 5 сажень и длиною 50 саж., т. е. 1/10 часть десятины. 4) Лошади, участвующія въ конкурсѣ пахарей, должны быть собственностью пахарей или ихъ хозяевъ, если пахарь наемный работникъ. 5) Для оцѣнки работы состязующихся пахарей и назначенія награды составляется комиссия изъ 10 человекъ крестьян по выбору Владычныхъ ездочковъ изъ ближайшихъ волостей. Въ оцѣночной Комиссіи представляются Тобольскій губернский агрономъ. 6) Награды лучшимъ пахарямъ назначаются три: первому 25 рублей, второму 15 „ третьему 10 „

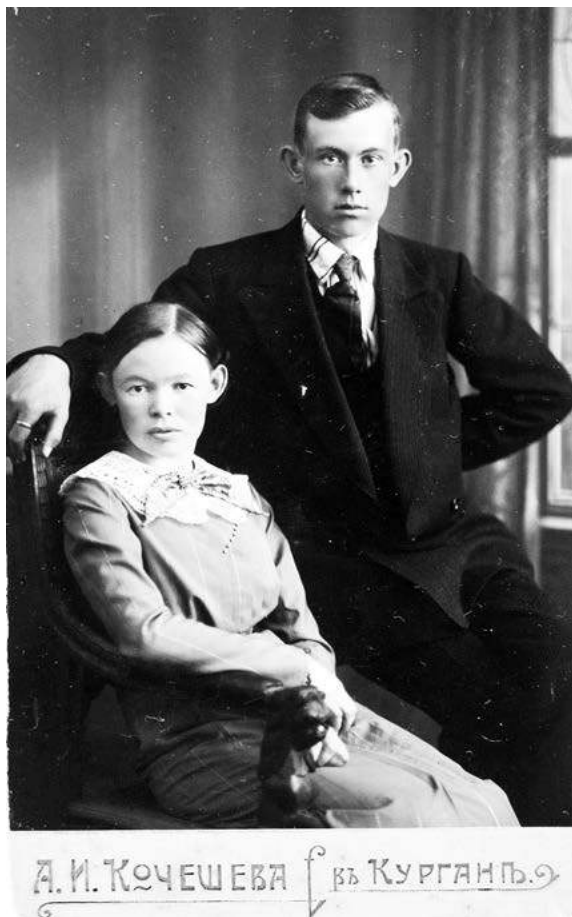
Чтобы возмозить говорить такому большому положенію дѣла, чтобы дать возможность рыбнымъ промысламъ губерній подучивать на пользу и казны и народа и въ то же время разудной земледѣльцѣ имѣть возможность извѣдать постепенное развитіе ихъ, 7) необходимо типично изучить иртышскихъ и обскихъ помывающихъ рыбныхъ промысловъ специалитетамъ ихтисловымъ для того, чтобы рыбныя 1) казенныя промыслы должны быть извѣданы изъ свободнаго пользования, 2) казенныя промыслы съ существующими интересами самого дѣла, казны и жѣстнаго крестьянскаго и иждур. земл. земледельцевъ, способами иртыш отъ жезитъ быть извѣданы.

и кроме того каждому по похвальному листу. Желающіе принять участіе въ состязаніи пахарей должны заявить о своемъ желаніи лично или письменно напередъ, составленія, т. е. 2 Сентября, Председателю

Оби. (Оби) администраціи губерніи съ одной стороны не располагаетъ необходимыми для этого специальными свѣдѣніями, съ другой же послонительно лично средства для выполненія дѣла.

(*) Тобольскіе промышленники нежелаютъ никакии затухающимъ своимъ дѣломъ и затухающъ въ края рыбъ; а большаго полковаго Улова извѣстна производятъ отъ нежеланія се сохранять.

Оборудование типографии Шубина было куплено купцом Мякининым. Первым крупным заказом в типографии Шубина была печать газеты «Справочный листок Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки». Газета выходила с 1 августа по 1 октября. Тираж газеты составлял 300 экземпляров, вышло 54 номера. Расходилось 282 экземпляра — 142 платных по подписке и 140 — бесплатных, в том числе: по Тобольской губернии — 158 экз., по Пермской — 27, по Санкт-Петербургской — 23, по Акмолинской области — 21, по Московской губернии — 13, по Томской — 10, и т. д.

Федор Иванович и Александра Захаровна Шубины

Всего газета уходила в 24 губернии, от Иркутской и Сыр-Дарьинской до Варшавской и Лифляндской. Издание осуществлялось благодаря денежной поддержке спонсоров. Самый крупный вклад был сделан Петром Дмитриевичем Смолиным — 300 рублей. Всего редакцией было получено 936 руб. 2 коп., на издание израсходовано 966 руб. 38 коп. Дефицит был покрыт редактором Скалозубовым.

В газете опубликовано 120 материалов, в том числе:

- Положение о выставке;
- подробное описание открытия, описание всех павильонов и экспонатов;
- отчеты о мероприятиях;
- о приезде министра земледелия и государственных имуществ и министра путей сообщения;
- много заметок о возделывании различных культур;
- о земледельческих машинах;
- о скотоводстве, охоте, лесоводстве;
- о торговле и промышленности;
- о народном образовании и здравоохранении и пр.

В «Справочном листке» было дано описание Похвального Листа, которым награждались участники выставки. Автором Похвального Листа был художник-академик Василий Максимович Максимов, тесть Скалозубова, исполнивший рисунок безвозмездно. Ему была объявлена благодарность Комитета выставки.

Все сотрудники редакции работали бесплатно. Среди 43-х авторов, поместивших свои статьи в «Справочном листке» были Г. Н. Потанин, А. Н. Балакшин, П. П. Успенский, Д. Л. Карчевский, Е. Ф. Соколов, В. Ф. Сокульский. Кстати сказать, Шубин пожертвовал на выставку 50 рублей.

В 1906 г. типография Шубина начинает печатать «Народную Газету».

В начале 20 в. в Тобольской губернии, а потом по всей Сибири, вплоть до Байкала, стало набирать силу артельное маслоделие, инициатором которого был Александр Николаевич Балакшин, известный курганский общественный деятель и предприниматель. Он попытался организовать в Кургане свою партию — «Народный Трудовой Союз».

Александр Николаевич писал: «Я решил устроить Союз преимущественно между мужиками... При наших постоянных сношениях с деревней, я полагаю, что дело это пойдет... Думаю приступить к изданию еженедельной газеты «Народная газета», которая будет органом Народного Трудового Союза. Дело за разрешением...» (Сибирский листок. 4.12.1905).

Балакшин просил разрешение не только на издание газеты, но и на открытие собственной типографии. Газету разрешили, типографию — нет. (ГАТОТ, ф.152, оп.34, д.336, л.1).

Первый номер газеты вышел 27 января 1906 г., и в нем был опубликован Манифест Николая II, дарующий свободы. Редактором выступил Андрей Александрович Балакшин, издателем — Александр Николаевич Балакшин.

С октября 1906 г. издание газеты прекратилось, с 9 июля по 29 сентября 1907 г. газета снова выходит. Такие перерывы могли быть из-за финансовых затруднений или не хватало корреспонденций с мест. Причиной задержки издания могла стать политическая

Владислав Феофилович
Сокульский

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Народная Газета

Органъ Союза Сибирскихъ Маслодѣльныхъ Артелей.

Выходитъ два раза въ недѣлю въ г. Курганъ, Тоб. губ.

Народная Газета основана А. Н. Балакшинымъ для служенія интересамъ, нуждамъ и запросамъ сибирскаго крестьянства.

Воскресенье, 24 августа 1914 г.

№ 31.

Адресъ редакціи: гор. Курганъ, Троицкая ул.,
домъ Союза Сибирскихъ Маслодѣльн. Артелей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой: на
годъ—2 руб. 50 коп., на 6 мѣс.—1 руб.
30 коп., на 1 мѣс.—25 коп. Номеръ въ
отдѣльной продажѣ—5 коп.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: за 1 разъ за
цѣлую страницу—30 р., за полстраницы—
15 руб., за четверть стр.—7 руб. 50 к.,
за восьмую страницы—3 руб. 75 коп.

При печатаніи не менѣе 3 разъ дѣлается скид-
ка 10 процентовъ, 5 разъ—15 процентовъ,
12 разъ—20 процентовъ, 25 разъ—30 процен-
товъ, въ теченіе цѣлаго года—40 процентовъ.

ВСѢ ОБЪЯВЛЕНІЯ ПОСЫЛАЮТСЯ ПОЗАДИ ТЕКСТА.

Статьи, присылаемыя для помѣщенія въ Народ-
ной Газетѣ, должны быть написаны разборчиво,
только на одной сторонѣ листа и могутъ быть
сокращаемы и изменяемы по усмотрѣнію редак-
ціи. Кромѣ того, на присылаемыхъ статьяхъ дол-
жна быть подпись и точный адресъ автора.

СОДЕРЖАНІЕ:

Извѣщенія.

Изъ жизни Союза.

Курганъ, 21 авг. 1914 г.

Артельщикамъ, которые будутъ по-
ставлятъ сѣно для нуждъ дѣйствующей
арміи.

Европейская война. А. С—ній.

Телеграммы Петроградскаго Теле-
графна. Агентства.

Обрадованная Россія. М. Пришвинъ.

Нѣмецкій султанъ. А. Яблоновскій.

Корреспонденціи.

Хроника.

Справочный отдѣлъ.

Отъ редакціи.

Объявленія.

Въ этомъ номерѣ 32 страницы.

активность А. Н. Балакшина, его попытка баллотироваться в депутаты Государственной Думы. При обыске у него была обнаружена нелегальная литература, переписка с единомышленниками. Было возбуждено судебное дело, которое тянулось полтора года.

13 ноября 1907 г. суд признал А. Н. Балакшина невиновным, а 27 ноября был утвержден Устав Союза Сибирских маслодельных артелей (ССМА).

«Народная газета» была тем инструментом, который помог создать ССМА. С 14 марта 1908 г. газета стала выходить вновь, по воскресеньям, размером в два печатных листа. В рекламных целях сообщалось: «Народная газета» — орган Союза Сибирских маслодельных артелей. Главное внимание уделяет интересам сибирской кооперации всех видов, крестьянской жизни вообще, сельскому хозяйству... и отражает жизнь и деятельность Союза и объединяемых им кооперативных организаций».

После отъезда А. Н. Балакшина в Лондон в 1912 г. в подзаголовке газеты значилось: основана А. Н. Балакшиным для служения интересам, нуждам и запросам сибирского крестьянства. Издателем стал

Коллектив «Народной газеты»

сподвижник Александра Николаевича с первых шагов ССМА Александр Иосифович Грудзинский. Редактором оставался Андрей Балакшин, кроме небольшого промежутка времени в 1914 г., когда три редактора сменили друг друга — Досекин, Спекторский, Ульянов. В последующее время и до закрытия газеты редактором оставался Андрей

Кондратий Кузьмич
Худяков

Балакшин. Редакторы помнили наказ основателя газеты о том, что издание всякой газеты сопряжено с известной ответственностью и редактор обязан следить, чтобы корреспонденты не могли скомпрометировать газету и навлечь на нее неприятности.

В «Народной газете» помещались статьи по устройству маслодельных артелей и артельных лавок, статьи по агротехнике и скотоводству, давались рекомендации по устройству сыроварен и т. д. Велись жаркие споры с противниками ССМА, основным оппонентом был Владислав Феофилович Сокульский, правительственный младший специалист по молочному хозяйству.

В каждом номере публиковались письма крестьян с самыми разными вопросами, с рассказами о своих селах и деревнях, о погодных явлениях, о земельных неурядицах старожилов и поселенцев, о набегах саранчи. Всех тем не перечислить.

Со временем в газете стали появляться стихи крестьянских поэтов. В 1916 г. почти в каждом номере печатались стихи Худякова Кондратия Кузьмича, талантливого поэта, выходца из крестьян.

В том же году Всеволод Иванов, будущий известный писатель, работавший в то время наборщиком в газете, поместил в ней несколько своих рассказов, в том числе «В зареве пожара» и «Вертельщик Семен».

Обязательно печатались Телеграммы Петроградского телеграфного агентства.

С 1913 г. «Народная газета» имела свою типографию. Андрей Александрович Балакшин в июне 1912 г. обратился в Тобольское

губернское Управление с прошением об открытии собственной типографии для ССМА, чтобы печатать не только газету, но годовые отчеты, книги по технологии маслоделия и специальную литературу. Разрешение было получено через три дня. Начался поиск подходящего здания для типографии, закупка оборудования, нужно было найти опытных наборщиков и печатников.

Сергей Матвеевич Никонов, долгое время заведовавший типографией Кочешева, перешел заведовать типографией «Народной газеты». Он занялся устройством нового дела, осмотрел несколько домов и рекомендовал к покупке дом купца Михаила Ивановича Ушакова на углу Дворянской улицы и Бакиновского переулка (Советская-Володарского).

Алексей Александрович Балакшин
с женой Марией Васильевной и дочерью

Дом Василия Ивановича Окладовикова

22 апреля 1914 г. Никонов отправляет прошение в Тобольское губернское Управление «разрешить к постановке электромоторов к двум типографским машинам в типографии «Народной газеты» (ГАТОТ, ф. 353, оп.1, д.1099. л.1).

До 1918 г. типография помещалась в доме Ушакова. В 1917 г. «Народная газета» не могла не помещать сообщений политического характера, поэтому с 18 марта газета преобразована в общественно-политическую, ежедневную.

Кооперативный отдел газеты стал выпускать два раза в месяц журнал, посвященный непосредственно маслodelьной кооперации.

В 1918 г. главная контора ССМА была переведена в Омск, в октябре туда переехала и редакция «Народной газеты», хотя типография оставалась в Кургане, и отсюда газеты рассылались по адресам. Издание «Народной газеты» прекратилось после взятия Омска Красной армией.

В пику «Народной газете» Владислав Феофилович Сокульский начинает с 21 октября 1909 г. издавать свою газету — «Справочный листок по молочному хозяйству, скотоводству и артельному маслodelьному». Газета выходила 2 раза в месяц вплоть до 5 декабря 1916 г.

С 1913 г. название газеты изменилось. Теперь это был «Справочный листок по сельскому хозяйству и артельному маслоделанию».

В газете постоянно менялись редакторы — С. М. Косарев, Г. С. Инихов, Г. Я. Эрдели, К. И. Карасенко, Б. В. Мурзаев, А. С. Говорковский, В. Ф. Сокульский.

Печатались материалы о работе Курганского отделения Московского общества сельского хозяйства (КО МОСХа), популяризировалась деятельность Курганской испытательной лаборатории по молочному хозяйству, в которой исследовалось сибирское масло. В Кургане стали проходить ежегодные конкурсы масла. Шла речь о местном птицеводстве, тем более, что при МОСХе был создан первый в губернии Птицеводный комитет.

Несмотря на все противостояние КО МОСХу Сокульский в своем «Справочном листке» вынужден был признать его успехи и широкую популярность «Народной газеты». Его «Справочный листок» имел распространение только в уезде.

В 1899 г. была открыта в Кургане типография купца Василия Ивановича Окладовикова, расположенная на его усадьбе, на Дворянской улице (ныне радиокомитет). Первым крупным заказчиком было Курганское отделение Московского общества сельского хозяйства (КО МОСХ). Типография напечатала Устав КО МОСХа в год его открытия. Общество начало регулярно выпускать «Труды КО МОСХа» в виде небольших брошюр, которые с 1899 г. и до середины 1903 г. печатались в Тобольске, в типографии губернского управления. С июля 1903 г. эти заказы стала выполнять типография Окладовикова.

Сын хозяина типографии, Иван Васильевич, предпринял издание небольшой газеты «Курганский листок объявлений», где выступил редактором и издателем. 19 декабря 1903 г. вышел первый номер, 25 января 1904 г. — последний. Газета выходила 1-3 раза в неделю. Цензором был назначен помощник курганского уездного исправника Михаил Васильевич Иконников. Редактор газеты в 1904 г. был призван на военную службу, и газета прекратила свое существование.

Типография продолжала работать, особенно много печатали различных объявлений в виде листовок в годы Первой русской революции 1905-1907 гг., которые расклеивались по городу. Примером может служить объявление, напечатанное по распоряжению уездного исправника: «Ввиду слухов, сообщенных мне Тобольским губернатором,

КУРГАНСКИЙ

ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ

Годъ издан. 1-й.

Среда 24 августа 1905 г.

№ 1-я.

Нотонра типографіи: г. Курганъ, Дворянская улица, домъ № 76, кв. № 3.

Отъ типографіи М-ва Бр. Кочешевыхъ.

„Реклама есть двигатель торговли.“

Имѣемъ честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что нашей типографіи начать периодическій выпускъ объявленій, которыя будутъ выходить отъ двухъ до шести разъ въ недѣлю. Листокъ объявленій будетъ выдаваться и рассыляться всѣмъ желающимъ безплатно. Желающія получить его болѣе регулярно, могутъ высылать на почтовые расходы (марками) иногородныя 30 к., а городскія 15 к., въ мѣсяцъ. Листокъ объявленій будетъ рассыляться, иронѣ города Кургана, по его уѣзду и смежнымъ съ нимъ уѣздамъ: въ волостныя правленія, сельскимъ старостамъ, маслодѣльные заводы, сельскимъ торговцамъ и разнымъ промышленнымъ заведеніямъ, по станціямъ Сибирской желѣзной дороги и частнымъ лицамъ сообщившимъ свои адреса. Объявленія принимаются: въ конторѣ типографіи и книжно-печатажномъ магазинѣ Т-ва Бр. Кочешевыхъ, а въ нерабочіе часы и праздничные дни при фотографіи А. И. Кочешева. Городскіе заказчики могутъ передавать по телефону. Цѣны на объявленія самыя доступныя.

**ВИННО-КОЛОНИАЛЬНЫЕ
МАГАЗИНЫ
М. И.
ПИКУЛИНА**

въ г. Курганѣ и селѣ Манушиномѣ.

Имѣются виноградныя вина, польскія и ликеры русскія и иностранныхъ заводовъ, водки и наливки П. А. Смирнова, Н-новъ Штригеръ и Т-ва Шустова.

Вина красныя черновыя отъ 5 руб.

ГАСТРОНОМИЧЕСКІЕ ТОВАРЫ.

СМРЫ: Швейцарскій, Мюнхенскій, Филанденскій, Смоленскій, Голландскій, Тильзитскій, Баварскій и зеленій.

КОНСЕРВЫ: Сибирскія Плотникова и Одесскія разн. фирмъ.

Французскія сардины: Фаншаз Капо и др. Смрлы, Шпроты и прот.

КОНДИТЕРСКІЕ И БАКАЛЕЙНЫЕ ТОВАРЫ

ТАБАКЪ, СИГАРЫ И ПАПИРОСЫ.

Цѣны въ Манушинскомъ магазинѣ одни съ Курганскимъ.

ТРЕБУЮТСЯ МАЛЬЧИКИ

въ типографію Т-ва Бр. Кочешевыхъ.

Печ. разор. 23 авг. 1905 г. За Кург. Испр. Иконниковъ.

Парикмахерская Н. А. Полуянова,

Троицкая улица.

ИМѢТЬ: ЧУГУННЫЯ ЛИТЪЯ ФИГУРЫ,

ТУАЛЕТНЫЯ УПАКОВКИ

Парфюмерныя косметическія товары.

ГАЛТУХИ, ЗАПОНКИ И БУМАЖНОЕ БѢЛЪЕ.

Требуется хорошая кухарка

въ домъ А. И. Ротбергъ, Дворянская ул.

СДАЕТСЯ ВЪ АРЕНДУ

ПОДЪ ЛѢСНОЙ СКЛАДЪ

большое усадебное мѣсто

(въ половинѣ нвартала)

ПРОТИВЪ ГОРОДСКОЙ РОЩИ.

За справками обращаться къ Василию Трофимову, Харламову.

Требуется хорошая кухарка. Справиться въ типографію Т-ва Бр. Кочешевыхъ.

Продаются желѣзныя двери двухстворныя

Справиться: Дворянская ул., № 76.

Требуется кухарка и кучеръ

въ часовую магазинъ М. В. Соловья, по Троицкой ул. противъ гостиницы раз.

Фотографическій магазинъ Т-ва Бр. Кочешевыхъ

Дворянская улица, особнякъ, домъ № 76.

Получены заграничныя пластинки высшей чистоты и качества

Результатомъ для минимальнаго количества при малѣйшій освѣщеніи въ секунду раз.

Типографія Т-ва Бр. Кочешевыхъ, въ Курганѣ.

о предстоящих беспорядках и погромах в городе Кургане, считаю своим долгом предупредить, что всякая попытка к учинению беспорядка будет подавляема в самом начале во что бы то не стало и, не взирая на то, к каким бы крайним средствам не пришлось прибегнуть. 18 июня 1906 г. Временный генерал-губернатор, генерал-майор Стельницкий».

В 1907 г. Иван Васильевич умирает от заражения крови. Его отец, Василий Иванович Окладовиков, типографию закрыл и оборудование продал.

Издание газеты «Курганский листок объявлений» решил подхватить Алексей Иванович Кочешев. В марте 1904 г. он получил разрешение на открытие типографии, которую разместил на своей усадьбе на углу Дворянской и Думского (Советская-Комсомольская).

Когда типография стала получать много заказов и оказалась загруженной, Кочешева Вера Ивановна на свое имя арендовала помещение у Евграфа Митрофановича Новикова, на углу Дворянской и Гостинодворского (Советская-Пичугина), где Алексей Иванович устроил скоропечатню. Заведовать типографией был приглашен тюменский мещанин Сергей Матвеевич Никонов.

24 августа 1905 г. вышел первый номер газеты с большим объявлением: «Имеем честь довести до сведения почтеннейшей публики, что нашей типографией начат периодический выпуск объявлений, которые будут выходить от 2 до 5 раз в неделю. Листок объявлений будет выдаваться и рассылаться всем желающим бесплатно... по городу Кургану, по его уезду и смежным с ним уездам: в волостные правления, сельским старостам, сельским торговцам, маслодельным заводам и разным промышленным предприятиям, по станциям Сибирской железной дороги и частным лицам...».

Цензором опять был Иконников. Средства на издание газеты братья Кочешевы, Александр и Алексей, которые были тогда совладельцами типографии, располагали получать за публикацию платных

Александр Иванович
Кочешев

объявлений. Надежда братьев на большое количество платных объявлений не оправдалась, издавать газету для бесплатного распространения у них не было финансовой возможности, и газета быстро прекратила свое существование.

Кочешевы в том же 1905 г. стали печатать платную газету «Телеграммы Российского телеграфного агентства» с репортажами с полей сражений русско-японской войны и о событиях в российских губерниях. Это была однополосная газета небольшого размера, где вместе с телеграммами помещали одно или два объявления.

Вице-губернатор Тройницкий пишет в газете: «Приехав по поручению господина Тобольского губернатора в г. Курган для выяснения причин, вызвавших беспорядки 19 октября, прошу всех лиц, желающих дать показания по поводу этих событий, приходите ко мне ежедневно от 8 часов утра до 3 часов пополудни и с 5 часов до 9 часов вечера в земскую квартиру по Дворянской, в дом Крылова».

Это было время первой русской революции 1905–1907 гг. Временные рамки выхода этой газеты пока не определены исследователями. В Курганском архиве сохранился № 52 от 23 октября 1905 г.

Первое официальное общероссийское телеграфное агентство было учреждено в 1894 г., о чем было сообщено в «Правительственном Вестнике». До этого времени дело информации было сосредоточено в руках частного Российского телеграфного агентства. Его телеграммы уже печатал «Справочный листок Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки». Потом во многих городах телеграммы РТА выходили в виде бюллетеней или небольших газет, или губернские газеты имели специальную рубрику для РТА.

В 1906 г. в типографии А.И. Кочешева начали печатать ежедневную газету «Курганский вестник». Редактором и издателем был А. Вдовин, о котором никаких сведений не сохранилось. Он объявил газету как общественно-политическую и литературную. Издавалась она с 11 мая по 18 июня 1906, 27 и 28 июня вышли «Телеграммы Курганского вестника». Газета, выходявшая во время 1-й Государственной Думы, довольно свободно рассказывала о внутренней жизни государства, о местных событиях. Неизвестно, по какой причине Вдовина привлекли к суду, а газету закрыли.

Печатая чужие газеты, Кочешев решил основать и свою газету. 24 декабря 1907 г. выходит пробный номер «Курганских известий»,

редактором и издателем газеты был сам Алексей Иванович. В этом пробном номере Кочешев пишет: «Давно уже в Кургане и его уезде назрела необходимость в издании своей газеты... Столичные газеты приходят слишком поздно, и читаются уже без всякого интереса... Провинциальные же газеты соседних городов не обслуживают непосредственных интересов читателей соседних уездов. Пополнить эти пробелы и является в данный момент задачей газеты Кургана и его окрестностей. Приступая с 1 января наступающего года к изданию «Курганских известий», редакция, не задаваясь пока широкими планами, ставит своей целью сделать эту газету доступной и интересной всем и каждому» (Курганские известия, 24.12.1907).

До осени 1907 г. Кочешев редактировал газету, но эта работа требует времени, и он приглашает на место редактора Георгия Васильевича Корсакова, который был в 1906 г. корректором в «Курганском вестнике» Вдовина.

Одним из сотрудников редакции был Семен Семенович Ужгин, который долгое время сотрудничал с Кочешевым. Ужгин происходил из крестьян Тургайской области, Кустанайского уезда, села Боровского. Учился в Омской учительской семинарии, по убеждениям социал-демократ. При его участии газета выходила три раза в неделю на четырех полосах, и почти две из них были отданы под платные объявления. Газета освещала местную жизнь, деятельность городского самоуправления, суда, помещала уголовную хронику, не имела какого-то партийного направления, резких критических замечаний в адрес правительства не печатала и, тем не менее, 28 января 1909 г. выходит последний номер. Издателя Кочешева штрафуют на 500 рублей, а редактора Корсакова на три месяца сажают в тюрьму. Судьба Корсакова была печальной, в советское время он неоднократно подвергался арестам по обвинению в контрреволюционной деятельности, в 1938 г. был расстрелян.

Закрытие «Курганских известий» заставило Кочешева хлопотать о новом издании. Это были те же Известия, но под названием «Курганский вестник». В мае 1909 г. газета вышла. Редактором был приглашен В. В. Михайлов, который был компаньоном Алексея Ивановича в типографском деле после Александра Кочешева. Выпускали газету от одного до трех раз в неделю, по мере поступлений корреспонденций. «Курганский вестник» выходил с большими перерывами.

31 декабря 1910 г. Кочешев объявляет, что прекращает выпуск газеты, Михайлов в 1911 г. выходит из дела, бросает типографию и газету. Но в марте 1911 г. Кочешев снова начинает печатать газету, хотя и нерегулярно, вышло всего 33 номера. С января 1912 г. вышло 69 номеров, сначала под редакторством Михайлова, потом несколько номеров редактировал Ужгин, потом сам Кочешев, и с № 38 редактором был К. Т. Шелехов. С мая 1912 г. «Курганский вестник» не выходил, в 1913 г. вышло 105 номеров, в 1914 — 85 номеров, в 1915 г. — 78 номеров, и газета закрывается.

Во время перерыва в издании «Курганского вестника» в 1912 г. типография Кочешева печатала с 31 мая до 22 сентября газету «Юг Тобола».

Известному зауральскому краеведу Николаю Юрьевичу Толстых удалось найти в Тобольском архиве прошение курганского присяжного поверенного Ивана Евгеньевича Рагозина на имя Тобольского губернатора на разрешение издания газеты «Юг Тобола». 12 июня такое разрешение уже было получено. Вместе с Рагозиным прошение подал и Семен Ужгин, который желал стать редактором и уже сотрудничал с Кочешевым. Он и стал редактором новой газеты, первый номер которой вышел 1 июля 1912 г. (Н. Толстых. К истории газеты «Юг Тобола. Зыряновские чтения Курган, 2006. с. 178).

Редакция газеты находилась по Дворянской, в доме М. Головизнина, в сотне метров от типографии Кочешева. 29 августа в газете была опубликована к юбилею Бородинской битвы статья «Через 100 лет», в которой цензор Радзивилл, помощник курганского исправника, усмотрел антиправительственную позицию, что привело к судебному преследованию редактора и издателя и к приостановке издания. В сентябре «Юг Тобола» прекратил свое существование. Вышло всего 30 номеров.

На 19 января 1913 г. была назначена выездная сессия Тобольского окружного суда к слушанию дела Рагозина и Ужгина, которые приговором суда были оправданы. После этого Ужгин попытался занять должность библиотекаря при Курганской городской библиотеке, ему отказали, и он уехал в Петропавловск.

Кочешев возобновляет в 1913 г. «Курганский вестник». Давая объявление о подписке на газету, редактор сообщает, что газета «ставит своей задачей широкое и всестороннее освещение вопросов местной

курганской жизни и тяготеющего к Кургану района, а также уделяет большое внимание вопросам торговли, промышленности и сельского хозяйства» (Курганский вестник. № 4, 13.01.1913). Он же выступает издателем и редактором. Газета была очень популярна, в ней отражена вся городская жизнь.

Но 5 июня 1914 г. Кочешев опять прерывает издание «Курганского вестника». 5 июня его типография начинает печатать газету «Курганское слово». Редактор-издатель С. М. Шелехова, вероятно, жена одного из редакторов «Курганского вестника» К. Т. Шелехова. Сведений о них мне найти не удалось. Последний номер газеты вышел 19 ноября 1914 г. При газете ежедневно выпускались «Телеграммы Петроградского телеграфного агентства», также как и при «Курганском вестнике». В своем первом номере «Курганское слово» буквально повторяет те задачи, которые были обозначены в «Курганском вестнике». На долю «Курганского слова» выпало освещение выборной компании в Курганскую городскую Думу, и в итоге газета опубликовала список новоизбранных гласных, среди которых был и Кочешев.

В 1915 г. снова выходит «Курганский вестник» Кочешева и в августе окончательно закрывается. Эта газета не была политизирована, ее публикации затрагивали абсолютно все стороны курганской жизни, не были забыты и уездные новости, в ней можно найти почти все ответы на события 1910–1915 гг. Тиражи курганских газет не могли превышать 500–700 экземпляров, которые могли быть реализованы.

На решение Кочешева прекратить издание собственной газеты могло послужить появление новой газеты, объявление о которой было помещено в его «Курганском вестнике»: «Тобольским губернатором выдано Городовому общественному управлению свидетельство на право издания им в городе Кургане под редакторством члена городского управления Антона Тимофеевича Первухина городского печатного органа под названием «Известия Курганского городского общественного управления» по следующей программе:

1. Новые узаконения и распоряжения правительства, касающиеся городов;
2. Журналы заседаний городской Думы;
3. Журналы заседаний городских исполнительной и подготовительных комиссий;
4. Статьи по общественным вопросам городского хозяйства;

СЛОВО

Цѣна отдѣльнаго № 5 коп.

КУРГАНСКОЕ СЛОВО

№ 18 Воскресенье 10 Августа 1914 г. № 18
ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

Также издаются:
За границу посылается
за счетомъ изъ редакціи
18 коп., срочнаго
платежа 20 коп.
Въ Курганѣ посылается
за счетомъ изъ редакціи
10 коп.

Условія подписки
на газету:
"Курганское Слово"
За годъ — 6 руб. — в годъ.
— 2 — 1 — 60 —
— 1 — — — 60 —

Подписчики газеты могутъ получать въ редакціи для редакціи бесплатныя билеты въ театры и въ музеи Курганскаго Слово.

Подписчики газеты, желающіе ознакомиться съ "Курганскимъ Словомъ", могутъ высылать за три копеечныя черка.

Газета безъ платы в адреса редакціи не посылается.

За доставку газеты 20 коп. Адресъ для корреспонденціи: Курганъ, Тел. гуд. въ редакцію газеты "Курганское Слово".

ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ № 51.

Принимается подписка на телеграммы

С.Петербургскаго Телеграфнаго Агентства.

Плата въ мѣсяцъ съ газетой "Курганское Слово" — 1 руб. 25 коп., а для подписчиковъ "Курганскаго Слова" — 75 коп.

ЖУРНАЛЫ
ДАМСКИХЪ МОДЪ НА 1915 годъ
получены въ магазинѣ
— А. Д. КУЧКОВА. —

ВЪ МАГАЗИНѢ
П. А. ГАЛЯМИНА
получены въ большомъ выборѣ
ЖУРНАЛЫ МОДЪ.

Курганскій Городской Ломбардъ

Срокъ истребуетъ, что 10 августа 1914 г. съ 11 час. для въ Ломбардѣ состоитъ

АУКЦИОНЪ

для продажн: парня вѣсъ 89 фунт., лимонъ, 2 мата, разныя золотыя серебреныя и мѣдныя вещи, станковыя швейныя машины, разныя бытовые предметы и др.
№ 1018 с. 212, 409, 419, 473, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

10 августа въ 6 часовъ вечера въ помещеніи Дамскаго чайной состоитъ Общія Собраніе Курганскаго Отдѣла

Общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ

для выработки программы дѣятельности. На Собраніи приглашаются всѣ лица, желающіе высказать свое мнѣніе, желающіе примкнуть къ дѣлу помощи туркамъ или пожертвованіемъ денегъ и вещей.

Женщина
Т. С. ДЛУГИНА
требуетъ помощи по патронату
и помощи болѣвшаго съ 4 въ 12
утра и съ 1 по 7 ч. вечера.
Требуетъ 1 ч. работы на 4 руб.
каждый въ третью часть.

Требуется
въ редакцію газеты "Курганское Слово" помощникъ для редакціи по части корреспонденціи. Долженъ быть грамотнымъ, энергичнымъ, способнымъ къ самостоятельной работѣ. Зарплата по договоренности.

И Н Е С Т А Т Ъ
Сегодня въ "ПРОГРЕССѢ" вышло романсика Дроздики.
ПИРЬ ВО ВРЕМЯ ТРОЗЫ
Мужья драма въ 2-хъ частяхъ.
и другія картины.

Въ редакцію газеты "Курганское Слово" требуются корректура и наборщики. Зарплата по договоренности.

5. Хроника городского хозяйства.

Журнал будет печататься в объеме одного печатного листа. Сроки выходов — после каждого заседания городской Думы, в количестве 500 экземпляров» (Кург. вест. №14 2.02.1914).

Газета печаталась в типографии «Народной газеты». Первый номер газеты вышел 20 февраля 1914 г. В 1916 г. издание было прекращено.

Под эгидой городского самоуправления 19 февраля 1916 г. вышла однодневная газета «День служащих». Издателем выступило Правление Курганского общества взаимопомощи приказчиков, редактором — Иван Иванович Грязнов. Весь доход от продажи газеты по 10 коп. за номер поступил в распоряжение городской управы, которая 50 % передала в городской комитет о беженцах и 50 % на приобретение пасхальных подарков солдатам на позициях. Кроме того, газета приглашала на спектакль, поставленный силами Общества. Чистый доход от спектакля должен был тоже разделен пополам: на приобретение подарков воинам и на культурно-просветительные нужды торгово-промышленных служащих для зачисления в библиотечный капитал Общества приказчиков.

В январе 1917 г. в Кургане осталась только одна газета — «Народная газета». Политическая обстановка в стране и война заставляли зауральцев искать новости в столичных изданиях, что увеличило подписку на центральные газеты. Все изменилось после Февральской революции. 5 марта новая власть провозгласила свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек.

27 апреля Временным Правительством было принято Постановление «О печати». Стоит привести два первых пункта этого документа:

1. В течение суток после выпуска в свет вновь отпечатанных книг, брошюр-журналов, газет и других произведений тиснения типографии обязаны представлять местному комиссару Временного Правительства 8 экземпляров каждой книги, газеты и др., из коих 3 экземпляра для Книжной палаты и по одному экземпляру для комиссариата, для Публичной библиотеки, для Академии Наук, для московского Публичного и Румянцевского музеев и для Александровского университета в Гельсингфорсе;

2. Каждый желающий выпускать в свет новое издание обязан представить местному комиссару Временного Правительства заявление в двух экземплярах, содержащее в себе обозначение:

- а) места, в котором издание будет выходить;
- б) наименование издания, сроки выхода, имя, отчество, фамилия и место жительства ответственного редактора;
- в) типографии, в которой издание будет печататься... (Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Санкт-Петербург, 1917. Вып. 3).

В Кургане газеты стали появляться одна за другой. Еще до этого Постановления Курганский Совдеп 12 марта решил издавать свой печатный орган — газету «Известия Курганского Совета рабочих и солдатских депутатов». Курганское мещанское общество выделило на издание единовременное пособие в 500 руб., рабочие согласились отчислять 0,5 % от месячного заработка.

Первый номер «Известий Совета...» вышел 15 марта. Это было политическое издание, в котором обозначалась поддержка Временному Правительству и основной лозунг — «Война до победного конца». Газета выходила не периодически, а лишь по мере накопления материалов и в ограниченном количестве экземпляров.

Уже во втором номере было опубликовано обращение исполкома Совдепа к солдатам 34-го Сибирского запасного стрелкового полка, который составлял гарнизон Кургана: «Товарищи солдаты! Самовольные отлучки из части — измена народу и народной свободе. Нарушение дисциплины в войсках на руку Германии, отлучаясь... вы помогаете Вильгельму победить Россию и отнять нашу свободу» (Известия Совета рабочих и солдатских депутатов, №2 19.03.1917).

8 апреля на своем заседании Совдеп принял резолюцию, которая была напечатана в газете: «В настоящее время, когда Россия стала свободной демократической страной, поражение ее означало бы поражение ее свободы, Курганский Совет рабочих и солдатских депутатов считает необходимым упорно и активно оборонять страну и стремиться... к возможно скорейшему заключению прочного мира». (Изв. Сов. раб и сол. деп. №9. 26.04.1917).

В этой же резолюции объявлялось о поддержке Курганским Совдепом Временного Правительства во всех его мероприятиях. «Известия...» печатали Постановления общих собраний Совдепа, отчеты о митингах и о профсоюзных собраниях, о состоянии курганских заводов, о деятельности Продовольственного Комитета. Чаще всего передовые статьи, всегда носившие полемический характер, писались

редакторами газеты Белоноговым Тимофеем Павловичем, председателем Совета рабочих депутатов, и Бронтоманом Константином Григорьевичем, секретарем Совета рабочих депутатов.

28 июня 1917 г. «Известия...» публикуют списки кандидатов в гласные новой городской Думы. Редакция газеты всегда была при Совдепе, сначала в Народном Доме, потом в доме Ижболдина, наконец, в бывшем доме Васильевых, по Дворянской, 111. Печатались «Известия...» сначала в типографии «Народной газеты», но Совет хотел иметь свою типографию. Начался сбор пожертвований среди рабочих и служащих.

Первым шагом в сборе средств стала однодневная литературно-политическая газета «День печатника», вышедшая 1 мая. Редакторами и издателями были наборщики типографии «Народной газеты». Они писали: «В 15-х числах мая в Кургане предполагается к выпуску новая газета — «Курганское свободное слово». Газета будет издаваться группой местной мелкой буржуазии... Мы призываем товарищей рабочих усилить сборы на приобретение рабочей типографии и издание социально-демократической газеты, дабы парировать удары буржуазии».

Тут же объявлялось, что рабочие консервного завода, а также «Унион» и «Брюль и Тегерсен» единогласно решили свой однодневный первомайский заработок отдать в фонд рабочей типографии. Рабочие завода Балакшина в фонд рабочей типографии собрали 250 руб.

Наборщики высказали негативное отношение к типографии Кочешева: «Нам передают, что типография Кочешева приобретена каким-то обществом. И к лучшему! Издавна труд наших товарищей-типографов в этом заведении был нелегким: плохое помещение, плохая оплата труда, мало воздуха, света и т.п. Все это заставляло товарищей при удобном случае переходить в другие типографии. В настоящее время в типографии работают почти только одни подростки, нет даже представителя, которого бы можно было выбрать в Курганский Совет рабочих и солдатских депутатов, дабы осветить условия работы в этой типографии». Наборщики писали со знанием дела, ведь некоторые из них когда-то работали у Кочешева.

Газета «День печатника» продавалась в киосках «Заря» и у разносчиков по 7 коп. за номер. Все деньги от продажи поступили в фонд будущей типографии.

В деле сбора показательным является письмо мобилизованного в армию служащего Сибирского торгового банка Ивана Гайлита от 20 мая 1917 г., обращенного к своим коллегам: «Уважаемые товарищи, приношу Вам искреннюю благодарность за обращение ко мне. С великой радостью присоединяюсь к благому почину и жертвую на создание свободной печати — органа трудящегося пролетариата — свое месячное жалованье, т. е. 125 рублей...» (Изв. Сов. раб. и солд. деп. 8.06.1917).

Всего от служащих Сибирского банка в фонд типографии внесено 534 р. 85 к., кроме того, из средств банка внесена 1000 руб. Деньги торопились собирать, т. к. типография «Народной газеты» готовилась к переводу в Омск, где уже была куплена типография Григорьева с тремя машинами разных размеров и полным оборудованием.

Совдеп обратился к ССМА с просьбой об уступке одной из печатных машин и получил согласие на маленькую машину. Кроме того, ССМА уступал до 500 пудов газетной бумаги. Оставалось купить шрифт и другие принадлежности для типографии.

Совдеп в своем заседании 8 июня 1917 г., заслушав доклад солдата Леонида Ворсина и рабочего депо Архипа Евдокимова, осмотревших типографию Григорьева в Омске, постановил: «Немедленно приобрести на наличные деньги эту типографию с расходом до 30 000 руб...» (ГАОПДКО, ф.6917, оп.1, д.23, л.79 об.).

9 августа председатель Совдепа Илларион Стрекалов сообщает уездному комиссару, что с 5 августа Советом открыта Рабочая типография в доме Семена Терентьевича Зайцева, угол Думского и Скобелевской (К. Маркса-Комсомольская, на этом месте теперь архив), и стали печатать «Известия». Заведовать типографией назначили прапорщика А. А. Аудзе, но 20 сентября он сложил свои обязанности (после роспуска 34-го полка Аудзе в 1918 г. служил заведующим инструкторским отделом ССМА).

Исполком предложил на его место солдата Леонида Семеновича Ворсина, который фактически нес эти обязанности и при Аудзе.

11 августа Стрекалов доносит комиссару: «Исполнительный комитет доводит до вашего сведения, что ответственным редактором газеты «Известия Курганского Совета рабочих и солдатских депутатов» является прапорщик 34-го Сибирского стрелкового запасного полка Михаил Николаевич Петров-1» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.40, л.20).

По этому поводу Петров писал в своих воспоминаниях: «Два редактора, Белоногов и Бронтман, направили газету «Известия...» в меньшевистское русло... Мы решили обольшевить ее. Для этой цели послали меня. Вскоре Бронтман, а потом и Белоногов мною были вытеснены из газеты и сняты их подписи как редакторов» (В. Плющев. Перманентная Революция. Кур. 2002 г. ст р.75).

В сентябре выходят последние номера газеты. Но в январе 1918 г. она возобновляется как «Известия рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». 3 января выходит первый номер тиражом 1 700 экземпляров. Издателем так и остался Совдеп, редактором был поставлен рабочий-металлист Иван Яковлевич Пуриц, расстрелянный 15 сентября в числе 10 курганских комиссаров. Заместителем Пурица был Михаил Степанович Насвет.

Вместо «Известий...» начинает выходить ежедневная газета «Новый мир» — орган Курганской организации Российской социал-демократической рабочей партии.

5 сентября 1917 г. Рабочая типография печатает первый номер, в котором указаны три редактора — Белоногов, Бронтман, Петров.

С № 44, т.е. с 28 октября, редактором числится только Петров.

В ноябре редактором становится А. Седякин. Эпиграфом газеты взяты слова «Интернационала» — «Мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем!», лозунг газеты — «Отречемся от старого мира».

Номер открывается передовицей «Наши задачи», в которой излагается программа газеты: «Как газета социал-демократическая, она будет освещать все факты и события с марксистской точки зрения, отстаивая классовые позиции пролетариата. Мы будем звать к единению все трудовые элементы...

Одна из основных задач нашей газеты — это выяснение условий жизни местных рабочих и служащих, защита их интересов, помощь в борьбе за дальнейшее улучшение их положения...».

Несмотря на эти декларации, почти три полосы занимали сводки с фронтов Петроградского телеграфного агентства, сообщения о разнообразных событиях в центральной России и в Сибири, платные объявления. Местная жизнь занимала очень мало места.

Газета плохо расходилась. Редактор Белоногов 28 сентября выступил на заседании Отдела труда Совдепа с призывом поддержать

газету. Было принято постановление: «Признавая настоятельной необходимостью поддержание газеты «Новый мир», как защитницы трудящихся, Отдел труда высказал пожелание, чтобы заводские комитеты доставляли в газету для ежедневной хроники материалы из жизни рабочего класса и содействовали большему распространению газеты среди рабочих» (Новый мир. № 30. 12.10.1917).

Действительно, в газете стали часто появляться материалы из заводской жизни, публиковались протоколы заседаний Совдепа, велась полемика с редакциями других газет.

В ночь на 20 ноября в Кургане началась всеобщая забастовка рабочих, длившаяся две недели. «Новый мир» печатает Воззвание центрального стачечного комитета, отчет его секретаря Ф. И. Кучевасова о ходе забастовки, протоколы собраний. Одновременно Рабочая типография печатает несколько выпусков Бюллетеня центрального стачечного комитета.

20 декабря состоялось общее собрание Курганской организации РСДРП, где наряду с другими вопросами обсуждался вопрос о переходе газеты в ведение исполкома Совдепа. Редактор А. Седакин предложил назвать ее «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Редактором «Известий» стал Иван Яковлевич Пуриц, рабочий-металлист, вступивший в ряды большевиков на этом собрании по рекомендации Игнатия Ястржембского.

30 апреля 1917 г. в Кургане было образовано «Товарищество издательского и печатного дела» — для издания газет, журналов, книг, брошюр, для содержания типографии, литографии и тому подобных предприятий, а также для торговли всякого рода произведениями печати. Оно было создано на деньги пайщиков, которых было 169 человек. Среди них почти все курганское купечество, много чиновников, учителя и священники. Всеми делами Товарищества вершило правление из пяти лиц. Для непосредственного заведования делами выбирали директора-распорядителя. В Правление были избраны: директором-распорядителем — купец Александр Иванович Дерягин, членами — купец Алексей Иосифович Крылов, владелец турбинного завода Сергей Александрович Балакшин, крупный торговец и домовладелец Савва Георгиевич Каменских, бывший компаньон Кочешева В. В. Михайлов. (Товарищество было ликвидировано в 1920 г.).

Типография была куплена у Алексея Кочешева. Она оставалась в цокольном этаже его дома, и поэтому Товарищество должно было платить за аренду помещения. Заведовать типографией был назначен Михаил Бонифатьевич Елфимов, неожиданно скончавшийся 1 ноября в возрасте 33 лет. Служащих в типографии было около 30 человек.

В первую очередь был решен вопрос собственной газеты. 20 мая вышел первый номер ежедневной общественно-политической беспартийной газеты «Курганское свободное слово». Общим собранием пайщиков редактором был избран податный инспектор, активный общественный деятель, из беженцев, Гавриил Всеволодович Татаринков. Редакция тоже помещалась в доме Кочешева. В первом номере «Курганское свободное слово» объявило свою программу — это всемерная охрана нового, свободного строя, война до победного конца, скорейший созыв Учредительного собрания и учреждение в России демократической республики на широких автономных началах, беспристрастное освещение общественно-политической жизни, защита справедливых интересов как трудящихся масс, так и всех отдельных групп и классов населения свободной России.

Появление «Курганского свободного слова» было принято в штыки Совдепом.

Уже через 4 дня после выхода первого номера Товарищество отправляет телеграмму Военному министру: «Временным комендантом Кургана прапорщиком Сидоренко и Советом рабочих и солдатских депутатов сняты в нашей типографии, исполняющей заказы на оборону и печатающей прогрессивную газету, наборщики-военнопленные. Грозят снять военнообязанных, получивших отсрочку. Просим защитить от произвола и насилия» (ГАКО, ф. р-852, оп.1, д.40, л.218).

Газета печатала отчеты о профсоюзных собраниях, о подготовке к выборам в городскую Думу и к выборам в земство, о беженцах и военнопленных. Газету обвиняли в контрреволюционности, в том, что она раскрывает военные тайны. Совдеп призывал объявить газете бойкот. Вероятно, аналогичные ситуации были и в других городах.

5 июля губернским комиссаром Пигнатти были разосланы телеграммы всем уездным комиссарам, гласившие: «Прошу Вас указать местным общественным организациям, что деятельность печати может быть преследуема только судебной властью и лишь в случае

ее преступного характера, всякое же противодействие свободе печатного слова ведет только к расшатыванию основ нового строя» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.40, л.215).

В августе газета напечатала заметку «Новый способ окопаться в тылу», указывая на офицеров 34-го полка. Начальник гарнизона потребовал привлечь редактора к суду за оскорбление офицеров полка, за вредное содержание статьи, влияющее на сохранение революционного порядка в полку и вносящее разлад и без того в расстроенную солдатскую массу. Газете был объявлен бойкот. 23 августа группой неизвестных лиц в типографии был разбросан готовый номер «Курганского свободного слова». Приглашенный типографией эксперт определил, что рассыпанный шрифт может быть разобран в неделю восемью наборщиками.

На следующий день состоялось собрание профсоюза печатников, принявшее следующую резолюцию: «Несмотря на контрреволюционное направление газеты «Курганское свободное слово», на тенденциозный подбор сведений, направленных к дискредитированию революционных организаций, рабочего движения, на ложное освещение деятельности тех или иных выдвигаемых революционной демократией лиц — профсоюз печатников находит действия товарищей, рассыпавших набор, недопустимыми и выносит причастным к этому вопросу товарищам, хотя и действовавшим в состоянии раздражения против штрейкбрехеров, порицание и безусловное осуждение такого проступка, призывая в тоже время к энергичному бойкоту газеты и рабочих, ее набирающих. При этом бойкот должен быть вполне культурным, отнюдь не допускающим выступлений, хотя бы и не вполне сознательных, имеющих место вчера» (Известия Совета рабочих и солдатских депутатов. №44. 27.08.1917).

На этом же собрании председатель профсоюза печатников Лопатин от должности отказался, на его место избрали солдата Леонида Семеновича Ворсина, который и предложил этот вариант резолюции. Началась травля редактора Татаринова, попытка его мобилизации, как военнообязанного, угроза его личной безопасности. Татаринов был председателем Курганского отделения партии «Народной свободы» (кадеты), в своих выступлениях обвинял большевиков в тех ужасах, которые переживает страна, от этой партии был внесен в список кандидатов в Учредительное собрание. В ноябре

произошло самочинное выступление солдат 34-го полка, что привело к закрытию газеты. Последний номер «Курганского свободного слова» вышел 11 ноября 1917 г.

В 1917 г. в Кургане выходили еще две газеты.

30 июня комиссару Михайлову поступило заявление от колониста колонии Тириберки, Кольско-Лопарской волости, Александровского уезда, Архангельской губернии Павла Филипповича Пономарева: «Согласно Постановлению Временного Правительства о печати, считаю обязанным заявить, что с 1 июля 1917 г. в городе Кургане будет издаваться ежедневная газета под названием «Крестьянский Союз». Цель издания — объединение крестьянства в политическую партию «Крестьянский Союз»... Ответственным редактором и издателем — лично я, Пономарев, проживающий угол Центральной улицы и Гостинодворского переуллка (Горького-Пичугина), в доме Ивана Терентьевича Зайцева» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.19-а, л.13).

Печаталась газета в типографии «Народной газеты». Редакция находилась в доме Ольги Шух на Троицкой улице.

Пономарев писал очерки для кооперативных журналов, был одним из активных деятелей ССМА, которые решили основать в Кургане партию «Крестьянский Союз». Такая партия, или Всероссийская массовая организация, была создана в годы первой революции, 1905–1907 гг., программа ее заключалась в национализации земли и в созыве Учредительного собрания. Работа этого первого Крестьянского союза была недолгой. Съезд 1800 представителей ССМА, проходивший в Кургане 12(25) марта 1917 г., принял решение снова организовать эту партию, которая охватила бы территорию Западной Сибири и Степного края. Органом партии и стала одноименная газета. В газете уделялось много внимания образованию Совета крестьянских депутатов, уездному крестьянскому съезду, местным новостям.

1 августа газета публикует объявление: «15 июля с. г. группа членов Курганского исполкома, членов уездного Земельного комитета, членов Крестьянского Союза и членов Совета крестьянских депутатов в частном совещании под председательством И. К. Черкозьянова постановила созвать чисто крестьянский съезд 5 августа 1917 г. без участия лиц, не принадлежащих к крестьянскому сословию, без участия комиссаров, имеющих возможность повлиять на собрание при решении вопросов...

1. О форме управления Российским государством и об участии в нем крестьян.

2. О способе пользования землей и о распределении ее.

3. Об Учредительном собрании»(Крестьянский Союз, № 26. 1.08.1917).

Деятельность партии и газеты «Крестьянский Союз» вызвала резкое неприятие других партий. В своей передовице «Новый мир» обвинил Пономарева в том, что он ставит своей прямой задачей поссорить крестьян с остальной демократией, главным образом с рабочей, и ведет прямую борьбу с партией социал-революционеров, что его газету надо водворить в стан врагов революции (Новый мир. №4. 10.09.1917). Последний выпуск газеты был отправлен в Книжную палата 22 ноября.

5 ноября была напечатана в типографии Рабочих тиражом в 3000 экземпляров однодневная газета «Крестьянский день» под редакцией председателя Совета крестьянских депутатов Константина Матвеевича Петрова. Издание объединенного исполкома Курганского уездного Совета крестьянских депутатов и комитета уездного Крестьянского Союза. Кроме того, есть указание, что областной комитет Крестьянского Союза в 1917 г. печатал «Листки для крестьянина».

19 августа К.М. Петров, уже как председатель комитета партии социалистов-революционеров, сообщает уездному комиссару, что «с 20 августа 1917 г. Курганским комитетом социалистов-революционеров под ответственным редакторством гражданина Александра Афанасьевича Кузнецова будет выпускаться газета «Земля и воля» — орган Тобольского губернского комитета партии социал-революционеров... Срок выхода от 1 до 3 раз в неделю. Цена отдельного номера 7 копеек. Печататься будет в Рабочей типографии. Редакция по адресу — Скобелевская улица, 46, дом Кетовой» (ГАКО, ф. р-852, оп.1, д.40. л.51).

Эпиграфом газеты служил призыв: «В борьбе обрешь ты право свое». С первых номеров газета уделяет много внимания подготовке выборов в Учредительное собрание, печатает список № 5 кандидатов от своей партии в Учредительное собрание, призывает: «Товарищи крестьяне и рабочие! Кто за землю и волю, голосуйте за список № 6. Помните, он добывается всей земли и всей воли для всего трудового народа» (Земля и воля. №22. 11.11.1917).

18 октября в Кургане оформилась большевистская организация, создав свой комитет. Через месяц газета доводит до сведения читателей, что курганские социал-демократы в силу неприемливости тактической позиции Курганской организации РСДРП, фактически превратившейся в организацию большевиков, решили выйти из названной организации и положить начало Курганской организации РСДРП меньшевиков.

В декабре «Земля и воля» печатает материалы 5-го уездного крестьянского съезда. Съездом была проголосована резолюция о том, что курганское крестьянство не поддерживает захватчиков власти и будет отстаивать Учредительное собрание. Как только резолюция была принята, в зале поднялся шум и посыпались угрозы со стороны солдат, вставших на сторону большевиков. Кричало человек десять, но они своими криками и угрозами сумели разогнать 510 представителей крестьянства.

Эта газета выходила до конца года. Потом был перерыв, так как газета не поддерживала Советы. После чехословацкого переворота 2 июня «Земля и воля» снова печатается в Кургане. Первый номер выходит 15 июня 1918 г., последний — накануне освобождения Кургана от колчаковцев. Газета продавалась по 30 копеек за номер в книжном киоске рядом с Народным Домом.

До июня 1918 г. в Кургане выходили две газеты: «Народная газета» и «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». «Известия» прекратили свое существование 1 июня в связи с чехословацким выступлением.

В июне возрождается «Земля и воля».

С 5 июня начинает выходить газета «Земля и труд» — орган объединенной социалистической мысли. Контора и редакция находились в доме Тайбулина, на углу улицы Центральной и Троицкого переулка (Горького-Ленина). С 11 сентября 1918 г. издателем газеты уже является Курганский Союз потребительских кооперативов.

Этот Союз кооперативов с января 1918 г. издавал журнал «Друг кооператора». Его редакция находилась по Троицкой, в доме Колесникова (военкомат). Редактором был Василий Рябков. В период февральской революции Рябков был гласным и секретарем Государственной Думы, а также членом Совета Петроградского общества журналистов. Рябков стал редактором газеты «Земля и труд», ее редакция в сентябре была

переведена в дом Колесникова. Во время отсутствия Рябкова в городе его заменял временный редактор Н. А. Березинский, а последние номера перед закрытием газеты редактировал Кондратий Кузьмич Худяков.

Цель газеты заключалась в борьбе за национальное возрождение страны, за восстановление независимости России, возглавляемой демократической властью, борьба с неправдой во всех ее видах. Печатали газету в Рабочей типографии. Борьба газеты с неправдой часто приводила к конфликтным ситуациям. Широкую известность получило противостояние газеты и милиции. 12 января 1919 г. была опубликована статья о беспорядке в милиции «Себя узнали», за которую начальник конного отряда Виктор Иванович Правдин потребовал привлечь редактора к суду. Мировой судья в иске отказал.

Дело дошло до того, что «Вестник Томской губернии» 4 февраля в заметке «Мечь начальства» сообщает, что в целях воздействия на газету «Земля и труд» курганская милиция отказала сотруднику этой газеты в выдаче каких-либо сведений, даже имеющих широкий общественный интерес. Дело дошло до губернского комиссара Пигнатти, который потребовал объяснений от курганского комиссара Алексеева. Алексеев сообщил, что милиция требует от газеты не печатать на своих страницах статьи по поводу неблагоприятных поступков чинов милиции и обвинил в этом начальника милиции Адама Адамовича Кибо. В результате Кибо был отстранен от должности.

Последний номер газеты вышел 1 июля (18 июня) 1919 г.

Почти одновременно с газетой «Земля и труд» начала выходить общедоступная, беспартийная, общественно-политическая и литературная газета «Курганская свободная мысль». Издателем выступало Товарищество издательского и печатного дела и газета, естественно, печаталась в его типографии, бывшей Кочешева. Первый номер вышел 10 июня 1918 г., последний — 5 августа 1919 г. Весь июнь и июль газету выпускала редакционная коллегия, в августе редактором пригласили Юрия Касьяновича Анфилова, учителя мужской гимназии, который выпускал последние номера «Курганского свободного слова» в ноябре 1917 г. С сентября и до конца года редактором был Иван Филиппович Высоцкий. В 1919 г. с января и до начала апреля редактором был Г. В. Татаринев, опять же бывший редактор «Курганского свободного слова», с апреля по август — В. А. Бударин.

С первых же номеров газета резко отзывалась о действиях Советов, публиковала письма крестьян и горожан о незаконных действиях большевиков, рассыпалась в благодарностях чехословакам за переворот 2 июня. Критиковала газету «Земля и труд» за недостаточно лояльное отношение к новому режиму.

300 экземпляров газеты ежедневно высылались на фронт, из которых 100 экземпляров — на средства, пожертвованные гражданами.

Ситуация в Сибири летом-осенью 1918 г. не способствовала формированию узко ориентированных газет. Тем заметнее стала курганская газета «Доброе слово». Летом 1918 г. священники Троицкой церкви во главе с протоиереем Иоанном Редькиным совместно с прихожанами образовали Церковно-христианский союз, члены которого решили выпустить свою газету. Первый номер «Доброго слова» вышел 19 августа (1 сентября) 1918 г. — независимый внепартийный орган народной церковно-общественной мысли. Газета объявила о своем стремлении к возрождению религиозности, об активном противодействии нападкам на церковь и о борьбе с попытками заменить православию учением социализма.

В Барнауле выходила газета «К свету» того же направления, ее тираж был 300-500 экземпляров. «Доброе слово» имело тираж 850-1500, широко распространялась, вплоть до Омска.

Контора и редакция разместились на Троицкой улице, в доме Троицкой церкви, против пожарной вышки. Издателем выступил Федор Маркович Дунаев, редактором — Владимир Владимирович Ратмиров, которого уже со второго номера временно заменил протоиерей Иоанн Редькин, потом редактором был иеромонах Филофей, член Церковно-христианского союза.

В день выхода газеты в Троицкой церкви был отслужен торжественный молебен, во время которого о. Редькиным была произнесена речь о том, что печатный орган является самым лучшим средством для достижения целей вновь образующегося Церковно-христианского союза. «Тобольские епархиальные ведомости» приветствовали газету: «Искренне радуется нас смелая попытка курганских церковных деятелей выйти на новый путь современного служения церкви — путь печатного слова. Деятели эти, объединившись в «Христианский церковный союз» начали с 19 августа выпуск в свет своей еженедельной церковно-общественной газеты «Доброе слово» под высшими

евангельскими девизами: «Я есмь путь, истина и жизнь», «Без меня не можете делать ничего», «Во свете твоём узрим свет» (Тобольские Епархиальные ведомости. № 23. 10.09.1918).

Влияние газеты на общественное настроение было небольшим, но большой тираж говорит о ее популярности.

В Кургане выходило еще одно специализированное издание-журнал «Голос учительства», орган Курганской организации Всероссийского Учительского Союза. В апреле 1905 г. был создан Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию, целью которого была борьба за политические свободы, передачу власти в руки народа, созыв Учредительного собрания, а также коренная реорганизация, демократизация и централизация народного образования.

В 1908 г. Союз прекратил свою деятельность и возобновил ее в апреле 1917 г., как Всероссийский Учительский Союз, сохранив идейную преемственность с прежней организацией. Руководство этого Союза не приняло Октябрьскую революцию и руководство Наркомпроса в мае 1918 г. приступило к его ликвидации.

Но в Сибири еще не было Советской власти в этот период, и наше курганское отделение в августе 1918 г. выпускает первый номер журнала «Голос учительства». Редакция находилась в здании 5-го мужского училища в Думском переулке (ул. Комсомольская), редактором был Николай Кузьмич Малков, помощник смотрителя духовного училища. Эпиграфом к передовой статье был дан призыв: «Кто в поле жив человек? — Отзовися!» В этой статье объявлялась программа журнала — всестороннее освещение жизни курганской учительской организации на фоне текущих политических и общественных событий; сплочение учителей в единую семью на почве взаимного обмена мнений по педагогическим и научным вопросам; осведомление учительства о начинаниях по народному образованию со стороны государства и местных органов самоуправления. В 1918 г. вышло 5 номеров журнала «Голос учительства». Известно, что в марте 1919 г. журнал еще выходил, дальнейшая его судьба не установлена.

Последней досоветской газетой была «Студенческая газета». Летом на каникулы приезжали из Томска, Питера, Екатеринбургa, Омска, Тобольска и других городов студенты, которые от имени студенческой группы курганского землячества 9 июля 1919 г. выпустили одноразовую газету — «внеклассовую, внесловную, внепартийную,

подцензурную, номер первый и последний». Редактором был студент медицинского факультета Томского университета М.Я. Ревзон, чья семья жила в том доме Зайцева, в котором располагалась Рабочая типография, где газета и была напечатана. Деньги на газету были собраны во время большого вечера, организованного студентами в гарнизонном саду. Четверть сбора пошло в пользу Комитета помощи русской армии, остальные — студенческой кассе взаимопомощи, т.е. на газету. В ней было много стихов, статьи о театре, музыке, хроника, происшествия. От редакции было заявлено, что следующий номер «Студенческой газеты» выйдет через 100 лет.

15 августа 1919 г. власть в Кургане поменялась. Все газеты прекратили свое существование. Оборудование типографий было вывезено белыми на восток.

Политотдел 5-ой стрелковой дивизии 5-й армии, который имел походную типографию, начал выпускать в Челябинске газету «Советская Сибирь». Эта газета была учреждена Сибревкомом как центральная партийно-советская газета Сибири. Походные типографии, оборудованные в вагоне, двигались на восток вместе с 5-й армией.

18 сентября 1919 г. в Челябинске выходит газета «Степная коммуна» — орган Сибревкома и Челябинского ревкома, 1 октября

Рабочая типография в доме Семена Терентьевича Зайцева

КРАСНЫИ ПУТЯН

Второй район. Стран. Советский Механик.

Уч. завед. Г. М. Иванов. Уч. завед. Г. М. Иванов.

Второй район. Стран. Советский Механик.

Уч. завед. Г. М. Иванов. Уч. завед. Г. М. Иванов.

ОГРОДКА И ВОПРОС

Недавно в журнале «Ударник» опубликована статья о состоянии дел в огородах в РСФСР. Автор статьи отмечает, что в настоящее время в РСФСР насчитывается около 10 000 человек, занимающихся огородничеством. Это обстоятельство имеет большое значение для развития сельского хозяйства.

СМЕРТЬ ДАДУ И ВАРОВУ

Впервые за последние несколько лет в рядах Красной Армии произошли случаи смерти командиров в бою. Так, в боях за освобождение Берлина погибли командир батальона Дадурян и командир роты Варов. Их смерть была трагическим событием для всего подразделения. Командир батальона Дадурян отличился в боях за Берлин, проявив героизм и мужество. Командир роты Варов также проявил себя как храбрый воин. Их смерть была глубоко оплачена товарищами по оружию.

И ВЫБОРАМ В СОВЕТЫ

Второй район. Стран. Советский Механик. И выборы в Советы. Это важное мероприятие, которое должно проводиться регулярно. Оно позволяет рабочим и служащим высказывать свое мнение по поводу работы предприятий и органов власти. Это способствует повышению эффективности работы и улучшению условий труда. В настоящее время в стране проводятся выборы в Советы в различных районах. Это свидетельствует о демократичности нашей страны.

Политический фронт

Политический фронт. Это понятие имеет важное значение для понимания текущей политической ситуации в стране. Оно охватывает различные политические силы и их взаимодействие. В настоящее время политический фронт характеризуется активным развитием демократических сил. Это способствует укреплению единства нации и развитию страны.

Войска идут в Совет Коммунистов

Войска идут в Совет Коммунистов. Это важное событие, которое свидетельствует о вовлечении молодежи в политическую жизнь страны. Совет Коммунистов является органом молодежи Коммунистической партии. Он занимается организацией молодежи, ее политическим воспитанием и подготовкой к активной деятельности. В настоящее время в Совет Коммунистов активно идет молодежь со всей страны. Это говорит о том, что молодежь готова нести ответственность за будущее нашей страны.

На красных фронтах

На красных фронтах. Это выражение имеет глубокое значение для понимания роли Красной Армии в строительстве социализма. Красная Армия является опорой социализма в нашей стране. Она защищает социализм от внешних и внутренних врагов. В настоящее время Красная Армия активно участвует в строительстве социализма. Это способствует укреплению нашей страны и достижению коммунистического идеала.

ОТВЕСКИ РЕВОЛЮЦИИ

Отвески революции. Это понятие имеет важное значение для понимания роли революционных действий в истории нашей страны. Революционные действия являются одним из основных способов достижения социальных перемен. В настоящее время в нашей стране активно проводятся революционные действия. Это способствует укреплению социализма и достижению коммунистического идеала.

МИР или ВОЙНА?

Мир или война? Это вопрос, который волнует каждого человека. В настоящее время мир в мире не стабилен. В различных частях света происходят конфликты и войны. Это создает угрозу для мира и безопасности всего человечества. Поэтому необходимо активно бороться за мир и стабильность в мире. Только мир и стабильность позволяют развиваться народам и строить лучшее будущее.

Возврат Владимировича авантюры

Возврат Владимировича авантюры. Это понятие имеет важное значение для понимания роли авантюризма в политике. Авантюризм является опасным явлением, которое угрожает стабильности и безопасности страны. В настоящее время необходимо активно бороться с авантюризмом. Это способствует укреплению демократии и развитию страны.

За границей

За границей. Это понятие имеет важное значение для понимания роли нашей страны в мире. Наша страна активно участвует в международных отношениях. Это способствует укреплению мира и сотрудничества между народами. В настоящее время наша страна продолжает активно участвовать в международных отношениях. Это способствует развитию нашей страны и достижению коммунистического идеала.

переименованная в «Советскую Сибирь». В ней печатались короткие сообщения о курганских событиях, о боях вокруг города.

15 ноября «Советская Сибирь» сообщает: «4 ноября в Кургане организовался Союз коммунистической молодежи — членов насчитывается до 63 человек, преимущественно рабочие. Выбрано городское Бюро, которое продолжает запись желающих вступить в Союз. За это короткое время Союз принял участие в проведении праздника 2-й годовщины Октябрьской революции. Установилась тесная связь с партийной организацией».

Газета много раз меняла свой размер и даже прекращала свое существование. Номера «Советской Сибири» долго хранились в редакции газеты «Красный Курган», но на сегодняшний день не сохранилось ни одного номера.

С конца 1919 г. представители курганских предприятий начали разыскивать повсей Сибири оборудование, увезенное белыми. Нашлась и типография, которая вернулась в Курган 22 января 1920 г. Для ее разгрузки был устроен субботник, установка была возложена на Л.С. Ворсина, он же стал ее заведующим. Дед Ворсина был из туринских мещан, в Кургане поселился в 1870-х годах, его сын Семен умер 26-ти лет, оставив троих сыновей, которые и были выращены дедом. Леонид служил в 34-м запасном стрелковом полку и типографом стал по воле случая. В советское время он долго возглавлял Курганскую типографию, но по неизвестной причине был переведен наборщиком в типографию поселка Мишкино и умер там 5 марта 1932 г., сорока лет.

31 января 1920 г. в прибывшей типографии вышел первый номер газеты «Красный Кургана» — органа Курганского уездного исполкома, уездного Комитета РКП б) и политотдела 5-ой дивизии.

19 августа 1920 г. вышел первый номер газеты «Передовая молодежь» — еженедельная газета местного союза молодежи.

Началась эпоха советских газет.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ УПРАВА

В ходе Февральской революции был ликвидирован прежний продовольственный аппарат — органы уполномоченных Министерства земледелия. Одновременно с этим на местах стали стихийно возникать губернские, уездные, городские Продовольственные комитеты.

Это заставило Временное правительство создать 9 марта 1917 г. Общегосударственный Продовольственный комитет при Министерстве земледелия.

25 марта правительством были приняты 2 постановления: «Временное положение о местных продовольственных органах» и «О передаче хлеба в распоряжение государства», т.е. введение хлебной монополии.

Постановлением от 12 апреля 1917 г. были установлены правила регулирования мукомолья. Разрешалось вырабатывать 2 сорта муки ржаной и пшеничной — простую, без отсева отрубей, и отсевленную. Выработка манной крупы только по заказам Продовольственных комитетов. Были установлены твердые цены на хлеб и введена карточная система, сначала на распределение мяса, позже на все продукты и промышленные товары.

В Кургане вопрос о продовольственной безопасности населения округа и о поставках для военного ведомства был поднят 8 марта, на второй день существования местного Комитета общественной безопасности.

14 марта состоялось заседание городской Думы, посвященное образованию Продовольственного комитета на широких демократических началах.

Возник уездный Продовольственный комитет, в Кургане — городской, в волостях — волостные Продовольственные комитеты. Комитеты избирали рабочие Управы. Уездный комитет и управу возглавил прапорщик 34-го сибирского стрелкового запасного полка Константин Матвеевич Петров, городскую управу — общественный деятель и кооператор Карп Александрович Петунин.

17 апреля Петров был избран председателем Совета крестьянских депутатов и в это же время он получил предложение занять пост шадринского уездного комиссара, от которого отказался. Петров еще занимал пост председателя Земельного комитета. Вместе с Петровым в Продовольственный комитет и управу вошли Тихон Яковлевич Синкин, Михаил Петрович Сурков и два офицера 34-го полка — Франц Иосифович Климайтис и Иван Кириллович Сидоренко.

Этот состав комитета зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, и когда в июне, ввиду приказа военного министра о пополнении действующей армии запасными полками в полном составе, Петров заявил о сложении своих полномочий в связи с отправкой на фронт, то уездный Продовольственный комитет шлет телеграмму в два адреса — военному министру и министру продовольствия: «...В Курганский уездный Продовольственный комитет входят офицеры 34-го Сибирского стрелкового полка прапорщик Петров, как представитель Крестьянского союза, подпоручик Сидоренко, как представитель Военного ведомства, и подпоручик Климайтис, как представитель уездного Исполнительного комитета. В жизни комитета они проявляли всегда энергичную и внимательную к нуждам армии и народа деятельность, проявив много организаторского таланта, незаменимого при настоящих условиях недостатка таких людей в тылу.

Признавая, что правильная организация продовольственного дела является первостепенной задачей укрепления тыла, подчеркивая громадное значение Курганского уезда, как района массовых заготовок всех продуктов первой необходимости для армии и продовольствия для народа, считая совершенно невозможным без ущерба делу продовольствия замену Петрова, Сидоренко, Климайтиса другими лицами, просим Вас оставить их в Кургане в случае ухода полка» (Народная газета, № 93. 16.06.1917). Просьба была удовлетворена.

Константин Матвеевич
Петров

Дом где в 1917-18г. помещалась губ.
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ УПРАВЛ.
УЛ. СОВЕТСКАЯ №67.

Продовольственный комитет в доме купца Ивана Павловича Колпакова

Полк еще оставался в Кургане, на фронт были отправлены только 18 офицеров.

Продовольственный комитет занимал дом купца Константина Мергенева на улице Центральной (ул. Горького — сейчас на этом месте мастерская художника Г. А. Травникова), 2 октября 1917 г. был переведен в дом Колпаковых, на углу Дворянской и Думского переулка (Советская — Комсомольская).

Перед Продовольственными комитетами был поставлен целый ряд сложных вопросов: проведение хлебной монополии, т.е. отчуждение всего излишнего хлеба для государства, снабжение армии овощами, хлебом и мясом, содействие по распределению сельскохозяйственных машин и орудий среди населения.

На заседании уездного комитета в июне решались вопросы о поставках хлеба, о создании прокатных пунктов сельскохозяйственных машин при волостных комитетах, об отправке на эти пункты

военнопленных в качестве монтеров, о приемке хлеба на элеваторах, об установке цен на размол зерна и прочие.

Дело заготовки зерна в Курганском округе до февраля 1917 г. находилось в ведении уполномоченного Министерства земледелия Казимира Казимировича Шадзевича, было хорошо налажено и шло полным ходом. Район заготовок Шадзевича включал территорию от станции Зырянка до станции Мамлютка. Этот район унаследовал Курганский уездный Продовольственный комитет.

Одним из первых шагов комитета было предложение всем торговым фирмам и индивидуальным торговцам доставить в комитет сведения о наличии у них запасов продовольствия. Такое же предложение было отправлено волостным Продкомитетам. Это позволило уездному Продовольственному комитету уже к концу апреля собрать на станциях отправки зерна — Курган, Макушино, Петухово, Лебяжье — несколько тысяч пудов зерна.

Но курганский Продкомитет подчинялся губернскому комитету, который почему-то не давал наряд на вагоны. Уездный комитет послал телеграммы министрам земледелия, путей сообщения, своему председателю Петрову, который в это время находился в Петрограде на крестьянском съезде, настаивая на скорейшей выдаче нарядов для вывоза этого хлеба.

Проблемы с губернским Продкомитетом будут возникать постоянно.

Приближалась посевная кампания. В связи с этим Общегосударственный Продовольственный комитет постановил, что охрана всех посевов поручается местным Продовольственным комитетам. Пахотные земли, которые не могут быть засеяны хозяевами, поступают в распоряжение местных Продовольственных комитетов, которые могут сдавать землю в аренду, арендная плата выплачивается владельцам земли.

В сибирских деревнях не хватало мужчин, ушедших на войну, земли не пахались.

Крупный землевладелец Лев Смолин тоже не мог найти достаточной рабочей силы, чтобы обработать свои десятины. Он направляет письмо в Курганский Продкомитет: «Имея около 1000 пудов культурного семенного овса «Золотой дождь» и около 100 пудов таково же качества овса «Лигово», я покорнейше прошу Курганский уездный комитет

Лев Дмитриевич Смолин рядом с водителем

принять от меня этот овес в моем Петровском имении в Черемуховской волости бесплатно и использовать его как высококультурный семенной материал» (Народная газета, № 52. 26.04.1917 г.).

Комитет поблагодарил Смолина, отборные семена были посеяны и дали прекрасный урожай.

В 1917 г. урожай на все культуры был обильный, какой бывает один раз в десять лет. Очень кстати пришелся приказ военного министра А. Керенского от 22 июня: «Введение хлебной монополии сделало весь хлеб государственным достоянием. Интересы России, армии и всего народа требуют, чтобы весь урожай был собран без малейших потерь. Между тем повсеместно недостаток рабочих рук грозит тем, что значительная часть урожая останется не убранной. По соглашению с министром продовольствия приказываю: во всех гарнизонах формировать из воинских частей... особые команды для полевых работ и ремонта сельскохозяйственных машин. Команды поступают в распоряжение местных Продовольственных комитетов...» (Народная газета, № 100. 24.06.1917).

Из солдат 34-го Сибирского стрелкового запасного полка, расквартированного в Кургане, были составлены команды, которые

разъехались по деревням для помощи крестьянским хозяйствам. Когда хлеба начали поспевать, командир полка 13 августа, на основании телеграммы из штаба Омского военного округа, просит Продовольственную управу срочно вернуть всех солдат, так как предполагается отъезд полка на фронт.

Было срочно созвано заседание уездного Продовольственного комитета, на котором решили довести до сведения министров и командующего войсками Омского военного округа о создавшемся положении и ходатайствовать о немедленном командировании в распоряжение Продовольственной управы всех работоспособных нестроевых и строевых солдат Курганского гарнизона сроком хотя бы до 20 сентября. Заседание считало, что спасение громадного урожая не менее важно, чем защита Родины от внешнего врага.

34-й полк был оставлен в Кургане. Совдеп объявил, что ввиду того, что 34-й полк, из состава которого выбран Военный отдел Совета, распущен на полевые работы, общее собрание Совдепа считать состоявшимся при наличии любого числа членов Военного отдела.

В течение лета Курганский уездный Продкомитет неоднократно оказывался в весьма затруднительном положении в отношении заготовок хлеба, мяса и прочих продуктов для армии, потому что губернский комитет не высылал необходимые средства. Приходилось обращаться к министрам продовольствия и земледелия и в главный отдел заготовок с предупреждением о том, что если не будут получены деньги для закупок, то комитет вынужден будет их остановить.

Даже заготовив хлеб, Продкомитет не мог его отправить из-за отсутствия вагонов. Приходилось подключать Совдеп, который 25 августа 1917 г. обсуждал телеграмму о тяжелом положении с продовольствием в армии и в некоторых губерниях, в том числе в Москве, где хлебный паек был сокращен до голодной нормы — полфунта в день.

Курганский Совдеп посылает сообщение Московскому Совдепу о том, что в Курганском уезде имеются значительные запасы хлеба, но нет нарядов на вывоз по железной дороге. Просили содействовать отправке.

В октябре в Омске состоялся съезд Краесвета (Краевой Продовольственный экономический комитет) по продовольственным вопросам, на котором присутствовал член Курганской Продовольственной управы подпоручик Климайтис. Возвратясь,

Старые городские курганские бойни

он доложил, что Краесовет взял направление к уничтожению Продовольственных комитетов на местах и передачу дела заготовок в руки частных предпринимателей. Лично им это было расценено как вредительство. Частники, в основном, были спекулянтами.

Следом пришла от Краесовета телеграмма, в которой Курганский Продовольственный комитет обвинялся в слабой организации заготовок зерна нового урожая. Для усиления заготовительного аппарата предлагалось привлечь силы кооперации мукомольной торговли, срочно расширить складские помещения, увеличить технический персонал и количество приемных пунктов, привлечь новых контрагентов.

Из Кургана немедленно был отправлен ответ: «Удивляемся наивности Краесовета в деле хлебных заготовок и полному незнакомству с условиями работы Курганского района. Будучи не в курсе дела, бросают необоснованные упреки, стремясь во вред делу исказить действительное положение вещей, чтобы навязать нам спекулянтов и никуда не годных специалистов...

Если задаетесь целью разрушение дела, пробуете не только вмешиваться в нашу компетенцию, но и совсем вырвать дело из наших рук и передать мародерам, то это вызовет отлив хлеба от станций. Такую Вашу деятельность Курган будет рассматривать, как измену Родине в годину небывалых испытаний. С вашими угрозами не считаемся. Работаем, как велит нам совесть и интересы избравшего нас народа и интересы Родины.

По нашему мнению на Краесовете лежит тяжелая обязанность снабдить нас в достаточном количестве деньгами, мешками и своевременной подачей вагонов, с чем Вы уже теперь в самом начале заготовок не можете справиться.

Из полученных от Вас распоряжений усматривается отсутствие планомерности, сумбур и полное незнание с живым делом, что толкает вас на рискованные шаги.

Как показатель ошибочности Краесовета в оценке деятельности Курганской уездной Продовольственной управы в деле снабжения армии продуктами, является одобрение нашей работы Продовольственной комиссией Всероссийского центрального исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов» (Новый мир, № 50. 4.11.1917).

Так же обстояло дело и с мясными заготовками. Если хлебные заготовки ранее исполнял Шадзевич, то мясными заготовками заведовал Виктор Алексеевич Постников. При образовании уездного Продкомитета Шадзевич и Постников были оставлены для параллельной заготовки продуктов только для действующей армии.

Курганский район являлся одним из важнейших районов не только Сибири, но и всей России по заготовкам и выработке мясных продуктов. Постниковым и после него Курганским Продовольственным комитетом за последний операционный год (1 июля 1916-1 июля 1917 г.) было заготовлено 22 миллиона порций разных интендантских консервов, переработано свыше полумиллиона пудов мяса и около 400 тысяч пудов мороженой свинины. Закуплено и убито в Кургане до 40 тысяч голов рогатого скота, до 30 тысяч голов свиней, и полученное мясо переработано курганскими заводами в консервы, копченые и соленые продукты. Закуплено и отправлено свыше 8 миллионов штук куриных яиц. Оборот района за этот год составил около 15 миллионов рублей (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.2, л.35).

Тобольский губернский Продовольственный комитет оставил за собой право заключать все контракты по заготовке мяса по Курганскому району, а Курганский комитет должен был исполнять эти контракты, при этом получая только авансы для расчетов с продавцами, которые соглашались на поставки только при полном расчете. Из Кургана в Тобольск шли телеграммы с требованием денег на закупку мяса, хлеба, яиц для армии. В ответ было молчание.

Посолочное отделение

Заготовки мяса резко падали. Через газету Продкомитет объявляет, что с 12 июня на торговой площадке скотом при бойне будет производиться закупка крупного рогатого скота по твердым ценам для продовольствия армии. Тощий скот весом менее 12 пудов приниматься не будет, при живом весе до 15 пудов — по 7р. 40 к. за пуд, сверх 15 пудов расценка повышается по 10 коп. за пуд живого веса (Народная газета, №91 14.06.1917).

Это не спасло положения. 18 июня Курганский Продком шлет телеграмму министру продовольствия, в которой указывает на разногласия с губернским комитетом и считает единственным выходом из этого положения передачу всей заготовки продуктов в полное ведение уездного Продовольственного комитета, с открытием для него кредита в Курганском казначействе на первое время в сумме 3 млн. руб. На это время в Кургане запасов мяса уже не было, подгона скота не было, колбасные и консервные заводы готовились остановиться через 2-3 дня. Раньше закупка живого скота в большей мере производилась в Акмолинской степи, но теперь Продком Акмолинской области запретил закупку для курганских консервных заводов. Большую роль играла разница в закупочной цене

на живой скот и на мясо. Мясо в Курганском уезде было дешевле, чем в Оренбургской и Пермской губерниях, и его увозили за пределы Курганского района. Было необходимо провести уравнивание цен в регионе и отменить запрещение перегона скота из одной губернии в другую.

Курганский Продкомитет начал упорно добиваться самостоятельности. Петров и Постников ездили в Омск на краевой съезд представителей Продкомитетов Западной Сибири, состоявшийся 10 июля 1917 г., на котором было постановлено дать Курганскому комитету права губернского.

Но это оказалось только декларацией. После попытки Краесовета в октябре изменить работу Курганского комитета, уездный Исполком (Комитет общественной безопасности) признал недопустимым вмешательство в компетенцию Курганской уездной Продовольственной управы каких бы то ни было других организаций и выразил полное доверие ее сотрудникам.

Ввиду предстоящего 29 октября приезда в Омск министра продовольствия Прокоповича было решено командировать в Омск Климайтиса и члена Исполкома Некрасова для личного освещения министру состояния продовольственного дела в Кургане, чтобы предотвратить неверные шаги Краесовета.

Итогом командировки стало присвоение министром Курганскому Продовольственному комитету прав губернского комитета.

15 ноября 1917 г. состоялось организационное собрание Курганского Продкомитета на правах губернского. Избрали председателем управы опять Константина Матвеевича Петрова, товарищами председателя Франца Иосифовича Климайтиса и Михаила Петровича Суркова, членами Михаила Петровича Долбилова и Кондратия Козьмича Худякова.

Если уездный Продовольственный комитет занимался заготовками для армии и голодающего населения центральных губерний, то заготовками для Кургана занимался городской Продовольственный комитет.

Только мясом городское население снабжала уездная Продовольственная управа. Председателем городского комитета был Карп Александрович Петунин, членами комитета в разное время были Савва Георгиевич Каменских — торговец, Всеволод

Вячеславович Иванов — типографский наборщик, будущий писатель Яков Иванович Казаков, Тихон Яковлевич Синкин — заведующий переселенческим складом сельскохозяйственных орудий. В городе не хватало продуктов, мануфактуры, обуви, керосина, топлива, и все это падало на плечи городского Продкомитета. На почве повышения цен на мясо в декабре из толпы были нанесены побои К.А. Петунину.

Страна шла к продовольственной разрухе. Волна беспорядков докатилась и до Сибири. В октябре в Петропавловске произошли разгромы и убийства на почве двойного повышения цен на хлеб и отсутствия фабричных товаров.

То же самое назревало и в Кургане, тем более, что в сентябре мука населению не выдавалась. Городская управа поспешила объявить, что мука-сеянка за ноябрь будет роздана в октябре в прежнем количестве и по прежней цене — 4р. 20 к. за пуд, отруби — по 2р. 80 к. за пуд, сахар — по 1,5 фунта на человека по 38 к. за фунт. Началась продажа мануфактуры — по одному аршину на человека из-за ограниченного количества на складах. Управа торопилась. С 1 ноября вводились новые цены и нормы: мука-сеянка по 30 фунтов на едока в месяц по 7р. 20 к. за пуд, мука обойная — 6р. 30 к. за пуд, ржаная обойная — 5р. 25 к. за пуд. Цена на мясо повышалась с 48 к. до 54 к. за фунт. Все продукты выдавались по карточкам, в том числе мясо — 2 фунта в неделю на едока. Управа призвала население принять тяжелую необходимость подчиниться неизбежному повышению цен во имя спасения Родины и завоеваний революции.

В конце 1917 г. городской комитет имел запасов муки 35 000 пудов, для урегулирования цен на печеный хлеб комитет решил открыть собственную хлебопекарню.

Уездный и городской Продовольственные комитеты вели отчаянную борьбу с ходоками из европейской России за продовольствием, с мешочниками, как их называли в Кургане. Борьба обострилась осенью, когда собрали новый урожай зерна.

Дума, несмотря на протесты Продовольственной управы, решила выдать первой партии ходоков по 30 фунтов хлеба на едока и просить разрешение к погрузке. Но за первой партией последовали новые, и все они предъявили те же требования. Решили выдачу хлеба прекратить.

Закупив хлеб по спекулятивно взвинченным ценам, мешочники самовольно захватывали вагоны, поданные для погрузки хлеба по нарядам на фронт и в голодающие губернии, и под угрозой насилия требовали прицепить их к поездам. Среди мешочников было много перепродавцов хлеба, спекулянтов.

12 ноября состоялось совещание представителей революционных и общественных организаций Кургана по продовольственному вопросу. Было принято постановление закрыть станции Зырянка, Курган, Варгаши, Лебяжье, Макушино, Петухово и Мамлютка для проезда мешочников, установить кордон на станции Курган и весь хлеб, провозимый мешочниками или вообще следующий не в адреса продовольственных организаций, реквизировать по установленным твердым ценам. Отправить для охраны станции и пунктов приема и закупки хлеба воинские команды с офицерами во главе (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.2-Б, л.76).

Мешочников на станции в Кургане собралось более тысячи человек, посыпались угрозы в адрес Продуправы и Совдепа.

На ноябрь месяц было получено нарядов для армии более чем на 2 млн. пудов хлеба. К середине месяца 800 000 пудов было закуплено, но отправке мешали мешочники, которые захватывали вагоны. Явление это разрасталось с каждым днем и угрожало свести хлебные заготовки на нет. Подвоз хлеба сократился, а в Петухово совсем прекратился. Некоторые волости объявили, что не будут везти хлеб, пока не будет подавлена спекуляция (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.2-а, л.210).

Управа, получив телеграмму о грозящем армии голоде, обратилась к командиру 34-го запасного полка с просьбой отпустить в распоряжение управы 10 офицеров и 50 солдат для посылки в уезд с пропагандой о необходимости подвозки хлеба. Продуправа через газеты постоянно напоминала населению, что торговля зерном, мукой и другими хлебными продуктами воспрещена, что хлеб у продавцов и покупателей будет реквизироваться, а покупатели и продавцы будут привлекаться к судебной ответственности.

После того, как Совдеп объявил о передаче всей полноты власти в руки Совета, Продовольственный комитет на своем заседании 27 ноября 1917 г. постановил: «Продолжать свою деятельность безостановочно во имя исполнения долга перед голодающими армиями и населением страны, но в случае предъявления Советом каких-либо

требований, таковые считать незаконными, а при применении принудительной грубой силы над кем-либо из состава Управы или служащих — работы прекратить, возложив всю ответственность на захватчиков власти...» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.2-Б, л.193).

Через месяц комитет получил ответ на свое сопротивление. 28-29 декабря в Кургане состоялся съезд крестьянских депутатов, который постановил уездную Продуправу реорганизовать совершенно, потому что существующие продовольственные органы не соответствуют своему назначению, что руководители уездной Продовольственной управы всемерно разрушают продовольственный аппарат. Было решено прямо на съезде избрать в Продовольственный комитет 10 делегатов, к ним присоединить 5 человек от Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, одного — от железнодорожного комитета, одного — от Совета профсоюзов, троих — от города, пополнив по одному делегату от тех волостей, от которых представители не избраны на съезде. Вновь избранным представителям поручили при приеме дел от старого состава Продовольственной управы провести тщательную ревизию и в случае обнаружения злоупотреблений поступить с виновными по строгости революционного порядка.

С лицами, которые откажутся работать в управе с новым составом депутатов, не церемониться — немедленно уволить, имена и фамилии опубликовать, чтобы они не могли поступить куда-либо на службу, как лица, отказавшиеся служить трудовому народу.

4 января 1918 г. служащие Курганской губернской Продовольственной управы на своем собрании, в присутствии 120 человек, обсуждали вопрос о переходе Продовольственной управы к Совдепу и вновь избранному Продовольственному комитету. Собрание постановило: «Принимая во внимание заявление т. Гордиенко, что продовольственное дело будет находиться вне какой-либо политики и, полагая, что в такой критический момент страны продовольственное дело не должно подвергаться какой-либо опасности, собрание постановило: все служащие управы должны оставаться на своих местах и продолжать свою работу, дабы продовольственное дело не попало в руки несведущих лиц новых служащих, отчего продовольственное дело может окончательно погибнуть, до тех пор, пока не будет применено каких-либо репрессивных мер к товарищам служащим» (ГАКО, ф.253, оп.1, д.312, л.2).

11 января 1918 г. на заседании Исполкома Совдепа было зачитано заявление нового председателя Продовольственной управы Шмелева об упорном нежелании старого состава управы сдавать дела, несмотря на предписание Краесовета. При одном воздержавшемся постановили арестовать бывших членов управы, которые на следующий день и были арестованы. За подписью Дм. Пичугина начальнику тюрьмы поступило распоряжение: Петрова, Климайтиса, Долбилова и Суркова посадить в одиночные камеры и не разрешать им свиданий без согласия исполкома Совета.

21 января 1918 г. состоялось совместное заседание уездного земского собрания, гласных городской думы и председателя Совдепа Гордиенко по вопросу «гносного насилия» над членами Продовольственной управы, «выразившееся ни на чем не основанном беззаконном аресте их... и принимая во внимание, что никто в свободной Российской республике не может быть подвергнут тюремному заключению без суда и следствия, постановили: 1. Вызвать энергичный протест против этих самовольных насильственных действий Совдепа, в его составе воскресающих времена самодержавного царского режима; 2. Требовать немедленного освобождения; 3. Довести эту резолюцию до общественности» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.50, л.20).

Только к 4 мая все они были освобождены. Возбужденное в ревтрибунале дело по обвинению в должностных преступлениях Петрова и членов управы было производством прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

Уже после чехословацкого переворота заведующий хлебным отделом Шадзевич написал листовку, отпечатал в рабочей типографии, и она была расклеена по всему городу: «...Считаю своим долгом объявить, что предъявленный иск большевистской управой к президиуму Курганской управы первого созыва является сплошным прискорбным недоразумением по причине некомпетентности обвинителей в области сдачи и отправки хлебных продуктов, благодаря чему и были заподозрены чуть ли не в хищении совершенно невинные, безупречные труженики первой Курганской Продовольственной управы» (ГАОДКО, ф.6916, оп.1, д.42, л.2).

В новый состав Продуправы вошли: Александр Павлович Климов — бывший военный комиссар, Алексей Иванович Сальников — рабочий консервного завода, Александр Мартынович Ветров.

27 февраля 1918 г. из Кургана было отправлено 4 поезда — 100 вагонов муки и 20 вагонов овса в адрес Центральной управы (ГАОПДКО, ф.6916, оп.1, д.69, л.67).

После чешского переворота в июне была создана ревизионно-ликвидационная комиссия Продовольственного комитета, которая комитет упразднила, обязанности Продовольственной управы были возложены на хозяйственный отдел городской Думы. Государственные закупки снова перешли к уполномоченным Министерства продовольствия и снабжения.

КУРГАНСКАЯ МИЛИЦИЯ В 1917–1919 ГГ.

Февральская революция 1917 г. разрушила в стране все старые властные структуры. В Кургане были отстранены от должностей городской голова, земский исправник, разогнаны полиция и жандармерия, осталась только городская управа. 5 марта возник Совет солдатских депутатов, 8 марта — Совет рабочих депутатов. Но это были вновь возникшие структуры, и занимались они в основном политикой. Нужен был орган, который бы занимался жизнью города в целом.

По примеру других городов в Кургане срочно создается Комитет общественной безопасности (КОБ). Выборы в Комитет состоялись 7 марта, на следующий день уже состоялось первое заседание, на котором обсуждалась организация власти в городе и уезде, в том числе — организация милиции. Член Комитета Гавриил Всеволодович Татаринов зачитывает решение Комитета об изменении административно-полицейского строя, по которому вся полнота власти передается начальнику городской милиции. Начальник и его помощник избираются из членов Комитета общественной безопасности. Начальник исполняет функции бывшего исправника. Председатель собрания Михаил Константинович Сажин извещает, что на должность начальника городской милиции приглашен прапорщик 34-го Сибирского полка Константин Матвеевич Петров, и что на это получено согласие военного начальства (Народная газета, № 13. 10.03.1917).

В это время Петров находился в Омске, куда уехал по поручению офицеров полка для доклада командующему округом о выступлении своего полка. Вернувшись 12 марта из Омска, Петров узнает о своем избрании, но от назначения отказывается, хотя предлагает разработать проект Положения о Курганской городской милиции. Казначейство выдает ему 200 руб. на расходы по организации городской милиции. В помощь Петрову была подобрана комиссия, в которую вошли старший бухгалтер казначейства Иван Васильевич Григорьев, купец Алексей Осипович Крылов, врач Георгий Петрович

Первые отряды милиции

Шубский, учитель Григорий Степанович Малин и технолог Михаил Львович Толчинский.

18 марта комиссия представила проект городской милиции в Комитет общественной безопасности. Предлагались следующие пункты:

1. Милиция состоит из ее начальника, его помощника, трех участковых начальников милиции, 30 милиционеров, штата канцелярских служащих: одного секретаря, двух столоначальников, шести писцов, 10 посыльных и сторожей;

2. Учреждается милиционный комитет, в который входит с решающим голосом начальник милиции;

3. Начальник милиции, его помощник и участковые начальники милиции избираются соединенным собранием городского Исполкома и городской думы, причем, кандидаты в помощники начальника и участковые начальники могут быть указаны начальником милиции;

4. Милиционеры, канцелярские служащие, посыльные и сторожа приглашаются по вольному найму начальником комиссии с одобрения комитета милиции;

5. Начальник милиции действует под общим контролем уездного комиссара Временного правительства;

6. Вся практическая деятельность милиции находится в подчинении ее начальника. Милиционеры исполняют распоряжения начальника, его помощника и участковых начальников. При производстве дознаний милиционеры руководствуются соответствующими статьями Устава уголовного судопроизводства 1864 г., не отмененными Временным правительством;

7. На милицию возлагается охранение общественной безопасности в городе Кургане и железнодорожных поселках;

8. Отличительными знаками милиции являются: для начальника, его помощника и участковых начальников — красные повязки на левой руке с соответствующими надписями, для милиционеров — белая повязка и удостоверение;

9. Милиционный комитет из своей среды избирает председателя и секретаря. Он рассматривает вопросы по делам милиции, дает общие указания начальнику милиции» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.23, л.9).

Натом же собрании был утвержден милиционный комитет. На пост начальника милиции предложен прапорщик 34-го полка Михаил Алексеевич Косов, его помощника — подпоручик Владимир Примо. Городская милиция оставалась в бывшем здании полиции, против Троицкой церкви. Здание стало именоваться Домом милиции.

Здесь был телефон, электрическое освещение, 8 печей на двух этажах. «Народная газета» начинает публиковать обращения Косова и Примо к жителям Кургана с приглашением занять должности участковых начальников и рядовых милиционеров. Приходили, в основном, раненые солдаты, утратившие часть трудоспособности, но чувствовавшие в себе силу служить в милиции. Пока состав милиции формировался, порядок в городе охраняли полицейские, которым в апреле было выдано жалованье за март месяц.

В Кургане в это время проживало примерно 25 000 человек. Для охраны безопасности город был разделен еще полицией на три участка.

22 марта 1917 г. на должность начальника милиции утвержден Косов. Участковых начальников искали долго. 1 апреля 1917 г. на 1-м участке утвержден Михаил Львович Толчинский, 3 апреля на втором участке — Герасим Ильич Литвинов, 25 мая на 3-м участке

Дом милиции

(привокзальный поселок) — Иван Васильевич Волков. Секретарем городской милиции 2-го апреля выбрали Александра Антоновича Гурского. Гурский был хорошо известен в городе — местный житель, учился в Курганском училище, служил помощником курганского уездного исправника, имел чин коллежского асессора. В первом составе местной милиции он был единственным профессионалом.

28 марта губернский комиссар Пигнатти телеграммой сообщил, что правительством срочно разрабатывается Положение о постоянной милиции, пока же можно организовать временную милицию, не стесняясь законами, относившимися к бывшей полиции, и что вопрос о дальнейшей судьбе бывшей полиции будет разрешен правительством в самом непродолжительном времени.

Первостепенной задачей вновь созданной милиции является охрана винных складов и магазинов. В случае беспорядков допускалось привлечение гарнизонных войск (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.23, л.1).

К середине апреля в распоряжении Косова находилось 30 милиционеров, из которых было 20 постовых (по 10 человек в смену), по одному

милиционеру у участковых начальников, и только 7 милиционеров оставалось для оперативной работы. Милиционеры должны были быть вооружены как ранее полицейские — шашками и револьверами. В ноябре МВД установило обмундирование для милиции синего цвета.

Работа милиции налаживалась с трудом, люди недостаточно вникали в суть своих обязанностей, большинство из них были совсем не знакомы с милицейским делом. Горожане были недовольны.

Косов написал обращение «К милиционерам»: «Граждане милиционеры! Вам поручена охрана общественного порядка и безопасности. Помните твердо, что, благодаря вам, 40 тыс. граждан могут спокойно спать ночью и ходить днем. Не занимайтесь посторонним делом. Относитесь строго и внимательно к своим обязанностям. Будьте вежливы ко всем без исключения, не применяйте силу тогда, когда в ней нет необходимости. Старайтесь узнать всех, кто живет на вашем участке, наблюдайте за подозрительными лицами и доложите о них своим начальникам. Раскрывайте все преступления: кражи, убийства, грабежи, продажу спиртных напитков и пр. Оружие употребляйте в деле только в самых крайних случаях. Жители придут вам на помощь, если вы сами будете к ним справедливы. Кто не будет поступать так, как велит ему долг гражданина, понесет должное и самое строгое наказание, вплоть до увольнения со службы» (ГАКО, ф.р-850, оп.1, д.18, л.240).

Жители 3-го района на общем собрании в апреле выразили недоверие всему составу курганской милиции. Реакции властей не последовало. 29 мая жители снова собрались и снова выразили недоверие милиции. Уполномочили Сергея Владимировича Лазо, проживающего на улице Береговой, 12 довести об этом до сведения Курганского исполкома Совдепа. Никаких изменений снова не произошло.

Начальник милиции Михаил Косов в конце июня подает прошение об отставке, мотивируя тем, что он зачислен в состав офицеров, отправляемых на фронт (ГАКО, ф.р-852, оп.1 д.14, л. 67). Но его отправка не состоялась, и он остался на своем посту. Его помощник Примо переводится в Одессу.

1 июля 1917 г. помощниками начальника милиции утверждены сразу два человека — Семен Тихонович Неумолин, инспектор отдела ССМА, и Николай Александрович Тарасов. Тарасов был гласным городской Думы, в ноябре он войдет в члены земской управы.

Часто уходили со службы рядовые милиционеры. Уже с первых шагов деятельности милиции обнаружилась недостаточность личного состава и плохие материальные условия. Оклад начальника был 300 р., помощника — 200 р., милиционер получал 75 р., рассыльный — 40р. В конце августа или в начале сентября Тарасов ездил в Омск к командующему военным округом с ходатайством на разрешение городу пригласить на службу в милицию эвакуированных солдат. Разрешение было получено.

Было принято новое штатное расписание, по которому числился один старший милиционер, 5 конных, 49 пеших и 5 рассыльных. Предполагалось повысить оклады — начальнику — 390 р., помощнику — 260 р., конному милиционеру — 180 р., пешему — 100р. (Новый мир, №28. 10.10.1917).

В составе общей милиции существовало Бюро уголовной милиции, в штат которого входил начальник, помощник начальника, 1 старший и 10 младших агентов. Даже увеличенное число милиционеров было не в силах справиться с нарастающим валом преступности.

15 декабря 1917 г. состоялось заседание представителей всех курганских банков, казначейства, Общества взаимного кредита, на котором было принято решение ввиду роста преступности принять меры к охране города. Организовать эту охрану на деньги, собранные по подписке и ассигнованные банками. Уже к 19 декабря при Биржевом комитете было собрано 40 тыс. руб. и через квартальных старост — 20 тыс. руб. Этой суммы хватало на содержание дополнительного штата в течение четырех месяцев.

В своем заседании 19 декабря городская Дума разрешила расширить штат милиции и постановила просить начальника милиции принять меры к набору наилучших кадров милиционеров и выразила пожелание организовать школу подготовки милиционеров.

В декабре Косов все-таки ушел, и 28 декабря 1917 г. городская Дума выдвинула на должность начальника милиции прапорщика 34-го полка Федора Демина, члена президиума военного отдела Совета рабочих и солдатских депутатов. Но Демин был начальником недолго, его перевели в Тобольск. Его место 1 марта 1918 г. ненадолго занял Михаил Толчинский. Вероятно, в апреле комиссаром городской, уездной и уголовной милиции был назначен Лавр Васильевич Аргентовский, его должность имела и другое название — комиссар порядка и охраны

г. Кургана. Аргентовский даже заказал Кондратию Худякову, местному художнику и члену городской Думы, вывеску «Комиссариат» для Дома милиции, за которую уплатили 70 рублей. Был составлен акт передачи документов и имущества от Толчинского к Аргентовскому (ГАКО, ф.р-580, оп.1, д.9. л.1). Помощником Лавру Васильевичу назначен Алексей Никанорович Григорьев.

В начале мая на станции Курган задержались 5 эшелонов с солдатами чехословацкого корпуса, сформированного в России в годы 1-й мировой войны из военнопленных австро-венгерской армии для участия в войне против Германии. После заключения Брестского мира было решено корпус отправить в Западную Европу, но морем, через Владивосток. Железная дорога была забита чешскими эшелонами. Вскоре чехи повсюду вступили в конфронтацию с Советами.

27 мая они взяли Челябинск, 31 мая — Петропавловск. Обстановка в Кургане накалялась с каждым днем, особенно в связи с требованием

к чехам о разоружении. Было понятно, что противостояние Советов и чехословаков миром не кончится. Представители Советов начинают изымать деньги из банков, казначейства и других финансовых структур.

В ночь с 1-го на 2-е июня 1918 г. в Кургане произошел переворот. Накануне ночных событий, 1 июня, по распоряжению чехословацкой контрразведки, был арестован Лавр Аргентовский.

12 июля уездному комиссару Алексееву поступает заявление, что 28 мая «комиссаром охраны и порядка г. Кургана Аргентовским были взяты суммы Курганского продовольственного пункта, 11400 руб., согласно приказа исполкома бывшего Совдепа, в чем им были выданы две расписки за своей подписью и приложением печати...» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.58, л.55).

Лавр Васильевич
Аргентовский

Вагон из эшелона чехов в Кургане на пути во Владивосток

Заведующий продовольственным пунктом просил деньги разыскать и вернуть. Начальник тюрьмы потребовал от Аргентовского объяснений, на что Лавр Васильевич пояснил, что полученные деньги он сдал председателю Совдепа Зайцеву. Зайцев, находящийся в той же тюрьме, подтвердил, что деньги получил и сдал в кассу Совета, что можно проверить по кассовым книгам.

И Аргентовский, и Зайцев были расстреляны 14 сентября в числе 10 курганских комиссаров.

В 1923 г. мать Лавра, Анна Ефимовна, обратилась в Курганский окружной комитет партии со следующим заявлением: «...Прошу окрком не отказать в помощи, как матери погибших моих детей в дни черной реакции чехословаков, сыновей Лавра и Константина, дочери Натальи и мужа, которые были расстреляны. В настоящее время, утратив трудоспособность, я не имею средств для дальнейшего существования, а посему прошу не отказать в моей просьбе» (ГАОПДКО, ф-1, оп.1, д.201. л.83). Заявление Аргентовской было отправлено в ЦК РКП(б), откуда ответили, что назначить персональную пенсию Анне Ефимовне нельзя за отсутствием особых заслуг ее детей перед революцией.

После переворота личный состав милиции был распущен, многие были арестованы, как пособники большевистской власти. Уездный комиссар Алексеев хотел вернуть на пост начальника милиции Демина. Им был сделан запрос тюменскому уездному комиссару и начальнику

милиции: «В первых числах июня в Ялуторовске был задержан большевиками прапорщик, бывший начальник Курганской милиции Федор Демин, откуда переведен в Тюмень. По слухам, содержится в тюрьме. Телеграфируйте о судьбе Демина, где он сейчас». (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.28, л.40).

Демина найти не удалось.

11 июня 1918 г. чехословацкий комендант Сухий издает приказ, один из пунктов которого гласил: «Так как городская милиция вполне восстановлена, то все дела, касающиеся городской милиции, состоящие пока в ведении коменданта города, переходят с сегодняшнего дня от него к начальнику милиции» (ГАКО, ф.852, оп.1, д.1, л.6).

Распоряжением городской управы от 1 июня 1918 г. начальником милиции по г. Кургану и уезду был назначен Николай Александрович Тарасов. Был объявлен новый набор в милицию. Ставились условия, чтобы милиционеры были в высшей степени честны, трезвы, не судимы и грамотны. Причем старшие милиционеры должны быть настолько грамотны, чтобы иметь возможность самостоятельно составить протокол. Желательно замещать эти должности честными солдатами, но не служившими в Красной гвардии или в Красной армии и не сочувствующими большевикам.

Неожиданно 15 августа от Тарасова поступает заявление: «Ввиду того, что последнее время мне по долгу службы часто приходится действовать против своей совести, я покорнейше прошу освободить меня от занимаемого мною поста в спешном порядке». Просьбу Тарасова удовлетворили.

15 ноября приказом тобольского губернского комиссара труда Тарасов был назначен курганским уездным комиссаром труда. Нового начальника милиции пришлось искать долго.

К сентябрю 1918 г. остальные должности были укомплектованы, в том числе два помощника начальника — так и не ухודивший из милиции Александр Антонович Гурский, который не только по стажу, но и по возрасту (47 лет) был старше остальных, и Виктор Самсонович Пашков, потомственный дворянин, с юридическим образованием, 29 лет, пришел в милицию 5 июля 1918 г. Начальником 1-го участка 10 августа назначен уроженец Минской губернии 33-летний Степан Петрович Булышко, ранее — пристав первой части города Кургана. В помощники ему дали 26-летнего Гавриила Федоровича Канаева,

Каре 34-го Сибирского стрелкового полка на Троицкой площади

из крестьян, окончившего курс двухклассного министерского училища, в милицию пришел 20 июня 1918 г. Начальником 2-го участка стал 24-летний Николай Викентьевич Крыжановский, из крестьян Орловской губернии, тоже окончил училище. Служил в Курганском Добровольческом отряде, в милицию пришел 17 июня 1918 г. (12 октября 1918 г. его сменил Степан Федорович Быков). Помощником Крыжановского был его товарищ по Курганскому Добровольческому отряду 27-летний Степан Андреевич Зарецкий. Принят в милицию 10 августа. Начальником 3-го участка 10 июля назначен 31-летний Сергей Иванович Большаков, из курганских мещан, окончил местное уездное училище, в 1915 г. поступил на службу в полицию, но был мобилизован, вернулся с фронта в июне 1917 г. Помощником у него — 29-летний Виктор Иванович Правдин. Окончил Минскую классическую гимназию, служил в 34-м стрелковом Сибирском полку, потом — секретарем в Митинской волостной земской управе. В милиции с 15 марта 1918 г. Из этого перечня видно, что весь начальствующий состав

милиции набран после чехословацкого переворота. Это были молодые люди, имевшие еще небольшой жизненный опыт, но уже решавшие судьбы людей.

В это же время от общей милиции отделяется уголовный розыск. Начальником уголовной милиции назначается 28-летний Михаил Львович Толчинский. Он родился в Екатеринодаре, но семья переехала в Курган довольно давно. Здесь Михаил окончил городское 4-классное училище, был отправлен родителями в Германию, для учебы в технологическом институте, где прослушал трехгодичный курс. Вернулся в Курган, поступил на завод «Жесть», заведовал технической частью, военную службу отбывал в 34-м Сибирском стрелковом полку. В помощники ему был назначен 24-летний прапорщик 34-го Сибирского стрелкового полка Василий Петрович Предеин, уроженец села Чернавского, Курганского округа. Окончил 5 классов гимназии. В милицию пришел 1 января 1918 г. Агентами уголовной милиции набирали солдат из различных полков, в том числе четверо были из 34-го полка.

Вице-директор департамента милиции Сибирского правительства 7 июня 1919 г. прибыл в Курган с целью ознакомиться с положением дел. Он устранил от исполнения обязанностей Толчинского, как несоответствующего своему назначению, а в уголовном отделе приказал произвести подробную ревизию. Тем временем городская и уездная милиция оставалась без начальника. Временно эти обязанности исполнял Гурский. Наконец приходит телеграмма из Тобольска, что 24 сентября 1918 г. начальником Курганской милиции назначен коллежский регистратор Кибо Адам Адамович (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.98. л.191).

Форма милиционера
Временного правительства

8 октября Кибо приступает к своим обязанностям. Прежде всего, он старается наладить дисциплину, вводит штрафы за различные провинности милиционеров. Обычно это штраф на однодневный заработок, который составлял 10 р.42 к., реже на двухдневный заработок. Штрафовали за самовольную отлучку с поста, за неуместный и нетактичный разговор во время служебной командировки, за изнурение лошади чрезмерно быстрой ездой, за сидение в будке и разговоры с посторонними лицами. Были и серьезные провинности.

Так, конный милиционер Петр Саватеев, приняв от мирового судьи арестанта Попова для доставки в тюрьму, не обыскал его, а при поступлении в тюрьму при Попове был обнаружен револьвер.

За пьянство Кибо увольнял сразу. Все это вызывало глухое сопротивление личного состава. Начались увольнения не только рядовых милиционеров, но уходили и начальники участков. Городское самоуправление, которому подчинялась милиция, не очень вникало в действия Кибо.

17 октября 1918 г. из канцелярии министра Внутренних дел Временного Сибирского правительства уездному комиссару Алексееву приходит телеграмма, в которой сообщалось, что права земских и городских управ по отношению к милиции переходят к комиссарам, в прямое их подчинение. Между начальником милиции и уездным комиссаром началось противостояние. Уже в декабре Кибо просит Тобольск о переводе в какой-нибудь уезд, но тоже начальником. На тот момент свободных вакансий не было, и он остается в Кургане.

Согласно циркуляру МВД Временного Сибирского правительства, 20 ноября и 10 декабря 1918 г. комиссар Алексеев проводит совещание по вопросу организации курсов для милиционеров. Были образованы две группы — для классных чинов и для милиционеров. Первая группа занимается 3 месяца, вторая — 2 месяца. Занятия ежедневные, кроме воскресенья, по 5 часов в день. Читать лекции на курсах согласились известные в городе лица: мировой судья Дмитрий Михайлович Кошкарев — по законоведению, помощник начальника милиции Александр Антонович Гурский — по милиционному делопроизводству и составлению протоколов, присяжный поверенный Константин Михайлович Сажин — по государственному праву, городской врач Михаил Васильевич Малинин — по санитарии и судебной медицине, ветеринарный врач Павел Иванович Задорнов — по ветеринарии, один

из податных инспекторов — по финансовым вопросам. Предполагались лекции по методам работы уголовного розыска, по приемам пользования оружием и даже занятия гимнастикой. Курсами заведовал уездный комиссар и проходили они при уездном комиссариате, который располагался в доме Кропанина, по улице Гоголя, 8.

Управляющий уездом Алексеев в декабре 1918 г. выступил на съезде уездных комиссаров в Тобольске, где он делал доклад о необходимости создания особых курсов для всех чинов милиции, делился опытом. Он обращал внимание присутствующих на то, что милиция не находится на высоте своего положения, что она слишком обременена побочными поручениями — взысканием казенных недоимок, налогов, вручением разного рода повесток и т. д.

В марте 1919 г. он же, Алексеев, приказал немедленно снабдить всех чинов общей и уголовной милиции, в том числе агентов и милиционеров уголовного розыска, удостоверениями личности с фотографиями, всегда иметь эти удостоверения при себе и предъявлять их во время обысков и других исполнительных действий. Требования управляющего уездом тормозились Кибо, который считал, что в милиции распоряжаться может только он. Такие отношения привели к тому, что 23 апреля 1919 г. Алексеев отправляет телеграмму управляющему губернией: «Плохая распорядительность и распушенность чинов милиции, дошедшая не только до явного неуважения и неисполнения моих распоряжений, но даже внушение им неисполнение этих распоряжений самим начальником милиции и чинимые притеснения лучшим чинам милиции, создание частых служебных трений с разными местными ведомствами, также и с городским самоуправлением, вынудили меня экстренно устранить Кибо от должности начальника милиции» (ГАКО, ф. р-852, оп. 1, д. 159-а, л. 85.). Тобольск телеграммой от 1 мая утвердил отставку Кибо. Кибо передал дела Гурскому. 22 мая из Тобольска сообщили, чтобы Кибо немедленно выехал в Ялуторовск, в распоряжение управляющего уездом.

Был назначен новый начальник курганской милиции — бывший помощник тобольского начальника милиции Петр Андреевич Плахинский, который заступил на должность 17 июня 1919 г. В тот же день он издает приказ, по которому Гурский опять переводится в помощники и ему поручается заведование канцелярией управления милиции. Второму помощнику начальника, Гавриловскому,

поручается наружное наблюдение по городу и уезду. Начальники участков, уголовного отделения и конной милиции теперь должны ежедневно являться к начальнику к 9 часам утра в официальной форме с рапортом о происшествиях за истекшие сутки.

8-й пункт приказа гласил: «При обходе города я усмотрел, что некоторые милиционеры совершенно не носят, даже в нарядах по служ-

Поликарп Ильич Чупин,
начальник уголовного розыска
Тобольской губернии. 1919 год.

Позднее — начальник
Курганской милиции

бе, никакой формы и постовую службу несут очень небрежно, слабо знают свои прямые обязанности... разъясняю, что постовому сидеть, лежать, курить и развлекаться посторонними разговорами строго воспрещается. Обязанности постового — зорко следить за происходящим, предотвращать и прекращать какой-либо беспорядок и вовремя прийти на помощь нуждающемуся в этом... Неисправность постовых не потерплю и буду налагать взыскание» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.159-6, л.182). Плахинский приказал немедленно надеть установленные зеленые погоны.

В январе 1919 г. в городской милиции числилось 78 пеших и 29 конных милиционеров. В уездной милиции было 12 участковых начальников, у каждого по два помощника, милиционеров было на весь уезд 35 старших и 48 младших. Управляющий уездом Михаил Васильевич Алексеев доносил в Омск

директору департамента милиции Пепеляеву: «Начальником уездной милиции и два его помощника, а равно 8 участковых начальников милиции и их помощниками являются лица, состоявшие на службе в прежней дореволюционной полиции в разных должностях: исправник, помощник исправника, остальные — стантовые пристава, полицейские надзиратели и урядники. Милиционерами состоят частью прежние городские или полицейские стражники, а остальные — запасные солдаты, не служившие по милиции... В числе милицейских

служащих есть лица, которые состояли на службе по милиции в дни советского правления, но эти лица отнюдь не являлись большевиками и не являлись активными деятелями Советской власти, а служили лишь по необходимости из куска хлеба. Самым главным недостатком в милиции в данное время является недостаточность вооружения револьверами, шашками и винтовками. Необходимо иметь 191 винтовку, 239 револьверов и 239 шашек. В наличности же имеется только 54 винтовки, 30 револьверов мало пригодных и почти без патронов, и 30 старых шашек» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.159-а, л.162).

Ответом на это донесение стало сообщение адъютанта начальника курганского гарнизона от 11 февраля 1919 г.: «По приказанию начальника гарнизона потребное количество винтовок для милиции можно получить у начальника Артиллерийского управления снабжения Западного фронта в городе Челябинске... Что же касается шашек, то на получение таковых надеяться не приходится, т. к. в распоряжении военного ведомства их нет, а револьверы будут выдаваться по мере реквизиции их у населения и то только калибром менее 7,65» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.159, л.92).

Неизвестно, насколько успела вооружиться курганская милиция к августу и принимала ли участие в боевых действиях.

Завгуста 1919 г. генерал-майор Лазарев опубликовал приказ о начале эвакуации из Кургана учреждений и предприятий, в том числе вывозилась документация городской и уездной милиции. Семьи эвакуировались отдельно, главы семей оставались на службе до последнего времени.

Неизвестно, кто успел уйти с белыми. Начальник милиции Петр Андреевич Плахинский если и уходил, то вернулся и стал сотрудничать с новой властью, служил счетоводом в отделе соцобеспечения. В мае 1920 г. был арестован по обвинению в службе у белогвардейцев, 14 января 1921 г. дело было прекращено.

После прихода в Курган Красной армии начнется формирование рабоче-крестьянской милиции.

АРГЕНТОВСКИЕ

К 40-летию Октябрьской революции на заседании Курганского городского Совета депутатов трудящихся 28 октября 1957 г. принимается решение переименовать улицу Быструшкинскую в улицу имени Лавра Васильевича Аргентовского — комиссара рабоче-крестьянской милиции.

В 1961 г. в сквере Декабристов установлен бронзовый памятник скульптора Анатолия Ивановича Козырева сестре Лавра — Наташе Аргентовской.

Поскольку сведений об этой семье в те годы было очень мало, то многое было придумано журналистами и участниками революционных лет, которые за давностью излагали события приблизительно к действительности. Все сходились во мнении, что рабочая семья Аргентовских прибыла в Курган с Ленских приисков после известных событий.

На самом деле семья священника Аргентовского появилась в Курганском округе уже в начале 19-го века. Первый, известный нам, Аргентовский — Федор Иванович, служил в Петропавловской церкви села Черемуховского с 1820 по 1841 гг. В 1837 г. ему было 48 лет, жене Анне Афанасьевне — 40, сыновьям: Алексею — 17, Петру — 12 (через год он умер), Василию — 8, дочерям Евдокии — 10, Екатерине — 2.

В 1841 г. Алексей обучался в Тобольской духовной семинарии, Василий — в Тобольском уездном училище. Федор Иванович в 1842 г. решением епархии перемещен к Покровской церкви села Чесноковского, в которой будет служить до конца своих дней.

Ленский расстрел — трагические события 4 (17) апреля 1912 года на приисках Ленского золотопромышленного товарищества, расположенных в районе Бодайбо на притоке реки Лены. При протесте против тяжелых условий труда провительственные войска расстреляли рабочую манифестацию. До 270 человек погибло.

Старший его сын Алексей Федорович после семинарии не был рукоположен, потому что еще не женился и служил дьячком при той же Покровской церкви, рядом с отцом. Будучи 28 лет, он 12 февраля 1850 г. обвенчался с 16-летней Сусанной Васильевной Тороповой, дочерью умершего дьячка Прокопьевской церкви села Чернавского Василия Стефановича Торопова. По церковной службе Алексей Федорович продвинулся только до псаломщика, псаломщиком же и вышел за штат. У супругов родилось двое сыновей — Василий и Григорий. Оба сына не стали церковнослужителями. Григорий был призван на военную службу, потом женился и уехал в Курган. Работал на железной дороге, в 1917 г. входил в Стаечный комитет, ездил с членами комитета по линии для ознакомления служащих с текущими событиями. Сын его Николай закончил Курганское городское 4-классное училище, служил телеграфистом, тоже на железной дороге, в 1915 г. призван на военную службу, возможно, принимал участие в боевых действиях Первой мировой войны.

Церковь в селе Чесноковском

Старший сын Василий Федорович в 20 лет был причислен к личному почетному гражданству, зачислен в ратное ополчение и на действительной службе не был. 31 августа 1888 г. он обвенчался с крестьянской девушкой, Анной Ефимовной Родионовой, которая тоже жила в селе Чесноковском. Жениху было 27 лет, невесте — 20 лет. В брачном обыске жених был записан как сын псаломщика (ГАКО, ф.95, оп.1, д.35, л.52).

В семье рождалось много детей, из них несколько умерло в младенчестве. Среди выросших старшим оказался Лавр, будущий комиссар. Он родился 15 августа 1892 г. и был крещен в родной Покровской церкви. Восприемниками были местный псаломщик Стефан Иванович Яковлев и родная бабушка Сусанна Васильевна (ГАКО, ф.235, оп.1, д.417, л.22).

Наталья родилась 20 августа 1895 г., Харитина — 2 октября 1897 г., Константин — 21 мая 1899 г., Николай — 27 июля 1903 г., Таисья — 19 сентября 1904 г., Иван — 5 сентября 1906 г. Все дети родились в селе Чесноковском и были крещены в Покровской церкви. Старшие дети учились в местной церковно-приходской школе, которая существовала в селе с 1875 года.

В 1903 г. Лавр поступает учиться в Курганское духовное училище, после окончания которого в 1907 г. принимает послушание в Абалакском Свято-Знаменском монастыре (ГАКО, ф.95, оп.1, д.51, л.4).

Послушничество является испытанием лиц, которые готовятся к монашеству. Послушники входят в состав братии монастыря и получают право носить подрясник. В Абалакском Свято-Знаменском монастыре послушание несли по рыбацкой части, ведь монастырь стоит на берегу Иртыша, в сапожной, столярной, позолотной мастерских, в канцелярии, было клиросное послушание — петь на клиросе. Послушник добровольно или по решению игумена мог отказаться от послушания.

Каким образом Лавр отказался от послушания — неизвестно, но через год уже вернулся в Чесноки. В 1913 г. Лавр по возрасту должен был быть призван на действительную службу, в какие войска — неизвестно, но, вероятно, принимал участие в Первой мировой войне. В том же 1913 г. семья Василия Аргентовского уезжает из села, возможно, в Сычево, Введенской волости, которое указано как место приписки у Василия Алексеевича при его нахождении в тюрьме в 1919 г.

В Кургане, где брат Григорий Алексеевич жил уже несколько лет, дата появления семьи Василия Алексеевича неизвестна, но в сентябре 1917 г. Николай был принят в 1-й класс Высшего мужского начального училища, и было указано, что его родители живут в Кургане.

Об участии членов семьи Василия Аргентовского в жизни города в 1917 г. никаких указаний не сохранилось.

В начале 1918 г. возвращается со службы Лавр. Курганские журналисты когда-то писали, что был он матросом, брал Зимний, сделавшись на службе большевиком, но до сих пор не найдено ни одного документа, который бы это подтверждал. В это время семья жила в городе, на Александровской улице (бывшей Запольной и будущей Урицкого), в небольшом флигеле, купленном Ахметом Фатыховым у Осипа Яковлевича Кузьминых 10 января 1918 г.

Первое упоминание Лавра Васильевича, как комиссара порядка и охраны города, в документах курганских архивов относится к 1918 году. До него эту должность с конца 1917 г. занимал Глаздовский, который еще 9 апреля 1918 г. в этом качестве подписывал документы.

Милицию с 28 декабря 1917 г. возглавил прапорщик 34-го запасного полка Федор Демин, которого 1 марта 1918 г. сменил Михаил Львович Толчинский. 8 марта им было подписано постановление об аресте и препровождении в тюрьму Константина Аргентовского и Мунамеджана Нигматуллина, совершивших кражу мануфактурного товара из Продовольственной управы (ГАКО, ф.253, оп.1, д.50, л.3).

Был еще третий участник кражи — Василий Маевский. 3 апреля следственная комиссия при ревтрибунале освобождает Аргентовского «ввиду поручительства его брата», через день освобождают Нигматуллина, Маевский остается в тюрьме. Ручательство Лавра Васильевича уже было учтено следственной комиссией (ГАКО, ф.253, оп.1, д.250, л.26).

Лавр Васильевич
Аргентовский

Лавр Васильевич вступил в должность либо в конце марта, либо в начале апреля 1918 г., он принимал дела у Михаила Львовича Толчинского.

При Аргентовском не было начальника милиции, вся власть сосредоточилась в руках комиссара милиции и его помощника Алексея Никаноровича Григорьева. Дом милиции (бывшее полицейское управление) был переименован в Комиссариат по охране порядка и даже заказана вывеска «Комиссариат», которую изготовил Кондратий Кузьмич Худяков.

Накануне чешского переворота в Кургане, 29 мая, состоялось заседание исполкома Совета рабочих депутатов, Совета железнодорожных депутатов, крестьянской секции, продовольственного комитета, на котором обсуждалось создавшееся положение.

31 мая было собрание с участием чехов, более похожее на диспут. Почему-то ни комиссар милиции, ни председатель ревтрибунала не принимали участия в этих собраниях. На следующий день, 1 июня, Лавр Васильевич был арестован по распоряжению чехословацкой контрразведки (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.109, л.3).

В ночь на 2-е июня произошел переворот. Аргентовский уже был в тюрьме и в боевых действиях участия не принимал.

Существует акт следующего содержания, составленный Николаем Александровичем Тарасовым: «1918 г. 1 июня. Распоряжением Курганской городской управы от 1 сего июня мне предложено вступить в роль начальника милиции по городу Кургану и уезду, ввиду упразднения Комиссариата, образованного при Доме Милиции, почему сего числа я прибыл в Дом Милиции, где приступил к принятию делопроизводства и разного инвентаря, бывшего в распоряжении Комиссариата, ныне перешедшего в распоряжение города, при чем оказалось: комиссаром Курганской городской милиции Аргентовским было принято от начальника городской милиции Толчинского следующее имущество...» (ГАКО, ф.580, оп.1, д.9, л.1).

Далее следует перечень инвентаря, в который вошли 5 икон, 2 зеркала, 11 кресел, 14 стульев, 10 шкафов, 11 столов, 2 конторки, 2 пишущих машинки — Ундервуд и Идеал, стенные часы, 3 чернильных прибора, 5 скамеек, 2 шапирографа, 2 стола для хранения регистрационных карточек, вешалка для одежды, никелированный умывальник, канцелярские принадлежности.

В акте Тарасов отметил, что у комиссара в денежном сундуке должно быть 2347р. 97 к., в наличии оказалось денег и оправдательных документов на 1771р. 34 к., также не оказалось вещественных доказательств, в том числе золотых предметов — часов, браслета, трех колец, кредитных билетов и менее ценных вещей. В тюрьме к Лавру Васильевичу было предъявлено несколько исков.

Жена петроградского пристава Капиталина Григорьевна Панкова, урожденная Кропанина, приехавшая в Курган к своим родственникам, обратилась 11 июня к коменданту города с просьбой: «Согласно распоряжения Вашего, объявленного для сведения граждан города, заявляю и покорнейше прошу содействия в розыске и возвращении принадлежащих лично мне вещей, отобранных 20 мая с.г. ... прибывшим лично бывшим Комиссаром курганской милиции Оргентовским...» — и далее идет перечень серебряных и бронзовых предметов (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.149-а, л.86).

1 июля 1918 г. Аргентовский дает свой письменный отзыв начальнику тюрьмы: «...Мною была получена бумага от Исполнительного комитета о производстве обыска в квартире Панковой. При обыске мною было взято: четыре серебряных ложки, письменный прибор в количестве двенадцати частей и стопа бумаги. Все поименованные вещи, т.е. письменный прибор — часть его — сдан в Земельный комитет, а другая часть в Комиссию по борьбе с контрреволюцией, помещавшуюся в доме священника, фамилии не знаю, четыре серебряных ложки были препровождены в штаб Красной Армии, а стопа бумаги осталась в милиции. О дальнейшей судьбе этих вещей мне ничего неизвестно...» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д149-а, л.86).

Кстати, в связи с этим изъятием мы находим пока первый документ, подписанный Аргентовским: «В Земельный комитет. При сем препровождаем конфискованные письменные принадлежности у петроградского пристава Панкова в количестве 5 предметов, о получении просим представить расписку. Другие принадлежности остаются в пользовании комиссии по борьбе с контрреволюцией. 21 мая 1918 г. Комиссар порядка и охраны города Аргентовский» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.149-а, л.81).

Есть еще два документа от 25 и 28 мая, где подпись Лавра Васильевича заверена — в первом случае штампом «Комиссар Курганской городской, уездной и уголовной милиции», во втором случае — штампом

«Комиссар порядка и охраны г. Кургана». Аргентовский также входил в Комиссию по борьбе с контрреволюцией.

Все вещи Панковой были найдены, кроме ложек.

12 июня 1918 г. уездному комиссару Алексею поступило заявление заведующего Курганским продовольственным пунктом: «28 мая с.г. комиссаром охраны и порядка г. Кургана Аргентовским были взяты суммы Курганского продовольственного пункта 11400 руб. согласно приказа Исполкома бывшего Совдепа рабочих, крестьянских и военных депутатов, в чем им были выданы две расписки за своей подписью и приложением печати. Прошу о принятии мер к розыску денег и о возврате их продовольственному пункту» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.58, л.55). Была приложена справка, что по книге милиции деньги в сумме 11400р. на приход не записаны.

17 июня Лавр Васильевич дает письменное объяснение: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящий отзыв... в нижеследующем: упомянутая сумма 11400р. сдана мною председателю Курганского Совдепа Зайцеву под расписку, каковая на руках у меня не имеется, наверное, утеряна. В чем и подписуюсь. Лавр Аргентовский» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.58, л.56).

Евгений Зайцев, который сидел в той же тюрьме, подтвердил получение денег и пояснил, что всю сумму сдал в кассу Совета 29 или 30 мая. В эти дни Совдеп спешно пополнял свою кассу, которую собирался вывезти из Кургана в случае поражения от чехов.

24 июня 1918 г. был арестован Костя Аргентовский с пометкой «При советской власти должности не занимал».

В своем донесении в штаб чехословацкого корпуса уездный комиссар Матвей Васильевич Алексеев сообщал, что «в Кургане появилась вновь активная группа большевиков-коммунистов, которая от имени этой группы производила:

1. Тайные собрания большевиков;
2. Сборы денег в пользу заключенных в тюрьму большевиков и их семейств;
3. Выпускала и распространяла... прокламации;
4. Угрожала убийством видных чешских военных деятелей;
5. Всемерно стремилась к освобождению из тюрьмы заключенных видных большевиков путем подкупа тюремной стражи и организации побега» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.156, л.13).

Вероятно, Костя принимал участие в этих действиях. В том же донесении Алексеев писал, что главари Советской власти вели себя в тюрьме грубо и вызывающе, заявляли, что Советская власть восторжествует.

После покушения в ночь на 15 сентября на поручика Грабчика, бывшего командира 1-го Курганского Добровольческого отряда, комендант города Губ наутро, т.е. 15 сентября, распорядился немедленно расстрелять 10 большевистских главарей, среди которых был и Лавр Аргентовский.

Расстрел комиссаров чехи рассматривали как акт устрашения для подпольщиков. Контрразведка особенно следила за членами семей расстрелянных. 30 октября 1918 г. начальником чехословацкой контрразведки прапорщиком Рихтером были арестованы Наталья Васильевна Аргентовская и Эмилия Грунт и отправлены в тюрьму для заключения в отдельную камеру. Обе они 3 января 1919 г. были освобождены, но 10 марта Наталья опять арестована, уже вместе с отцом Василием Алексеевичем. Возможно, арест в марте был связан с Костей.

В ночь на 21 сентября 1918 г. партия заключенных была отправлена из Кургана в Тобольск, но в силу обстоятельств оказалась в Омском концлагере. В этой партии был и Костя. В феврале он и Кузьма Авдеев бежали, добрались до Кургана, где Костя установил связь с милиционером Алексеем Митрохиным, который был его соседом и товарищем по уличным играм в селе Чесноковском. Митрохин успел предупредить Аргентовского, что на их след напали, и Костя с Авдеевым успели уйти из города.

10 марта были арестованы Василий Алексеевич и Наташа. Митрохин был арестован 12 марта контрразведкой при штабе Курганского военного округа «за сокрытие бежавших из Омской

Наталья Васильевна
Аргентовская

Курганская тюрьма (квадрат улиц между нынешними
Красина-Горького-Советская-Кирова)

тюрьмы большевистских деятелей Аргентовского и Авдеева» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.159, л.200).

15 марта от начальника контрразведки начальнику тюрьмы поступает бумага: «Прошу освободить из-под стражи заключенного В. А. Аргентовского, если он не содержится по какому-нибудь другому делу» (ГАКО, ф.253, оп.1, д.52, л.42).

Василия Алексеевича освобождают, он уезжает в село Сычево (возможно, с целью скрыться), где его снова арестовывает военная контрразведка.

Наталья была оставлена в тюрьме, и 31 марта ее дело было переклассифицировано из политического в уголовное. Через какое-то время ее освободили, но она опять была арестована 11 июля и заключена в тюрьму.

Женское отделение помещалось в столярной мастерской тюрьмы, имело три камеры на 20 мест. При эвакуации заключенных в августе 1919 г. Наталья была оставлена в тюрьме как больная.

Тем временем Костя и Кузьма добрались до Чесноковского, где и остановились у Митрохиных. Там и были достигнуты.

Начальник Курганской милиции Адам Адамович Кибо 2 апреля 1919 г. доносит уездному комиссару Алексееву: «20 марта 1919 г.

в с. Чесноковском, той же волости, задержаны бежавшие из Омской тюрьмы активные деятели в поддержке большевистской власти Константин Аргентовский и Кузьма Авдеев. При задержанных найдены подлинные документы: годовой паспорт, выданный Утятским волостным правлением, и временный вид сроком на 5 месяцев, удостоверение на имя солдата авиационного парка Кононова, кроме того, найдена записка следующего содержания: начальник милиции Кибо, секретарь Воробьев, делопроизводителя не нужно, т. к. у нас подписывают только секретарь и начальник. Задержанные сознались, что документы они подделали сами, печатями и бланками запаслись еще при большевистской власти. Дальнейшую работу по этому делу производить нельзя вследствие того, что контрразведка забрала арестованных и материалы о них к себе» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.274-а, л.57).

После этого ареста по документам Курганского архива проследить дальнейшую судьбу Кости Аргентовского невозможно. Вероятно, в августе 1919 г. он вместе с отцом, Авдеевым и с партией заключенных был отправлен либо в Александровский централ, либо в Никольск-Уссурийск. Авдеев вспоминает, что это был Никольск-Уссурийск, откуда он вернулся. Отец и сын Аргентовские не вернулись.

После установления Советской власти при Анне Ефимовне Аргентовской остались Николай, переведенный в третий класс Высшего начального мужского училища, Иван, принятый в 1919 г. в первый класс того же училища, и дочь Таисия. Все они вступили в комсомол.

В своей учетной карточке, составленной в 1923 г., Николай сообщал о своем образовании: приходское училище, Высшее начальное училище, проходил всеобуч, теоретическая подготовка в совпартшколе. В комсомол вступил 19 января 1921 г. К 1923 г. он уже пять лет работал на Турбинке, где возглавлял комсомольскую ячейку. Состоял в профсоюзе металлистов.

Таисья вступила в комсомол 5 мая 1922 г. В учетной карточке указала, что окончила три курса Высшего начального училища, педагогические курсы и совпартшколу, по профессии школьный работник (ГАОПДКО, ф.101, оп.1. д.1, лл.3-4).

Дата вступления в комсомол Ивана пока не установлена.

Как матери, пострадавшей от контрреволюции, уже в сентябре 1919 г. Аргентовской выдали пособие — 360 рублей, и до нового года два раза выдали дополнительное пособие — 440 и 2200 рублей.

В марте 1923 г. Анна Ефимовна Аргентовская, Анна Федоровна Губанова и Дарья Матвеевна Зырянова, каждая в отдельности, обращаются с заявлением в окружной комитет партии, у всех текст заявления одинаковый и написан рукой Николая Аргентовского и им же подписан — «за неграмотную Аргентовский». Текст следующий: «Настоящим прошу не отказать мне в оказании помощи, как матери погибшего сына во время черной реакции чехословаков. Утерев трудоспособность, я не имею средств к существованию, а посему прошу не отказать в моей просьбе» (ГАОПДКО, ф.1, оп.1, д.201, л.82).

Каждой из просительниц выделили единовременное пособие в размере 20 рублей. В сентябре 1923 г. эти три женщины обращаются уже в Центральный комитет партии.

Анна Ефимовна пишет (почерк Николая): «В 1918 г. мой сын Аргентовский служил комиссаром милиции, и во время службы появились чехи, и после горячего боя за рекой Тоболом моего сына Лавра Аргентовского и Константина Аргентовского забрали и заса-

Анна Ефимовна
Аргентовская

дили в тюрьму. И просидя таким путем мои сыновья три месяца, то Лавра Аргентовского вывели из тюрьмы совместно с девяти товарищей и зверски убили, а Константина Аргентовского отправили в Омск. После всех этих событий арестовывают моего мужа Василия Аргентовского и мою дочь Наталью Аргентовскую.

И вскоре моего мужа отправляют в Сибирь, где он дорогой от истязания злодеев умирает, а моя дочь Наталья Аргентовская осталась в Курганской тюрьме. Когда стали подходить Красные войска, то мою дочь Наталью в тюремных стенах зверски замучили, и она, не дождавшись товарищей, умерла. А я как старая, осталась с малолетними детьми в количестве трех человек, и до сих пор мы, как осиротевшее семейство, влачим жизнь в страшной нужде и не имеем даже иногда куска хлеба, и никто из товарищей не входит в наше положение, и даже иногда терпим притеснение.

А за что, за то, что мои два сына и дочь, и муж погибли, как честные борцы за свободу, добиваясь жизни трудовому пролетариату, и теперь как видно, что ихняя идея осуществилась и над ихним прахом загорелась звезда правды и свободы. Но я только с семейством осталась забытая, несмотря на то, что на памятнике красуется имя моего сына и дочери.

То поэтому я еще осмеливаюсь обратиться с искренним призывом к вам, товарищи, я прошу не оставьте мое осиротевшее семейство без внимания, дайте какую-либо помощь во имя моего погибшего сына и дочери Аргентовских, и при том прошу вас, товарищ председатель, не оставьте нашей просьбы, помогите нам в материальном положении» (ГАОПДКО, ф.1, оп.1, 201, л.151).

К заявлению была приложена справка квартального старосты о том, что Аргентовская бедного состояния, не имеет ни дома, ни коровы, ничего совершенно, спекуляцией не занимается (ГАОПДКО, ф.1, оп.1, д.201, л.95).

После этого Аргентовским дали квартиру на углу улиц К. Маркса и Пролетарской. Ранее двухэтажный полукаменный дом с тесовым парадным входом принадлежал Федору Семеновичу Малькову. Квартира требовала ремонта. Анна Ефимовна обращается за помощью в горсовет, откуда в горкомхоз поступает распоряжение «для принятия соответствующих мер к удовлетворению гражданки Аргентовской, приняв во внимание, что она находится под опекой партии» (ГАКО, ф.р-712, оп.1, д.99, л.75).

27 сентября 1923 г. Курганский уездный женотдел обращается в ЦК РКП(б): «Препровождаем заявления от гражданок Губановой, Зыряновой и Аргентовской, дети которых были расстреляны чехами. Положение материальное действительно очень скверное, а здесь им выдают только как старухам, тогда как они нуждаются в особой пенсии, как семьи пострадавших от контрреволюции и крайне нуждающиеся. Справки о действительности расстрела прилагаются» (ГАОПДКО, оп.1, д.201, л.93).

Из ЦК потребовали дополнительные материалы и справки. Аргентовская снова пишет: «Прошу Вас, товарищи, не найдете ли возможным выдать мне пособие за моего сына и за дочь. Так мой сын Лаврентий Васильевич при первой советской власти в 1917 г. был начальником курганской гормилиции до пришествия чехословаков,

Слева направо: Кузьма Авдеев, Таисья Аргентовская,
Екатерина Катанаева. Курган, 1957 год.

т.е. до 1918 г. По пришествии чехословаков в 1918 г. 22 мая был арестован и посажен в Курганскую тюрьму, а 1918 г. 15 сентября расстрелян чехословаками. Дочь моя, Наталья Васильевна, служила при первой советской власти, т.е. с 1917 и до 1918 г., а в 1919 г. при отступлении Колчака она была замучена колчаковскими офицерами при Курганской тюрьме. Прошу не отказать в моей просьбе, т.к. в настоящее время нахожусь в крайне критическом положении, поддержки никакой нет, и сама работать не могу в виду преклонности моих лет. Сейчас получаю только по старости 1 рубль золотой (160 р.), что конечно не хватает...» (ГАОПДКО, ф.1, оп.1, д.201, л.1).

Подобные заявления написали Анна Федоровна Губанова и Дарья Матвеевна Зырянова. Окружной комитет дважды отправлял их в ЦК РКП(б).

Наконец, Управление делами ЦК РКП(б) присылает ответ от 12 ноября 1923 г.: «В Курганский уездный РКП(б). Возвращая при сем обратно материалы по делу граждан Губановой, Аргентовской и Зыряновой, ЦК РКП(б) сообщает, что последним не может быть назначена персональная пенсия за отсутствием особых заслуг перед революцией, согласно существующих положений, утвержденных СНК» (ГАОПДКО, ф.1, оп.1, д.201, л.1).

В ноябре 1923 г. проходили выборы в Курганский горсовет, в результате которых 28-летний беспартийный телеграфист с железной дороги Николай Григорьевич Аргентовский вошел в коммунальную секцию горсовета, 20-летний комсомолец Николай Васильевич Аргентовский — кандидат в эту же секцию, а 18-летний комсомолец, ученик токаря Иван Васильевич Аргентовский от союза металлистов был зачислен кандидатом в секцию по народному образованию.

Жизнь Вани оказалась очень короткой. Газета поместила некролог: «Смерть вырвала из рядов Р.К.С.М. одного из преданных комсомолу товарищей. 31 мая в 2 часа 30 минут скончался член Р.К.С.М. Ваня Аргентовский. Будучи еще молодым комсомольцем, Ваня рвался на производство, где и работал до заболевания. Тяжелые жизненные условия, заводская работа быстро подорвали еще не окрепший молодой организм 18-летнего товарища. Не придавая значения болезни, он продолжал свою работу и только тогда, когда туберкулез окончательно свалил его, он покинул завод. Но и в период начала болезни для него не была безразличной работа комсомола, он всячески принимал в ней участие...» (Красный Курган. №61.3.06.1924).

Потеряв младшего сына, Анна Ефимовна продолжает обращаться в горсовет с просьбами. 10 сентября 1924 г. было проведено обследование семьи Аргентовских. В докладной записке говорится: «В настоящее время семья состоит из трех человек: мать — 60 лет, нетрудоспособная; сын — 20 лет, больной чахоткой, 5 месяцев служил в промкомбинате и за первые 4 месяца болезни получавший из страхкассы по 18 рублей. В настоящее время никакой пенсии не получает. Третий член семьи — дочь, комсомолка, 19 лет. Служила в Церабкоопе, получала жалованье 12 руб. В настоящее время поступила с 20 августа в приют № 2 воспитательницей. Оклад жалованья назначен 20 руб. в месяц. В 18 г. расстрелян старший сын белогвардейцами, в 19 г. муж и второй сын белыми же увезены в Никольск-Уссурийск и убиты. В том же году была посажена в тюрьму дочь и там замучена до смерти. В 1924 г. в июне был похоронен последний работник (сын Иван). Сама же мать по случаю пенсии по 3 руб. в месяц, 2 раза в год получала из Укома по 20 руб. Материальное положение комиссия нашла неудовлетворительным, даже у больного на постели не имеется ни одеяла, ни подушки и, кроме того, как для больного нужно хорошее

питание, в чем в настоящее время приходится больному отказывать. При том числа 29 июня у них произошла кража; действительно, видно, что, кроме тех платьев, которые на них, и тех тряпок, которыми прикрыта постель, ничего нет, и движимого имущества никакого не имеется» (ГАОПДКО, ф.7, оп.1, д.6221, л.3).

Президиум горсовета 31 марта 1925 г. по заявлению Анны Ефимовны выносит решение: «Принимая во внимание, что гражданка Аргентовская, как пострадавшая от контрреволюции, предложить комхозу за занимаемую квартиру гражданкой Аргентовской по существующей квартирной норме платы не брать» (ГАКО, ф.р-465, оп.11, д.5, л.31).

13 июля 1925 г. окружная комиссия по назначению пенсий и пособий рассмотрела очередные заявления Аргентовской, Губановой и Зыряновой и постановила всем троим выдавать из бюджета ежемесячно дополнительно к пенсиям по 5 рублей временно, до улучшения материального положения семьи.

Аргентовская продолжала ходатайствовать, и наконец, Центральная комиссия по назначению персональных пенсий известила, что с 1 апреля 1927 г. Анне Ефимовне Аргентовской назначена персональная пенсия в 40 рублей.

Дальнейшую судьбу семейства Аргентовских по материалам курганских архивов проследить пока не удалось.

Вероятно, Николай тоже скончался от туберкулеза.

Анна Ефимовна, по словам дочери Таисии, скончалась в 1932 г.

После этого Таисья уехала в Челябинск.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ В КУРГАНЕ

В Кургане телеграммы об объявлении войны Германией России были получены 21 июля 1914 г. В патриотическом порыве тысяча человек с национальными флагами собралась на Соборной площади и с пением гимна прошла по Троицкой улице. В городе и уезде начали мобилизацию запаса всех сроков.

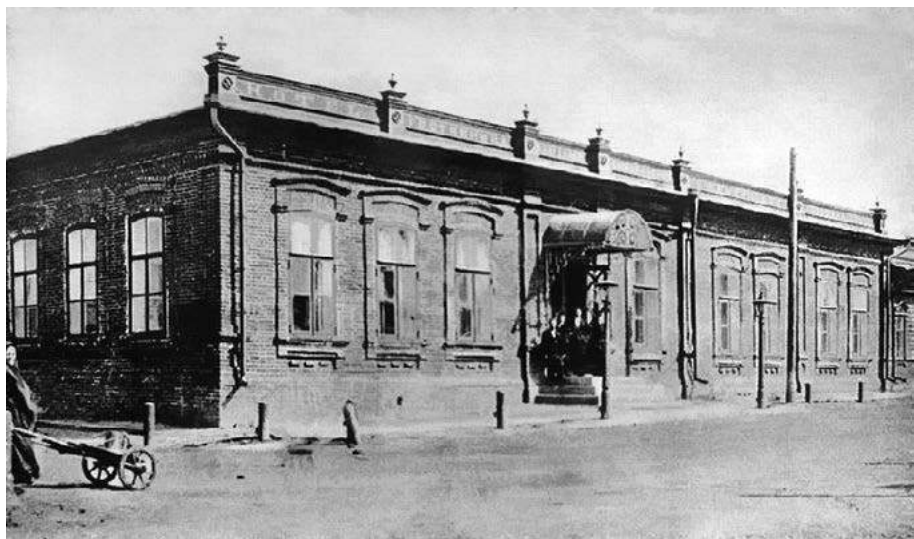
По распоряжению Тобольского губернатора германские и австрийские подданные, проживающие в Кургане в количестве 12 человек, были объявлены военнопленными и арестованы.

Среди них были доктор Шапиро, техники Брендель и Вондрачек, управляющий международной компанией Бранд, владельцы кондитерских братья Хотовинские.

Курганский исправник объявил, что 1 сентября будет произведена аукционная продажа 10 лошадей с упряжью и экипажами, отобранных

Прибытие парохода «Сарт» в Тюмень с первыми австро-венгерскими пленными

Гостиница Баранова

у германских и австрийских подданных.

Настоящие военнопленные прибыли в Курган в конце августа или в первых числах сентября, потому что газета «Курганское слово» 3 сентября 1914 г. уже опубликовала места их расквартирования. В Саманном доме, кинотеатре «Лира», домах Торопова, Бакиновых, Корнильцева, на ипподроме разместили по 100 человек; в Общественном собрании, кинотеатре «Прогресс», гостинице Баранцева — по 200 человек; в помещении Дамского попечительного общества — 300 человек, в цирке — 600 человек, в пивных лавках — 1000 человек, в арестном доме — 70 человек и в доме Черепанова — 30 человек. Это были австро-венгры, 3 200 человек, из них 25 офицеров.

Уже 4 сентября на заседании Думы была зачитана телеграмма губернатора: «Военнопленные принудительно привлекаются к казенным общественным работам бесплатно. Не пожелает ли город использовать их для этой цели по городскому хозяйству, как-то: мостильному, дорожному, вообще, по строительной части. Сведения о роде работ, числе потребных рабочих сообщите телеграфом».

Дума решила использовать 300 военнопленных для приведения в порядок сточных канав, пролегающих по улицам города и по базарной площади, для ремонта дорог на выгонных землях города и для других земляных работ. Потребовался инвентарь, в том числе лопаты.

На эти цели управа выделила 1000 рублей. Отправили телеграмму губернатору за разрешением отпускать пленных на работы к частным лицам, чтобы устранить их скученность в помещениях и обеспечить безопасность в санитарном отношении, ведь среди пленных было много больных.

Начали срочно строить бараки на Новом базаре (ныне Детский парк) и вблизи Вольно-пожарного общества.

В сентябре 1915 г. в Курган прибыл командующий войсками Омского военного округа, который осмотрел строящиеся бараки и нашел их вполне пригодными. Пообещал кредиты еще на два барака. К концу 1915 г. в Курганском округе было 6000 военнопленных. Большая часть пленных солдат довольно быстро была отправлена по волостям в крестьянские хозяйства на помощь солдаткам, оставшимся без мужей. Министерство земледелия Временного правительства 9 апреля 1917 г. разослало телеграммы по губерниям и округам, что все военнопленные, отправляемые на сельскохозяйственные работы, поступают в распоряжение Продовольственного комитета, который передает их в волости. Волостные комитеты отправляют военнопленных по крестьянским хозяйствам.

В эти дни, 8-9 апреля 1917 г., в Кургане проходил съезд крестьянских депутатов Курганского уезда. Съезд обсуждал вопрос о расширении посевных площадей под яровые, чтобы увеличить поставки зерна для армии, и постановил ходатайствовать перед Временным правительством о пересылке всех свободных военнопленных из южных районов Европейской России, где сев уже закончился, в Курганский уезд. Всех военнопленных в Кургане и уезде передать населению через уездного комиссара и образовать из них трудовые артели.

Если в уезде количество военнопленных исчислялось тысячами, то в самом Кургане их было немного. Обращались с ними хорошо, с удовольствием брали на работу, особого надзора не было.

После февраля 1917 г. и образования Советов внимание к военнопленным со стороны новой власти усилилось. Комендант города прапорщик Сидоренко 13 апреля 1917 г. объявил, что всех военнопленных, замеченных на улицах или в общественных местах без отличительного знака (офицеры — повязки на рукавах с буками «в. п.», а солдаты — нагрудного знака с буквами «в. п.»), будут задерживать и наказывать. В тот же день по Постановлению Совета военных депутатов была

Пленные на работах

создана комиссия, которая занялась обследованием условий содержания военнопленных.

Оказалось, что 30 австрийских офицеров занимают помещения, за которые управа платит более 200 рублей в месяц, изымая их из городского бюджета. Гостеприимные хозяйки окружили их заботой, дамы забавляли их прогулками и катанием на лошадях. Не удивительно, что в августе на общем собрании Совдепа рассматривали заявление горожан о ненормальном содержании в Кургане военнопленных в смысле предоставления им больших удобств в частной жизни, как-то: удобные квартиры, хорошее питание, хорошие заработки, отсутствие черной работы, отсутствие бдительного надзора, дающего возможность военнопленным гулять по улицам города, что в сопоставлении с содержанием наших военнопленных в Германии и Австро-Венгрии резко бросается в глаза.

Сведения о том, что русские солдаты в плену содержались в нечеловеческих условиях, поступали из писем, которые солдаты отправляли на родину. Их избивали хлыстами, привязывали к столбам, распинали на деревьях, били прикладами, кололи штыками, калек

на костылях и с открытыми ранами гоняли на работы. В случае побега, если сразу не убьют, загоняли в погреба, напускали воды и держали так полные сутки.

Законы войны запрещали применять труд военнопленных на работах, имеющих оборонительное значение, направленное во вред их отечества или к усилению воинской мощи врага, но никто с этим не считался. Если русские пленные отказывались работать на военных объектах, их били палками и подвешивали к столбу, при упорном сопротивлении пленный мог быть расстрелян.

Пищевой рацион во многих лагерях заключался в суррогатном кофе, в фунте хлеба и обеда из супа, приготовленного из мерзлой тыквы или свеклы с конской падалью. Голодные до отупения пленные питались всякими отбросами, не исключая падали, валявшейся в лесу. Самыми счастливыми считались те из пленных, которые отпускались в хозяйства, где получали сносный стол и отдых.

Английский генеральный штаб сообщил русскому военному агенту в Англии показания некоторых жителей освобожденных районов Франции, заявивших, что русские пленные в руках немцев в этих районах совершенно умирали от голода. Немцы обращались с ними хуже, чем со скотом, принуждая работать, несмотря на полное истощение от голода и нужды. Немцы препятствовали французам хоть что-то уделять нашим пленным из своей скудной пищи, и французы помогали им тайно, чем могли.

Бесплатная карточка для отправки домой военнопленными почтовых сообщений

Военнопленный врач

Командующий войсками Омского военного округа генерал-майор Григорьев обратился к военнопленным, находящимся в его ведении с воззванием, в котором отметил, что многие из наших военнопленных, находящихся в Австрии и Германии, вследствие недоедания, болезней и бесчеловечного обращения кончили свою жизнь самоубийством. Если в ближайшем будущем участь наших военнопленных не будет облегчена, то русское правительство вынуждено будет соответственно изменить положение военнопленных этих стран. Григорьев призвал: «Во избежание ухудшения вашего положения пишите скорее вашим соотечественникам и правительствам и требуйте облегчения участи русских пленных и улучшения условий их содержания» (Народная газета, № 87. 9.06.1917).

Курганские предприниматели с удовольствием брали военнопленных на свои заводы, хотя в городе была безработица.

Комиссия Совдепа в сентябре 1917 г. обнаружила, что на многих предприятиях военнопленные занимают места, которые следует отдать городским безработным. На мельницах Смолина и Бакинова, якобы, за отсутствием русских специалистов, военнопленные зашивали мешки с мукой, возили воду, подтаскивали дрова и уголь.

5 сентября администрацией мельницы Смолина были уволены «за ненадобностью» русские каменщики — и тут же поставлены на эти работы военнопленные. Рабочие запротестовали, и военнопленные были убраны.

31 октября 1917 г. произошел инцидент на заводе Балакшина. Биржа труда дала двум солдатам, уволенным со службы, направление на «турбинку». Член заводского комитета сообщил Балакшину, что военнопленных надо снять и на их место поставить солдат. Хозяин не согласился, т. к. пленным он платил 2 руб. 20 коп. в день, а солдатам, согласно нормам, должен платить 4 рубля. Балакшин заявил, что его завод не богадельня, и солдат он возьмет в том случае, если биржа труда будет доплачивать разницу.

На заседании Исполкома Совдепа 25 октября обсуждался вопрос безработицы и занятия рабочих мест на заводах военнопленными. Исполком постановил: всех чернорабочих из военнопленных во всех частных предприятиях города немедленно заменить русскими безработными. Специалистов заменять по мере появления русских специалистов. Военнопленные специалисты иногда были очень востребованы.

Доктор Петр Павлович Успенский 3 мая 1917 г. заявил, что в Белозерской больнице, которая должна обслуживать 60 тыс. населения, совсем нет медицинского персонала, и предложил послать туда врача и студента-медика из военнопленных, что и было сделано.

Городская управа организовала мастерскую по пошиву обуви для армии, где работали только военнопленные, 30 человек.

Военнопленные, получавшие материальную помощь от родственников, в большинстве своем жили на частных квартирах и не занимались никаким трудом. В городе было много военнопленных, прибывших из других мест, прослышав о послаблениях в Кургане.

В сентябре 1917 г. исполком Совдепа создал комиссию, которой поручили выявить всех военнопленных, адреса их квартир, зарегистрировать их, составить списки и представить их Воинскому начальнику для наряда на городские работы. Оказалось, что начальства и организаций, ведающих военнопленными, так много, что среди них, как в густом лесу, могла спрятаться не одна сотня человек.

Всех выявленных пленных передали в распоряжение городской Управы для заготовки дров для воинских казарм и для солдаток.

Военный министр Временного Правительства 9 августа 1917 г. издал приказ, который Курганская газета «Новый мир» опубликовала 30 сентября: «...Установить оплату вражеских военнопленных за все виды работ следующим порядком: из заработной платы военнопленных, которая определяется сообразно местным ценам для каждой категории работ, на руки военнопленным должно выдаваться от 20 и не более 50 копеек в зависимости от продуктивности работы. Остальное за вычетом всех расходов на содержание пленного должно сдаваться предприятиями в доход казны».

Губернский комиссар, со своей стороны, приказал работодателям размещать пленных только казарменным порядком, и питание обязательно артельное.

В промежутке между 10–20 октября 1917 г. по всей России производилась перепись военнопленных по карточной системе. Точный учет был необходим для своевременного отправления на родину по окончании войны.

3 марта 1918 г. был подписан Брест-Литовский мир, по которому Россия выходила из войны. Иркутская газета «Сибирь» опубликовала краткую сводку русских потерь, составленную неким Г. Н.

Курганская газета «Земля и труд» перепечатала эту сводку, по которой выходило, что площадь европейской части России уменьшается в четыре раза, населения потеряно 65 миллионов из 140, железнодорожной сети 23 тысячи верст из 50. На долю отходящих от Великороссии областей приходится 8/9 сбора пшеницы, 4/5 сбора ячменя, 1/2 сбора овса, 3/5 сбора ржи, 2/3 сбора картофеля, 7/8 сахара, 1/3 льняного семени, 1/3 конопляного семени, 1/2 подсолнечного семени, 1/2 лошадей, 1/2 рогатого скота, 2/3 свиней, 3/5 табака, 5/5 винограда, добыча угля остается 60 млн. пудов из 17 миллиардов, железной руды — 100 млн. пудов из 400 млн.

Из 15,5 тыс. заводов, на которых работало 2,4 млн. рабочих, осталось 8 тыс. заводов, на которых 1 млн. 300 тыс. рабочих. Автор указывает: «Россия, лишившись значительной части своей территории, терпит экономический удар. Великороссия сама себя не сможет прокормить хлебом, в особенности же пшеницей, потеряв самые хлебородные области; мясом, ибо рассадником скота являются Украина, Польша и Прибалтика; сахаром — без свекловичного южного района. Она почти совсем не будет иметь своего табаку, винограда, шерсти и шелку, лишится всего угля и железа. От нее отходят наиболее развитые заводские железоделательные районы, западный и южный, производившие чугуна, стали, железа и прочей продукции в 2-3 раза больше, чем остальные районы России. Таковы результаты Брестского мира для Европейской России, по которому от нее отошли Польша — 10 губерний, Украина — 9 губерний, Финляндия — 8 губерний, Прибалтика — 3 губернии, Литва — 4 губернии, и Бессарабия. В наш расчет не входят громадные контрибуции и то, что после этого мира дальнейшее завоевание наших областей не остановилось» (Земля и труд. № 63. 23.08.1918).

Стороны обмениваться пленными не торопились.

Тем временем в Сибири произошел чехословацкий переворот, что положило начало новой, теперь уже Гражданской войне. Отношение к пленным стало строже. Над ними был поставлен один начальник — прапорщик чешского корпуса Копецкий. Его канцелярия находилась при Управлении воинского начальника.

Временный комендант города В. Сухий 5 июня 1918 г. издал приказ, один из параграфов которого гласил: «...Так как в городе находится много безработных, то разрешаю пользоваться работой только

таких военнопленных специалистов, которые не могут быть заменены русскими» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.44, л.9об).

Затем последовал приказ, строго регламентирующий жизнь военнопленных:

«1) Всем военнопленным, как состоящим на работе, так и не состоящим, воспрещается проживать на своих частных квартирах;

2) Одиночные военнопленные, взятые на работу, могут жить только на квартире хозяина, под его присмотром;

3) Группы военнопленных, взятые на работу в частные и общественные предприятия и учреждения, должны жить казарменным порядком, под охраной, за счет этих предприятий или учреждений;

4) Военнопленные могут появляться на улице только от 5 утра и до 9 часов вечера, имея при себе удостоверение от заведующего военнопленными о том, что они отпущены для работы к известному лицу или учреждению;

5) Не позволяется военнопленным появляться на улице в вольном платье. В случае же неимения военной формы, на правом рукаве верхнего платья должен быть пришит, а не булавками приколотый пояс с буквами «В. П.»;

6) Не позволяется военнопленным посещать частные квартиры, частные учреждения, как-то: чайные, гостиницы, кинотеатры, цирк, сады, присутствовать на общественных собраниях, гуляниях в саду и состоять в профессиональных и иных союзах;

7) Не позволяется без надзора отлучка из города в деревни и села;

8) Воспрещаются сношения военнопленных между собою;

9) Без разрешения заведующего военнопленными воспрещается военнопленным переход от одного хозяина к другому, а равно переход на работы из города в деревни и села;

10) Не разрешаются сношения с женщинами, запрещается пьянство, игра в карты и агитация в пользу большевизма;

11) Минимальная уплата при готовом столе и обмундировке устанавливается в 75 копеек в сутки;

12) Максимальная плата — не свыше 60 % дневного или месячного заработка русского рабочего той специальности, которую выполняет военнопленный;

13) С каждого заработанного военнопленным рубля обязательно работодателем удерживается в пользу казны 15 копеек, которые ежемесячно к 5 числу сдаются в канцелярию заведующего военнопленными, а последним передаются в курганское казначейство в депозит уездного комиссара. Начальным сроком удержания 15 копеек устанавливается с 5 июня 1918 г.;

14) Сами военнопленные не имеют права назначать себе плату;

15) Военнопленные отпускаются на работы только по представлении:

а) удостоверения биржи труда о том, что среди зарегистрированных русских безработных не имеется мастера или рабочего той специальности, которая нужна для нанимателя;

б) удостоверения мещанского старосты или городской управы, что желающий получить рабочего из среды военнопленных, является человеком настолько бедным, что не может оплачивать стоимости труда русского рабочего;

в) удостоверения добровольческого отряда, что взамен поступившего в отряд добровольца для его семьи нужен военнопленный» (ГАКО, ф. Р-852, оп.1, д.1, л.7).

Осенью 1918 г. в Австро-Венгрии и Германии произошли революционные события, в результате которых 17 октября распалась Австро-Венгрия, 5 ноября началась революция в Германии.

Ворота лагерей были открыты, и всем русским пленным была объявлена свобода. На дорогу они не снабжались ни деньгами, ни одеждой, ни документами, на всех железнодорожных станциях допускались свободно в вагоны всех классов, некоторые солдаты ехали даже на крышах. Навстречу им двинулись пленные из Европейской России, потом из Сибири.

Первые русские пленные, прибывшие в Курган в декабре, рассказывали о встречах на станциях с немецкими пленными: «Мы впервые встретили эшелон австрийских немцев, следовавших на родину. Обутые, одетые, сытые, жизнерадостные они вызывали у нас, русских, зависть, граничащую со злобным чувством негодования. Позднее, на станциях Украины, при всяком удобном случае некоторые из наших товарищей допускали «обмен» худых австрийских курток и лаптей на отличные полушубки и пимы следовавших на родину немцев, разумеется, без приплаты» (Земля и труд. №3. 4.01.1919).

В связи с Гражданской войной эшелоны с русскими пленными шли с большими остановками на станциях.

Первый эшелон в Курган пришел в первых числах декабря. Среди сотен пленных в нем было 130 человек местных уроженцев. Всем нужно было найти помещение в городе, забитом войсками, накормить, вымыть в бане, произвести санитарный осмотр.

Уроженцев Курганского округа торопились отправить в родное село обутыми и в теплой одежде. Уездная Земская управа на эти цели выделила 50000 рублей, город ассигновал 5000 руб., газеты опубликовали призыв к жителям округа оказать посильную помощь, и не только деньгами — жертвовать одежду, белье, обувь.

Дамское Попечительное общество приступило к пошиву белья, устраивало однодневные кружечные сборы по городу.

Земская управа не могла отправить всех пленных по округу на земских лошадях и просила всех крестьян, приезжающих в город, заходить в Земскую управу (ул. Дворянская, дом Васильевой, против почты), чтобы забрать своих односельчан или близких знакомых.

Пленных, следующих дальше в Сибирь, старались отправить по мере возможности быстрее. Отправляли одних, приезжали другие. Из Челябинска 29 января 1919 г. отправили 1500 пленных для временного размещения в Кургане, 24 февраля из Челябинска отправлено два поезда с уроженцами разных мест Сибири — в одном поезде 1575 пленных, в другом — 638. Из этого числа 115 уроженцев Курганского уезда.

Пожертвования поступали все скупее и скупее. Пленные изможденные, голодные, оборванные. Свободных помещений не было или они не подходили.

Воинский начальник 30 января 1919 г. сообщает управляющему уездом Алексееву: «Отведенное в магазине Шилова по Троицкой улице помещение для остановки пересылаемых военнопленных солдат, ввиду удаленности от Управления, мною принято быть не может по следующим соображениям: люди, будучи расквартированы на слишком значительном расстоянии, плохо одетые и в отдельных случаях буквально полунагие, при стоящих суровых морозах, вынуждены будут ежедневно три раза в день являться в Управление за получением пищи, что сопряжено со многими неудобствами и лишениями для солдат, а также возможны заболевания... Прошу отвести

место вблизи вверенного мне Управления» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.71-а, л.153).

Иностранные военнопленные, которые работали в уезде, в крестьянских хозяйствах были в конце 1918 г. собраны в Кургане и размещены в лагерях.

В связи с эпидемией тифа начальник Курганского военно-санитарного округа Н.С. Разумов 11 января осматривал солдатские казармы и лагеря военнопленных. Лагерь иностранных военнопленных произвел на него тяжелое впечатление.

На заседании военно-санитарного комитета 15 января Разумов сообщил, что помещения для пленных темные и настолько тесные, что пленные должны лежать на нарах. Спят на голых досках, и только у некоторых имеется подстилка вроде рогожи. Воздух затхлый. Ввиду запрещения пленным работать в уезде они не имеют никаких средств и поэтому не ходили в баню более четырех месяцев. Для заработков в городе пленные назначаются партиями поочередно. Мяса им достается по 50 гр. на человека в день, чайного казенного довольствия совсем нет, хлеба — по 600 гр. Ужин не полагается. В прачечной и на кухне стоит густой пар, для стирки белья имеется всего два больших корыта, вследствие чего пленные вынуждены стирать белье в оцинкованных тазах, из которых они едят. Для доставки воды в лагере имеется одна лошадь. За здоровьем пленных наблюдает один врач из пленных (Земля и труд. №14. 9.01. (22.01) 1919). После доклада Разумова военнопленных четыре дня (4-5 февраля) мыли в бане Рябининой. Тиф не обошел стороной лагерь военнопленных, и в середине января там началось массовое заболевание. Ввиду скученности положение было признано катастрофическим, в городской больнице и в лазарете мест не было, приняли решение занять Богородице-Рождественское училище под тифозный барак.

В январе 1919 г. в Курган начали поступать с фронтов Гражданской войны пленные красноармейцы. В конце месяца их было уже 500 человек. Городская управа требовала разъяснения, в чье распоряжение поступают красноармейцы — Министерства внутренних дел или Военного министерства, и за чей счет оборудовать помещения для этих пленных. Управляющий уездом М. В. Алексеев 4 февраля делает запрос в Тобольск: «С фронта стали поступать пленные красноармейцы, вчера прислано 35 тяжело раненых. Как здоровых, так раненых

и больных военное ведомство передает в мое распоряжение, отказываясь даже принимать раненых и больных в лечебные заведения военного ведомства. В тюремной больнице помещения для них нет. Прошу срочного указания: обязан ли я принимать таких пленных, на какие кредиты содержать и лечить пленных? Раненые пока оставлены в вагоне на станции и к ним приставлен караул» (ГАКО, ф.р-852, оп. 1, д.109, л.90).

В марте пленных красноармейцев стали передавать для пополнения 1-го Волжского корпуса генерала Каппеля, который прибыл в Курган в феврале для отдыха и пополнения. В корпус Каппеля в марте передано 723 красноармейца, в 4-й Тюменский кадровый полк — 69, в Яицкий отряд — 37. На 7 марта в лагере осталось 142 красноармейца и на излечении в госпитале — 50. Всего в корпус Каппеля влилось 15000 красноармейцев.

Чем ближе подходил фронт к Кургану, тем больше прибывало пленных. В начале июня из-под Уфы привезли 800 человек. С приходом Красной армии эти пленные влились в ее ряды.

Советская власть в Кургане установилась 24 августа 1919 г. с созданием постоянного ревкома. Наступала пора уборки урожая, вокруг Кургана шли бои, и охотников умирать под пулями на нивах не было.

Председатель ревкома Н. Н. Воронцов докладывал: «Земотделом принимались меры к получению для сельскохозяйственных работ военнопленных, но удалось достать лишь 1500 человек. Часть из них передана совнархозу, остальные розданы в помощь крестьянам, но при громадном требовании на рабочие руки — это капля в море. К тому же эпидемия тифа косит и этих работников» (ГАОПДКО, ф.1, оп.1, д.4-а, л.12). В феврале 1920 г. в Кургане было организовано Управление по делам военнопленных и беженцев (пленбеж). Начальник пленбежа И. Суетин издал приказ №1: «Все бывшие военнопленные империалистической войны, русские и иностранцы, проживающие и следующие через г. Курган по железной дороге, пешим порядком и не имеющие проездных документов, подлежат задержке и обязательной явке в правление Центра пленбежа для регистрации и получения надлежащих документов, а также пропусков и дорожного довольствия для следования по месту жительства. Все бывшие иностранные военнопленные задерживаются на местах временного жительства впредь до особого распоряжения Центропленбежа. Не имеющие от него удостоверений,

не должны быть приняты на работы и квартиры частными лицами, а также советскими учреждениями» (Красный Курган, 14.02.1920).

Уездное управление по эвакуации (уездэвак) с 1 января по 20 ноября 1920 г. зарегистрировало в уезде и городе военнопленных иностранцев — 4047 человек, русских военнопленных из Австрии и Германии — 1664 человека. За этот период отправили 4 эшелона иностранцев — 775 чел., 2 эшелона эстонцев — 98 чел., в ноябре был подготовлен еще один эшелон. Уездэвак имел в городе свой питательный пункт — Красная площадь, помещение лесной школы.

В 1923 г. в Кургане еще оставались венгерские военнопленные. Исполком приглашал выехать желающих, а не желающих выехать на родину — явиться с заявлением, указав в нем причину своего нежелания.

Как указывает Н. В. Крылова, часть бывших военнопленных (по косвенным подсчетам, более 200 человек) приняла российское гражданство и осталась в Курганском уезде.

ИЗ ЗАВОДСКОЙ ЖИЗНИ

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., внесла свои коррективы в развитие промышленности всей страны, которая стала ориентироваться на нужды фронта. Курганский округ, как сельскохозяйственный, всегда занимался переработкой зерна, молока и мяса. Поэтому к 1917 г. в Кургане было пять довольно крупных мясоперерабатывающих предприятий: Товарищество «Брюль и Тегерсон», Товарищество «Унион», консервный завод «Акционерное общество» (бывш. Сорокина), колбасно-консервный завод братьев Шелягиных, колбасный завод Самсона Харюшина.

Старейшим был завод Брюля и Тегерсона. Основан в 1907 г. как Экспортная свинобойня на участке земли в 3 десятины 205 кв.саж. за железной дорогой, полученном в аренду от города на 24 года. Плата за землю составляла 800 рублей в год. Представителем фирмы в Кургане был сын основателя Михаил Карлович Брюль. Работа пошла столь успешно, что в 1914 г. Брюль от имени Товарищества обратился в Курганскую Думу с просьбой продлить аренду участка на 95 лет с сохранением прежней арендной платы. Дума отказала. В апреле 1915 г. Товарищество просит Думу расширить арендуемый участок земли в связи с увеличением здания существующей свинобойни. Участок расширили до 4 десятин 1995 кв. сажен.

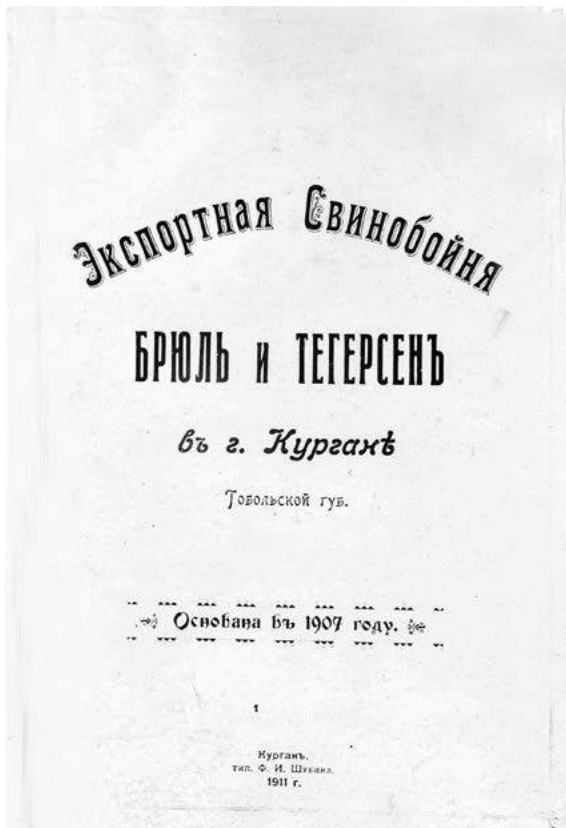
14 июля 1915 г. Дума постановила продлить аренду земли на 64 года, с 1 июля 1915 г. по 1 июля 1979 г.

Постановление уточняло, что Товарищество «Брюль и Тегерсон» имеет право на арендованном участке устраивать каменные и деревянные здания как-то: бойни для убоя свиней, крупного и мелкого рогатого скота, принадлежащего исключительно Товариществу; заведения для обработки продуктов от животных собственного и стороннего убоя; жилых домов, складочных помещений, а также помещений для торговли продуктами своего производства и разными другими продуктами... Устраивать же другие фабрично-заводские помещения права не имеет. За арендованный участок платить Городскому

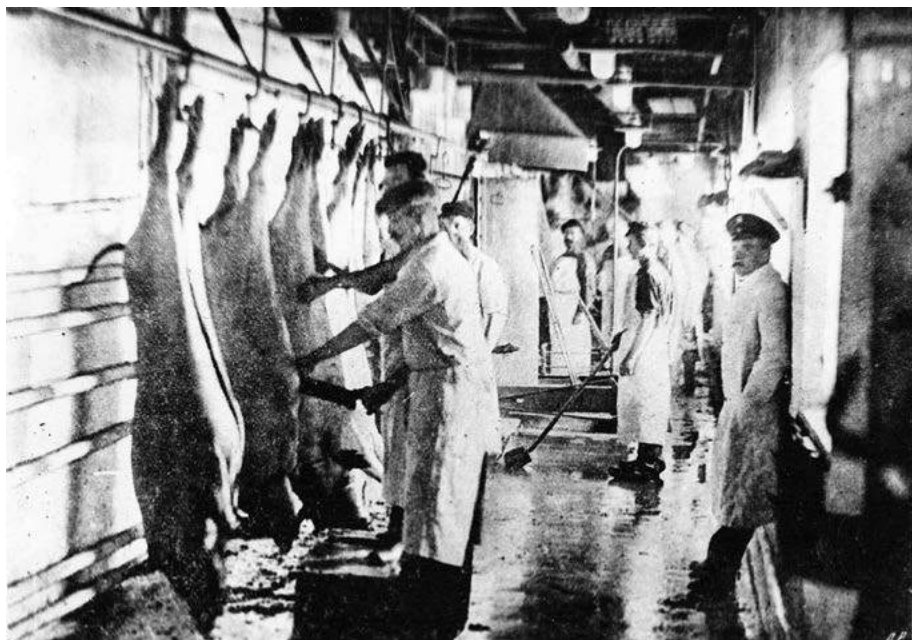
общественному управлению 1017 руб. 60 коп. в год и, кроме того, поштучную плату, как за убиваемый на бойне Товарищества скот, так и за животных, забитых Товариществом на других скотобойнях, кроме городской, продукты от которой поступают в заведение для обработки в размере: с крупного скота по 30 коп., мелкого скота — по 4 коп., со свиней — по 10 коп. с головы (Известия Курганского городского общественного управления. Вып. 9-10. 5.11.1915 г.).

В 1916 г. Товарищество берет в аренду еще десятину земли рядом со своим участком для посадки деревьев.

В 1918 г. умирает хозяин завода, датский подданный Карл Софус Брюль. Завод выставляется на торги. Его желает приобрести

Книга о заводе Брюль и Тегерсон

Убойный цех завода Брюль и Тегерсон

Всероссийский Центральный Союз Потребительских обществ. Душеприказчик Брюля Нильс Ольсен и служащие завода Аксель Ольсен, Нильс Людвигсен и Макс Рангун, все датчане, 8 ноября 1918 г. представляют нотариусу Емельяну Федоровичу Пермину опись заводского имущества и опись квартиры на 34 страницах. Пермин оформляет купчую, и 15 ноября у завода уже новый хозяин.

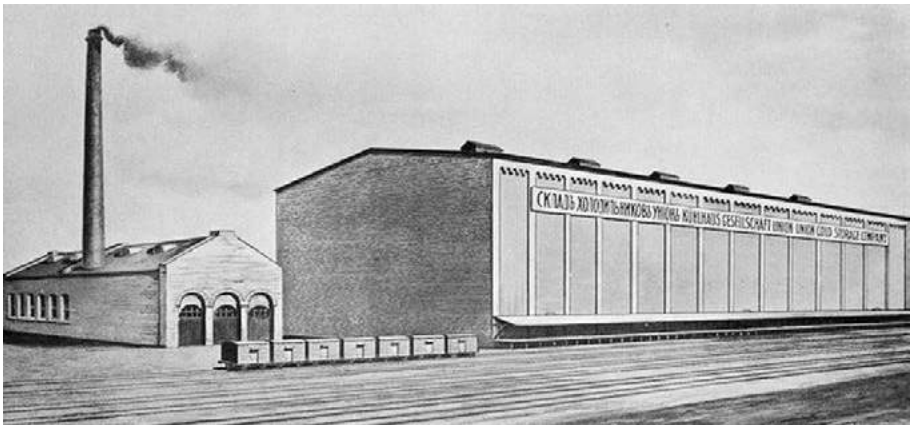
Товарищество «Унион» открыло свои действия в 1909 г. Его строительство велось английской фирмой «Братья Вестей» с осени 1907 г.

Уполномоченный лондонского Торгового дома «Братья Вестей» Сидней Осипович Маршал обратился в Курганскую городскую Думу с просьбой выделить фирме за полотном железной дороги, на северном выгоне, 5 тыс. кв. саженей земли в аренду на 35 лет для устройства склада-холодильника и скотобойни. Фирма обязывалась проложить рельсы от арендованного участка до линии железной дороги, чтобы обеспечить подъездные пути прямо на территорию холодильника, а не доставлять продукцию гужевым транспортом на грузовой двор станции.

8 августа 1907 г. Дума удовлетворила ходатайство англичан, и началось строительство. Здание пятиэтажного холодильника было готово в 1909 г. Холодильник был оснащен самым современным оборудованием. На его территории к 1911 г. были возведены свинобойня, салотопня, жилой дом, конюшня, сарай, три колодца, два небольших сквера и подсобные помещения. В 1912 г. фирма «Братья Вестей» вошла в товарищество «Унион», организованное А. Н. Балакшиным, и с этого времени в документах пишется «Склад-холодильник «Унион». Управляющий «Унионом» Артур Данилович Макензи 15 июня 1912 г. ходатайствует о постройке при холодильнике колбасно-беконного завода, который вступил в строй в 1914 г.

Петроградские предприниматели братья Виктор Иванович и Евгений Иванович Шелягины в 1914 г. арендуют в Кургане за полотном железной дороги участок земли в 1200 кв. саж. под строительство колбасно-консервного завода, чья продукция будет поставляться для армии. Так как братья жили в Петрограде, у них в Кургане был доверенный — Иван Хлызов. Он наблюдал за строительством завода, закупал скот для убоя, ходатайствовал перед Думой о выделении участка земли под выпас этого скота для нагула.

Такой участок Дума безвозмездно выделила возле озера Шум (сейчас район очистных сооружений). В 1915 г. здесь паслось стадо в 400 голов, на следующее лето Дума уже запросила плату — 500 руб. за сезон. Убой скота производился на городской скотобойне.

Склад-холодильник Товарищества «Унион» в Кургане

Общий вид скотобойни с линии Сибирской железной дороги

В 1916 г. Шелягины решают строить свою скотобойню и свою свинобойню, просят Думу о присоединении к заводской территории смежного участка, также в 1200 кв. саж., с проведением железнодорожной ветки за их счет от арендуемых ими участков земли до ветки завода «Унион».

Если за аренду заводских участков взималась плата, то под строительство железнодорожной ветки землю выделили безвозмездно при условии, что братья Шелягины ее выстроят до городской скотобойни, будут ремонтировать и передадут ее в пользу города. Срок аренды заводских участков был установлен в 65 лет. Представитель фирмы подал в Думу заявление — не может ли город пойти навстречу их фирме, а также и другим промышленным предприятиям, расположенным за полотном железной дороги, по снабжению их водой: «По приблизительному подсчету только три частных бойни (Бр. Шелягиных, Т-ва «Брюль и Тегерсен», «Унион») будут расходовать воды в сутки не менее 60 тысяч ведер. А так как промышленных предприятий, расположенных за железной дорогой кроме указанных, много, то и расход воды увеличится во много раз... Город мог бы незамедлительно приступить к постройке водопровода, тем более, что главный материал для этого — трубы, есть возможность приобрести по ценам, существующим до войны, а для земляных работ можно бы использовать недорогой

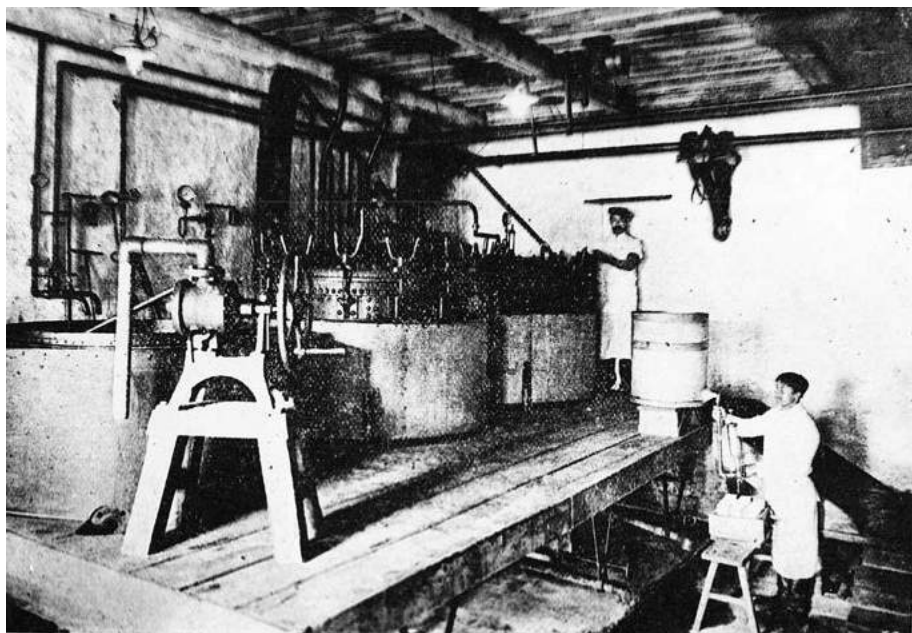
труд военнопленных» (Известия Курганского городского общественного управления. Вып. 5-6. 20.09.1916).

Для решения этого вопроса была создана специальная комиссия. Кроме участков земли за железной дорогой, Шелягины имели заимку за Тоболом, между участками Б. Додзина и Т-ва «Бр. Бакиновы». Здесь спешно строили завод для выработки консервов для армии. Там тоже требовалась вода, и в ноябре 1916 г. Дума рассмотрела заявление братьев об уступке им места земли под устройство водокачки и прокладки водопроводных труб. Место для водокачки размером в 2 кв. саж. было определено на берегу против заимки Шелягиных и дано право проложить подземные трубы по городской земле до 1923 г. За эту землю назначили плату по 500 руб. в год. При заводе была выстроена казарма для рабочих, в которой были только топчаны, не было ни столов, ни скамеек, стояли теснота, духота и грязь. На самом заводе санитарные нормы соблюдались. Срок аренды заимки за Тоболом кончился 19 февраля 1918 г. и был возобновлен на 5 лет, с платой по 80 коп. с кв. саж.

Крупным мясоперерабатывающим предприятием в Кургане являлся филиал Товарищества «Петроградского завода войсковых консервов». Владельцы завода, статский советник Иван Христофорович Озеров и отставной коллежский асессор Паулин Эрнестович Гартман, 29 июля 1915 г. дали доверенность петроградскому купцу Василию Григорьевичу Сорокину на заведование и управление делами и имуществом Петроградского консервного завода. Заместителем Сорокина был Д. Брайловский. Сорокин предъявил доверенность 3 августа 1915 г. курганским нотариусам Сергею Абрамовичу Романенко и Владимиру Эмильевичу Шух и приступил к организации завода.

Свою продукцию завод поставлял военному интендантству, морскому ведомству и местному отделу заготовок продуктов для нужд действующей армии. Завод строился одновременно с заводом Шелягиных, и одновременно их представители просили городскую Думу в 1915 г. предоставить им место для выпаса около озера Шум и право забойки на городской бойне скота в количестве от 10 до 20 тысяч голов по пониженной цене в доход города с головы по 50 копеек вместо одного рубля.

В документах завод войсковых консервов часто именуется просто как завод Сорокина (хотя он и не был владельцем — авт.). Уже в 1915 г.

Салотопня

завод заключил договор с Вольно-пожарным обществом на пожарные караулы при заводе за 300 рублей в месяц. В 1916 г. завод внес деньги за год вперед на содержание при заводе полицейского чиновника (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.19, л.50).

Колбасный завод Самсона (Семена) Григорьевича Харюшина и его компаньона Ездокова был небольшим и возник в 1916 г. Располагался он за железной дорогой, между заимками Колпакова и Кропанина, по задней меже — холодильник «Унион». Срок аренды для завода был определен на 5 лет с ежегодной платою за аренду по 80 коп. за квадратную сажень. На территории завода стоял двухэтажный полукаменный дом и два деревянных флигеля. В январе 1919 г. Харюшин обратился в городскую Думу с ходатайством о понижении арендной платы, но 24 января Дума просьбу отклонила. Завод просуществовал до августа 1919 г.

Мясоперерабатывающие заводы для производства консервов остро нуждались в жестяных банках. Товарищество «Жесть», расположенное в Ревеле, организовало в Кургане свое отделение. Новое производство

официально называлось «Фабрика металлических изделий и белой жести», а в просторечии, потом уже и в документах, жестиано-лудильным заводом. Завод занял территорию Товарищества «Тобол» на восточной окраине города, ныне территория завода «Кургансельмаш». Завод разместил в четырех зданиях пять цехов: жестиано-штамповочный, механический, раскроечный, лудильно-травильный и машинное отделение. На территории завода было еще четыре склада, восемь жилых домов, контора и вспомогательные службы (ГАКО, ф.434, оп.1, д.50, л.6).

Основной задачей завода было изготовление консервных банок и жестяных бидонов для упаковки масла, заготавливаемого для действующей армии. Объем работы был большой, и на заводе трудились около 500 человек.

Самсон Григорьевич Харюшин с семейством

На оборону работал и турбиностроительный завод инженера Сергея Александровича Балакшина (ныне территория Курганской областной больницы). При первоначальном возникновении в деревне Логовушка он назывался «Чугуно-медно-литейный механический завод Т-ва Балакшин, Ванюков и К.». После переноса завода в Курган и его перехода в руки одного владельца, Сергея Александровича Балакшина,

Сергей Александрович
Балакшин

который начал выпускать водяные турбины собственной конструкции, завод в городе стали называть «Турбинкой». Официальное название в 1918 г. было «Чугуно-медно-литейный, турбиномельнице-строительный и механический завод инженера Балакшина». Накануне 1-й мировой войны на заводе было 195 рабочих и 15 человек администрации. С 1914 г. завод наравне с турбинами наладил производство мин и гранат. Существовала военная приемка этой продукции. На всех предприятиях было единоначалие и слово хозяина или управляющего было законом для рабочих.

Свершилась Февральская революция. Возник Совет рабочих и солдатских депутатов, который имел Военный Отдел и Отдел Труда. На каждом предприятии были избраны заводские комитеты, которые работали в тесном сотрудничестве с Отделом труда. Рабочие комитеты учреждались на основе закона Временного правительства от 23 апреля 1917 г. Этот закон позже был подтвержден Временным Сибирским правительством.

Одним из первых вопросов, которые встали перед Совдепом, был вопрос об условиях труда на заводах. 19 марта на исполкоме Совдепа была выбрана комиссия из 7 человек для ведения переговоров с предпринимателями, избран комиссар труда — прапорщик 34-го Сибирского стрелкового запасного полка Михаил Николаевич Петров. Через два дня, 21 марта, состоялись переговоры комиссии Совдепа

и представителей от Совета промышленников. Пришли к соглашению о введении 8-часового рабочего дня при условии, что это не отразится на заработной плате. Со своей стороны Совет промышленников, подчеркивая работу заводов на оборону, выразил надежду, что Совдеп употребит все свое влияние при необходимости по обстоятельствам военного времени подчиниться обязательности сверхурочных работ за полуторную плату (Известия Курганского совета рабочих и солдатских депутатов, № 3. 24. 03. 1917).

В эти же дни Исполком Комитета общественной безопасности со своей стороны избрал особую комиссию для проверки санитарного и противопожарного состояния мясоперерабатывающих заводов. В удовлетворительном состоянии оказался только «Унион». На остальных заводах помещения, где разделявались мясные туши и шла переработка мяса на консервы и колбасу, санитарные нормы выдерживались, но дворы были завалены отходами. Не было пожарных обозов и даже бочек с водой. Лежали целые груды скотских ног, голов, части скелетов, кучи нетопленного сала с опилками, проходы загромождали упаковочные ящики, бочки и пр.

Членами комиссии было обнаружено ранее нигде не зарегистрированное колбасное заведение братьев Шелягиных. Оно находилось рядом с заводом Шелягиных, на соседней заимке Борисова. Газета написала: «На заимке Борисова колбасное заведение Бр. Шелягиных — ветхий домишко, в котором найдено несколько человек, обрезавших мясо для колбасы на крайне грязных столах. В этом же помещении находятся за перегородкой нары для рабочих. На дворе у дверей этого заведения обнаружены в значительном количестве забракованные на заводе Шелягина, работающим на оборону, окорока и грудинки, в виду нахождения в них болезни финноза. Эти окорока куплены у казны как брак, но вывезены с завода на заимку без надлежащего разрешения ветеринарного надзора, поэтому эти продукты являются вредными для употребления в пищу. Кроме того, здесь же обнаружена свинина неизвестного происхождения, около 40 туш, без клейм ветеринарного надзора. Весь двор завален бочками, корзинами и кулями с мясными продуктами также неизвестного происхождения. Комиссия постановила: заведение закрыть, владельца привлечь к ответственности» (Народная газета. № 30. 28.03.1917). После этого Борисов помещает объявление, что сдается его заимка, на которой имеется

Завод Балакшина

салотопенный завод вполне оборудованный, две обрезных, бондарка, завозня, коптильня для колбасных изделий и скотные дворы.

Курганское медицинское общество поставило перед исполнительным комитетом Совдепа вопрос об оказании медицинской помощи рабочим с промышленных предприятий. Исполком 25 мая постановил, что при количестве рабочих на предприятии не менее 50 человек необходимо организовать амбулаторию с аптечкой и одной оборудованной кроватью. При амбулатории постоянно должен находиться фельдшер. Кроме того, необходима стационарная, т.е. больничная помощь рабочим за счет предприятий (ГАКО, ф.р-635, оп.2, д.1, л.20).

За соблюдением прав рабочих следили заводские комитеты и профсоюзы. 13 мая 1917 г. организовался профессиональный Союз рабочих-металлистов, в основном из работников «турбинки». В него сразу вступили 70 человек. К слову сказать, с апреля месяца начинают возникать профессиональные союзы легковых извозчиков, плотников, домашней прислуги, городских служащих и другие. Представители четырех профсоюзов: металлистов, колбасников и мясников, служащих,

каменщиков и печников 14 июня 1917 г. на совещании решили создать Бюро профессиональных союзов, которое бы защищало интересы своих членов.

Работа на заводах в 1917 г. сначала шла по накатанным рельсам, но вскоре начинается борьба предпринимателей с рабочими. Не всегда соблюдается 8-часовой рабочий день, не выплачиваются сверхурочные, создается искусственный дефицит сырья, влекущий увольнение рабочих. Заводские комитеты выдвигают свои требования. На заводе Брюля заводской комитет 25 мая обсудил приостановку работ. Она произошла по вине администрации, и комитет потребовал уплатить рабочим за все прогульные дни полную заработную плату и принять все меры для скорейшего возобновления работ.

Отдел труда Совдепа 3 августа постановил дать работу нуждающимся солдаткам. На заводе Акционерного общества (бывш. Сорокина) заводской комитет потребовал заменить обеспеченных работниц, за исключением специалисток, нуждающимися солдатками. При этом определение незаменимости работниц должен решать заводской комитет. Администрация завода отказалась подчиниться заводскому комитету, указав, что производительность завода очень низкая, потому что многие опытные рабочие рассчитаны из-за отсутствия материала, приход необученных работниц приведет к дальнейшему упадку. Резко упала производительность на заводе Шелягиных, там рабочих осталась только половина.

2 августа администрация предупредила заводской комитет о дальнейшем сокращении работ. Рабочие возмутились, администрация заявила о возможности эксцессов, вокруг завода была выставлена охрана. Вскоре завод сгорел. Убыток от пожара составил 150 000 рублей. Восстановительные работы шли вяло, якобы из-за отсутствия строительных материалов. Колбасное отделение владельцы завода решили не восстанавливать, а в дальнейшем изготавливать только консервы.

Продовольственный комитет на своем заседании 22 июля выяснял вопрос — может ли завод Харюшина по своим техническим возможностям вырабатывать в летнее время колбасу и степень ее пригодности, а если завод остановить, то куда разместить рабочих (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.2, л.20).

Несмотря на маломощность, завод Харюшина работал до 1919 г. Администрация заводов оказывала давление на заводские

Рабочие завода Балакшина

комитеты, увольняя его членов. Бюро профсоюзов выступило в защиту. В Положении о заводских комитетах было оговорено, что их члены могут быть уволены только с согласия самих комитетов. Низкая производительность мясоперерабатывающих заводов зависела не только от поставок сырья, но и от недостаточных поставок консервных банок. Профессиональный союз мясников и колбасников заявил, что заводы увольняют рабочих из-за отсутствия банок и обратился в Продовольственную управу, требуя обеспечить заводы постоянной работой. Продовольственный комитет и его управа занимались поставками для армии, закупая продукцию курганских заводов. За июль, август, сентябрь отделом заготовок было вывезено в действующую армию: консервов — 4 181 472 штуки, солонины — 64 360 пудов, копченостей — 24 245 пудов, колбас — 19 374 пуда. Этого хватило бы на прокорм в течение трех месяцев приблизительно 80 000 человек.

Продовольственный комитет был заинтересован в работе жестяно-лудильного завода, на котором изготовлялись банки. Усилиями комитета и заведующего Курганским районом по заготовке мясных

продуктов для армии Виктора Александровича Постникова в сентябре 1917 г. Министерство продовольствия выкупило у Акционерного общества механических и жестяных заводов Курганский лудильный завод. Постников вступил в управление этим заводом. Первой его задачей была закупка жести. В октябре был получен один вагон жести, который дал возможность начать работы почти после 3-месячного перерыва.

Для предупреждения и разрешения конфликтов между рабочими и администрацией заводов была создана в сентябре примирительная камера, которая тесно сотрудничала с комиссаром труда. Состояла она из равного числа от рабочих и предпринимателей. Председатель избирался из своей среды. Заседания проходили публично, обязательно велся протокол. Примирительной камерой в совместном заседании с представителями Совета промышленников 5 ноября 1917 г. обсуждался вопрос о вознаграждении рабочих и служащих, увольняемых по инициативе администрации. Постановили: проработавшим до одного года выдается вознаграждение вперед в размере трехмесячного заработка, а свыше — на каждый проработанный год вознаграждение увеличивается по месячному окладу к указанному размеру. Не выдается вознаграждение при добровольном оставлении работы, при увольнении по постановлению заводского или профсоюзного комитета, уволенным за кражу. За время остановки работы, по причинам независящим от рабочих и служащих, производится вознаграждение в полном размере за прогульное время. Отпусками должны пользоваться все рабочие и служащие. Проработавшие в предприятии не менее шести месяцев пользуются двухнедельным отпуском с сохранением полного содержания. Проработавшие не менее одного года пользуются отпуском в один месяц тоже с сохранением полного содержания.

В сентябре начинает резко падать производительность консервного завода (Сорокина). Рабочие требовали объяснить причины сокращения производительности завода, который вместо нормы в 120 000 консервных банок и 600 пудов копченой колбасы в день, вырабатывает лишь 30 000 банок. Администрация указывала на затруднения в получении сырья и в затяжках платежей Продовольственной управой. Рабочие требовали платить заработную плату по расценкам, принятым еще 15 марта, которая только частично была выплачена

в мае. Теперь же должна быть выплачена доплата за все время с мая месяца. Заводской комитет командирует в Петроград к хозяевам завода трех рабочих на две недели, с 27 сентября по 7 октября, для ведения переговоров о причинах сокращения работ, об оплате труда за время болезни и о закупке дров для рабочих. В итоге переговоров 5 октября пришла телеграмма от Брайловского из Петрограда: «Так как Продовольственная управа не желает производить платежей, то правление постановило закрыть завод через две недели по получении сей телеграммы. Заявите, что решение это окончательное. В объявлении о закрытии завода укажите мотивы: до тех пор, пока с нами не рассчитаются и не будут производить регулярных платежей, завод должен быть закрыт. Ваши действия должны быть настойчивы и энергичны, так как неплатежи денег не дают нам возможности заготавливать материал, ведут завод к разорению» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.2-а, л.125). Эта телеграмма была зачитана 13 октября на заседании заводского комитета. Присутствующий здесь комиссар труда М. Н. Петров заявил, что усматривает в этом провокацию со стороны правления и пригрозил, что рабочие возьмут завод в свои руки и пообещал им поддержку всех местных революционных организаций. Курганский управляющий заводом Петр Иванович Анисимов заявил, что закрывать завод не будет, а предложит правлению приехать в Курган и лично закрыть завод. Продовольственная управа тоже обсудила телеграмму и заявила, что никогда не отказывалась от платежей, лишь ссылалась на отсутствие кредитов. Со своей стороны управа заявила, что, если завод будут закрывать, то она будет ходатайствовать о передаче завода в ведение Продовольственного комитета, чтобы не лишить армию продукции завода. Закрытие — преступление перед страной, управа примет меры, чтобы все курганские мясоперерабатывающие заводы не останавливались.

В ноябре приехал Сорокин для выяснения положения дел на заводе. По его инициативе или нет, половина рабочих на его заводе была уволена. Вспыхнула забастовка, к которой 19 ноября 1917 г. присоединились рабочие всех заводов. Забастовали потому, что увольнение не было вызвано нехваткой сырья, его было достаточно, даже не хватало рабочих рук. Организовали 18 ноября Центральный стачечный комитет, секретарем которого избрали техника с завода Сорокина Филиппа Ивановича Кучевасова, будущего председателя

следственной комиссии при Курганском трибунале в 1918 г. Как секретарь комиссии, он поместил отчет о забастовке в газете. В отчете он указал, что к 15 ноября на заводе Сорокина, имеющего 1600–1700 рабочих, было назначено к увольнению 50 % рабочих, на заводе «Унион» — 25 %, у Шелягиных — 127 человек из 177, на заводе Брюля с 1 ноября уволено 200 человек.

Статечный комитет 20 ноября опубликовал Воззвание к рабочим и крестьянам с призывом поддержать их требования. «Местные предприниматели и промышленники объявляют локаут рабочим. На заводах Бр. Шелягиных, акционерного общества «Унион» и акционерного общества Сорокина уже 50 % рабочих увольняются только по прихоти этих капиталистов... Рабочие предприятий, фабрик и заводов, постановили: объявить всеобщую забастовку, для руководства которой избрали Центральный стачечный комитет. Комитет выработал следующие требования к промышленникам:

1) уплаты рабочим и служащим заработка за забастовочное время в полном размере;

2) продолжения работы во всех фабрично-заводских промышленных и торговых предприятиях, обслуживающих армию и частный рынок, без сокращения производства в этих предприятиях до окончания войны и полной демобилизации армии;

3) подчинения Совета промышленников постановлению Центральной примирительной камеры от 5 ноября;

4) ограничения прибылей предпринимателей до 5 % годовых на основной капитал, удешевления товаров и прекращения роста дороговизны;

5) фактического контроля над фабрично-заводским производством, вплоть до участия в управлении предприятиями рабочих организаций, контроля над распределением и потреблением продуктов и фабрикатов...» (Новый мир, №64. 21 11 1917).

Совдеп действия рабочих одобрил и даже решил взять весь контроль над промышленностью в свои руки. На заседаниях Согласительной комиссии предприниматели категорически отказались выполнять требования Центрального стачечного комитета. Комитет решил вести переговоры с каждым предпринимателем отдельно, что дало положительный результат. На заседании Согласительной комиссии 2 декабря представители консервных

заводов подписали согласие на удовлетворение требований рабочих, которые приступили к работе 4 декабря.

Только Сергей Александрович Балакшин отказывался выполнять требования рабочих, но и он 20 декабря согласился. Еще до этой забастовки рабочие «турбинки» часто простаивали, так как возникали конфликты между артиллерийским браковщиком В.В. Черняевским, заводоуправлением и рабочими. Некоторые партии мин осматривались и браковались до семи раз. Затягивался расчет за мины, отсюда задерживалась зарплата рабочих. Мастера и рабочие не имели от браковщика точных технических условий, не оговаривались допуски, которыми могли бы руководствоваться при изготовлении мин. В августе была создана комиссия из восьми человек для расследования конфликта. В комиссию вошли прапорщики и оружейные мастера 34-го Сибирского стрелкового запасного полка, председателем был комиссар труда Михаил Николаевич Петров. После проверки комиссия заявила, что при отсутствии в технических условиях возможных допусков открывается возможность личной заинтересованности со стороны агентов приемки и может вести к злоупотреблениям со стороны приемки. В сентябре Балакшин стал ходатайствовать перед военным ведомством о переводе на другой завод браковщика Черняевского ввиду недоброжелательного отношения к нему рабочих завода.

Чугун для изготовления снарядов покупать было все сложнее. Летом в Кургане по распоряжению правительства был проведен «железный день», т.е. сбор металла. В октябре заводской комитет «турбинки» заявил Балакшину, что отсутствие чугуна ведет к безработице и предложил воспользоваться чугуном «железного дня». Кроме того выяснилось, что у Смолина имеется 2 000 пудов чугуна и у Колташева — 1 500 пудов. Получив все эти запасы, ввиду спешной работы на оборону, на заводе 20 октября впервые была произведена ночная отливка чугуна. Из-за нехватки чугуна Балакшин вскоре объявил, что завод переходит к выработке частей железнодорожного ремонта и предполагает начать изготовление сельскохозяйственных машин.

В конце декабря 1917 г. власть в городе полностью перешла к советам. Исполком Совдепа 1(14) февраля 1918 г. постановил конфисковать завод Балакшина. Сергей Александрович помещает в газете

объявление: «15 февраля рабочие захватили мой машиностроительный завод в Кургане и устранили меня от дела, а поэтому я снимаю с себя всякую ответственность за дальнейшую его работу и исполнение заказов...».

12 (25) марта «Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов доводит до всеобщего сведения, что находящийся в Кургане механический и чугуно-литейный завод бывший инженера Балакшина, ныне именуемый заводом Народного достоинства, принимает и будет выполнять для населения все заказы по полному оборудованию сельскохозяйственных машин и земледельческих орудий в самом широком масштабе, как-то, к весеннему сезону — жнеек, молотилок, веялок и прочее, а также принимает сельскохозяйственные машины в полный ремонт. Кроме того, завод вновь изготавливает мельницы, как водяные, так и паровые, мельничные части и прочий ремонт. Заказы будут выполняться добросовестно и аккуратно, под строжайшим контролем Совета» (ГАОПДКО, ф.6916, оп.1, д.69, л.81).

После чешского переворота завод был возвращен Балакшину. Возобновилось изготовление турбин. 31 мая 1919 г. группа инженеров посетила завод и оставила запись в гостевой книге: «Нами осмотрен завод С.А. Балакшина. Это один из лучших заводов Сибири в отношении продуманности производства чугунного литья, а в особенности турбин, которые с каждым выпуском обладают новой конструктивной особенностью,двигающей дело турбиностроения быстрым темпом вперед. Побольше бы таких заводов, и Сибирь стала бы на собственные ноги в отношении возможных оборудований механического характера. Чувствуется громадная энергия С.А. Балакшина в отношении своего детища, которое достигло теперешнего положения благодаря постоянному уходу этого неутомимого, любящего свое дело человека» (личный архив Балакшиных).

В 1918 г. заводы продолжали работать до и после чешского переворота. Сохранялись заводские комитеты и профсоюзные организации. Новшеством была смена поденной оплаты труда на сдельную оплату. Началось с лудильного завода. Заводской комитет запротестовал. Тогда заведующий своим приказом с 1 июля ввел сдельную оплату. При 8-часовом рабочем дне поденная оплата жестянщику была 14 руб. в день. Рабочий не успевал доделать шестое ведро, то есть одно ведро обходилось заводу в 2 руб 50 коп. С 1 июля работа

давалась группе рабочих, в которую входили 25 жестянщиков и 10 чернорабочих. Работая те же 8 часов, эти рабочие стали изготавливать в смену до 800 ведер. Хороший мастер стал зарабатывать 25–30 руб. в день. Молочные фляги тоже стали выделывать группами в 3–4 человека. Изготавливали в день 5–5 фляг при ее цене 6 руб. Тоже выходило 24–30 руб. в день. Стоимость работ уменьшилась втрое, заработная плата увеличилась вдвое, производительность выросла вчетверо. На случай болезни на заводе было оформлено соглашение о том, что рабочий до выздоровления получает жалование по старой поденной оплате. Завод стал более рентабельным и даже стал расширять свое производство. Было организовано литейное производство, в мае 1919 г. состоялось торжественное открытие вновь выстроенного здания конторы и нового лудильно-цинковального цеха. Инженер Истомин был командирован на Урал за опытом и для приобретения оборудования для этого цеха.

В 1919 г. заводом взят заказ на 300 000 руб. от общества Красного Креста на полное оборудование госпиталя, и даже организована ручная ткацкая мастерская для изготовления холста для носилок и матрацев. Переходу на сдельную оплату сопротивлялись рабочие консервного завода Акционерного общества (Сорокина). Они желали остаться на месячном окладе. Обратились к Тобольскому губернскому комиссару труда, который ответил телеграммой местным профсоюзам: «Сим извещаю, что на Ваше отношение от 2 декабря мною послано консервному заводу предложение уплатить рабочим, не желающим перейти на поденную оплату за один месяц вперед, но без права поступления на завод в течение месяца» (Земля и труд. № 4. 5.01.(23.12)1919).

Большой урон курганской мясоперерабатывающей промышленности нанес пожар «Униона». Начальник уездной милиции Адам Адамович Кибо 18 ноября 1918 г. доносил курганскому комиссару Михаилу Васильевичу Алексееву: «17 ноября с.г. около 4–5 часов утра на заводе Т-ва «Унион» вспыхнул пожар, коим уничтожена свинобойня, сильно разрушен холодильник со всеми хранящимися в нем большими запасами сливочного масла, мяса и сала разного. В холодильнике сгорело чужого товара на 9 355 000 руб, собственного товара на 5 000 000 руб., уничтожено здание, принадлежащее Униону на 2 000 000 руб., а всего приблизительно на 11 855 000 руб. Причина

пожара поджог, но кем таковой учинен, еще не выяснено» (ГАКО, ф.р-852, оп.1, д.97-а, л.70).

При обследовании оказалось, что холодильные камеры несколько не пострадали, корпус холодильника можно восстановить, но сам завод сгорел до основания. В 1918 г. холодильник «Униона» был крупнейшим в Сибири. В Ново-Николаевске и Бийске были холодильники с небольшой вместимостью и был холодильник во Владивостоке. Но он на Сибирь не работал.

К концу 1918 г. действующими мясоперерабатывающими заводами остались завод Сорокина и завод Шелягиных. В декабре колбасно-консервный завод Шелягиных за Тоболом заняли под общежитие возвращающихся из плена инвалидов до отправки их на родину. Там можно было разместить до 300 человек, и там была баня.

На заводе Балашина заняли помещение для прибывших в гарнизон 25 оружейных техников. Завод Брюля и Тегерсона был занят авиационным отрядом, потом там еще разместили школу мотористов.

Военно-промышленный комитет считал недопустимым разорение завода, растаскивание оборудования. Поднимался вопрос об освобождении завода авиационным отрядом и о его восстановлении за счет комитета.

15 марта 1919 г. состоялась общегородская конференция профсоюзов и заводских комитетов, на которой присутствовал 31 участник. Из сообщений представителей заводов выяснилось, что на некоторых заводах нет заводских комитетов, а там, где они есть, рабочие к ним равнодушны, предприниматели с ними не желают считаться, увольняют членов комитетов и рабочих без объяснения причин, предлагают подавать заявления о добровольном уходе с работы. В итоге конференцией было отмечено, что нет опытных работников по профессиональному движению, нет зарегистрированных уставов, происходит частая смена состава заводских комитетов, причиной которой служит призыв по мобилизации, аресты, принудительное увольнение. Особо было отмечено, что среди рабочих и служащих не ведется культурно-просветительская деятельность.

3 августа 1919 г. все заводы были остановлены, был отдан приказ об эвакуации города в связи с наступлением Красной армии. На заводах и на железной дороге спешно демонтировалось оборудование, грузилось в вагоны и отправлялось на восток.

В октябре новая эвакуация заводов, вызванная угрозой городу со стороны колчаковцев, перешедших в сентябре в контрнаступление. Оборудование отправляли в Миасс и Челябинск.

Курганский ревком произвел одновременную выдачу пособия служащим и рабочим предприятий, эвакуированных из полосы военных действий: по 200 рублей на каждого члена семьи, но не более 1800 рублей на семью.

Председатель уездного совнархоза Супонин Григорий Александрович сообщил 15 января 1920 г. в своей докладной записке Реввоенсовету: «Прибыв в г. Курган 4 ноября 1919 г. и вступив во исполнение обязанностей председателя Курганского уездного Совета народного хозяйства, я нашел всю промышленность в городе и уезде совершенно разрушенной...

Заводы почти все не работали, а если и работали, то очень ограничено по разным причинам, как техническим, так и за отсутствием сырья и рабочих рук... Механический завод не работал, теперь пущен в ход... Приступлено к восстановлению работ на лудильном заводе, но ввиду того, что самые главные части завода и материалы увезены белыми, то таковые не могут быть восстановлены полностью до возвращения таковых, притом и приобрести их нигде невозможно». (ГАКО, ф.р-11, оп.1, д.4, л.104).

В 1920 г. все заводы были национализированы, а это означало только лишь одно: они утратили своих создателей и хозяев.

Голод

На обширной территории России каждый год в каком-нибудь уезде или в волости случался недород, засуха, кобылка, и крестьяне этой местности с трудом переносили этот год, но все это случалось на ограниченной территории.

События неурожая и голода 1891–1892 гг. стали одной из самых трагических страниц в истории России 19-го века. Неурожай охватил основную часть Черноземья, среднее Поволжье — всего 17 губерний, в том числе и Тобольскую. Голодало более 30 млн. человек.

Первые воззвания о помощи голодающим появились в печати уже в июле 1891 г. Правительство долго не решалось признать сам факт голода, и до октября 1891 г. цензура запрещала публиковать наиболее вопиющие сообщения о голоде.

18 ноября 1891 г. при Министерстве внутренних дел был создан Особый комитет для помощи нуждающимся в местностях, застигнутых неурожаем. Возглавил комитет цесаревич Николай Александрович. Комитет был создан для сбора пожертвований и для контроля за использованием собранных денег. О голоде в Черноземье и Поволжье писали Лев Толстой, Владимир Короленко и даже Фридрих Энгельс.

Попытка найти какие-либо исследования о голоде 1891 г. в Тобольской губернии пока мне не удалась. Сведения, которыми я располагаю, находятся в фондах Курганского государственного архива.

Еще в июне 1870 г. настоятель село-Елошанской Пророко-Ильинской церкви Константин Петрович Рычков писал зятю Якову и дочери Александре Маляревским: «Накосить сена ныне можно круто, при сухой погоде, а уборка хлеба в нашем приходе будет легонькая. Яровых хлебов нет, кобылка все истребила, особенно на открытых местах. Деревни Кузнецова, Меньщикова жестоко пострадали от этого насекомого. Там только в низинах есть хлебец, а на открытых местах — черно. Жители уже расходятся для работы в те места, где Господь благословил поле земледельцев хлебородием. Курганский округ ныне без хлеба».

Кобылка — мелкая разновидность саранчи, постоянный обитатель степных территорий.

В зависимости от метеорологических условий может размножаться до огромных размеров, принимающих характер народного бедствия.

В 1891 г. кобылка в Курганском округе сплошь истребила не только хлеба, но камыши и листья на деревьях. В Курганском округе была введена обязательная повинность по истреблению кобылки и определена плата — 2 коп. за фунт насекомого. За 1891–92 гг. кобылки наловили пологами 155 951 пуд. В Тобольскую губернию были командированы энтомологи Линдеман и Порчинский, почвовед Гордяш и бактериолог Андреев.

Кобылка — мелкая разновидность саранчи

Осенью начался голод. Старые хлеба съели, травы не накопили, скот кормить было нечем, начался падеж скота, либо его продавали за бесценок.

Под эгидой Красного креста в ноябре 1891 г. было образовано Тобольское попечительное общество для принятия мер по случаю неурожая.

На своем заседании 3 ноября это общество постановило в округах Курганском, Ялуторовском и Ишимском открыть отдельные сельские попечительства.

Курганское окружное попечительство Красного Креста было открыто 3 ноября 1891 г., председателем попечительства избран священник Богородице-Рождественской церкви протоиерей Никанор Гаврилович Грифцов, казначеем избрали купца Марка Марковича Дунаева.

11 ноября десяти уполномоченным от попечительства было поручено открытие попечительств по волостям, на что было ассигновано 7 500 рублей. Предполагалось, что во главе сельских попечительств встанут священники, но они часто отказывались от этого. Окружному попечительству иногда стоило многих усилий и стараний вызвать в духовных лицах сострадание к своим духовным детям.

В Курганском округе несколько сельских попечительств возглавляли учительницы. Так, председателем Половинского попечительства

была учительница Анна Новицкая, Теплодубровного — Мария Земляницына.

О деятельности сельских попечительств можно судить по письму священника Павла Ивановича Преображенского, настоятеля село-Дубровинской церкви, от 4 марта 1892 г. своему племяннику Константину Маляревскому: «Любезнейший племянник! Посылаю тебе сортов до пяти хлеба с надписями, которым питаются жители моего прихода деревень Медвежье, Корнилова и Гагарье. Но сибиряки до этого не дошли, они либо по миру идут или сидят по нескольку дней голодают. Прилагаемым хлебом питаются две трети, но все-таки голодны. Ты спрашиваешь, как идет дело в моем попечительстве? У меня постоянных питомцев до 30 человек, которые получают в месяц 30 фунтов муки, раза на три. В настоящее время думаю завести пекарню, кроме того оказываю небольшое пособие и тем, которые получают правительственное пособие. В настоящем месяце выжал шестидесяти чиновникам по 2 фунта муки. Да и еще предвидится выжать такому же количеству, а может быть и более. Начал кормить учеников со 2 марта, т. к. провизии никакой не запасено, то первоначально даю на каждого полфунта хлеба и 3 чашки чая. 9 числа буду в городе, увижусь с о. Никанором (Грифцовым) и запасусь провизией, станем ученикам что-нибудь варить. В Саламатовской волости, кажется, устроена столовая, в Сычевской — дело идет, кажется, спустя рукава, в Моревском попечительстве выдают зерном и, должно быть, не более 20 фунтов в месяц. Я своим сиротам, которые живут в приходе, ходатайствую пуда по 2 на человека для посева, как и обещаюсь для них найти земли и сделать общую запашку, мне посеять и заборонить. А когда Бог даст, то сделаю барщину, и пусть убирают. Средства моего попечительства сейчас небольшие, денег около 40 рублей, муки 20 пудов, была получена накладная на 175 пудов, но Лебяжьевский старшина почему-то не выдал. Еще обещают прислать денег 200 рублей. Если это все получу, то, пожалуй, средства будут достаточные, до урожая будет даже возможность оказывать пособие и тем, которые получают пособие от правительства. Половина моего прихода положительно от правительственного пособия голодны, потому что они это пособие всегда съедают месяцем ранее и более. Но для тех это пособие служит пособием, которые имеют возможность добавлять к нему, а которые не имеют возможность добавить, то

голодны. Я буду на этой неделе в городе, не будет ли князь Голицын в городе и нельзя ли будет ему преподнести нашего хлеба...».

Волостным попечительствам предписывалось давать голодающим хотя бы один раз в день горячую пищу, печеный хлеб, муку и какую-нибудь провизию. Но мука и провизия быстро закончились, и попечительствам было разрешено закупать хлеб, желательно недорого. Мостовское попечительство, которое до 18 апреля 1892 г. возглавлял священник Василий Покровский, в январе 1892 г. купил у крестьянина Федора Бурцева ржаной муки 25 пуд. 20 фун. по 1 руб. 73 коп. за пуд на 45 руб. 85 коп.; у крестьянина Виктора Бородавкина на 5 руб. ржаной муки; настоятель о. Покровский тоже продал 7 пудов 38 фунтов, но по 1 руб. 5 коп., на 8 руб. 35 коп. Были и другие продажи во многих попечительствах.

Весной 1892 г. правительство выдало Курганскому округу до 800 000 пудов зерна на прокормление и на засев полей. Была образована продовольственная комиссия, председателем которой стал чиновник присутствия по крестьянским делам Владимир Иванович Лебедев. Через эту комиссию распределялось правительственное пособие. Правительственное зерно поступало в Курган, где его по накладным принимал Марк Трофимович Делинин и хранил в амбарах при своем доме. Это зерно закупалось окружным попечительством Красного Креста и в волости выдавалось уже по распоряжению попечительства.

В начале 1892 г. Особый комитет командировал в Тобольскую губернию для организации помощи голодающим генерал-лейтенанта и сенатора князя Голицина. По дороге в Тобольск князь остановился в Ирбите, где собрал владельцев и крупных торговцев хлебом. Обсуждался вопрос о соблюдении цен в хлебной торговле. Голицин назначил в Кургане и Тюмени цену за пшеничную муку — 1 рубль пуд, за ржаную муку — 80 коп. пуд, что в дальнейшем совершенно не соблюдалось. От Кургана на совещании присутствовал Ив. Ив. Бакинов. От Кургана на совещании присутствовал Иван Иванович Бакинов. Для надзора за сельскими попечительствами от Особого комитета в Ишимский и Курганский округ был командирован действительный статский советник Анатолий Ильич Чайковский.

В марте Курганское попечительство получило 15000 руб., «ассигнованных по распоряжению его сиятельства сенатора князя Голицина

из кредита сметы Министерства Императорского двора 1892 г.». 31 марта попечительство распределило 13 000 руб. по волостям, кроме того, было принято во внимание заявление неперменного члена попечительства В. И. Лебедева о том, что по ходатайству его перед князем Голицыным разрешено выдать правительственную ссуду 1 апреля, а не 15 апреля. Семенную ссуду выдать ближе к севу, чтобы крестьяне не съели и семенной хлеб.

В марте губернатор разослал сообщения волостным старшинам Курганского, Ишимского и Ялуторовского округов следующего содержания: «С наступлением тепла через названные округа начали двигаться партии крестьян, возвращающиеся из тех мест, где они проживали зимой. Люди эти большею частью бедные и идут без всяких средств, поэтому предписываю старшинам отвести им ночлег, давать им помещения при волостных правлениях, если не будут иметь средств на пропитание, направлять их к председателям сельских попечительств Красного Креста, от которых и будет зависеть назначать им пищу хотя бы на один день».

Большую помощь голодающему населению оказывали благотворительные общества и отдельные жертвователи. Учредитель и редактор газеты «Сибирский листок» Александр Сыромятников 7 марта 1892 г. пишет домашнему учителю семьи Балакшиных Константину Яковлевичу Маляревскому: «Сегодня я получил из Петербурга от своего хорошего знакомого Н. М. Павлинова письмо, в котором он сообщает, что 20 февраля выехала из С-Петербурга в Курган для организации помощи голодающим Анна Михайловна Сибирякова. Туда же и для той же цели приедет Валериан Тимофеевич Зимин, сибиряк, заведывавший в Иркутске и Томске отделениями Сибирского банка. Они будут действовать по соглашению или с одобрения князя Голицина». Иркутский купеческий род Сибиряковых был широко известен своей благотворительностью в области образования, культуры, помощи голодающим и переселенцам.

Анна Михайловна, представитель шестого поколения Сибиряковых, пожертвовала более миллиона рублей на борьбу с голодом и тифом в Тобольской губернии. На эти деньги были открыты 45 хлебопекарен, 3 народные столовые, 10 чайных, сформированы врачебно-санитарные отряды. Сибирякова и Зимин станут неперменными членами Курганского окружного попечительства.

Сыромятников в письме к Сибиряковой сообщил, что ее помощником в Кургане будет Маляревский, и он даст ей необходимые сведения по ее специальной миссии. Маляревский собирал сведения о голоде уже в 1891 г. и отправлял свои корреспонденции в «Тобольские губернские ведомости» и в «Сибирский листок», но многие из них по приказанию губернатора в газетах не были помещены. Маляревский стал основным доверенным лицом Сибиряковой в Кургане.

Анна Михайловна часто отлучалась в Москву, в Петербург, в волости. В Кургане проживала в доме Ивана Михеевича Малышева. По договоренности с ней Маляревский 20 марта 1892 г. пишет Дмитрию Ивановичу Лобанову, у которого в Екатеринбурге было садоводство и семенная торговля: «Ввиду недосева хлебов и сокращения скотоводства в Курганском округе весьма желательно помочь крестьянам увеличить возделывание огородных овощей. Но крестьянам здесь неоткуда достать огородных семян, а потому покорнейше прошу Вас выслать мне для раздачи нуждающимся крестьянам наложенным платежом огуречных семян на 5 рублей, капустных — на 5 рублей, моркови — 6 руб. 50 коп., редьки — 1 руб., свеклы — 1 руб., репы — 20 коп., брюквы — 40 коп. Кроме того, я просил Анну Михайловну Сибирякову о помощи в этом деле. Если она не откажется, то сообщит Вам телеграммой о сумме, на которую пожелает приобрести семян, и Вы вышлете их также на мое имя. Может быть, Вы и сами не откажетесь сколько-нибудь пожертвовать в пользу нуждающихся...».

В апреле 1892 г. Сибирякова решила провести ревизию в волостях по использованию ее средств.

Объехать волости согласился и Маляревский. 7 мая Анна Михайловна в очередной раз приехала в Курган, чтобы собственноручно написать доверенности. Одна из них от 15 мая: «Прошу экономов и попечителей Лопатинской волости представить предьявителю сего К. Я. Маляревскому все счета и списки по пекарням. Непременный член окружного попечительства А. Сибирякова». Кроме проведения ревизии Сибирякова ждала прибытия санитарного отряда во главе с Николаем Михайловичем Ядринцевым. Отряд прибыл 23 мая. В нем были студенты-медики Томского университета и фельдшеры. Вместе с голодом в округ пришел тиф, а за ним и холера.

Через год, 12 мая 1893 г., опять на средства Сибиряковой в Курган прибыли четыре фельдшерицы для борьбы с холерой. Ядринцев ездил

в Логовушку к А. Н. Балакшину, где бывали Сибирякова и Зимин. Дождавшись Ядринцева, Анна Михайловна уехала в Москву, откуда 5 июня написала Маляревскому: «...К моему большому горю я узнала по приезде в Курган, что моего хлеба смолото только 500 пудов, т. к. мельница была занята молотью городского хлеба. Городская управа окончательно выяснила вопрос об уступке мне только на днях, когда приехал князь Голицин. Решили уступить мне хлеб, который молоть по 1 руб.40 коп. Владимир Иванович Лебедев обещал мне теперь же 3000 пудов из продовольственной комиссии. В Курейнскую волость отправлено 300 пудов, кроме того будет отправлено 1200 пудов, когда получатся мною из продовольственной комиссии. Всего 1700 пудов. В Лопатинскую волость отправят завтра или послезавтра 500 пудов, и из склада продовольственной комиссии 800 пудов. Всего 1300 пудов. Владимир Иванович сказал мне, что, может быть, продовольственная комиссия уступит еще 4000 пудов в 20-х числах июня. За окончательными новостями Вы можете зайти к Владимиру Ивановичу 20 июня. Эти 4000 пудов в случае согласия продовольственной комиссии будьте так добры сами принять и отправить по волостям по следующему расчету: в Лопатинскую волость — 700 пудов, в Курейнскую — 1500, в Башкирскую — 1800 пудов... Если к августу будут поставки хлеба, будьте добры раздать его по условиям пособия...».

Большой проблемой был вывоз хлеба в сельские попечительства. Мария Земляницына писала Маляревскому 9 июня 1892 г.: «Вошиков я не надеюсь найти за предполагаемую Вами цену: у многих лошади очень плохи, некоторые уехали за казенным хлебом или же себе, а потом сенокос, так что дешевле 10 копеек с пуда не повезут... Муку я здесь покупаю по 1 рублю 55 копеек».

Чтобы платить за перевоз хлеба, Сибирякова телеграфом переводит 12 июня 1000 рублей и 29 июня еще 3000 рублей.

В мае 1892 г. в округе снова появилась кобылка, и в большом количестве. Она успела истребить яровые хлеба на больших площадях. Оставалась надежда на озимые, которые были довольно хороши, благодаря дождям.

Сибирякова жертвует 5000 рублей на вознаграждение тех крестьян, которые примут участие в уничтожении кобылки.

Чтобы принять эти деньги, окружное попечительство должно было получить разрешение высшей власти. Циркуляром от 12 ноября

1891 г. запрещались пожертвования частных лиц голодающим, если они не будут иметь особых разрешений.

Наконец, 31 мая состоялось экстренное собрание членов окружного попечительства, на котором было решено платить за истребление кобылки по 40 коп. за пуд, чтобы поддержать истощенное население. Согласно желанию князя Голицина попечительство 4 июня постановило разослать по сельским попечительствам деньги на закупку хлеба по сходной цене, выдавать его только печеным, и не всем без разбора, а только в поощрение наиболее усердных в истреблении кобылки.

Голодало не только сельское население, но и большинство горожан. Курганское мещанское общество имело небольшой капитал, скопленный старожилami. Он образовался от приемки в мещанское общество посторонних людей и мещан из ссыльных в старожилы по истечении положенного законом срока. Капитал составлял 667 руб. 57 коп. и хранился в государственном банке в Екатеринбурге. Вот этот капитал начали раздавать беднейшим мещанам. Для них же в Кургане были открыты столовые, для содержания которых управа выделила 4 000 руб., Красный Крест — 5 000 руб. и состоятельные граждане собрали 1 000 руб. Повара и хлебопеки получали жалованье от 1 до 3 рублей в месяц. Мещанам на обед выдавалась горячая пища и 3/4 фунта хлеба. Разночинцы, которые не принадлежали к мещанскому обществу, получали только хлеб, а горячей пищей их кормил Красный Крест. Дмитрий Иванович Смолин пожертвовал на курганских мещан 3 000 рублей и раздавал по 2 руб. 50 коп. на каждого едока. В январе 1892 г. он, в связи с голодом, пожертвовал Троицкому приходскому училищу 27 пудов пшеничной муки, и ученикам в большую перемену выдавалось полфунта печеного хлеба. Из своих запасов Смолин пожертвовал волостям 225 пудов хлеба.

В апреле 1892 г. Н. Грифцов разослал по волостям записку, в которой говорилось, что многие крестьяне и обыватели из округа для прискания заработков являются в Курган и здесь домогаются получить продовольствие от городской пекарни и других благотворительных обществ. Он уверял, что в городе заработков нет, и неизвестно, будут ли на строительстве железной дороги. Многие в округе уже слышали, что потребуются рабочие на строительство железной дороги и заблаговременно шли в город. Это строительство должно было дать средства к существованию тысячам семейств.

Как только 22 июня 1892 г. были объявлены подготовительные работы по постройке дороги, на пункт возле Кургана стали стекаться огромные толпы обнищавшего населения. На первый раз было принято до двух тысяч человек, частью жителей Кургана, а в основном — крестьян из волостей.

Начало строительства железной дороги на курганском участке оказалось очень своевременным. В июне правительство распорядилось с 1 августа прекратить всякую деятельность благотворительных учреждений по оказанию помощи голодающим, будь они частные или филиальные отделения Особого комитета, как курганское окружное и сельские попечительства. С этого времени население должно было само изыскивать, где и как достать кусок хлеба.

Председатель окружного попечительства Н. Грифцов 4 июля 1892 г. предупредил председателей сельских попечительств, чтобы они оставили на довольствие голодающих столько средств, сколько понадобится до 1 августа. Остатки денег и припасов сдать в местные волостные правления под квитанции. Сдать и те деньги, которые выслала Сибирякова, и которые не успели израсходовать. В августе уже поспевали озимые, выросли овощи, голод ослабевал.

Крестьяне воспринимали голод как божье наказание за грехи. В слободе Иковской 5 сентября 1893 г. собрались прихожане Васильевской церкви и высказали настоятелю о. Иоанну Редькину такое суждение: «Как христиане, мы ясно сознаем, что в минувшие три года Господь Бог посетил нас голодом со всеми его ужасами в видах нашего наказания и нравственного исправления. В нынешнем году продолжительная весенняя засуха, совместно с губительной кобылкой, угрожала нам вновь теми же бедствиями. Но, благодаря обильно выпавшим в половине июня дождям, насущное пропитание наше урожаем озимого хлеба до будущего лета обеспечено. В виду сего, чтобы не оказаться глухими к вразумляющим призывам Всеправедного судьи — Бога и не быть безблагодарными пред ним Премилосердным, единогласно постановили в пределах нашего прихода впредь три года не открывать питейных заведений, как неблагоприятно влияющих на нравственность, здравие народное и благосостояние». Под этим суждением стояло 343 подписи.

После голодных лет крестьяне Введенской волости воздвигли каменный памятник в виде гранитной пирамиды с венчающим ее крестом.

На задней стороне памятника сверху было высечено: «С благословения Преосвященного Иустина, епископа Тобольского и Сибирского, поставлен этот крест в воспоминание об избавлении бедствия 1891-1892 года».

Внизу: «Кобылка появилась в 1884 году; к 1890 году она распространилась по всему Курганскому округу и уничтожила много хлеба. Народ обеднял, посева убавились, старые хлеба съели, и получился голод. Правительство пришло на помощь населению и выдало по всему округу на обсеменение полей 75.235 десятин и на прокормление нуждающихся до 800 000 пудов хлеба. Попечительства особого комитета устраивали столовые. Урожай 1892 г. прекратил бедствия голода, но весной пришла холера».

С правой стороны, сверху: «Отжени от нас поедающая плод наш земной».

Внизу: «Господи Боже Наш! Отжени от нас вся снедающие плод наш земной и всякое наказание праведно наводимое на ны. И богатые твои щедроты ниспошли на вся люди твоя. Молитвами Преблагословенных Богородицы, Святых Славных и Великомученика Пантелеймона и Трифона и Святого Праведного Филарета Милостивого и всех святых Твоих. Аминь».

С левой стороны, сверху: «Губительного свободы недуга рабы Твои».

Внизу: «В 1892 году посеяно было 175 938 десятин — только половина обыкновенного сева Курганского округа. С 1892 года увеличился посев озимей и стали уничтожать кобылку, которой наловили полами 155 951 пуд. Всего по Курганскому округу в восемь лет кобылка высекала до 500 000 десятин».

На лицевой стороне: «Помяни время глада во время сытости, нищету и убожество в день богатства». «28 августа 1894 года».

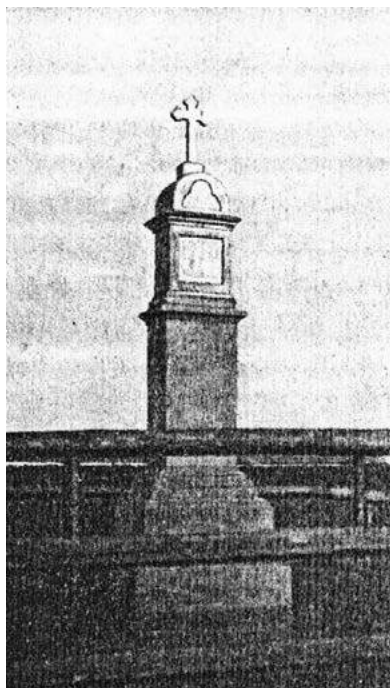
Через 30 лет Курганский округ испытал более страшный голод. В 1921 - 1922 годах голодом была охвачена громадная территория страны с населением более 40 млн. человек, в том числе Среднее и Нижнее Поволжье, Южный Урал, Крым, Запорожская область и другие. Уже весной 1921 население начало голодать. Правительство попыталось скрыть от мировой общественности этот факт, но М. Горький в июле разослал телеграммы ряду общественных деятелей Европы, обнародовав существующее положение. После этого Ленин 2 августа

обратился к международному пролетариату с призывом о помощи. В ответ на его призыв 12 августа в Берлине по инициативе Исполкома Коминтерна была основана Международная организация рабочей помощи (Межрабпом), которая окажет большую помощь голодающим России, в том числе и Курганского уезда. 5 августа советское правительство официально известило мир о постигшем страну голоде. Откликнулись несколько благотворительных организаций. Ведущую роль играла АРА (Американская администрация помощи), которую возглавлял будущий президент США Герберт Гувер.

В августе 1921 г. в Женеве состоялась конференция мировых общественных организаций, на которую собрались представители 13 государств и 48 отделений Красного Креста. На конференции был образован Международный комитет помощи России (МКПР), верховным комиссаром которого утвердили известного норвежского ученого, полярного исследователя Фритьофа Нансена. К лету 1922 г. Нансеновская организация кормила в России 1,5 млн. детей и взрослых.

Голод в Курганском уезде был обусловлен несколькими причинами. Осенью 1919 г. на его территории шли боевые действия, урожай убирали под пулями, и был он собран только частично. Как только установилась Советская власть, на уезд распространилась продрозверстка.

Декрет Совнаркома «О продрозверстке» был принят 11 января 1919 г. Этим декретом вводилась принудительная сдача всеми крестьянами «излишков продуктов питания, превышающие нормы на семью». В продрозверстку входила вся сельскохозяйственная продукция, а не только зерновые. Суть ее была в том, чтобы прокормить армию и пролетариат за счет крестьян. Разверстку осуществляли

Памятник избавлению от голода

органы Народного комиссариата продовольствия — продотряды, формируемые на местах.

В Курганском уезде выполнение продразверстки началось в феврале 1920 г. Для поддержки продотрядов в волости выехали все ответственные работники. С 23 февраля по 17 марта было собрано пшеницы, ржи и овса 607 287 пудов. Наступил апрель, уездный комитет РКП(б) бросил клич: «Ни один клочок земли не должен оставаться пустым и не засеянным. Хлеб — главное богатство нашей Республики!».

Засеяли тем зерном, которое осталось от продразверстки.

В июле продотрядами ежедневно изымалось до 60 000 пудов оставшегося у крестьян зерна. Забирали и другие сельскохозяйственные продукты. На зиму оставили только семенное зерно и немного на пропитание. Совнарком своим декретом от 21 апреля 1921 г. заменил продразверстку фиксированным продовольственным налогом. Это означало, что часть урожая стала оставаться в хозяйстве крестьянина.

Урожай 1921 г. во многих волостях Курганского уезда не вернул даже затраченных семян. «Красный Курган» уже 5 июня писал, что всходы пшеницы плохи или удовлетворительны, за весь период посева не было дождя, что сохранилось от засухи, то съела кобылка, огородные площади сократились из-за отсутствия семян.

25 июля 1921 г. по решению ВЦИК была образована Челябинская губернская комиссия помощи голодающим (Помгол). В течение месяца Помголы были созданы в уездах, волостях, селах, в том числе и в Курганском уезде. Они занимались организацией общественного питания, переселением голодающих, заготовкой семян и продовольствия, просветительской и пропагандистской деятельностью. В июле начала работу уездная комиссия по борьбе с голодом (Укомборгол), председатель Снежко. Несмотря на надвигающийся голод, в городе и уезде комиссия проводила Недели помощи голодающему Поволжью, для него же собирали пожертвования продуктами, деньгами, серебряными и золотыми вещами.

Когда к октябрю в Курганском уезде уже голодало 78 029 человек, комиссия начала изыскивать средства для помощи местному населению: члены профсоюзов стали отчислять определенный процент от жалованья, было проведено обложение пеших и конных, двигающихся по городу в течение трех дней, по городским кварталам была произведена разверстка по сбору продуктов. В волостях ставились

спектакли, сбор с которых шел в пользу голодающих, комсомольцы села Введенского спектаклями, пожертвованиями, отчислениями собрали 5 000 000 рублей деньгами, 11 пудов хлеба, 10 пудов картофеля, 5 пудов капусты.

На курганском рынке пуд муки стоил 110 000 рублей, пуд картофеля — 105 000 рублей, пуд капусты — 17 500 рублей. Все сборы были каплей в море.

1 октября 1921 г. Челябинский губисполком потребовал от Кургана к 1 ноября 100 % исполнения продналога. Всем крестьянам и должностным лицам, не добившимся этого, грозил Прогревтрибунал.

В деревни, которые отказывались отдавать последнее зерно, вводились воинские части и ставились на полный боевой паек за счет населения, пока не сдадут налог.

В декабре во многих волостях Курганского уезда работали выездные сессии Челябинского ревтрибунала, которые осуждали не полностью сдавших продналог к исправительным работам от 1 до 3 лет, к заключению в Челябинский концлагерь, с полной или частичной конфискацией имущества, в том числе скота.

4-й Курганский уездный съезд Советов, проходивший в январе 1922 г., постановил: задание по продналогу выполнить полностью до 20 февраля. Взыскать налог путем понуждения, не дожидаясь ввода военных отрядов и принуждения со стороны судебных органов. Кроме того, съезд отметил недостаточность добровольных отчислений и пожертвований, а потому предложил перейти к постоянной обязательной помощи путем самообложения сытых и полусытых в пользу голодных по принципу «десять сытых кормят одного голодного». Обложение натуральное как сельского, так и городского населения, особенно торгово-промышленных предприятий, лиц, занимающихся торговлей, наиболее имущих слоев деревни.

Через несколько дней в Укомборгол поступили списки от Госкома, Лескома, Гостипографии, Рабкрин, консервного и клепочного заводов, бывшей мельницы Смолина, обязавшихся вносить постоянные долевые взносы.

ВЦИК 11 февраля 1922 г. принял Декрет об общегражданском налоге, который взимался со всего трудоспособного населения с 17 лет. Срок выплаты налога — 31 мая. За каждый просроченный месяц начисляется пеня — 100 %.

Продразверстка

На это время в стране было 14 000 009 голодающих.

С 1 по 31 мая по городу Кургану и уезду поступило общегосударственного налога 148 018 руб. выпуска 1922 г. (В 1921 г. реальная стоимость 100 000 руб. равнялась стоимости одной дореволюционной копейки, в 1922 г. произошел обмен денег по курсу 10 000 : 1).

Следующий Декрет ВЦИК издает 23 февраля — Декрет об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих.

В Курганском цирке 4 апреля 1922 г. состоялось собрание рабочих и красноармейцев. Присутствовало 1 500 человек. Заслушав доклад председателя исполкома Пискунова о Декрете, собрание постановило призвать всех трудящихся оказать содействие в работе комиссии по изъятию церковных ценностей и закончить эту работу в короткий срок. На следующий день мусульмане на заседании Совета мечети постановили пожертвовать в пользу голодающих за неимением ценностей 30 аршин белого сукна. Еврейская община города постановила: «Если окажется, что ценности нашего молитвенного дома по малочисленности общины незначительны, то Правление еврейской общины обязуется путем самообложения членов общины собрать, по силе возможности, сумму в пользу голодающих».

Прежде чем приступить к изъятию ценностей, уездная комиссия провела собеседование с духовенством Кургана всех религиозных культов. Духовенство заявило, что препятствий чинить не будет.

20 апреля комиссия начала изъятие ценностей с Троицкой церкви, которое продолжалось три дня. Общий вес изъятых в Троицкой церкви серебряных сосудов, окладов евангелий, риз с икон составил 8 пудов, 30 фунтов, 69 золотников, 24 доли. В городских храмах изъятие проходило спокойно, но в селах комиссия встречала иногда упорное сопротивление. В конце мая изъятие церковных ценностей по городу и уезду было закончено. Общий вес изъятого составил 44 пуда, 2 фунта, 12 золотников, 33 доли.

Газета «Красный Курган» 5 июня сообщала: «28 мая с поездом № 1010 вышел из Петрограда 6-й маршрут хлеба, купленный на церковные ценности в Финляндии для Вятской, Пермской, Челябинской и Кустанайской губерний».

15 июня с этого маршрута было отправлено из Челябинска в Курган 3 вагона хлеба. Полученные 3009 пудов 20 фунтов были распределены по уезду — по 10-20 фунтов на семью.

Мероприятия по исполнению февральских декретов не могли существенно бороться с голодом. Волостные комиссии предпринимали разные методы сбора денег на закупку продуктов для организованных ими столовых.

Лопатинский комитет взаимопомощи принял решение взимать со всех служащих учреждений и предприятий волости отчисления в пользу голодающих 1 фунт хлеба с пуда пайка, с владельцев мельниц с каждого постава — 5 фунтов, с каждого размольного пуда — 1/4 фунта, за запись каждого брака — 1 фунт, за расторжение брака — 5 фунтов, за каждое заказное письмо — 1000 руб., за посылку — 2000 руб., с каждого разбираемого уголовного дела с виновного — 5000 руб.,

Первая иностранная помощь пришла от Межрабпома, представители которого прибыли в Челябинскую губернию 29 февраля 1922 г. Межрабпом не создавал своего аппарата, а действовал совместно с уездными комиссиями Помгола. Межрабпом распределял продукты, собранные иностранными рабочими. В конце января 1922 г. в Челябинск прибыли представители АРА: уполномоченный Мелл, его помощник Келли и доктор Ролинс.

В Курганском уезде АРА открыла свои действия в марте. АРА организовала столовые в Курганском и Куртамышском уездах. Миссии Нансена отвели для деятельности весь Курганский уезд. Представители Миссии Нансена А. М. Брейбец и доктор Шрибель прибыли для работы в Курган 29 апреля, и с ними прибыло два вагона сахара. Миссией было открыто для детей и взрослых 142 столовые на 35 922 человек в городе и в волостях, в Кургане еще были организованы две кофейни на 5 500 человек. К этому времени дети голодали и в городе, и в деревне.

Для прикрепления к столовой выдавалась карточка местными властями. В марте Межрабпомом была открыта первая столовая в Кургане на 100 мест, и 24 марта там был прочитан доклад о работе этой организации. Благодарные клиенты после доклада вынесли резолюцию: «Настоящим выражаем глубокую благодарность Межрабпому и товарищам, прибывшим в г. Курган под председательством т. Зельман, принявшим активное участие в деле оказания помощи голодающим России и города Кургана в частности». Для детских столовых существовала инструкция, содержащая следующие пункты:

1. Карточки выдаются лишь для детей от 3 до 12 лет через карточное бюро Помголода;
2. Обеды ни в коем случае не отпускаются на дом;
3. Больным детям обеды отпускаются лишь в случае представления свидетельства врача за подписью и печатью;
4. Родственникам детей, получающим обеды, вход в столовую запрещен;

Листовка, призывающая к помощи голодающим

5. По однодневным талонам обеды выдаются лишь тогда, когда талоны подписаны председателем Помголода и уполномоченным Межрабпома;

6. Служащим столовой строго запрещено брать обеды на дом;

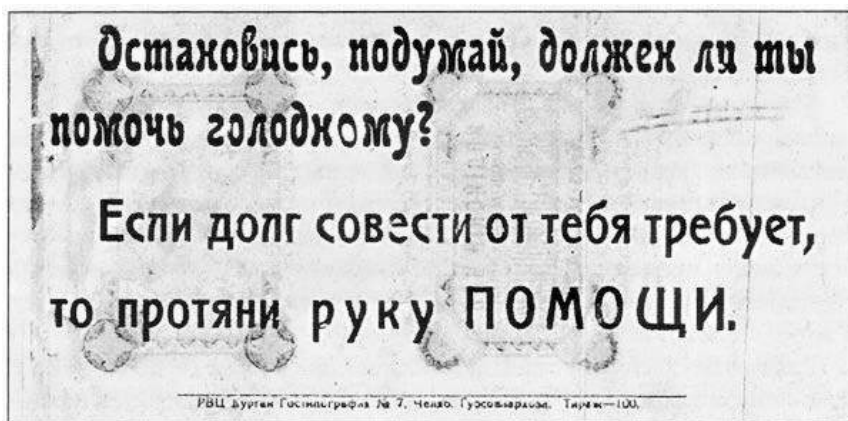
7. Служащие имеют право получать два обеда.

Для приготовления обедов выдавался в основном рис — 12 золотников на человека, реже фасоль — 4 золотника, два раза в неделю давали масло — 5 золотников, три раза в неделю — банка сладкого молока на 8 детей, 2 раза в неделю — сушеные сливы и к ним по 2 золотника сахара на компот.

Если в Кургане в апреле работали уже четыре столовые, то в волостях они открывались с большой задержкой, помощи сельскому населению почти не оказывалось.

На 1 апреля в Кургане и уезде зарегистрировано голодающих детей до 15 лет — 36 486, в том числе больных — 2 159, умерло — 842, голодающих взрослых — 47 077, больных — 3 456, умерло — 394. Из волостей шли жалобы и просьбы. В Чашинской детской коммуне голодали 80 сирот, которым выдавалось суррогатного хлеба 300, а иногда и 100 грамм в день.

Дмитриевская волостная комиссия помощи голодающим сообщает 9 апреля 1922 г.: «Граждане Дмитриевского общества пришли к полному истощению, т. к. для дальнейшего питания не имеет никаких ресурсов и каковые обречены на голодную смерть. До настоящего времени некоторые граждане все-таки питались, хотя разными

Голодающие дети

суррогатами — древесными опилками, корнями камыша, мякиной, которая лежала уже пять лет и почернела и похожа на навоз, мох и старой соломой. А с настоящего времени и этих предметов не стало, и во всех углах нашей деревни стали слышны стоны голодных, которые без пощады просят помощи от советского правительства, но до которого очень далеко, и они не слышат, как люди умирают на почве голода... Люди бродят небольшими толпами и ищут разную падаль и вырывают ямы, где есть палый скот и накидываются и расхватывают, а по улице собирают пропавших собак и кошек и поедают, несмотря на то, что это приносит большую и невыносимую болезнь. Даже у некоторых граждан есть оставшийся скот, который выпустить в поле невозможно, потому что люди едят из разных сел и ходят по полям, ищут себе питание и набрасываются на таковой и кончают, и тут же поедают. А потому и просим оказать хотя малейшую поддержку для умирающих людей деревни Дмитриевки, Салтосарайской волости». По Саламатовской волости за апрель зарегистрировано голодающих детей до 15 лет — 4 385, взрослых — 6 005, по Введенской волости всех

голодающих — 7 005 человек, умерло от голода 71 человек, из Нижне-Алабужской волости выехало 3 572 человека в поисках пропитания.

Мало-Чаусовский волостной комитет 24 мая 1922 г. сообщает в уездную комиссию по борьбе с голодом: «Ужасы голода населения здешней волости не поддаются описанию, люди ходят как тени.

Голод заставляет прибегать умирающих к нежелательному воровству. Голодные выкапывают на кладбищах трупы и извлекают из них мясо для пропитания. Если оказание помощи будет промедлено, то тысячи населения обречены на голодную смерть. Сто процентов населения голодают в деревнях — Ключевское, Лебяжье, Песьяное, Камышевское, Толстовертенское, Орловка, Шмаково, Б-Раково, М-Раково, Клепиково — Михайло-Архангельской волости. В пищу употребляют всякую падаль. Быстро развиваются болезни, опасность эпидемии растет с каждым днем».

В Кривинской волости уничтожено 180 лошадей, в Макушинской волости на почве голода происходят убийства целых семейств.

Для посевной кампании 15 апреля из Новороссийска в Курган отправлено 15 вагонов американской пшеницы. На 22 апреля в уезд завезены семена для раздачи крестьянам голодающих волостей пшеницы — 45 735 пудов, овса — 13 212, ячменя — 392, просо — 9 020, льна — 2 019, конопли — 2 495, подсолнуха — 1 475, гречихи — 100 пудов. Земельным отделом получено для посева американской пшеницы — 800 пудов, бобов — 150 пудов.

Заведующий похоронным бюро сообщил в июне 1922 г.: «Сейчас ежедневно хороним в городе от 100 до 150 человек в сутки, большинство дети 5–7 лет. По всему городу у нас развозится один ящик на пару лошадей и одна лошадь стоит дежурная. Ездим за трупами по требованию учреждений, квартальных комитетов и т. д. Возчик получает сведения непосредственно от населения, подбирая уже проходящих без всякого учета от 10 до 15 трупов ежедневно. За май смертность была ужасающая, цифра за сутки превышала 100, а иногда доходила до 200. Ежедневно снимаем мертвых с поездов от 20 до 30, собираем также по линии выброшенных из проходящих поездов, большинство трупов разложившихся. Находим мертвых на чердаках пустующих домов, в подвалах, где они лежат подолгу. Но с 8 июня количество смертей резко идет на убыль. Холерные трупы хороним в Карчевской роще в трехаршинные могилы. Обеззараживать могилы не приходится,

Голодная девочка-сирота

т. к. нет извести. Зимой всех хоронили в Карчевской роще, но весной невозможно стало пробираться туда и уездный исполком разрешил хоронить на кладбищах города. Крестьяне близких к роще деревень не пользовались услугами бюро и старались крадучи привезти трупы к роще и свалить их. А т. к. весной мы туда уже не ездили, то брошенные трупы пролежали долго и сильно разложились».

Голодающие крестьяне целыми семьями снимались с мест и шли в город, где просили милостыню или искали какую-нибудь работу. Не имея ночлега, они ютились в пустых магазинах толкучки, некоторое время для них была открыта бесплатная ночлежка в подвале дома бывшего городского головы Шветова, на верхних этажах которого располагался Чаусовский волисполком. Волисполком добился закрытия этой ночлежки, и ее перевели в дом около Троицкого кладбища. Там был сторож, умер, дом остался без присмотра и лишь какой-то санитар иногда приходил и обливал полы карболкой. Только похоронная повозка часто приезжала в этот дом, увозила умерших, а их родственники оставались ждать своей смерти. Этот дом так и называли — «дом смерти».

В связи с тем, что летом поступления продуктов от иностранных благотворительных фондов и от закупок на церковные ценности несколько увеличились, уездный Помгол выделил 500 пудов муки для тех безработных и трудоспособных голодающих, которые будут работать на заготовке сена в Лопатинской и Салтосарайской волостях.

В городе предоставлялась работа по укреплению берега Тобола, по ремонту электростанции и сельскохозяйственных орудий. На этих работах отпускалось добавочное продовольствие (двойной детский паек), либо прикрепляли к столовой Бюро профсоюзов, предоставив возможность получать пищу вне очереди.

В конце июля на базаре появилась ржаная мука нового урожая по 14–15 млн. руб. за пуд.

В августе 1922 г. президиум Челябинкомгола принял решение: ввиду начавшейся реализации урожая сократить отпуск продуктов для голодающих, закрыть общественные столовые, а весь контингент питавшихся в них перевести в столовые АРА.

Курганский комсомол в честь ликвидации Курганского уездного отделения Межрабпома и отъезда его уполномоченного Зельмана 28 сентября устроил спектакль, сбор от которого поступил

Голодные дети и взрослые

на укрепление боевого фронта Коминтерна. Была отправлена телеграмма от имени уездного съезда комсомола в Москву Межрабпомголоду с выражением благодарности за оказанную помощь т. Зельману.

В Кургане в распоряжении Межрабптома было 5 столовых. Через них пропущено 240 000 детей и взрослых. Кроме того, Межрабпом кормил 12 195 детей рабочих и служащих и 1 433 сотрудников детских домов. Отпускались пайки для больниц, фельдшерских пунктов и медперсонала.

С 1 августа были закрыты все столовые Межрабптома и оставлена одна, с пропускной способностью в 1 000 человек. В этой столовой питались рабочие заводов механического (бывш. Балакшина), жестянолудильного, кожевенного, консервного, лесопильного, рабочие станции Курган, Дом рабочей молодежи и Дом инвалидов им. Троцкого.

В первых числах сентября были получены два вагона с одеждой, которая в первую очередь была распределена среди рабочей молодежи.

Миссия Нансена прекратила свою деятельность в ноябре. Через столовые миссии Нансена в городе и уезде прошло с мая по 20 ноября 1922 г. детей — 155 322, взрослых — 201 522 человек.

В сентябре уже было видно, что в некоторых волостях расчета на удовлетворительный урожай нет, что голод и в 1923 г. неминуем. Скот погиб от бескормицы и съеден, сенокос провален, во многих деревнях люди ходить не могли, не то что косить. В лесничествах осталось более 1 000 десятин некошеной травы. Посев озимой ржи не производился большинством крестьян за неимением семян и рабочего инвентаря.

15 октября 1922 г. вместо ЦК Помгол начала работу Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода, такая же комиссия — Последголод — была образована в Курганском уезде. Главной задачей комиссии была помощь инвалидам, беспризорным детям, безработным.

В декабре 1922 г. в уезде было зарегистрировано голодающих взрослых — 15 465, детей — 14 000. В марте 1923 г. по 19 волостям числилось 55 335 голодающих, по городу — более 3 000 человек. В городе работала одна столовая с пропускной способностью на 800 человек, в уезде — 8 столовых на 1600 человек, в марте в уезде открылись еще 11 столовых.

Последголод раздал 450 пудов муки на 1800 голодающих Введенской волости, пришлось по 10 фунтов на едока на месяц. Из центра ждать помощи не приходилось.

Из международных благотворительных организаций в уезде осталась АРА, которая и выдавала продукты для всех столовых. Особое внимание АРА уделяла детским домам. В апреле 1923 г. организация выдавала в Курганском уезде ежедневно 12 787 детских пайков.

В июле 1923 г. АРА прекратила работу и выехала из страны.

Хороший урожай уже осенью снял проблему голода в Курганском уезде.

МУНИЦИПАЛИЗАЦИЯ

Летом 1919 г. город Курган находился под властью колчаковских войск. В конце июля стало ясно, что фронт стремительно приближается, и Кургану не устоять перед Красной Армией. Комендант города генерал-майор Лазарев Омским правительством был назначен начальником эвакуации.

3 августа 1919 г. Лазарев издает приказ о начале эвакуации. Вывозить стали все: обмундирование, снаряжение, продовольствие войск, запасы продовольствия для населения, оборудование заводов, типографий, все медицинские и ветеринарные работники были мобилизованы, медикаменты из аптек и больниц конфискованы, уходила милиция, принудительно забирались железнодорожные рабочие. Купечество, предприниматели, зажиточные горожане начали исход из города уже весной.

К середине августа от мирного населения осталась только часть. Кавалерийский отряд Николая Томина 13 августа выбил колчаковцев из Кургана, 15 августа в город вступила 5-я стрелковая дивизия 5-й армии. В походной типографии армии был отпечатан Приказ №1 по городу Кургану: «Объявляется для всеобщего сведения граждан г. Кургана и уезда, что с 24 августа 1919 г. власть в г. Кургане перешла Революционному комитету, состоящему из пяти товарищей, назначенных Революционным Советом 5-й армии: председателя Н. Воронцова, товарища председателя А. Дмитриева и члены — Денисов, Лисин и Шалавко...».

Установившаяся Советская власть начала исполнять в Кургане декреты, которые невозможно было исполнить ранее. Одним из таких декретов был декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г., который отменял право собственности на недвижимость в городах. Промышленные предприятия перешли в ведение государства — национализация, жилой фонд перешел в ведение местных властей — муниципализация.

В 1919-1920 гг. в Кургане было муниципализировано 434 домовладений и 20 торговых и складских помещений. Декрет не давал

права местным органам власти выселять бывших собственников из их домов, он требовал оставлять им часть жилой площади, остальную распределять нуждающимся. В Кургане было много пустующих домов, хозяева которых ушли с белыми, многие дома были разрушены во время артиллерийских обстрелов или бомбежек. В них селились беженцы, бездомные.

Жилищным фондом распорядился жилищный подотдел городского хозяйства. Уже в январе 1920 г. подотдел столкнулся с тем, что бежавшие от Советской власти жители возвращаются в Курган, занимают свои дома, а новых жильцов выселяют.

В апреле 1920 г. началась организация коммунальных отделов при исполкомах. Для рассмотрения дел о возврате жилья были созданы Межведомственные комиссии, возглавляемые заведующим коммунальным отделом. Комиссия внимательно знакомилась с заявлением и выносила решение. Заявлений было много, отказов тоже было много. Мотивировки отказов были самые разные.

В мае 1920 г. отказали мещанину Виноградову Якову ввиду того, что акт насильственной эвакуации не установлен, и он не принадлежит к рабочему классу, эвакуировался, не желая оставаться в советской республике.

Отказали Пшеничникову Дмитрию, принимая во внимание его контрреволюционное прошлое, а также его жены, которая предавала рабочих белым бандам.

Отказали Деминой Параскеве, как жене белого офицера, который находился у Колчака, и все их семейство контрреволюционное.

Было много и возвратов. Вернули дом Будриной Дарье, вдове при семи малолетних детях. Юдникову Егору дом вернули, потому что контрреволюционной деятельности за ним не обнаружили, дом его «кроме дефицита ничего не дает, что городскому хозяйству приносит одни убытки».

Заявления бывших домовладельцев часто дают возможность проследить их жизнь после эвакуации. В январе 1920 г. муниципализовали дом Сажина Михаила Константиновича, который в 1917 входил в Комитет общественной безопасности, был городским головой, потом юристом, в 1919 г. баллотировался в городскую Думу. В своем заявлении он писал: «Добровольно с Колчаком я не уходил, а был взят как военнообязанный, и при отступлении Колчака был назначен

в г. Красноярске юрисконсультком продовольственных организаций. При вступлении Красных войск в г. Красноярск я немедленно принял самое активное участие в организации Губпродкома: почти все инструкции, циркуляры и т.п. составлялись мною, читались лекции агентам Губпродкома и т.д. С большим трудом мне, как незаменимому работнику, удалось получить разрешение вернуться к постоянно-му месту жительства в г. Курган, куда я обратно прибыл в мае 1920 г. В моем доме все время спокойно жили моя теща и тесть — Соколов Елпидифор Федорович, ныне учитель профтехшколы... С тестем мы живем одним общим хозяйством уже около 20 лет...». 25 января 1921 г. дом Сажину вернули, принимая во внимание, что в прошлом за ним ничего контрреволюционного не имеется и представлены одобрительные материалы от партийных работников. Но в 1930 г. горкомхоз дом все-таки забрал в свой фонд, и Сажин стал не владельцем, а арендатором.

На углу улиц Советской и Кирова (ранее Казарменный переулок) располагалась усадьба специалиста по молочному хозяйству Александра Петровича Шатаева, на которой стояли три одноэтажных деревянных дома. Осенью 1920 г. усадьбу муниципализовали. Мария Федоровна Шатаева 17 октября пишет заявление в Жилищный отдел горхоза, в котором излагает свое несогласие: «14 октября сего года пришли ко мне три агента из Горхоза и заявили мне, что мои два дома и флигель отходят в городское хозяйство, т.к. стоимость их превышает десять тысяч. Это известие как гром поразило меня, ведь до сих пор я от Советской власти никакой обиды не видела. Я решила, что меня, как вдову советского работника, который заразился тифом в дороге из Петрограда в Курган, куда он был командирован Комиссариатом Народного Просвещения, не обездолят, тем более, что я живу почти исключительно на доходы с квартирантов, работая по хозяйству с утра до вечера. Покойный муж мой с 1905 г. служил в Министерстве земледелия: сначала здесь заведующим лабораторией по молочному хозяйству, а потом лет десять служил в Петрограде специалистом по молочному делу; а т.к. жалованья для проживания в Петрограде не хватало, то он по вечерам читал лекции в Народном университете во время германской войны раненым солдатам. В начале Советской власти он не саботажничал, работал все время для просвещения народа, в последнее время состоял профессором Агрономического

института в Петрограде. Командирован в Курган он был в ноябре 1919 г., приехал сюда 15 декабря, а 30-го декабря он уже скончался от сыпного тифа. Я в то время служила помощницей заведующей в 1-й Советской больнице, где прослужила с августа 1919 г. по 1-е марта 1920 г. Оставила службу по расстроенному здоровью. Заболела острым малокровием, которое сопровождалось сильным головокружением, и я не в состоянии была вести хозяйство и ходить на службу. К тому времени сын окончил бухгалтерские курсы, поступил на службу, а я осталась дома. Жалованье его, при теперешней дороговизне, капля воды в море, и если бы у меня не квартиранты и свое хозяйство, мне пришлось бы голодать, т. к. заниматься спекуляцией я принципиально не могу. Ввиду того, что я владела недвижимым имуществом, я не считала себя вправе обращаться за пособием, хотя иногда и приходилось туго, но квартиранты мне во всем помогали, и я нужды не видела. Теперь, если у меня отберут недвижимое имущество, я с семьей должна жить исключительно на жалованье сына. Семья моя состоит из сына 17 лет и дочери 13 лет. Обращаюсь с просьбой в Жилищный отдел обратить должное внимание на мое заявление и дома у меня не отбирать...» (ГАКО, ф.р-635, оп.1, д.9, л.320).

Усадьбу временно оставили Марии Федоровне.

Но в феврале 1921 г. ее дом попадает в список домов торговцев, подлежащих национализации. Шатаев, будучи специалистом по молоку, занимался в Кургане торговлей принадлежностями молочного хозяйства. Торговля велась в одном из флигелей на его усадьбе. Усадьбу забрали, один флигель отдали под конвойную команду, другой флигель и дом — под квартиры. В 1923 г. Мария Федоровна с детьми занимала 4 комнаты в основном доме, две комнаты были отданы служащим, в одном флигеле 3 комнаты были заняты учительницей музыки и две комнаты — служащими отдела народного образования, второй флигель так и оставался под конвойной командой гарнизона.

В этот же список попал дом Серовых на углу улиц Куйбышева и 1-й Заводской, который сохранился до настоящего времени и неоднократно ремонтировался. 15 февраля 1922 г. дом вернули Василию Михайловичу Серову. Его отец в 1895–1895 гг. был городским головой, Василий был его старшим сыном. Он после смерти отца на собственные деньги создал пожарный обоз, принимавший участие в тушении пожаров, как в городе, так и в его окрестностях. Был председателем

Дом Серовых

Вольно-пожарного общества, состоял гласным городской думы и членом управы. Когда его дом муниципализировали, сыновья представили удостоверения о службе в рядах Красной армии: Иван — от командира 243-го полка от 23 октября 1920 г., Сергей — от командира стрелкового полка 51-й Московской дивизии от 23 января 1921 г.

В своем постановлении Междуведомственная комиссия записала: «Принимая во внимание, что дом по своему состоянию и разрушенности не может приносить дохода, и в то же время, учитывая заслуги Серова, как выдающегося городского пожарного деятеля, оберегающего ценности республики, дом передать в собственность Серова» (ГАКО, ф.р-158, оп.1, д.71, л.25).

Еще в одном случае были учтены домовладельцу заслуги перед городом. Одной из первых была муниципализирована усадьба подрядчика Романа Поликарповича Кошкина по Богородскому переулку (ул. Томина), на которой стоял каменный двухэтажный дом с парадным входом и каменный одноэтажный флигель. После августа 1921 г. усадьбу вернули при условии ремонта всех построек, который был сделан быстро и качественно. Кошкиным были затрачены значительные средства, не считая собственного труда. За досрочное

выполнение ремонта ему отдали половину усадьбы и половину двухэтажного дома и отделили эту часть в отдельный двор.

Главное управление коммунального хозяйства возврат не утвердило. Коммунальная секция горсовета 3 сентября 1923 г. решила: «Ввиду проявленной хозяйственной инициативы и проведения Кошкиным досрочно возложенного на него капитального ремонта по всему имуществу полностью, и признавая его полезную работу за все время Советской власти, большой двухэтажный дом оставить на учете УКО (Уездный коммунальный отдел), а за Кошкиным закрепить каменный флигель со всеми прилегающими к нему надворными постройками и частью усадебного места» (ГАКО, ф.р-712, оп.1, д.423, л.10об.).

Кошкин такое решение посчитал несправедливым. В заявлении в Междуведомственную комиссию 14 февраля 1924 г. он пишет: «Считая такое постановление комиссии неосновательным, я прошу комиссию снова о возвращении моего дома, принимая во внимание мое социальное положение, службу моего старшего сына в Красной Армии и другого сына-добровольца в той же армии, а также и мой шестилетний труд по строительству в городе Кургане. Если комиссия не найдет почему-либо возможности вернуть мне полностью мое имущество, то прошу вернуть половину его, принимая во внимание мои преклонные лета (65 лет) и потерю трудоспособности» (ГАКО, ф-712, оп.1, д.419, л.210). Кошкину оставили половину имущества. Следует заметить, что многие дома на улицах Береговой, Троицкой, Дворянской были разрушены или повреждены в 1919 г. при обстреле города с Увала. Такие дома возвращались хозяевам. Так было с домом по улице Свободы, 5, против ремесленного училища. Он принадлежал фельдшеру Ипполиту Ивановичу Манушевичу, который в 1912 г. сдал дом в аренду и уехал в Омск. Там десять лет служил провизором в аптеке, в 1922 г. решил вернуться в Курган. Его дом из пяти комнат, как бесхозный, в 1920 г. был взят на учет и заселен беженцами. После заявления Манушевича дом ему вернули в совершенно разрушенном виде. Беженцы изрубили на топливо оконные рамы, двери, ставни, подполье служило помойной ямой. Манушевич через год дом продал и вернулся в Омск. В 1920-1921 гг. дома возвращались прежним владельцам без всяких обязательств в отношении ремонта, и таких домов возвратили более 100. Дома перепродавались по несколько раз из-за начавшегося голода.

В 1922 г. в Курганский горисполком поступило письмо от врача Сергея Ивановича Дьяконова: «Будучи эвакуирован в августе 1919 г. со всеми другими учреждениями из г. Кургана я остановился с семьей (брат и сестра) в г. Боготол, Мариинского уезда, Томской губернии, где и проживал до сего времени, состоя на службе при больнице и врачом-экспертом. В настоящее время я освобожден от службы, должен и намерен возвратиться в Курган или уезд. Я получал дважды, в 1920 и 1921 гг., сообщения из Курганского уезда с предложением получить должность врача, но не мог выехать, то оставался один, то в Боготоле учреждался здравотдел. В настоящее время перед выездом в Курган, обращаюсь в Курганский горисполком с ходатайством о возвращении мне оставленного мною небольшого деревянного одноэтажного дома по Советской улице, №17 с землей. В Кургане и уезде я провел на службе более 30 лет, работая сельским, окружным, городским, уездным, земским и больничным врачом, на что употребил лучшие годы жизни. Теперь я остался без средств, т. к. при спешной эвакуации из Кургана не пришлось ничего взять, а всего оставленного, кроме возвращенного мне и присужденного народным судом в 1920 г., я лишился. Поэтому дом мой с землей является в настоящее время единственным моим достоянием. Он никогда не занимался ни под какие учреждения. В настоящее время, по слухам, разорен и опустошен, требует большого ремонта, но все-таки я покорнейше прошу его мне возвратить, т. к. после возможного исправления он останется единственным убежищем для меня и семьи...» (ГАКО, ф.р-712, оп.1, д.420, л.15).

К ходатайству было приложено удостоверение: «Предъявитель сего курганский уездный врач Сергей Иванович Дьяконов распоряжением начальника эвакуации г. Кургана генерал-майора Лазарева эвакуируется из Кургана в Томскую губернию... Жалованьем удовлетворен по 1 августа с.г. Эвакуационным пособием и суточными деньгами не удовлетворен. Семейное положение: брат Владимир Иванович и сестра Александра Ивановна, кои следуют с ним». Удостоверение было выдано 18 июля 1919 г. Дьяконов вернулся, дом получил только в аренду на 5 лет с обязательством всего ремонта. В 1925 г. он повторно ходатайствовал о получении дома в собственность, но снова получил отказ.

Громадное количество муниципализированных домов по всей стране требовало больших расходов на ремонт и содержание.

В связи с этим Совнарком 8 августа 1921 г. принимает декрет «О пересмотре коммунальными отделами списков муниципализированных домов».

Второй пункт декрета гласил: «Обязать коммунальные отделы в двухмесячный срок пересмотреть списки муниципализированных домов и представить в Народный комитет Внутренних Дел (НКВД) на утверждение списки тех домов, которые в виду незначительных размеров или по непригодности их для коммунальных и общегосударственных нужд могут быть переданы коллективам и отдельным лицам... Исполнительным комитетам предоставляется право сдавать в долгосрочное пользование коллективам жильцов те муниципализированные дома, которые непосредственно не используются местными коммунальными отделами» (Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 60. 21.10.1921. М.).

Давалось разъяснение, что в домах, отданных в аренду коллективу жильцов, общим собранием должен быть избран заведующий домом. Он должен принимать меры к сохранности здания, следить за его санитарным состоянием, проводить ремонт хозяйственным способом и вовремя уведомлять жилищный отдел о необходимости капитального ремонта. За явное пренебрежение своими обязанностями, приведшее к порче или разрушению дома, заведующий не просто увольняется, но дело передается в суд по обвинению в порче народного достояния. Часто дома сдавались в аренду не коллективу жильцов, а отдельному лицу. В этом случае между УКО (уездным коммунальным отделом) и арендатором составлялся договор, по которому имущество переходило в непосредственное ведение арендатора. Он брал себе квартиру, остальную часть жилой площади сдавал в наем. Часто арендатор не жил в этом доме. Арендатор обязывался весь хозяйственный надзор за арендованным имуществом производить за свой счет: очистку улиц, тротуара, двора, дымовых труб, оплачивать караульщиков и всякие налоги и сборы. В период аренды арендатор не пользуется никакими бесплатными услугами УКО и обязуется производить страховку имущества за свой счет. Выгода состояла в том, что арендатор назначал произвольную цену с квартиросъемщиков, и эти деньги покрывали все его расходы с прибылью.

В ноябре-декабре 1921 г. коммунальный отдел отдал в аренду сроком на три года 68 зданий различным учреждениям, в том числе

народному образованию под школы, детские сады, детские дома отдали 27 домов, городской милиции — 7 домов, здравотделу — 5 домов под аптеки.

На 1 апреля 1922 г. в Кургане было 375 муниципализированных домов, 2 заимки, торговые корпуса на Базарной площади, 4 колодца, 24 дачи на Увале и там же телефонная будка.

4 апреля 1922 г. на заседании Курганского исполкома была организована комиссия по демунципализации домов горхоза. К 20 апреля уже вернули 85 домов. Бывший владелец обязан был в течении года провести ремонт и передать 10 % полезной площади в распоряжение жилищного отдела. В противном случае дом отбирался обратно.

В сентябре 1920 г. в жилищную комиссию обратился железнодорожный служащий Апполинарий Онуфриевич Косско с просьбой вернуть ему дом. Ему отказали, как бежавшему с белыми и как ответственному лицу при Колчаке. В комиссии вспомнили, что в 1918 г. младший брат Апполинария вступил в белый Добровольческий отряд, сражался против красных и погиб. Тело его было привезено в Курган, в костеле прошла панихида и в газете «Курганская свободная мысль» (5 (19).11.1918) появилось сообщение: «Брат и родственники павшего в бою на Верхотурском фронте подпоручика Чеслава Онуфриевича Косско приносят сердечную благодарность участвующим в организации похорон начальнику гарнизона, коменданту города, городскому голове, товарищам офицерам покойного, солдатам и музыкантам, а также знакомым, участвующих в похоронах». Этот факт сыграл решающую роль в отказе. 5 мая 1922 г. Косско снова обратился в Междуведомственную комиссию по демунципализации с заявлением: «Городским хозяйством был муниципализирован мой бывший дом по улице Свободы, 21, как убежавшего... Я не бежал, а был эвакуирован, как железнодорожный служащий. Дом несколько разрушен и требует капитального ремонта и, кроме того, все надворные постройки сломаны и вывезены. Прошу комиссию возвратить мне мой дом» (ГАКО, ф.р-712, оп.1, д.127, л.47).

29 мая дом вернули Косско, и он сразу был продан. Дом Косско исторический. Он в 1845 г. принадлежал поэту-декабристу Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру. Сейчас там музей, посвященный поэту.

Через дорогу от дома Косско стоял дом (Свободы, 20), в котором с 1880 по 1909 гг. жила Мария Александровна Крукович, дочь

декабриста Александра Федоровича Бриггена. После ее кончины дом был куплен лесничим Введенского лесничества Николаем Николаевичем Костомаровым. Получив перевод по службе, Костомаров в 1916 г. продает дом Евгении Войцеховне Земянской. Ее муж, Каликст Сигизмундович, был владельцем двухэтажного дома по Троицкой (Свободы), 40. На усадьбе стоял каменный магазин фруктов вод, в Гостинодворском переулке была аптека, во втором корпусе Гостиного двора — аптекарский магазин. Жена работала помощником провизора в аптеке. В 1917 г. дом был реквизирован под городские нужды, там разместили запасную воинскую часть. В 1921 г. Земянский был арестован и на основании Постановления уисполкома 3 марта был расстрелян в числе 23-х представителей местной буржуазии.

Для проживания семьи у Евгении Войцеховны остался дом, купленный у Костомарова. Первый каменный полуподвальный этаж этого дома выходил окнами во двор. Второй этаж, деревянный, был обшит тесом, окрашен, с улицы парадное крыльцо, окна со ставнями. Перед домом был палисадник. Дом был муниципализирован в 1919 г.

Дом Косско, бывший дом Вильгельма Кюхельбекера

Евгения Войцеховна, узнав о декрете по пересмотру списков муниципализированных домов, в ноябре 1921 г. стала ходатайствовать о возврате ей дома, но получила отказ, т. к. ее муж «был капиталистом и крупным торговцем» (ГАКО, ф.р-158, оп.1, д. 71, л.17).

В 1922 г. дом все-таки вернули, за что Земянская заплатила 975 рублей. Возврат вступал в силу после утверждения Главным управлением коммунального хозяйства (ГУКХ). В августе 1923 г. Евгения Войцеховна пишет заявление: «...Прошу возврат дома утвердить, т. к. я вдова 60 лет, имею на обоих глазах катаракт, почему к труду совсем неспособна. Имущество мое после смерти мужа все конфисковано. Других источников к существованию за исключением дома не имею...» (ГАКО, ф р-712, оп.1, д.417, л.17).

Ответ на это заявление был следующий: «Дом не может быть возвращен ввиду не произведенной никакой хозяйственной инициативы, возложенной на Земянскую при первом возвращении дома, также ее безнадежность за старостью поддерживать таковой» (там же, л.20 об).

22 октября 1923 г. племянники Земянской пишут заявление в коммунальный отдел городского хозяйства: «Ввиду перехода в Укоммунотдел дома № 20 по улице Свободы, (бывш. Земянской), мы, нижеподписавшиеся: служащий (контролер) электростанции госкома Горбачевский Станислав Антонович и сотрудник госкома Горбачевский Юлиан Антонович, желаем коллективно взять в аренду дом, т. к. живя в этом доме с 1921 г. и до сего времени, мы за это время следили за домом и постройками и делали ремонт за свой счет».

К слову сказать, семья Антона Петровича Горбачевского жила у Земянских и в доме по Троицкой, 40. Аренду им разрешили. В доме было 8 комнат, 4 из которых заняли Земянская и Горбачевские. В остальные комнаты заселили рабочие семьи.

В 1928 г. Горбачевских и остальные семьи из дома все-таки выселили. Поводом послужило обращение в окружном ВКП(б) служащего райисполкома П.М. Богданова: «Я прибыл в Курган из района в октябре 1927 г. и до сентября 1928 г. и с семейством скитался по квартирам частных, менял их, как цыган лошадей и, наконец, остался под навесом РИКа. Когда уже т. Головин, бывший секретарь, поговорил на сей счет, тогда мне дали квартиру по улице Свободы, 20. Но здесь оказали сопротивление Горбачевские — три брата во главе

со своей мамашей Каролиной Цеховной. Арендаторы — сестра бывшей домовладелицы, двое из братьев козыряют профсоюзными книжками, советские работники, а старший занимается рыболовством и продает рыбу. И здесь барыню потревожили, которая одна занимала комнату. Я вошел, но здесь Вотинов (прокурор) нашел нарушение революционного закона, стали таскать по милиции...» (ГАКО, ф.р-712, оп.1, д.267, л.89).

В результате всех выселили, дом отдали арендатору О.Г.П.У.

Третий дом, связанный с именем декабриста — дом Нарышкина. С 1890 г. он принадлежал купцу Алексею Егоровичу Фоминцеву, а после его смерти — вдове Елизавете Никодимовне, скончавшейся 24 декабря 1918 г. Ее дети в 1919 г. ушли с белыми в Сибирь «по несознательности», поскитавшись по чужим углам, вернулись в Курган. Дом уже был муниципализирован, во время обстрела он был сильно поврежден и требовал ремонта. 8 марта 1922 г. дом Фоминцевым возвращают при условии капитального ремонта. Денег у Фоминцевых не было, и они продали дом Антону Прокопьевичу Беленькому, который произвел частичный ремонт.

Курганский уездный исполком 15 февраля 1921 г. утвердил список домов торговцев, которые должны были быть немедленно муниципализированы. В этот список попал каменный двухэтажный дом Алексея Петровича Калинина, который до сих пор стоит на углу улиц Куйбышева и Пролетарской. Усадьба Калининых простиралась до улицы Советской и, кроме основного дома, на ней стоял полукаменный двухэтажный флигель справа от ворот, в переулке — полукаменный двухэтажный дом с мезонином (мезонин не сохранился, дом тоже уже необитаем), а на Советской до сих пор сохранился полукаменный двухэтажный дом, который почти примыкает к соседнему дому. Угловой дом на улице Куйбышева отдали под детскую комму-ну, остальные дома — под квартиры.

Был муниципализирован и деревянный магазин Калинина на Нижне-базарной площади. Исполком 15 июня 1921 г. рассмотрел обращение горкомхоза: «Здание депо Вольно-пожарного общества пришло в ветхость и совершенную негодность, почему и требует обязательной и немедленной перестройки. Для означенной цели горкомхоз намерен использовать бывшее торговое помещение Калинина на Базарной площади» (ГАКО, ф.р-635, оп.1, д.88, л.29).

Дом Калинина

Магазин разобрали. Калининым выделили небольшую площадь на первом этаже основного здания. По ходатайству Анны Васильевны Калининой ей вернули дом на улице Советской по Постановлению Межведомственной комиссии от 20 апреля 1922 г. Очень скоро это решение было отменено.

Анна Васильевна 14 марта 1924 г. обращается в комиссию с заявлением: «...В настоящее время узнав, что Межведомственная комиссия пересматривает прежние решения и в некоторых случаях укрепляет дома за бывшими владельцами, я обращаюсь с просьбой об укреплении за мной из четырех домов одного только флигеля... который раньше был уже мне возвращен. Просьба моя вызвана тем, что мы, оставшись совершенно без средств, живем на иждивении дочери, ведущей домашнее хозяйство и с трудом добывающей средства к существованию... Никакой вины перед Советской властью мы за собой не чувствуем, с Колчаком не бежали, но переживали ужасы безвластия в момент перехода города из рук в руки. Никакой политикой никогда не занимались. Советской власти нас притеснять не за что...».

Калининой в просьбе отказали. Детскую коммуну из основного дома перевели, и дом отдали под квартиры. Ответственной по дому назначили дочь Калининых Александрю Алексеевну Разаеву. Семья нищенствовала, Разаева была на иждивении дочери, служившей в окружном отделе народного образования. В 1927 г. была сделана попытка выселить их из дома. Александра Алексеевна обращается в горсовет и в горкомхоз: «Живя в доме горхоза № 71 Свободы внизу, в общей комнате, занимаю 13,1 кв. метра, а другую половину занимает инвалид труда — Тарасов А. Е., 17,4 кв. м. Ремесло мое пошивка белья, заработок не превышает 30 рублей. Имею инвалидный протокол, мне 58 лет и внуку 8 лет, ученик. Родителям по 85 лет. От дому отлучаться почти нельзя, родители требуют постоянного ухода, поступить на службу не могу. Вдовею уже 15 лет. Я и муж не имели никакой собственности. Я и родители не бегали с белыми в 19-м году. Когда пришла Красная Армия, в четырех наших домах поместили красноармейцев и беженцев. Наш дом остался цел. От дома Туника и других остались одни стены, все растаскано...» (ГАКО, ф. р-712, оп. 1, д. 146, л. 81). Выселение приостановили.

Остался целым и дом Переладовых, долгое время известный в городе как дом Державина. Дом стоит до сих пор на углу улиц Советской и 1-й Заводской. Гаврила Григорьевич Переладов купил этот дом 28 мая 1912 г. — дом полукаменный, двухэтажный, с парадным ходом. В 1918–1919 гг. дом был частично занят военными. Переладов умер в 1918 г., у вдовы дом изъяли в 1919 г., как превышающий стоимость в 10 тыс. руб. Мария Дмитриевна взяла дом в аренду с обязательством провести ремонт, в дом подселили несколько жильцов. В 1924 г. жильцов выселили, Переладовой дали квартиру в нижнем, цокольном этаже. Весь второй этаж был отдан с 22 марта 1924 г. в аренду врачу Алексею Александровичу Державину. Арендная плата врача составляла 6 руб. 20 коп в месяц. Мария Дмитриевна Переладова была учительницей в пункте ликвидации неграмотности среди делегатов окружного женского отдела и получала 13 руб. 12 коп. в месяц. Она хлопотала о возврате дома, в 1925 г. писала даже Калинин, все было напрасно.

Прежних хозяев из дома не выселяли, им оставляли небольшую жилплощадь. Это было утверждено Постановлением Совнаркома от 27 апреля 1922 г. «О невыселении граждан в административном

Дом Переладова, улица Советская

порядке из занимаемых ими жилищ». Согласно Постановлению, выселение могло производиться лишь по судебному решению в случае хищнического отношения к жилью или неплатежа квартирной платы. В случае, когда площадь дома давала возможность уплотнения согласно нормам, бывшим владельцам давался двухнедельный срок для подыскания жильцов по своему усмотрению.

Этим правом воспользовалась Зинаида Павловна Коган, для уплотнения площади она пригласила своих родственников. Сама Зинаида Павловна была дочерью купца, а потом мещанина Павла Парфентьевича Шветова и приходилась двоюродной племянницей городскому голове Федору Васильевичу Шветову, который был поручителем на ее свадьбе. В 1903 г. она вышла замуж за городского врача Николая Семеновича Когана, будучи фельдшерницей городской больницы. Дом Когана стоял на углу Троицкой улицы и Телеграфного переулка (Куйбышева — Красина), имел два парадных хода — на улице и в переулок. В ее доме на подселении всегда жили врачи. В 1928 г. их всех хотели выселить. Коган 21 августа направляет в президиум горсовета заявление: «Представителем комхоза мне заявлено, что я

не имею права на квартиру в доме горкомхоза на том основании, что до революции дом принадлежал мне... Дом действительно построен моим мужем, городским врачом, исключительно на средства, получаемым им от работы в больнице и частично от практики. Торговлей мой муж никогда не занимался, в наем квартиру не сдавал. С 1914 по 1917 гг. он был разбит параличом, что имело, безусловно, влияние на его рассудок. В начале 1917 г. муж умер, и дом перешел в наследство двух малолетних детей-сирот Елены и Валентины. С момента смерти мужа я в наем квартиры не сдавала, т. к. все комнаты были заняты военными постояями. После муниципализации в доме, который я и дети не считали своим, мы занимали одну комнату, на которую я, как трудящаяся, работающая в течение почти 30 лет, состоящая членом профсоюза с 1921 г., а также и дочь моя служащая аптеки № 1 и состоящая членом профсоюза, имеем право...и в дальнейшем проживать в этом доме» (ГАКО, ф.р-712, оп.1, д.266, л.67).

Одну комнату в доме занимала родная сестра Коган — Лидия Павловна Шветова — учительница 5-й советской школы 1-й ступени. Для уплотнения площади Зинаида Павловна в 1923 г. пригласила еще одну родственницу — Софью Ивановну Шветову.

Софья Ивановна еще до прихода красных в 1919 г. уехала в Томск. Там служила переписчицей и телефонисткой в военно-хозяйственном отделении Томского губернского военкомата, по командировке направлялась в Нарын, переписчицей в райвоенкомат. В августе 1923 г. уволена по болезни и вернулась в Курган с дочерьми: Нине — 8 лет, Кате — 4 года. Своего жилья у Софьи Ивановны в Кургане не было, и она поселилась в доме Когана. В 1928 г. ее пытались выселить, она одновременно с Коган подала заявление в горсовет 21 августа 1928 г.: «Представителем жилотдела мне заявлено, что я, вследствие своего замужества за Шветовым Федором Васильевичем, служившего

Николай Семенович
Коган

до революции в Кургане в должности городского головы и бывшего домовладельцем, права на квартиру в домах горхоза не имею, по поводу сего имею сказать следующее:

1) Муж мой действительно с 1897 по 1917 гг. служил городским головой по выборам и получаемое по этой должности жалованье служило единственным источником к существованию;

2) Дома, находящиеся на улице Свободы, в последнее время перед революцией моему мужу уже не принадлежали, а с 1917 г. были собственностью Егора Лаврентьевича Кропанина;

3) Муж не был купцом, торговлей никогда не занимался и жил исключительно на жалованье;

4) В данное время мой муж, Шветов Ф. В., почти 80-летний старик, вместе с двумя детьми живет на моем иждивении и на какую-либо особую квартирную площадь, а тем более, на комнату, не претендует и занимает лишь угол в комнате, занимаемой мною и детьми, на какую комнату я, как трудящаяся и как член профсоюза медсантруд имею право и выбросить на улицу своего мужа не могу, т.к. он является в мое отсутствие на работе нянкой для моих детей. О себе я должна сказать следующее: с первых дней революции, не боясь труда, я, дочь рабочего-столяра, привыкшая к труду с детства, сразу поступаю на работу и работаю последовательно в следующих учреждениях: первоначально я служила в Томском губвоенкомате 3,5 года, затем по приезде в Курган служу в городской больнице уже в течение почти 5 лет. Прошу права на занимаемую мною квартиру не лишать... дать возможность вместе с другими жильцами дома вступить в члены Жакта и заключить договор на дальнейшую аренду дома» (ГАКО, ф.р-712, оп.1, д.266, л.64).

Среди арендаторов дома была Антонина Алексеевна Папулова, ее мать была двоюродной сестрой Павла Шветова, сама Антонина — троюродной сестрой Зинаиды Коган. Ее тетя по отцу — Екатерина Егоровна Березина. Антонина Алексеевна была врачом 2-й Советской больницы. Не родственником был только врач Израиль Тапхилевич Певзнер. Постепенно всех этих арендаторов из дома выселили.

В ноябре 1910 г. Вера Ивановна Кочешева, жена успешного владельца лучших в городе фотографии и типографии Алексея Ивановича Кочешева, купила на свое имя усадьбу на Дворянской (Советской) улице, рядом с усадьбой мужа. В 1919 году дом Алексея Ивановича

перешел в собственность города, семья переехала в имение «Благодатное», совместное владение братьев Алексея и Александра. Дом Веры Ивановны был муниципализирован и отдан под квартиры. В 1926 г. 23 марта в горкомхоз поступило заявление Веры Ивановны: «Узнав, что бывший мой дом, находящийся по улице Советской, 72, между домами бывшими Андреева и А. Кочешева, за ветхостью предназначается в продажу на слом, я решила просить городской Совет вернуть мне означенный дом, как неправильно муниципализированный, основания к нему следующие:

- 1) Дом для городского хозяйства не представляет интереса;
- 2) Дом со всеми постройками приобретен мною лично через покупку в 1910 г. от Ивана Хлызова с рассрочкой и окончательно оплачен только в 1918 г., имущество это не было общим с имуществом моего мужа Алексея Кочешева ;
- 3) По городской оценке 1913 г. стоил менее 5000 рублей;
- 4) Жилая площадь менее 20 кв. сажень, т.е. менее нормы, какие дома также не подлежат муниципализации; 5) Дом ветхий, требует капитального ремонта и переустройства.

С 1918 г. до сего времени я проживала в поселке, бывшей Падеринской волости, занималась все время сельским хозяйством, имею

Дом Когана на углу Куйбышева и Красина

Дом Веры Ивановны Кочешевой

одну лошадь и корову, в доме не нуждалась и не возбуждала об этом ходатайства. А в данное время года мои уходят, мне 48 лет, здоровье мое совершенно расстроилось, тяжелое, не могу работать, муж находится в преклонном возрасте, 62 года, тоже не в состоянии физически работать. К тому же дочери мои кончили нынче учение — школу 2-й ступени, ищут места, будут устраиваться в городе, а я не имею совершенно средств, чтобы купить хоть мало-мальский дом. Вот все эти причины и заставляют меня обратиться в горсовет и просить возвратить этот дом» (ГАКО, ф.р-712, оп.1, д.164, л.22).

К заявлению было приложено удостоверение из Падеринского сельсовета в том, что Кочешева действительно проживает в трудовом хозяйстве Бр. Кочешевых с 1918 г., занимается сельским хозяйством и побочных заработков не имеет. Три дочери Кочешевых после революции оставались жить в городе в семье Серафимы Ивановны Ярославцевой, родной сестры Алексея Ивановича. Им нужно было окончить учебу.

Старшая, Мария, завершила учение в 1922 г., через год вышла замуж и уехала в Новосибирск.

В 1925 г. средняя и младшая дочери закончили курсы: Надежда — кооперативные, Софья — бухгалтерские. Обе девушки приехали

к родителям и работали в Падеринском сельсовете. Когда по просьбе Веры Ивановны дом ей не вернули, Алексей Иванович с дочерьми уехал к старшей дочери в Новосибирск. По словам Софьи Алексеевны Кочешевой, в замужестве Баленко, Вера Ивановна еще оставалась в Падеринке, но в 1927 или 1928 году за не сдачу продналога из-за засухи она вместе с раскулаченными была выслана на север. По ходатайству семьи ее вернули, и Вера Ивановна приехала в Новосибирск. В мае 1932 г. она скончалась от крупозного воспаления легких. В марте 1933 г. от той же болезни умер Алексей Иванович.

Никогда не пытался вернуть свой дом Петр Дмитриевич Смолин. Усадьба Смолина располагалась на углу Троицкой улицы и Фроловского переулка (Куйбышева-Савельева). Кроме двухэтажного полукаменного дома в момент муниципализации в 1919 г. на усадьбе была конюшня, кладовая, амбар, стайка, три навеса. В верхнем этаже дома было 11 жилых комнат, внизу — две комнаты. С улицы — парадный ход и со двора — два хода. В январе 1919 г. дом был занят 12-й ротой 3-го стрелкового кадрового полка. Позже в дом заселили восемь семей, Смолину оставили в верхнем этаже две комнаты, кухню и ванную,

Вера Ивановна Кочешева с детьми

Петр Дмитриевич Смолин с семьей

но ордер ему не выдали. Раз ордера не было, за квартиру он не платил и ремонтом не занимался. Ему пригрозили выселением. В марте 1925 г. он пишет расписку, в которой обязуется в летний сезон привести квартиру в порядок и подписывается — гражданин СССР П. Смолин. Через год, 19 марта 1926 г., Петр Дмитриевич пишет заявление в жилищный отдел: «Живу в доме горхоза по улице Свободы, 52 (бывший мой). Сейчас дом занят частными жильцами. Мне стало известно, что дома горхоза предполагается сдавать в аренду. С согласия надлежащей Высшей Советской власти предполагается в этом доме устроить школу нового Советского типа, причем в ней примут участие моя жена и сыновья с высоким образованием, каждый может принести большую пользу Кургану и уезду. Покорнейше прошу дом № 52 в аренду не сдавать» (ГАКО, ф. р-712, оп.1, д.273, л.56).

Дом ставили на ремонт, и Смолина выселяли. Возможно, он придумал про школу, жену и сыновей, пытаясь задержать свое выселение. На него подали в суд, который 27 августа 1926 г. вынес решение: «Гражданина Смолина П. Д. на время ремонта из занимаемой квартиры

выселить, предоставив ему право после ремонта занять квартиру. Судебные издержки отнести за счет ответчика в сумме 2р. 20к.».

9 сентября Смолин квартиру освободил, но 2 рубля платить отказался, потому что нечем. При осмотре его квартиры оказалось, что имущества, которым можно было бы пополнить иск, у Смолина не оказалось. После ремонта он вернулся в свою квартиру, которую по-прежнему не оплачивал.

Снова состоялся суд 22 декабря 1928 г., который постановил Смолина из занимаемой квартиры выселить. Он выселился неизвестно куда. 29 декабря специальная комиссия осмотрела квартиру и составила акт: «Я, агент горкомхоза Борисов, в присутствии понятых — милиционера Афанасия Киселева, фотографа Крутова и домкома Бывальцева Степана произвели осмотр имущества бывшего домовладельца П. Смолина, который занимал квартиру, а сам не находился, также не отапливал. При вскрытии маленького замка, который открывался без ключа, оказалось: несколько икон и одна куча бумаги с фотографическими карточками, три ящика, из которых был сделан стол. Все выше упомянутое вынесли в свободный амбар, ключ находится у гражданина Светлышева, о чем и составлен настоящий акт» (ГАКО, ф.р-712, оп.1, д.273, л.164).

Дом Петра Дмитриевича Смолина

Адрес улицы	Курган	№ 11
Слово квартиры	Свобода	№ 60
Фамилия, имя и адрес докладчика	Малькова Евгений Павлович	
Полный адрес	Курган, Вокзальная 7-14А/14Б/14	
Должность	Редактор	
Время смерти	28/12/30 ст. ст.	
Имя и адрес лица, к которому направлено	1980000000	75 92 62

О СМЕРТИ (первый экземпляр)		Фамилия Умершего	Смолин	№ 1229
1	Имя	Петр	№ 24	№ 24
2	Отечество	Васильевич	№ 566	
28 декабря 1930 г.		Пол	1) Мужской 2) Женский	
3	Возраст	Неизвестно	22 лет	
4	Время смерти	27	Месяц	Декабрь
5	Причина смерти	от гриппа и воспаления легких		
6	Сведения о состоянии умирающего	1) Ни одежды в доме, 2) спит в доме, 3) жена, 4) родственники		
7	Религиоз- ность	русский		
8	Сведения о месте погребения			
9	Сведения о месте погребения	1) Рабочий класс, 2) рабочий, 3) военный, 4) интеллигент или иной, 5) рабочий (руководитель или др.)		

Копия свидетельства о смерти Смолина

Вероятно, после ремонта мебель Смолина исчезла. Через какое-то время Петра Дмитриевича поселили в цокольном этаже бывшего его дома, где он и скончался 27 декабря 1930 г. от гриппа и воспаления легких. О его смерти сообщила Евгения Малькова.

К 1925 г. муниципализация в Кургане была завершена, возврат домов тоже происходил в исключительных случаях. Был урегулирован вопрос с квартирной платой, которую стали брать с квартиросъемщиков в зависимости от получаемого жалованья. Получающие 15 руб. платили 1,4–3,5 коп. за квадратный метр, до 50 руб. — платили 13,7–35 коп. за кв. м., свыше 150 руб. — доплачивали 10% к установленной ставке на каждые 10 руб. Кухни, коридоры, ванные комнаты, комнаты без окон в расчет не принимались.

Недостаток квартир в Кургане выдвинул необходимость организации жилищно-кооперативных товариществ.

ВЦИК и СНК СССР 19 августа 1924 г. приняли Постановление «О жилищных кооперативах», которое устанавливало три вида жилищных кооперативных товариществ: жилищно-арендное кооперативное товарищество (жакт), рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества (ржск) и общегражданские жилищно-строительные товарищества (ожст).

В Кургане 1 июля 1925 г. окружным профсоюзным бюро была создана комиссия для изучения вопроса жилищной кооперации в рабочих районах города. Вначале жакты имели номера, потом стали брать себе названия: «Светоч», «Труженик», «Единство», «Работник», «Пролетарий», «Металлист» и т. д. Жакты просуществовали до войны.

Петр Дмитриевич Смолин в конце жизни

МАЛЯРЕВСКИЕ. ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Когда я училась в младших классах, нам рассказывали про толстопузых попов, которые жили припеваючи, как сыр в масле катались и все искали какого-нибудь балду, который бы на них работал день и ночь. Окончив университет, я пришла работать в краеведческий музей, который дал мне возможность заниматься историей города Кургана и его округа, изучать подлинные документы в архивах, которые убедили меня, что не всегда и не все священники были богаты и благополучны. Особенно сельские священники часто еле-еле сводили концы с концами, ведь до середины 19-го века на их содержание жалованья не полагалось, а содержались они добровольным сбором разного рода хлеба с прихожан и называлось это — «руга».

Только с середины 1850-х гг. к руге добавилось скромное жалованье, и не всем причтам. Даже в отчете обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева за 1896–1897 гг. указывалось на недостаточное количество причтов, обеспеченных жалованьем и земельными наделами: «Вообще духовенство наше находится в зависимости от прихожан, что препятствует установлению правильных отношений пастырей к пасомым и подает повод сектантам чернить духовенство в глазах православных, обвиняя его в вымогательстве. Положение заштатного духовенства и сиротствующих семейств духовных лиц является в высшей степени тяжелым. По смерти или выходе за штат священнослужителя, семейство его остается без всяких средств и влачит почти нищенскую жизнь. Редко кто из духовенства при службе может отложить себе про черный день, чтобы кое-как под старость прожить самому с семьей» (Победоносцев К.П. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896–1897 гг. Санкт-Петербург. 1899.).

Несмотря на скудное существование, русское духовенство обязано было детей своих учить в духовных училищах, семинариях, академиях. В духовные академии поступали лучшие ученики семинарий. Из этих детей составилась слой русской нравственной интеллигенции.

Священнический род обычно не прерывался, сын наследовал отцу, часто начиная свое служение дьячком или пономарем. Если в семье рождались только девочки, то замуж они выходили обычно за тех же дьячков или пономарей. В священники мог быть рукоположен только женатый мужчина, и если супруга умирала раньше, то повторно жениться ему запрещалось. Семейная жизнь священника никогда не выставлялась напоказ, и редко можно найти сведения о жизни его потомков.

Но вот в 2008 году тобольская писательница Татьяна Ильинична Солодова публикует документально-художественное повествование «Сплетение судеб и времен» — учительской династии Маляревых. В 2012 г. в серии «Жизнь замечательных людей Тобольска», зачинателем которой является Татьяна Ильинична, вышла ее книга «Человек долга и чести» о ее родном деде Григории Яковлевиче Маляревском, педагоге, руководителе народного образования Тобольской губернии конца 19-го — начала 20-го века, публицисте и общественном деятеле.

Петропавловская церковь в селе Черемухово

В Кургане жил старший брат Григория Яковлевича, скромный священник Константин Яковлевич, жизнь которого мне захотелось проследить.

Маляревские происходили из Курской губернии, вероятно, из села Покровского. В их роду все были священниками и иконописцами. В Сибири первым Маляревским стал Григорий Васильевич, сын диакона, выпускник Белогородского духовного училища Курской губернии, 14 сентября 1835 г. Преосвященным Илиодором, епископом Курским и Белогородским, посвященный в стихарь и определенный дьячком к Космо-Демьянской церкви села Хохлова Белогородского уезда.

В 1839 г. Григорий Васильевич пожелал продолжить служение в Тобольской епархии, где в том же году по указу Тобольской духовной консистории определен дьячком к Вознесенской церкви в Тюмени. Но уже в декабре того же года Преосвященным Афанасием рукоположен в диаконы к Троицкой церкви села Караульского Ишимского уезда. 17 марта 1843 г.

Григорий Васильевич перемещается диаконом же к Петропавловской церкви села Черемухово Курганского уезда. Ему было 28 лет, жене Ирине Семеновне — 30 лет, у них была дочь Вера шести лет и сын Иван двух лет. В тот же год у супругов родился сын Яков. Позже родятся Евдокия и Андрей. В Черемухово Григорий Васильевич прослужит 21 год.

Братья Маляревские учились в Тобольске, сначала в духовном училище, потом в семинарии, и были на содержании отца. В 1849 г. восьмилетний Иван уже ученик духовного училища. Через два года туда же отправился Яков, который показал большие способности и после окончания семинарии был отправлен в Казанскую духовную академию. 12 августа 1862 г. он зачислен студентом академии.

В письме одного из товарищей к Якову читаем: «Яков Григорьевич!... Вас-то я всегда считал, говорю без лести, да и всякий подтвердит это, выходящим из круга своих и развитым не по семинарии...» (ГАКО, ф.307, оп.1, д. 40. л.28).

Возможно, Якова ждало блестящее будущее, но судьба заставила его после первого курса академии вернуться в Черемухово, чтобы поддержать родителей. Внезапно умер брат Иван, который был всего на два года старше Якова. После семинарии Иван женился, был рукоположен и оставлен при одной из церквей Тобольска.

Вот письмо его молодой вдовы в Черемухово: «Дражайшие родители тятенька и маменька. С величайшею скорбью спешу уведомить Вас, что сын ваш Иван Григорьевич, мой супруг, после тяжелой и продолжительной болезни... в пятницу пятого сего месяца в 5 часов утра... помер, оставив меня сиротою с моей родной матерью и семинедельным сыном Костинькою. В седьмое число при помощи добрых сердобольных сослуживцев — отца Евгения, отца диакона и при пособии богатых прихожан, погребен... Я страстно любила Ивана Григорьевича. Скорбела и маменька моя, Наталья Ивановна... От меня покорнейшее почтение сестрицам Вере и Авдогье Григорьевнам и братцам Якову и Андрею Григорьевичам. Любящая дочь Ваша Александра Маляревская. 9 июля 1863 г.» (ГАКО, ф.307, оп.1, д.40, л.36).

Это известие подкосило родителей, возможно, с Григорием Васильевичем был удар, служить он не мог и 15 апреля 1864 г. умер 49-ти лет. Вся ответственность за семью теперь падает на Якова. Андрею было только 13 лет, он учился в Тобольске, Вера уже была замужем, с матерью оставалась Евдокия.

На место Григория Васильевича диаконом к Петропавловской церкви был определен 20-летний выпускник Тобольской семинарии Михаил Стефанович Чукмасов, который до своего рукоположения посватался к 16-летней Евдокии, и Яков Григорьевич, как старший брат, дает согласие на брак. Венчание состоялось 7 октября 1864 года.

Теперь Яков должен был озаботиться для себя получением сана священника и определением в приход. Прежде всего надо было жениться, и он выбирает Александру Константиновну Рычкову, дочь настоятеля Пророко-Ильинской церкви в селе Елошанском, в просторечии Елошном.

Род священников Рычковых известен в Тобольской епархии уже во второй половине 18 в. В Тебеняжской слободе в 1787 г. служил диакон Иван Григорьевич Рычков, в 1796 г. у него родился сын Петр, а у Петра родился Константин, отец невесты. Константин окончил курс Тобольской семинарии и был рукоположен священником в Троицкую церковь села Половинного 1 января 1847 г., будучи 23-х лет от роду. Жене его Марии было 20 лет. В 1850 г. он определен в другой приход.

В Елошанский приход Константин Петрович Рычков был определен в сентябре 1864 г. До этого он служил во Власо-Модестовской церкви села Чинеево (оно же Белое). В семье его были одни женщины: жена Мария Яковлевна, мать Татьяна Филиппьевна, дочери Александра, Елизавета и Павла, с ними жила свояченица Евгения Яковлевна, вдова иерея Тобольской Апостола-Андреевской церкви Алексея Ионина.

Мне не удалось найти дату венчания Якова Маляревского и Александры Рычковой, но известно, что их первенец Костинька родился в Елошном в ночь с 30 на 31 октября 1865 г. Восприемниками его, т.е. крестными отцом и матерью, стали дед Константин Петрович и его дочь Лизанька, которую Костя всегда называл «хресанькой».

К этому времени Яков Григорьевич был рукоположен и определен вторым священником в село — Чернавской Прокопьевской церкви. Служение его началось в январе 1865 г. В 1859 г. этому причту было положено от казны жалованье 450 рублей серебром в год, за вычетом же двух копеек с рубля оставался 441 рубль. Делилось это жалованье так: первому священнику 150 р., второму священнику — 128 р., диакону — 40 р., дьячку — 36р. и пономарю — 30р. Таким образом, Яков Григорьевич получал 10 рублей 75 копеек в месяц. Неудивительно, что сына своего они оставили в Елошном на попечение бабушки Марии Яковлевны. И для Кости дом дедоньки и бабоньки, как он их всегда называл, стал родным, а в доме матери он всегда был гостем.

На помощь молодой семье была отправлена сестра Александры — Павла Рычкова. Константин Петрович 9 марта 1866 г. пишет Маляревским: «Любезнейшие мои дети Яков Григорьевич, Александра Константиновна и Пашинька, здравствуйте. Извещаем вас, что мы сами и сын ваш, а наш внук, находимся в добром здравии. Вожусь с помочанами, начали перевозить Беловские службы. Прихожане старожилы помогают. А псковичи отказались от помощи. Удивительные эти прихожане! По-видимому и ласковы и добры, а на деле никуда не годны...» (ГАКО, ф.307, оп.1 д.40, л.54). В июле 1866 г. Маляревский проводит последнюю службу в Прокопьевской церкви. Ему дают самостоятельный приход в станице Архангельской Петропавловского уезда, который тогда относился к Тобольской епархии.

В начале следующего года Александра Константиновна едет в Елошное, где в феврале или марте 1867 г. в семье рождается

еще один сын — Гришенька. Он тоже остается на попечении бабушки. В августе Лиза Рычкова везет Гришеньку в Архангельскую, где остается на некоторое время.

После их приезда Яков Григорьевич 2 сентября 1967 г. пишет в Елошное: «Извещаем Вас, что дорогие гости добрались до Архангельской 9 числа, в среду; старичок вез тихо и надоел им порядочно, но что будешь делать! Гришенька всю дорогу был нездоров и дома-то долго все не мог, теперь немного поправляется. Живем мы, Слава Богу, благополучно, хлебец убрали, урожай, хотя не совсем хороший, но все же придется дешевле купленного, просо уже обмолотили — 100 пудов наколотили. Ныне посеяли ржи пудов 20, семена, спасибо, дали прихожане. Пшеницу пробовали — мука белая. Относительно пригона вашего скота в Архангельскую на зиму можно сказать то, что нам очень приятно было бы похлопотать для Вас хотя немножко, но не знаю, как Вы сочтете это дело выгодным ли и удобным. А обстоятельства дела таковы: сена у меня две сотни с небольшим есть, цена же на сено еще не определена, теперь запрашивается за сотню 12 рублей, но говорят, что около Михайлова дня будет на 10 и даже на 8 рублей. По приезде от Вас я думал было поставить сам, но трав близко не захватил, ныне рано выкосили, да и страда — работа дорога здесь... Помещения голов для десяти у нас есть, работника тоже будем держать хорошего. А то опасно, упадок рогатого скота теперь затихает, реденько говорят. Лошадьями, Слава Богу, благополучно...

Костеньку поцелуйте, он, мы думаем, ходит. Гриша начинает сидеть... Елизавета Константиновна здорова, кланяется Вам.

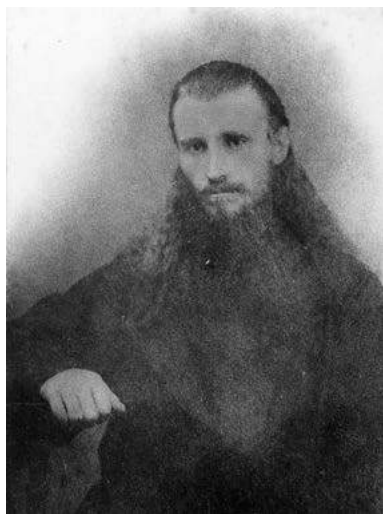
Р. S. Вот и сентябрь на дворе. Теперь уже поговаривают, что наших казачков хотят перекрестить в крестьян» (ГАКО, ф.307, оп.1, д. 40, л.48).

Станица Архангельская была далеко от Елошанского, приход приносил очень небольшой доход, и Яков Григорьевич просит тестя похлопотать о переводе поближе к родственникам, поближе к Елошному. Константин Петрович отвечает 30 апреля 1868 г.: «Любезнейшие дети! Яков Григорьевич и Александра Константиновна с Лизанькою и Гришенькою, здравствуйте! ...Извещаю вас, что приходы, в которых я хотел исхлопотать вам место, давно уже заняты. В Дубровно поступил выходец пермский Поляков, довольно мне известный

человек и мне сверстник по летам и служению и в скуфье. На тот раз он был в Тобольном. Моревскую занял Григорий Степанович Наумов, сын о. Степана введенского с обязательством в продолжение трех лет отдавать сиротам Шалабановым по 70 рублей серебром в год из жалованья, да из ружных доходов три части. Официального известия на свою просьбу до сих пор не получил... Будем еще терпеть, верно вам придется положенный срок прослужить в Архангельской» (ГАКО, Ф. и-307, оп.1, д.40, л.56).

Летом 1868 г. Лиза Рычкова возвращается к родителям в Елошное и вскоре выходит замуж за священника Павла Ивановича Преображенского, который служил в станице Тоболовой.

Жизнь Маляревских в Архангельской тяжела. Якова Григорьевича преследуют смерти родственников. В 1868 г. умирает мать Ирина Семеновна, брат Андрей в это время учится в среднем отделении духовной семинарии на казенном содержании. Весной 1869 г. у младшей сестры Евдокии умирает муж 25-ти лет, она остается с ребенком, и всех Яков Григорьевич должен поддерживать материально. Весной 1870 г. в семье рождается третий ребенок — Николенька.

Яков Григорьевич
Маляревский

Константин Петрович пишет: «... Поздравляю вас с новорожденным сыном Николенькою... Извещаем вас, что Мария Яковлевна с Костинькою недавно возвратились из Тоболовой, с 4 до 10 июня гостили там, приезд их ранний был тому причиною: Лизанька разрешилась от бремени 1 июня сыном Костинькой, который через шесть часов умер... Павел Иванович хочет приехать к нам около 10 июля, как бы и вам пожаловать в это же время. Свидание было бы полное. Хозяйственные наши дела в это время препятствовать не могут.

Накосить сена ныне можно круто, при сухой погоде, а уборка хлеба, не знаю, как у вас, в нашем приходе будет легонькая. Яровых хлебов нет, кобылка все истребила, особенно на открытых местах. Деревни

Кузнецова, Меньщикова жестоко пострадали от этого насекомого. Там только в низинах есть хлебец. А на открытых местах — черно. Жители уже расходятся для работы в те места, где Господь благословил поля земледельцев хлебородием. Курганский округ ныне без хлеба... Костинька стал дивный мальчик.... 24 июня 1870 г. (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.40, л.60).

Семья Маляревских растет, средств не хватает и о каких-либо поездках нет и речи. Яков Григорьевич обращается к Tobольскому архиепископу с просьбой о переводе в село Дубровное Курганского округа: «В следствие сильных неурожаев на хлеб в течение нескольких лет сряду, прихожане мои пришли в крайнюю бедность и не оказывают мне совершенно никакой помощи в содержании; содержать же семейство свое, состоящее из жены и троих сыновей, на одно почти жалованье... при дороговизне на жизненные потребности, нет никакой возможности, но я имею еще троих сирот: брата, сестру и племянницу, которые по бедному своему положению также нуждаются в моей помощи...» (У Солодовой — ГБУТО «Государственный архив в Tobольске», ф.156, оп.11, д.1076, л.1).

Указ Духовной консистории о переводе, но не в село Дубровное, а в слободу Утятскую Яков Григорьевич получил только 25 июня 1872 г.

После переезда в Утятскую семью постигло новое горе — у Якова Григорьевича открылся туберкулез. Весной он отправляется в казахстанские степи лечиться кумысом и даже чувствует некоторое облегчение.

Его сопровождала Александра Константиновна, которая вскоре вернулась домой и сразу написала письмо: «Милый мой муженек Яков Григорьевич! Желаю тебе доброго здоровья. Доехала я благополучно до Утятской, но только так горько и скучно, что не дай Бог... Остаюсь любящая тебя жена твоя Александра и сын твой Коля. 20 мая 1873 г.» (ГАКО, ф.307, оп.1, д.40, л.3).

Старшие сыновья жили в Елошном. А 1 июля Якова Григорьевича уже отпевали в Троицкой церкви станицы Становой, где его и схоронили. Вскоре умер и маленький Коля. Через полгода Александра Константиновна выходит замуж за Петра Николаевича Демина, в то время заседателя Курганского окружного суда. Детей из Елошного было решено забрать в Курган, чтобы отдать в училище. В 1874 г.

братья поступили в первый класс, но были отчислены за неуспеваемость и отправлены обратно в Елошное. Костинька в 1875 г, а Гришенька в 1876 г. были определены в Ишимское духовное училище.

Костя проучился только два года и по состоянию здоровья остался дома. Некоторое время жил у родителей в Кургане, где начал вести дневник, куда ежедневно записывал погоду. Его отец Яков Григорьевич тоже вел дневник погоды. Не удивительно, что, став взрослым, Константин Яковлевич увлекся изучением метеорологии и даже преподавал ее в техникуме.

Прожив осень 1877 г. в Кургане, Костя уезжает в Елошное. Он пишет большое письмо своему дяде Андрею Григорьевичу Маляревскому, который после семинарии был рукоположен к одной из омских церквей: «Много раз собирался Вам писать, дядюшка! Давно ни я, ни мои родные, никто из нас не писал к Вам. Я, наконец, вздумал Вам письмо написать... Прошу не обессудить меня, может быть, я пишу не хорошо, что сделаешь? Такова воля. Может, подрасту, так буду умнее. Я Вам, дядюшка, опишу всю мою и окружающих меня жизнь, насколько помню... Я почти что и не помню, как умер папаша и как я после того жил. Мал еще был! Не помню, кроме некоторых эпизодов, и того, как мамаша вышла в замуж... Мало я помню из моей прошедшей жизни, особенно давнишней, и потому опишу ее коротко. Я помню, как в Утяцкой папаша получил от Вас письмо о Вашем посвящении, женитьбе, поездке в Омск и о жизни в Омске. Помню, что я стоял 1 июля 1873 г. в церкви, помню я также отпевание папаши 1 июля 1873 г. Я несколько помню и папашу. Впрочем, его лицо, которое я видел, когда мамаша его открывала по его виде, более, я думаю, восстанавливался в моей памяти портретом, находящимся у дедоньки. У меня после приезда из станицы Становой, где похоронен папаша, заболели с Гришенькой глаза, что не позволило продолжать начатое еще папашей наше обучение. У Гришеньки, кажется, глаза болели дольше и потому он стал учиться позже. Через неделю перед маслянной 1874 г. мамаша вышла в замуж за заседателя окружного курганского суда, коллежского регистратора, Петра Николаевича Демина. Свадьбы я не помню. После нас увезли в Курган, где мы и жили на квартире у Любови Ивановны Александровой; сестры мужа бабоньки Веры Яковлевны. В это время я помню, что читал Всеобщую историю Германа и был очень доволен,

что прочитал ее от корочки до корочки. Воспитание наше сперва шло туго: попишем да почитаем, вот и все. Но потом, по переходу на другую квартиру нас отдали в обучение к Н. В. Михайлову, учителю приходского Курганского училища, где мы и учились до 15 сентября 1874 г. Учились мы, я и Гришенька, одному и тому же. В это время к нам приехал отец папаши, отставной чиновник Николай Васильевич Демин, с дочерью Аграфеной, кроме этой у папаши еще одна сестра Анна. Они живут в Тобольске. 15 сентября мы оба, после короткого экзамена, нас спросили сделать по задаче арифметической, которых мы и не сделали, поступили в первый класс Курганского окружного училища. Здесь наше ученье шло худо, в худых примерах не было недостатка, впрочем, мы мало понимали глупости наших товарищей, парней, нередко лет 17-ти и более, когда нам было: мне 9, а Гришеньке 8 лет. Нередко мы не знали, что нам задано, а если знали, то у нас не было пыла или мы не знали, что делать с уроками, впрочем, благодаря нашей свежей памяти, мы учились хорошо, чему, как я видел недавно у дедоньки из одного тогдашней эпохи письма папаши, родители наши очень радовались. Но вот издан устав о всеобщей воинской повинности, и папаша назначается членом воинского присутствия и уезжает набирать рекрут. Мамаша, видно, соскучившись, вздумала ехать с ним в Моршиху, за Елошным, к вам близко, куда ему следовало тогда ехать. Нас же, меня и Гришеньку, оставила дома, под надзор верной служанки Варвары, у которой было два сына и две дочери. Надо сказать, что в это время, то есть от начала учения у Н. В. и до описываемого времени, в нас развилась любовь к чтению, мы брали разные книги у Н. В. и читали их от скуки, брали и у других знакомых. Ну, так в это самое время, перед Рождеством 1874 г. остались мы в Кургане под присмотром Варвары. В это время мы много строили фантастических замков, более военных. Гришанька особенно отличался военным духом, потому что ему очень нравились блестящие отличия военных. В это время, один нам близкий родственник, сын нашего дяди Евгения, открыл нам тайну стрельяния из лука (орудия), в это же время мы облили подушки чернилами, что также составляло тайну, не спали целую ночь, рассуждая, как мы летом надеваем пистолетов и прочих орудий и о многих других делах, тогда же изобрели мы альпакский язык. И много мы в это время сделали!

В это же время Варвара, положенные в печку для высушки, пимы мои сожгла, и я ходил в рождественские морозы в дырявых (целых

пимов я не имел, или были, да далеко) сожженных. Можете себе представить, как я простудился! У меня открылась золотуха, из ушей текло и на голове были вередя!!! По причине болезни я не мог учиться и тоже, кажется, не стал ходить в училище, не помню хорошенько. Приехали папаша и мамаша. У мамыши родилась дочь Александра. Я не знаю, которого она числа родилась. Мы еще немного походили в училище и перестали: учитель за не представление нами задач оставил нас без обеда, за что нас и взяли из училища. Дальше не помню. Кажется, мы в непродолжительном времени уехали в Елошное. Летом 1875 г. в Елошное приехал сын бабоньки Евгении Яковлевны Иониной — Александр, которому и поручили приготовить меня в первый класс Ишимского духовного училища (он был переведен в четвертый класс того же училища). Ученье у нас что-то не клеилось, да так и не склеилось. Я в это время в первый раз ходил в поле, вместе с Александром Алексеевичем Иониным. Около половины августа я снабженный всем, начиная от иголок и кончая полушубком, отправился вместе с бабонькой в Ишим, для ученья, или как я думал на чистую погибель. Сперва мы приехали к дядюшке Павлу Ивановичу Преображенскому, который жил в Тоболовой, в 25 верстах от Ишима. Здесь я, сдав, как следует, свой экзамен поступил в первый класс училища и под руководством Александра Алексеевича учился я сперва ладно, но потом, утомившись, стал учиться худо. Но все-таки кажется я в этот год не получил ни одной единицы и весьма мало двоек, только за латинский язык.

Я в этом году, если случалось два праздника, ездил к дядюшке в Тоболову. На рождество ездил в Елошное с Александром Алексеевичем, а маслянку гостил у дядюшки. В это время у меня болели руки — была чесотка — верно, я заразился от моих товарищей, многие живут очень неряшливо, а клещам то и надо... Многое я пропустил, и этот год очень часто в больнице лежал. Развитие умственное шло плохо, зубрежка мне опротивела, а книг библиотеки всему первому классу не давали — мало больно, да и картинки выдирают. Кое-какими книгами я пользовался от А. А., который был библиотекарем. Нравственное развитие шло хуже, чем и умственное. Вы знаете, какие это люди «бурсаки», ранее я никогда ни с кем, кроме Гришеньки, не играл, и, разумеется, чуждался этой толпы. Я так моих соучеников потому называю, что они и действительно такими мне

кажутся. Физическое развитие совершенно было во мне остановлено. Зимой нечем было поиграть, хотя я пожертвовал 10 копеек на катушку. Но мне не привел Бог на ней покататься: перед масляной 1876 г. лежал в больнице, а после был у дядюшки Павла Ивановича. Весной построили у нас качелю, и я на ней много качался. Тогда же мы ходили на рекляции в поле, впрочем, я ходил только раз. Перед и в экзамены я купался, хотя плавать и не умел. Ходил также с А. А. гулять на берег Ишима и еще кое-куда. На пасхе я был у дядюшки. У них тогда была годовая дочь Анна, которая и теперь жива. Экзамен я сдал порядочно. Я, кажется, в этом более успел по случаю, потому что из латинского языка знал очень мало, а из Священной истории ничего. Что я повторил с А. А., то меня и спросили, а из Священной истории только что прочитал статью, меня вызвали и я взял билет на эту статью. В сентябре прошлого 1875 г. мамаша купила на оставшиеся после папаши деньги 300 руб. дом. Папаша Петр Николаевич был столоначальником полицейского курганского управления. Приехал я на вакацию в июле 1876 г. сперва в Елошное, а потом и в Курган. Дом наш крестовой, на конце города, далеко от полиции, места служения папаши, и базара... Я после вакации опять поехал учиться, но уже как ученик второго класса. Гришенька тоже поехал. Поехали мы с бабонькой. Гришенька поступил в первый класс. Стали мы учиться, я по-прежнему не худо, не хорошо, а по вновь прибывшему греческому языку я учился несильно хорошо, впрочем, в году была одна только двойка. Гришенька учился сперва плохо, зубристика ему совсем не могла нравиться при его горячей и сильной натуре. Я в этот год еще чаще хворал, чем в прошлый. Особенно сильно развиты у меня горловые боли, к тому же у нас в училище появилась корь, которой подверглись я и даже Гришенька. Я пролежал в больнице целый месяц.

Кстати, я Вам расскажу, что у нас за больница: в ней около 10 кроватей, так что иногда больные принуждены лежать на полу. Фельдшер не постоянный, часто уходит, что бывает и со сторожем. В каждой кровати постольку клопов, что подико у Вас и во всем приходе нет. Каково спанье! Пища только маленько получше, чем в бурсе. На рождественский ваканс я и Гришенька поехали с тетушкой и хресонькой моей Елизаветой Константиновной, поехали мы в возке, с песнями даже. Через несколько времени, перед моими именинами, 27 декабря,

у меня повторение, горловой припадок. Я остался гостить в Елошной и прогостил до маслянки 1877 г. в это время я более бездельничал, и только кое-что читал.

Между прочим, в виде одного припадка, нечто между круппом и коклюшем. Я этому припадку подвергался осенью. Сперва я сильно кашлял, кашлял до поту, потом я наздыхивался холодного воздуха, когда ученики стали приходить из класса и отворять двери, я в класс не ходил, комната моя была подле коридора, у меня явилось удушение, я не мог вздыхать и дышал с сильным шумом. Старшие ученики отвели меня в больницу, там не было фельдшера, пока за ним ходили, у меня дыхание сперло пуще. Фельдшер явился, но он не знал, какая у меня болезнь. Послали за доктором. Я чуть не умер. Приезжал даже наш многоуважаемый смотритель Смирнов верно для принятия моей души. Я таки ожил. Я стал учиться маленько получше. Перед летом я стал ходить кое-куда в поле, также ходил я к одному знакомому дядюшке купцу для чтения газет. К экзаменам я приготовился плохо, у нас была суета, приходили и уходили солдаты, да и лето также более манило на улицу поиграть. Но все-таки, опять благодаря счастью, я ответил и как я после слышал, был переведен в третий класс шестым учеником. Гришенька готовился хотя и меньше, чем я, но все-таки выдержал экзамен лучше меня и перешел во второй класс вторым учеником с похвальным листом. Мы уехали с дядюшкой, который был переведен в село Дубровное Сычевской волости Курганского уезда, в 65 верстах от Елошного, и 35 — от Кургана. На этот ваканс А. А. Ионин не приезжал. Мы с Гришенькой ездили в Курган и там ходили по окрестностям города, в Елошанском тоже гуляли. В августе месяце я с бабонькой ездил в Падун, местечко — завод, Ялуторовского округа, где есть доктор, там я лечился. Доктор сказал, что мне следует остаться дома и не учиться, а весной приехать в Падун. Как советовал доктор, так я и сделал. Я надеялся не отстать от Гришеньки в учении, думал, что если буду учить, что следует, то и успею. Когда Гришенька уехал, я вместе с мамашей уехал на житье в Курган. В Кургане я в хорошую погоду ходил на берег Тобола, который от нашего дома сильно близко (из наших окон видно Черемуховскую церковь) и там лепил из глины разные штуки или сидел, глядел и кричал, чтобы слышать эхо, которое здесь очень хорошо слышно. Или за город на луг, к ручейку, что тоже недалеко, или, если была погода

пасмурная, то читал, писал, либо учил, что следовало, из книг, купленных мне дедонькою. Так шла моя жизнь до Дмитриевской ярмарки...» (ГАКО, ф.и-307 оп.1, д.3, лл.11-15).

Учась в Ишиме, Костя часто писал дедоньке и бабоньке в Елошное и очень редко писал матери.

«Любезный мой дедонька Константин Петрович, бабонька Мария Яковлевна, тетинька Павла Константиновна и бабонька Евгения Яковлевна, здравствуйте! Я во время пасхи гостил у дяденьки в Тоболовой по причине болезни. И по прошествии болезни я отправился от дяденьки в г. Ишим. Во время пребывания моего в Ишиме в день прибытия от дяденьки, т.е. с 20 апреля я все учусь. В Ишиме со мной ничего не случилось, только нас водили в поле. Но я там не был. У нас две качели круглые, одна в ограде бурсы и другая в училище. Я весьма Вам, дедонька, благодарен за то, что Вы выписали журнал «Ниву», которую, если приеду на vacation, по Вашему позволению буду читать. Также благодарю Вас и за посылку в два рубля. Вы, дедонька, писали, что слышали от очевидцев, что город Ишим грязен, а также писали, что как-то я хожу в класс. Город Ишим действительно был грязен, но я избавился этой грязи. Во-первых, я пролежал в больнице две недели, а потом я был у дяденьки один месяц и таким образом избавился грязи, во время которой мне пришлось бы делать не очень приятные прогулки от бурса до училища. Если найдутся товарищи, то поеду к Вам на vacation, то может быть поеду с дяденькой. Ваш внук Константин Маляревский. 1876 г. 25 мая г. Ишим» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.40, л.67).

Костя летом 1878 г. уже не поехал в училище, и Гришенька оказался в Ишиме один. С этого времени начинается многолетняя переписка братьев.

«1878 г., августа 18 дня, в 11 часов вечера. Любезный брат Костинька!!! Здравствуй!!! Первым долгом от души желаю тебе здоровья и всякого благополучия. Дальше начинаю описывать тебе про свое жительство. В город Ишим приехал я 15 августа в 5 часов вечера. Живу я теперь в бурсе. Мы еще не начинали учиться и завтра, т.е. 19 числа будет молебен. Писать больше нечего, потому что в продолжении трех дней не накопилось новостей! Затем, желаю тебе здоровья и благополучия и заканчиваю свое недолгое и неизящное письмо. Брат твой Г. Маляревский» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.40, л.6).

Родителям Гришенька пишет в ноябре: «Любезнейшие мои родители папаша Петр Николаевич и мамаша Александра Петровна! Здравствуйте!!! Первым долгом благодарю Вас за Ваше письмо и деньги, которые я получил 5 ноября. Вы просили меня, чтобы я написал Вам: хорошо ли мне жить в бурсе и в чем я нуждаюсь. Относительно этого последнего я скажу Вам, что я ни в чем не нуждался бы, если мне не ехать на вакат, а если ехать, то я нуждаюсь: в шарфе, пимах, шапке и рукавичках, но не присылайте мне всего этого, а то я уже очень много вам стану со своими нуждами и прихотями. Шубу казенную мне выдали хотя очень худую и совсем не теплую, но, впрочем, я могу в ней как-нибудь проходить зиму в класс. Не знаю об чем бы Вам писать, разве написать Вам об наших училищных новостях, да мы ими как-то не очень богаты? Впрочем, найду чего-нибудь. Начать разве с того, что к нам в бурсу послан надзирателем Николай Степанович Гвоздицкий, племянник отца Василия. Он человек очень добрый. Да скажите Костиньке, что мы из латинской грамматики учим синтаксис, а из хрестоматии переводим жизнеописание Фемистокла... Желая Вам счастья, благополучия, успехов и сто два года здоровья. Ваш сын Григорий Маляревский. Ишим. Ноябрь 1878 г.» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.46, л.44.).

Костя продолжал жить в Елошанском, много читал, вел дневник природы, любил писать письма, благодаря которым предстает бытовая картина сельской жизни священнической семьи. Часто писал Иониным, сыновьям бабоньки Евгении Яковлевны, которые приходились братьями его матери, брату и очень редко матери.

«Любезнейшие мои дядюшки Григорий Алексеевич и Александр Алексеевич, здравствуйте! Я писал вам около 27 октября из Кургана, куда я приезжал на ярмарку с дедонькой. До ярмарки я гостил у дядюшки, учил Колю. На ярмарке купили швейную машину за 42 рубля, да к ней еще разных штук рублей на восемь. Купили еще книгу «О здоровом и больном человеке» Бока. В Курган с нами ездил дядюшка, работник, солдат.... Поехали мы из Кургана и кучер наш был шибко навеселе. Гнал он наших лошадок так, что только ну! Сперва его унимали, а потом перестали. А славно ехать осенью по бору! Я несколько раз выходил из повозки. Под вечер мы приехали в Дубровное и когда мы, казалось, по улице проехали, а до дядюшки осталось только 3 или 4 дома, гнедко, купленный дедонькой у моей мамыши, пал под

повозку...Его перенесли, да нечего сделать и не могли. Он пропал. Через несколько дней мы поехали в Елошное. По приезде в Елошное раскупорили машину и вздумали шить, да не тутто было! Во-первых, оказалось, что книжка наставлений не та, которую следует. Я долго бился над машиной, и все-таки ничего сделать не смог. Поехали бабонька и тетушка в Лебядково на ярмарку, надеясь найти там продавца машины и у него научиться шить. Это было, кажется, 5 ноября. Съездили в Лебяжью, но машина опять не шила...» (ГАКО, ф. и-307, оп.1, д.40, л.8).

«Любезный брат Гришенька! Здравствуй!!! Я, любезный братец, теперь маленько здоров и пишу ради многости происшествий... Эх! Братец! Кабы ты здесь был, то сказал бы!... Во-первых, у вновь прибывшей учительницы Уткиной брат Григорий учится в медико-хирургической академии и хочет приехать в Елошное... В-третьих, дедонька уехал по благочинию, а тетушка находится в Дубровном, она была в Кургане, училась шить на купленной машине. Я же здоров, занимаюсь в училище за дедонька. В-четвертых, у меня еще не пропала охота идти в учителя и я ищу всяких способов к узнанию поближе этой должности. В-пятых, у меня есть теперь какая-то хрестоматия литературная, очень славная, оставлю до Рождества. В-шестых, прошу тебя привести в Елошное мои рисунки, картины Григория Ивановича, книги наши и если можно книги из библиотеки, хоть и с рисунками, я бы срисовал. В-седьмых, я читал логику и по ней узнал, что есть философия...» (ГАКО, ф. и-307, оп.1, д.40, л.10).

«Любезнейшие дядюшки Григорий Алексеевич и Александр Алексеевич! 1879 г. марта 13, во вторник, я написал Вам письмо, но т. к. наши большую часть времени дня проводили на базаре, а я оставался дома, то я и не нашел случая передать письмо в почтамт до 15 числа. В эти дни я занимался вот чем: 13-го ехали из Дубровного в Курган, но хотя и приехали при солнце, но я только написал Вам письмо, а затем ничего не делал. Была тогда вечером у нас гостя с Белого, прежнего места жительства дедоньки, жена тамошнего священника о. Андрея Тихомирова, дочь брата, племянница бабоньки Евгении... по имени Надежда Васильевна. Она рассказала, как живет наша родня из дома Русановых, ибо она ездит в Петровское и другие места, где они живут. Назавтра я на базар не ходил ни разу, а ходил к Николаю Васильевичу Михайлову, учителю приходского училища города Кургана, который

приготовлял меня и Гришеньку в уездное училище. Человек он добрый, и обратился я к нему вот по какому случаю. Здоровье мое слабо, хотя оно и поправляется, но... при большем напряжении сил... может снова расхлябаться. Где бы я мог продолжить свое образование, кроме духовного училища? Но в училище занимаются усиленно. А такие занятия... мне будут не под силу. По этим причинам я вздумал учиться сам дома, что было и начал. Но по прошествии даже одного месяца я уже ощущал недостаток в учебниках... 16-го, в пятницу поехали в Дубровное и приехали в тот же день (верст 35-40). 18-го, в воскресенье со мной случился горловой припадок, от того, что накануне промочил ноги (уже таяло и была вода). Я остался в Дубровном. В Дубровном были скотские падежи и в некоторых окрестных селах. У дядюшки скот здоров, они за ним усиленно смотрят. В среду, 21-го числа приехал из Кургана мастер-красельщик А.Я. Соколов. Он из ссыльных, но занимается подрядами, которые ему как лишенному прав давать запрещается...» (ГАКО, ф.и-307. оп.1, д.40, л.94).

«Любезные мои родители: папаша Петр Николаевич и мамаша Александра Константиновна! Здравствуйте! Имея теперь случай писать с дедонькой, я во-первых желаю Вам здоровья и во всем хорошем хорошего успеха. Я в настоящее время, Слава Богу, здоров и от болезни, которую было получил 2 декабря, поправился. Болезнь моя это известный Вам горловой припадок. В настоящее время я занимаюсь более посторонними предметами, нежели изучением предметов следуемых по программе духовного училища. Происходит это оттого, что я нахожусь до сих пор в болезненном положении и, не имея надежды на совершенное выздоровление, боюсь поступать в вышеозначенное училище, тем более, что я при слабом здоровье и при 11-часовых занятиях могу умереть или дыхательным калекой сделаться. Имея в виду это я, желая принести пользу себе и избавить от напрасных расходов моих родственников, прошу Вас о нижеследующем: ныне, как мне известно, есть спрос на учителей и вот я туда же думаю идти. Теперь я Вам скажу причины и удобства этого поступка. Во-первых, жалованье хорошее, во-вторых, труд только 5 часов в день, кроме лета, а тут тоже можно где-нибудь заниматься. Жалованье, сколько мне известно, 200 рублей в год, отопление, освещение и квартира готовые. Заниматься с 1 октября до 1 апреля, а с 1 апреля вакант, можно поправить здоровье. Но все это хорошо, но и трудности есть.

Я теперь не знаю, сколько лет должен быть учитель, т.е. какое самое младное время для поступления в учителя и какие для этого нужны знания. Если Вы, папаша, не откажете мне в помощи, то прошу Вас, не можете ли достать где каких-нибудь правил для поступления в учителя, соображаясь с которыми я и стал бы поступать. О доставлении мне правил я уже писал Н. В. Михайлову и если бы Вы с ним как-нибудь снеслись, то еще лучше поискать случится. Не оставьте без внимания мою просьбу, папаша, и сообщите об ней мамаше, ибо это эпоха моей жизни... Остаюсь любящий Вас сын Ваш Константин Маляревский. 18 декабря 1878 г., вечер, 10 часов. Село Елошанское» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.40, л.97).

«Здравствуйте, любезные родители: папаша Петр Николаевич и мамаша Александра Константиновна! Первее всего желаю вам всего хорошего от Бога: здоровья, счастья и всего, чего Вы пожелаете. Я в настоящее время здоров, как и прочие здешние семейные, исключая дедонька, здоровье которого очень слабо и ненадежно. Дня четыре тому назад ему сделалось очень худо, да и теперь он оправился плохо. Я получил, папаша, Ваше письмо от 10 сентября 14 числа того же месяца, и до сих пор не мог еще найти время для обстоятельного ответа на него. Вначале письма Вы, папаша, говорите о Гришеньке, сделаю и я тоже. Я получил об нем кое-какие известия от Александра Алексеевича Ионина, а именно: Гришенька принят в семинарию в первом разряде, в котором всего учеников двое. Верно, также он принят и на казенное содержание. Письма от него не получал, а желал бы. Напишите ему от меня поклон. Я об Вашем переселении в Тобольск, папаша, не знаю что думать, потому что не знаю Ваших надежд и причины; не думаю, что причиною чего было только то, что Ваши родственники не имеют деликатности, да и едва ли лучше жить далеко от родных и кровных... Я слышал, что в Западной Сибири хотят вводить судебным мировые установления, наперед еще только судебных следователей; не думаете ли Вы, папаша, поступить. Впрочем, относительно первой причины могу сказать, папаша, что Вам, кажется, вовсе неизвестны причины, побудившие здешних и дубровских останавливаться не у Вас, а на другой квартире. Я постараюсь Вам несколько это объяснить, тем более, что Вы при этом можете увидеть, нужен ли я у Вас и могу ли я к Вам ехать. Впрочем, я прошу не принимать это за ябеду или за старание оправдаться, а также и за

причину окончательного разрыва. Вы останетесь, как и прежде моими родителями, а я Вашим сыном. В последний раз были у Вас дедонька и дядюшка прошлого года осенью, а я и бабонька еще раньше, именно в день Вашего отъезда в Кресты. В этот день случилось то, что заставило оставить Вас елошанских и дубровских. Не знаю, по какому случаю, бабонька и мамаша поспорили, причем, мамаша — я не должен ее судить и не сужу — бранила бабоньку и вела себя относительно ее весьма неделикатно и неприлично. А когда я говорил бабоньке, чтобы она «не занималась», мамаша меня ударила. Я приехал для того, чтобы мамаше не было скучно во время Вашего отъезда; да кроме того еще мало ли что может случиться: можно захворать и п р., а мамаша мне сказала: ты послан подсматривать! Но я все же поехал. Не знаю, что сказала бы мамаша, если бы я поехал теперь?

Назавтра я и бабонька уехали. Мамаша поступила относительно бабоньки не деликатно, и я знаю, что поступи я втрое деликатнее относительно мамаше, я подвергся бы неминуемо ее проклятию и вечному изгнанию из ее дома, которое и теперь едва ли не имею...

Благословение матери велико, а проклятие страшно, но что я сделал!? Бабонька теперь уже не может посещать мамаше, но я сын ее, однако все же теперь я, папаша, отказываюсь приехать к Вам, несмотря на Ваше обещание счастья. Мамаше, как я испытал, я вовсе не нужен, и даже лишний, да и Вам, папаша, тоже едва ли буду полезен, самому мне в Курган совсем незачем ехать: книги для занятий у меня есть, здесь я могу работать и гулять, здесь ничто не нарушает обыкновенного, обыденного хода дела, здесь я не рискую своим здоровьем (как бы рисковал, например, в поездке в Тобольск в настоящее время), и все же я здесь нужен дедоньке, как я уже сказал, он очень слаб, но хотя не всегда, но иногда делаю кое-что для него. Здесь живет теперь Коля, сын дядюшки, и я его учу. Когда я учился в Ишиме, дядюшка ухаживал за мной, когда я был болен, брал меня к себе на вакации и был там единственным моим родственником. Могу ли поэтому оставить его сына? Но для матери?! Для матери все можно сделать, но нужен ли я мамаше? Я испытал, что я не нужен и потому остаюсь здесь.

Я не думаю, чтобы в городе можно сделаться лучше: искусство скорее уродует природу человека. Конечно, никому неизвестно, что будет далее — и я желаю всем сердцем, чтобы Вы, любезнейшие родители, получили вполне то счастье, на которое надеетесь. Дай Бог! А что будет

со здешними, знает один Бог и да будет его святая воля. Мне известно — они не обидели мамашу без причины ни чем — мамаша сама их от себя отдалила, да кажется и по своему желанию.

Итак, любезные родители, я не могу к Вам приехать в Курган, но я думаю, что мне придется быть в Тобольске хоть ненадолго, потому что я думаю учиться в учительской семинарии в Омске, если Бог даст здоровье и возможность исполнить это. А если этого исполнить будет нельзя, то, что Бог даст: вперед забегать не буду. Впрочем, и в Тобольск ехать с Вами мне едва ли будет можно — скоро наступают холода. Прошу Вас, не огорчайтесь и не сердитесь на мой отказ, а мамашу прошу не лишать меня своего благословения; я считаю его столь высоким и святым, что не думаю, что б мамаша из-за такой малости, как временное нежелание мое приехать к Вам, лишила его меня, старшего сына. Я никогда не откажусь от сыновних обязанностей, и если помощь моя когда-нибудь будет нужна, я буду стараться помочь мамаше всеми силами, конечно, если это будет возможно и согласно с совестью и законом Божиим. Я думаю приобретать хлеб трудом, а если будет нужно, буду трудиться для мамаша. Теперь я не могу быть Вам полезен — скорее требую Ваших же расходов, здесь же я приношу некоторую пользу.

Прощайте, папаша и мамаша! Может быть, в письме этом Вы найдете некоторые резкости: прошу извинить меня в этом, я умею только молчать или говорить — среднее же не знаю. Если бы я теперь промолчал, думаю, было бы хуже, чем все написать.

Занятия мои идут кое-как, науку не забываю и здоровье берегу. Остаюсь с пожеланием Вам всего хорошего от Бога. Жив и здоров, любящий Вас и просящий Вашего родительского благословения сын Ваш Константин Маляревский. 1880 г. сентября 30 дня. Елошное.

Р.С. Мамаша, думаю Вам будет не без интересно узнать следующее: завтра здешнему дьякону Максиму сороковой день по смерти, а в субботу у отца Николая, здешнего священника, умерла жена, оставив двое детей. К.» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.40 л.134).

Для внука дедонька Константин Петрович выписал необходимые учебники, и Костя начинает самостоятельно готовиться к поступлению в Омскую учительскую семинарию. 15 апреля 1879 г. с благочинным Константином Петровичем случился удар в жаркий день после службы, и с тех пор он находился в «расслабленном» состоянии почти два года.

Костя писал в дневнике: «Дедонька умер 4 февраля 1881 г. в три часа, хоронили восьмого, в воскресенье. На похороны приехали дяденька и хресонька, были и папаша с мамашей. Они привезли телеграмму о разрешении похоронить дедоньку у церкви...» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.40, л.149).

С потерей любимого деда Костя оставался без материальной помощи для дальнейшей учебы, на мать рассчитывать не приходилось. Он отправляет прошение в Тобольск: «Его Превосходительству Председателю Тобольской казенной палаты священнического сына Константина Яковлевича Маляревского Прошение. Желая поступить в Омскую учительскую семинарию учиться и не имея средств для содержания, я прошу Ваше Превосходительство, в случае успешного выдержания мною приемного экзамена, если не будет препятствий, принять меня на казенное содержание, как стипендиата от Тобольской губернии. Обязательства, соединенные с пользованием стипендией, я обязуюсь исполнить. Священнический сын Константин Яковлевич Маляревский. 1881г. июля 24 дня» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.8, л.1).

В тот же год Костя был принят в учительскую семинарию на казенный кошт. Его семинарскую жизнь можно проследить по письмам к брату и о. Павлу Преображенскому.

«Здравствуй, Гришенька!... Благодарю тебя, братик, за твое письмо. Это первое письмо, полученное мною здесь, в Омске... Я в настоящее время здоров, занимаюсь ладно, живу кое-как... Делать есть что и отдохнуть можно. После дела будет больше, потому что у меня память плохая, а кое-что нужно будет вновь учить... Душевная жизнь пошире — но в ней столько грязи, гадости, недостатков... стыдно, а нужно сказать. Причина всему, что воля у меня равна нулю. В пустяках я проявляю все силы, а на деле — ничего... В Елошном я жил своей жизнью. До прежнего Рождества, когда я виделся с тобой в последний раз, я жил потихоньку: работал, учил Колю и учился и пр. Тут наступило другое время. Начиная с 11 декабря и до конца июня я писал стихи. Дедонька умер 4 февраля. Это дало немало новых впечатлений. Но, главное, что случилось в это время, было то, что в Елошное на место умершего о. дьякона был назначен молодой псаломщик Александр Григорьевич Остроумов, сходный со мной по силам души и характеру, но сильнейший меня умом и получивший совершенно другое направление. Он исключен из семинарии за воровство, можешь себе

представить. С ним-то я и познакомился, можно сказать, подружился. Разговоры, споры, издание Елошанской летописи, писание стихов — все это брало немало времени. Но все было кратко... Я поехал учиться.

Презабавная вещь была моя поездка с начала и до конца. Я, конечно, в каждом месте, т.е. в Тобольске, в Тюмени и в Омске предполагал нечто, которое выворачивалось, оставляя все мои приготовления в стороне, но почти всегда к моему благу. Сперва сборы, положили, что я поеду числа 11-14 с матерью о. Петра, нашего елошанского священника. Теща эта пробыла до 22, и то насилу-насилу выехали. Со мной положили 23 рубля денег — дядюшка и бабонька думали, что их хватит до Тобольска. Поехали. Первый ящик презабавный, презамечательный человек и вез нас 80 верст за 3 рубля 25 копеек. Потом разнообразие: типы, виды, чего-чего нет. Я увидел заведения Боровлянской лесной дачи: что за лес! Страсть! Тюмень. Был на могиле Филофея Лещинского. Он велел себя положить преддверьями храма монастыря, чтобы все попирали его прах... Жил целую неделю. Опять типы и ни одной копейки не заплатил. Гулял! Путь до Тобольска был свершен на пароходике «Орел» в двое суток — даром! И в первом классе! Вот что значит знаться с купцами. Моя бывшая товарка купчиха и ей ведь родня, а она глупа. Тобольск мне очень понравился, особенно крепость, церкви и в сравнении с здешними. Тоже и здесь крепость на ровном месте, на мысу Оми и Иртыша, вал и ров... 4 церкви. Отлично. Здесь замечательная военная гимназия: по главному фасаду 188 окон, а имеет вид квадрата, цельный корпус! Три этажа. В Тобольске я жил с 1 по 30-е, учился и читал, гулял и ходил в церковь. Вот были мои занятия. Учился менее всего, хотя за этим и приехал. Побывал везде, где нужно и почти все видел, что можно. Читал, но мало, но надеюсь прочитывать лучшую часть русской литературы, не сбылось. Узнал Александра Алексеевича и еще кое-кого. Жил опять даром. Вот теперь сколько у меня долгов. Певчие не понравились, здесь, кажется, лучше, только здесь тенора плохи. Поэтическая деятельность кончилась и, думаю, надолго. Практика! Бросить заманчивые грезы и идти прямо к назначенному дню.

Какой ты учишь язык? Напиши. Отправление в Омск из-за опоздания парохода доставило случай полюбоваться на Тобольск при полной луне. Утром ехать. Пароход пошел, и я видел разнообразные картины,

Александра Константиновна
и Костя Маляревские

берега часто столь красивые, что чудо! Надо еще сказать, что я был, когда провожали икону пешком в Ивановское. Отлично! На пароходе было много людей и случаев их наблюдать в продолжение пяти дней. Погода была прегадка, когда подъезжали к Омску. Тут неизвестность, где остановиться, затем в семинарию, через два дня прошение приняли. Экзамен сдал... Семинарист! И ничего не нужно: будем ждать три года! А мысли-то, мысли!?. Товарищи как везде. А я с ними не умею обращаться. Прошу тебя, братик, хотя к Покрову или через месяц написать о мыслях; что думает мама и что папа о моем поступлении; что думаешь о Елошном и Дубровном. Я скажу, что мне теперь нельзя ездить к маме. Ты письмо видел? Я много писал. Как узнал о моей поездке? Что думаешь о моем поступлении... Пишу как брату, прошу извинить, а не бранить. Тебя же браню: оставляю на суд твоей совести. Брат твой. Свеча догорает. Константин Маляревский.

P.S. Не знаешь ли, где другой Константин Маляревский? О другом Константине Маляревском я ни от кого не слышал. 8 сентября писал бабоньке и другим. Из Тобольска ни гу-гу. Молчат. Очки ношу. Дневник перестал вести после выезда из Елошного. Омск. 1881. Сентябрь» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.40, л.173).

(Другой Константин Маляревский — сын рано умершего Ивана Григорьевича Маляревского, судьба его неизвестна — авт.).

О. Павлу Преображенскому: «Любезнейшие мои родственники: дядюшка, хресанька, Количка, Анюточка и Лизута, здравствуйте!... Семинария устроена хорошо, учителя все хорошие, только один Лебединский перевирает неумеренно. Больше всех занимаются в нашем классе о. Иоанн Рождественский — по трем предметам 8 уроков в неделю. Затем Шаврин — по арифметике, геометрии и черчению 7 уроков и Петр Миловский — 5 уроков по русскому языку и чистописанию. Библиотека при семинарии богатая и брать книги можно, но я пока взял только одну; читать мало случается. Ученье в семинарии три года: первый пригготовительный, второй учебный, а третий практический. Во втором классе те же почти предметы, что у нас, только шире, кроме того педагогика и методика с наблюдательными уроками. В третьем большею частью педагогические науки и пробные уроки... Омск. Октябрь 1881 г.» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.40, л.138).

Брату Григорию Маляревскому: «Я думаю о будущей учительской жизни. Мое высшее желание попасть учителем в Елошное, устроиться

Омская учительская семинария

там и заняться земледелием и наукой. О земледелии много читаю все, что есть в нашей библиотеке... О товарищах — это большею частью юноши 16-18 лет, окончившие курс в уездных училищах и не вынесшие оттуда ничего или очень мало. Учатся столь плохо, что учитель русского языка говорит: 10 лет учу, а такого курса не бывало.... Омск. 25 марта 1882г.» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.40, л. 193).

И снова брату: «Здравствуй, брат! Я здоров, живу и учусь по-старому. Желаю тебе всего доброго. Хочу маленько опять поговорить с тобою. Не слышно у вас о том, что по случаю коронации хотят распустить учебные заведения? Я вот теперь все фантазирую на эту тему. Знаешь ведь, что мы изучаем естествознание. Так я хочу собирать коллекцию насекомых и гербарий. Фантазирую также об исследовании сельской общины Курганского округа. Видишь, каков я. Есть мысль переписать это письмо, да хочу показаться таким, как есмь. Кажется у нас, т.е. у меня с тобой ныне мало общих интересов. Не от того — ли и переписка-то такая. Чем, например, я интересуюсь? Более всего собою. А тебе, думаю, до этой личности нет особенной заботы... Мне бы хотелось чего и сам не знаю. Нужна сила воли, а у меня ее для мелочей нет. К чему эта исповедь? Кажется и письма-то не следовало бы

посылать. Черт знает, что за мысли лезут в голову! Сейчас думается: может быть подумает: умен и прочее (глупо до известной степени). И еще сознательные глупости делаю, написав это. Ничего, ничего, молчание. Напиши, брат, что знаешь о маме и папе. Они мне не писали, а я писал. Авошь, Бог даст, кончу курс, сделаюсь учителем да поселюсь в деревне, повзрослею и исправлюсь. Уничтожится тщеславие, лицемерие, себялюбие и глупое подхалимничество. Поскорее, поскорее... Прощай, брат! Не тебе бы это письмо, а так, кому-нибудь бы без подписи послать — только бы высказаться. Я то, что называется на школьном языке — филисофствую, т.е. глупею. Получал бы — на, читай! А какие здесь новости? Да вот бесчисленное множество торжеств и всего прочего: народные чтения, панихиды, юбилеи. Из-за чего люди бьются?! Я тоже присутствую почти на всех... Поддержи, брат, если можно. Все вокруг глупцы — не глупцы, а поговорить не с кем. Да вообрази: кто может такой разговор вести. Станешь ли читать? А отвечать-то? Ответь, пожалуйста! Хоть побрани, чтобы стыдно стало, или что другое, только напиши. Прощай! Омск. 1 марта 1883 г.» (ГАКО, ф-307, оп.1, д.40, л.209).

Константин Маляревский в семинарии был на хорошем счету и даже получил награду — 60 рублей серебром.

Перед выпуском директор семинарии Митрофан Алексеевич Водяников письменно сообщает Маляревскому: «Дорогой ученик Константин Яковлевич! Спешу уведомить Вас, что Вы можете занять место учителя в одном из приходских училищ города Омска с жалованьем в 300 рублей серебром в год. Ждем Вашей просьбы, и по получении ее на имя директора училищ Вы немедленно будете определены на эту должность. Вы будете иметь здесь и другие уроки...» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.8, л.5).

Но Маляревский мечтал вернуться в Елошное. Он пишет своему приятелю Александру Остроумову: «Я окончил курс Омской учительской семинарии и назначен учителем в село Шмаковское. Мне хотелось поступить учителем в село Елошное, на мою родину. Но елошанский учитель Брагин до сего времени не отказался от своего места, хотя и обнадеживал. В Елошанском я надеюсь устроиться и в материальном отношении гораздо лучше, чем во всяком другом месте, и потому что там живут ближайшие родственники. Там только могу я найти средства исполнить свое желание и заняться метеорологией,

в свободное летнее время и сельским хозяйством...» (ГАКО, ф.и-307, оп.1 д.44, л.23).

Через хлопоты в Тобольской казенной палате Маляревскому удалось получить назначение в Елошное. Из Омска он выехал 4 августа, навестил в Кургане родителей, познакомился с младшим братом Александром Деминым, которому шел четвертый год, и сообщил Григорию, что папаша сильно хворает, а мамаша выпивает. Этим пороком Александра Константиновна страдала долгие годы, особенно после смерти Петра Николаевича, которая последовала в 1885 г.

Григорий спрашивает у брата в письме: «Я хочу знать кое-что поподробнее: как пьет маман — постоянно или изредка, на что пьет, какое влияние на ее здоровье оказывает пьянство, как она живет вообще... Не вижу, почему при возможности поступления учителем в Курган необходимо жить с матерью. Наконец, можно попробовать лечить ее от вина...» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.40, л.250).

На плечи Константина Яковлевича легла материальная забота о матери и о братьях — Григории Маляревском и Александре Демине. После двух лет преподавания он переходит на более высоко оплачиваемую должность волостного писаря в Елошанском, потом еще в некоторых волостях. Волостной писарь — первое лицо в волости, интеллигентный человек, стоящий близко к народу и могущий принести ему пользу. Но чтобы удержаться в писарях, нужно было вступать в некоторого рода сделки с совестью, если не с совестью, то с мировым судьей, а с 1889 г. — с крестьянским начальником.

Маляревскому подобные сделки были не по душе.

Брат Григорий пишет ему 25 января 1887 г. из Тобольска: «... Поздравляю тебя с новой должностью. Жалко только, что ты уже хочешь бежать с нее, жалко не потому, что эта должность хороша, а потому, что чем ты будешь жить, выйдя из писарей, куда поступишь, где найдешь место с таким содержанием, какое тебе необходимо... Если ты не будешь в состоянии содержать мамашу, мне по окончании курса нужно будет искать место, а не ехать в академию, т.е. остаться недоучкой... Не думай, что я хочу свалить на тебя содержание мамашы. Когда я буду иметь для этого достаточно средств, я постараюсь избавить тебя от этой повинности...» (ГАКО, ф.и-307, оп. 1, д.44, л.84).

Константина Яковлевича опять преследуют болезни, он подолгу лежит в больнице, его увольняют, опять надо искать место. Григорий

в 1887 г. поступает в Казанскую духовную академию на казенный кошт, но какие-то суммы ему приходится высылать.

Константин обращается за помощью к родственникам и пишет Преображенским: «Любезные мои дяденька, хресанька с детьми Вашими!.. От должности писаря Радлов меня уволил. Теперь я хотя и выздоравливаю, но еще долго не в состоянии буду что-нибудь работать. Потому не знаю, чем мы будем жить с мамашей. Конечно, к кому больше обратиться за помощью, как не к бабоньке. Здесь найду ли место, не знаю. Говорят, Радлов предлагает в Камышинскую. Далеко, да и когда еще способен буду я работать. Итак, не возьмете ли на себя труд передать бабоньке мою просьбу о помощи. Ведь вот выйду из больницы, надо будет платить, а жалованье достанет рублей одиннадцать, да мамашу надо содержать... 1887 г.» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д. 44, л.74).

И тут Константина приглашает Александр Николаевич Балакшин в Логовушку домашним учителем к своим детям, дает хорошее жалованье. Здесь Маляревский живет 4 года. Благодаря ему Сергей Балакшин зкстерном сдал экзамены за курс уездного училища.

Константина Яковлевича опять приглашают на должность писаря. 5 октября 1888 г. мать пишет ему на завод Балакшина: «Пятого октября был Сычевский старшина и настоятельно просит тебя быть писарем и кроме того вновь приехавший чиновник по крестьянским делам Карнович присылал человека своего за тобой, желает тебя видеть...» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.44, л.142).

Но Маляревский остается в Логовушке. В январе 1892 г. здесь его навестил окончивший духовную академию брат Григорий, который познакомился с Балакшиными. При отъезде он получил посылку от Елизаветы Михайловны Балакшиной для ее матери, которая жила в Тобольске. Вскоре Григорий пишет Константину: «Поручение Лизаветы Михайловны исполнил. Генеральша Угрюмовская по-видимому живет гораздо бедней нашей тетушки, меня даже жалость взяла: на скверной улице, в развалившемся флигеле во дворе, тесно, грязно, бедно» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.44, л.203).

В том же 1892 г. Григорий забирает мать к себе в Тобольск и пишет: «Маменька на новом месте сделалась совершенно новым человеком, я ей очень доволен...» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.44, л.209).

4 июля 1893 г. Григорий венчается с Анастасией Васильевной Филипповой в церкви села Шишкинского Тобольского округа. Мать

возвращается в Курган. В семье молодоженов рождается первенец — Костинька, который двух лет остался сиротой — 13 февраля 1898 г. от чахотки умирает Анастасия Васильевна. Через год Григорий Яковлевич женится на Марии Алексеевне Старчевской, которая будет любить Костю как родного сына. Во втором браке у них родились и выросли дети: Лиза, Гриша, Павел (по-домашнему Пятя), Соня.

Целеустремленный Григорий Яковлевич довольно быстро прошел путь от учителя епархиального женского училища до директора народных училищ Тобольской губернии. Занимая большой пост, он уже имел возможность поддерживать старшего брата и решать в Тобольске многие его проблемы служебного характера.

Константин Яковлевич в 1892 г. начинает преподавать в Курганской церковно-приходской школе. За сентябрь ему, как старшему учителю и воспитателю второго класса, выдано жалованья 16 р. 65 к. и дополнительно 3 р. 50 к. на наем кухарки, водовоза и мытье полов. Оставаясь учителем, он в 1893 г. начинает заведовать книжную торговлей Общества попечения об учащих, с 1898 г. совмещает с заведением Курганским отделением Тобольского губернского склада книг и письменных принадлежностей для учащихся.

В июне 1896 г. Общество попечения командирует его на Нижегородскую выставку, отправляя с ним прошение к Правлению выставки: «Совет Общества... просит оказать возможное содействие заведывающему книжную торговлю и публичной библиотекой Общества К.Я. Маляревскому для облегчения ему пребывания в Нижнем Новгороде и при обозрении Всероссийской выставки, где имеются и экспонаты Общества по книжной торговле. Господин Маляревский, не получая от Общества вознаграждения за заведение книжной торговлей и библиотекою. занимался до сих пор частными уроками по начальному обучению, а потому Совет просит предоставить ему права начального учителя. Председательница Е. Раева, член Совета М. Волкова» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.27. л.113).

В Кургане к Маляревскому за книгами обращается вся интеллигенция Кургана, в том числе политические ссыльные.

Часто беседовал с Маляревским Петр Филиппович Якубович, народовец, автор книги «В мире отверженных», который после карийской каторги с 1895 по 1899 год жил на поселении в Кургане. Сохранилась записка Якубовича: «Константин Яковлевич! Если есть, пришлите мне,

пожалуйста, на несколько деньков полученный в библиотеку сборник Бонч-Бруевича, а также номера «Сына Отечества» за последнюю неделю, какие имеются и новые книжки журналов, из которых впрочем может у Вас быть только «Русская мысль» за июнь. Все прочие майские и июньские книжки уже мною читаны, кроме «Жизни» (за июнь), которая, кажется, еще и не вышла. Если у Вас получены уже новые экземпляры стихотворений П.Я., то один экземпляр, пожалуйста, сохраните для меня. П. Якубович» (ГАКО, ф. и-307, оп.1, д.47, л.40).

На квартире Якубовича на «литературные» вечера собирались учителя, молодые чиновники, ссыльнопоселенцы, и эти вечера заронили в Маляревском интерес к политическим событиям. Здесь Константин Яковлевич близко познакомился с учителем Тимофеем Павловичем Белоноговым, будущим первым председателем Совета рабочих депутатов, с Матвеем Дмитриевичем Русиновым, выпускником той же Омской учительской семинарии, одним из основателей Курганского Общества краеведения, активным участником которого станет и Маляревский.

В 1899 г. Маляревский оставляет заведование книжной торговлей и книжным складом. От тобольского губернатора Леонида Михайловича Князева ему приходит письмо: «Милостивый государь Константин Яковлевич! Вследствие ходатайства, вызываемого неудовлетворительным состоянием здоровья, уволив Вас от обязанностей заведующего Губернским книжным складом в городе Кургане, я не могу не выразить искреннего сожаления по случаю оставления Вами этой обязанности, как человеком основательно изучившим ведение сей операции и отличавшимся редкой энергией, постоянством и любовью к делу, несмотря на крайне ограниченное вознаграждение за свой далеко не легкий труд...» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.11, л.171).

Петр Филиппович
Якубович

В 1897 г. Маляревский получил звание Потомственный почетный гражданин.

В 1901 г. жизнь Маляревского делает крутой поворот. Он венчается 20 апреля с 24-летней Александрой Александровной, дочерью Пономарева Александра Евгеньевича, священника Брылинской Вознесенской церкви. В тот же год он рукоположен в сан священника.

В поздравительном письме брат Григорий пишет: «Нужно было уладить дело о месте твоего служения, что мне и удалось. К твоему, надеюсь, благополучию Преосвященный дал обещание назначить тебя в Ялуторовск и там тебя и оставить совсем навсегда под условием быть тебе делопроизводителем тамошнего уездного епархиального отделения» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.8, л.119).

В Ялуторовске Константин Яковлевич служил два года при Сретенском соборе, здесь же крестили его старшего сына Михаила. Вообще, в семье было шестеро детей: Михаил (6.02.1902), Федор (11.09.1903), Николай (1.02.1909), Яков (10.03.1914), Александра (16.04.1906), Мария (2.01.1912). В последующие годы Маляревский служил в храмах в селах Турушевском, Скопино, Исетское, был награжден набедренником.

Ему всегда хотелось вернуться в Курганский округ, и в 1912 г. он отправляет в епархию прошение о переводе. Вскоре приходит ответ: «Прошением своим о переводе в Шкодское Вы опоздали. До получения Вашего прошения мною было это место предоставлено священнику Лучинскому из села Рябковского, что близ Кургана. А не перевестись ли Вам в Рябковское? В данное время село Рябковское входит в состав прихода Курганской Троицкой церкви. Храм в Рябковском построен в 1902 г. Для причта имеется два дома. По донесении священника Богословского дом для священника вполне удобный, со всеми необходимыми хозяйственными пристройками. Земли для причта отведено 61 десятина, и земля закреплена уже за церковью. Душ в селе 584 мужских и 667 — женских. С 1908 г. при Рябковской церкви проживает третий штат Курганского собора. Жители в 1908-1910 гг.

Набедренник — прямоугольный плат с изображением креста, который вручается священникам как первая награда и носится на ленте при бедре с правой стороны.

платили причту определенное жалованье 500 рублей, в прошлом году понизили до 300. Есть в Рябковском церковно-приходская школа, но нуждающаяся в собственном здании. Село от Кургана в 5 верстах. По ходатайству рябковцев 21 января 1912 г. сделано представление в Синод об открытии при Рябковской церкви самостоятельного прихода с жалованьем причту от казны 600 рублей — священнику 450, псаломщику 150 рублей. Представление это, по всей вероятности, будет уважено. Жалованье, доход за требы, земельный доход — в год для священника наберет до 800 рублей. Гр. Тутолмин» (ГАКО, ф. и-307, оп.1, д.18, л.5).

Наконец 24 февраля 1912 г., согласно прошения, Маляревский перемещен на вторую вакансию священника при градо-Курганском Богородице-Рождественском соборе, потом — к Свято-Духовской церкви деревни Рябово. На этом кончаются переезды с места на место, и 17 февраля 1915 г. Константин Яковлевич покупает собственный дом на улице Скобелевской (К. Маркса, 56).

Его сын Федор поступает в духовное училище, учится плохо и в 1916 г. остается на второй год во втором классе.

В 1916 г. Маляревский оставляет церковную службу, и бывший его ученик, а теперь директор Союза сибирских маслодельных артелей, Андрей Александрович Балакшин предоставляет ему место заведующего хозяйством кооперативных курсов при Союзе и статистико-экономическим отделом Союза. Константин Яковлевич организовал осведомительный отдел, куда стекались данные о погоде, урожае, скотоводстве и т.п. Составил проект пенсионной кассы ССМА.

В Кургане Маляревский возобновляет свои занятия по метеорологии, самостоятельно изучает счетоводство и статистику. Снова интересуется политикой. 5 февраля 1917 г. его выводят за штат по возрасту. После свершения Февральской революции Константин Яковлевич с головой окунается в политический процесс, 7 марта занимает платную должность секретаря в Комитете общественной безопасности (Исполком) с жалованьем 150 руб. в месяц, ведет протоколы всех заседаний Исполкома, начиная с первого. Протоколы печатаются в «Народной Газете». В той же газете 15 марта опубликована его статья-отчет «Первый опыт осведомления крестьянского населения», которая дает представление о его деятельности как члена Исполкома и заштатного священника: «12 марта назначен

Григорий Яковлевич, Александра Александровна
и Константин Яковлевич Маляревские

был в деревне Мало-Чаусовой волостной сход. Много лет назад я служил волостным писарем в Малочаусовской волости, а последние пять лет — священником в селе Рябковском этой же волости. Меня просили приехать на сход, отслужить панихиду по павшим за правду и свободу и молебен об утверждении нового порядка, а также побеседовать об этих новых порядках. Я взял с собой несколько экземпляров последних номеров телеграмм «Народной газеты», Петроградских известий и воззваний для раздачи крестьянам. Весь этот печатный материал их очень интересует, и они его разобрали очень охотно. Перед панихидой я рассказал, как началась решительная борьба за освобождение, прочитал манифест об отречении от престола Николая II и объявлении брата его Михаила Александровича об отказе от принятия власти до решения Учредительного собрания; объяснил, как была достигнута победа над врагами народной свободы и предложил помолиться за братьев наших, павших в борьбе с врагами внутренними и внешними. После митинга я прочитал послание Священного Синода с призывом к единению и отслужил молебен. Пока после молебна подходили ко кресту, я говорил какая перемена в правах и порядках должна теперь произойти. Потом я вышел на крыльцо волостного правления. На дворе была громадная толпа народа, много женщин и даже детей. Замечательно, что волостные и сельские начальники своих должностных знаков не надевали. Я опять прочитал Манифест... подробно объяснил сущность и значение всеобщего прямого, равного и тайного голосования, а также состав и цель Учредительного собрания. Особенно пришлось остановиться на трудности для сельского населения провести своих кандидатов в Учредительное собрание при прямых выборах, о необходимости предвыборной организации, о предполагаемом Крестьянском Союзе. К избирательному праву женщин крестьяне относятся несколько иронически, пришлось указать на значение, которое в этом случае имеет образование, даже простая грамотность. Выяснено на примерах значение свободы слова, печати, собраний и обществ...» (Народная газета. 15.03.1917).

Судя по этой заметке, Константин Яковлевич хорошо ориентировался в текущем моменте. Он баллотировался в гласные курганской городской Думы, но не был избран. Городская управа известила его, что он зачислен в состав кандидатов гласных городской Думы.

Свято-Духовская церковь села Рябково

Спешная работа в Исполкоме была ему уже не под силу, про свое здоровье он сообщает в анкете: «... близорук, глух на одно ухо, ревматизм в ногах и сердечный спазм при усиленной работе».

Он уходит в отставку и пишет заявление в Исполком: «...Увлекаясь общим подъемом свободной общественной деятельности, и я принимал некоторое участие в работе граждан. Нервное возбуждение и временный прилив сил ввели меня в самообман: я согласился принять на себя должность платного секретаря Исполнительного комитета, его Бюро и комиссара Временного правительства. К сожалению моему, сил моих, оказывается, достало ненадолго, я уже чувствую физическое и психическое утомление, а между тем работа в Бюро и в Комитете настолько важна, настолько сложна и главное — срочна, что требует громадной затраты сил, много времени и ясного, отчетливого понимания самых разнообразных сторон общественной жизни. Я не могу удовлетворить всем этим требованиям, а потому прошу меня освободить от обязанностей секретаря Исполнительного комитета и выбрать на эту должность другое лицо. 1917 г. (ГАКО, ф.и-307, оп. 1, д.8, л.26).

Материальное положение семьи теперь зависело только от работы в ССМА, он еще регулярно высылал деньги матери, которая уже несколько лет жила в семье Григория Яковлевича.

Сам Григорий Яковлевич после Февральской революции на учительских съездах был обвинен в том, что его деятельность на посту директора народных училищ была направлена на подавление свободного духа и инициативы учителей и высказаны требования об его удалении. Чтобы его семья не подверглась нападкам вместе с ним, Григорий Яковлевич один в июле уезжает в Курган к брату, который с разрешения А. Балакшина, уступает ему заведование статистико-экономическим отделом в ССМА, оставляя себе заведование кооперативными курсами.

На различных курсах, организуемых Союзом, Константин читал лекции по коммерческой географии, Григорий — по кооперативному законодательству и экономической географии.

На совещании представителей инструкторских отделов Союза 23 апреля 1918 г. Григорий Яковлевич вносит предложение об изготовлении районных карт для инструкторского персонала масштабом в 5 и 10 верст, совещание приняло к сведению и исполнению предложение Константина Яковлевича о привлечении в сельской местности подходящих лиц к наблюдению за метеорологическими явлениями, главным образом, грозами, дождями, засухой, снегом и пр.

В апреле Григорий составляет брошюру «Сведения о Союзе сибирских маслодельных артелей», для которой Константин начертил 18 диаграмм. Летом 1918 г. Правление ССМА принимает решение переехать в Омск. Туда уезжает и Григорий Яковлевич.

Через некоторое время Константин получает письмо из Омска: «Дорогой братец, о. Константин! Только два дня, как я устроился по-человечески: получил особую комнату № 45 в бывшей гостинице «Россия». До этого времени был в такой обстановке, что было не до писем. Котя со своим полком неделя тому назад отправился в Семипалатинск, а пред тем прокатился в Томск на открытие Областной Думы для устранения инакомыслящих. Марии Алексеевне я телеграфировал приехать, но ответа еще не получил. Здесь теперь кооперативные сети. Я делал доклад о полезной железной дороге. В секции он выслушан внимательно. Сегодня буду докладывать в пленарном заседании... Денежные счета наши прошу считать

оконченными, кроме того, что я считаю себя в неотложном долгу перед тобой и Александрой Александровной за то, что Вы помогли мне так легко провести этот год, самый тяжелый в моей жизни. Мануфактуры мне не нужно и потому все взятое на мою долю прошу оставить у себя. Здесь тоже есть склад и кое-что можно достать, чем и придется заняться, когда приедет Мария Алексеевна. По-видимому, жизнь в Омске мне предстоит более интересная, чем в тихом и милом Кургане, располагающем более к растительному существованию. Часто писать не обещаю, но время от времени буду подавать о себе весточку... Очевидно, перебираться в Омск ты не собираешься... август. 1918 г.» (ГАКО, ф.и-307, оп.1, д.45, л.56).

Константин Яковлевич, действительно, не собирался ехать в Омск. Он остался в Кургане заведовать экспедицией «Народной газеты» ССМА. Кроме того, он получил работу по исследованию климата и погоды Западной Сибири, месяц август 1918 г. проработал в Екатеринбургской обсерватории. Метеорология была его увлечением с детских лет. В 1910 г. в «Народной газете» была помещена его статья «О наблюдении погоды».

Его семья пережила военные действия 1919 г., обстрелы Кургана белыми и красными, у них на Скобелевской (К. Маркса) во дворе была убита снарядом корова.

Александра Александровна 20 сентября 1919 г. добилась пропуска на выезд из Кургана в Брылино. Она вместе с детьми уехала за 80 верст на лошадях, Константин Яковлевич остался в Кургане.

На какое-то время он потерял связь с братом и его семьей.

Наконец Мария Алексеевна в октябре 1920 года пишет ему: «Мамаша скончалась 24 сентября скоростижно, возвращаясь с базару и доставлена была в больницу, а потом уже сообщили мне. Так было тяжело перенести. Живем мы теперь в одиночестве. От Григория Яковлевича никаких известий, жив ли, нет. Он в июле был командирован во Владивосток, удалось ли ему доехать — неизвестно... Сообщить мне о себе он ничем не мог. Еще получила печальное известие — скончался Гриша, где-то между Каинском и станцией Татарской, подробности не знаю, не хочу верить, что не стало моего милого хорошего доброго сына. Лиза поступила учительницей французского языка, Пятя учится в школе 2-й ступени, Соня, 8 лет, дома....» (ГАКО, ф.и-307. оп.1. д.45, л.70).

Через некоторое время присылает письмо племянница Лиза: «Оказывается, папа в Харбине! До сентября 1920 г. папа жил во Владивостоке и заведывал закупочной конторой. Вследствие полного отсутствия сбыта товаров, Союз начал нести чистый убыток, и решил ликвидировать свои дела — папу с караваном товаров направили в город Кобдо, в Монголию, откуда он должен был завязать сношения с Бийском и Семипалатинском. Но вследствие беспорядков в Монголии папа попал в Харбин и очутился, таким образом, за границей. Так как Харбин во власти китайцев, а Правление Союза уехало в Шанхай, как старому служащему папе дали пенсию (дела Союза очень плохи и он остался за штатом) в 150 золотых японских иен. Ему обещали еще место по учебной части. Жизнь в Харбине изумительно дешева, такая же, как у нас до войны 1914 г. Живет он в китайском доме, хозяева его поляки, чувствует себя недурно... Тобольск. 24.01.1921 г.».

В Харбине Григорий Яковлевич читал лекции в Институте ориентальных и коммерческих наук, заведовал музеем Общества изучения Маньжурского края. Лекции читал по сибиреведению, статистике, истории торговли и экономике Маньжурии. Опубликовал несколько научных работ. Скончался 9 апреля 1932 г. скоропостижно, 65 лет, вернувшись домой с лекции.

С установлением Советской власти Константин Яковлевич Маляревский 27 января 1920 г. был назначен заведовать Курганским статистическим бюро, одновременно с апреля ему поручили заведование городским метеорологическим отделом. Он читал лекции по метеорологии и физической географии на кратковременных курсах, которые организовывали различные структуры для начинающих руководителей.

В сентябре-октябре 1920 г. в стране проводилась Всероссийская сельскохозяйственная перепись, которая стала крупным статистическим событием. На основе этих данных в марте 1921 г. был выполнен расчет хлебных ресурсов страны. Маляревский был инструктором и руководил переписью в Макушинском районе. У него уже был опыт, он участвовал в переписи 1897 г.

В 1922 г. был организован сельскохозяйственный техникум в Юргамышском районе, в бывшем имении Шмурло, куда Константин Яковлевич поступает правителем канцелярии и преподавателем

Александра Константиновна Маляревская
с детьми и женой Григория Яковлевича.

метеорологии, космографии и географии. Он организует здесь метеорологическую станцию и ведет наблюдения за погодой. В этом техникуме учились его дети: Михаил, Яков, Александра и Мария.

Кстати, Михаил закончил Курганское духовное училище и с 1917 г. учился в Тобольской семинарии, которую не закончил в связи с революцией.

В 1926 г. (?), когда его дети закончили учебу в техникуме, Маляревский вернулся в Курган, опять работал в статистическом бюро и, несмотря на возраст, выезжал в районы для обследования сельскохозяйственных коллективов.

В начале 1930-х г. здоровье Константина Яковлевича сильно пошатнулось, он получил 2-ю группу инвалидности. Пенсия его составляла 27 руб. 45 коп. Дата его кончины неизвестна.

МУЗЕЙ МЕСТНОГО КРАЯ. БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Мысли о создании музея в городе Кургане посетили местных чиновников после выставки 1895 г. Жалко было, что экспонаты, представленные на этой выставке, опять никто не увидит, и тогда макеты сельскохозяйственных орудий, снопы пшеницы, фотографии были отданы в курганские училища. К этим предметам присоединились наглядные пособия, физические приборы, которые передавались во временное пользование из училища в училище, даже в сельские школы, и часто пособия не возвращались.

Постепенно это собрание превратилось в школьный музей, официально оформленный в 1904 г. по инициативе инспектора народных училищ Курганского уезда А. П. Нечая. Долгое время музей не имел собственного помещения. В марте 1914 г. в Думском переулке (ул. Комсомольская) было закончено строительство большого двухэтажного здания для 5-го приходского мужского училища. Приближался конец учебного года, и переезд училища решили отнести на лето, а пока открыть к Пасхе в этом здании большую выставку.

8 апреля 1914 г. состоялся вернисаж «Художественно-историко-археологической выставки». Здесь был отдел археологии и палеонтологии, в котором экспонировались голова тура, бивень мамонта, голова древней козы, каменная стрела. В других отделах были представлены коллекции насекомых, нумизматики, поделки из кости, много живописи, рисунков, в т.ч. рисунки учеников местных училищ. Большое внимание публики привлекла копия с акварели неизвестного художника «Вид Кургана в 1820-е гг.». Сейчас эта копия хранится в областном краеведческом музее.

После закрытия выставки осталось 52 руб. 93 коп., из которых 15 рублей были переданы Обществу попечения об учащихся. Оставшиеся 27 руб. 93 коп. передали в Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства (КО МОСХ) с тем, «чтобы означенная сумма была употреблена на дело изучения родного края... и на приобретение предметов для могущего возникнуть в Кургане музея».

Дом И. Я. Андреева

Большая часть экспонатов вернулась к своим владельцам, но какая-то часть была оставлена для школьного музея, который получил постоянное помещение в этом же здании 5-го училища.

Когда в 1919 г. Курган был забит войсками и все крупные здания были реквизированы для нужд военных, школьная комиссия ходатайствовала перед городской управой с просьбой принять меры к тому, чтобы здание 5-го училища осталось в распоряжении города, имея в виду, что в нем помещается «городской школьный музей, довольно обширный и ценный, а также передвижной музей сельских школ. К тому же перевозка музея при его громоздкости была бы сопряжена с большими затруднениями». Музей остался на месте.

На месте остался и музей КО МОСХа.

В 1901 г. этот отдел выстроил собственное здание на углу Ново-Запольной улицы и Троицкого переулка (ныне место занято драматическим театром). Дом был из самана, обложенного кирпичом, поэтому в городе за ним закрепилось название «Саманный дом». На его фронте красовался призыв «Трудись и молись». Вот тут и возник сельскохозяйственный музей, который был до 1914 г. в зачаточном состоянии.

Художественная выставка и символическая сумма в 27 руб. 95 коп. подтолкнули КО МОСХ к организации комиссии по изучению края. Идейным вдохновителем краеведческой работы был Николай Лукич Скалозубов. Комиссия работала по секциям: ботаническая, зоологическая, культурно-историческая, энтомологическая, сельскохозяйственная.

В 1920 г. Саманный дом был отдан под детский сад, и экспонаты сельскохозяйственного музея были переданы Окрзу (окружному земельному управлению). При перевозке часть архива и музея МОСХа была расхищена.

В 1923 г. Окрзу активно занималось сбором экспонатов для 1-ой кустарно-промышленной и сельскохозяйственной выставки. Эта выставка открылась 19 августа 1923 г. в Москве, на Воробьевых горах, и имела большой успех. В декабре по областям была разослана директива, в которой отмечалось колоссальное значение выставки в деле развития сельского хозяйства, и всем земельным управлениям предлагалось приступить к созданию постоянных и передвижных сельскохозяйственных музеев.

В 1917 г. в Кургане появляется выпускник Петроградского университета, археолог по образованию, Бортвин Николай Николаевич. Бортвин был родом из села Бердюжского Ишимского уезда. В 1916 г. его сестра Таисья Николаевна вышла замуж за курганского купеческого сына Александра Ивановича Бакина, который в 1918 г. воевал на стороне белых и погиб под Шадринском. Похоронен был в братской могиле в Соборном сквере. Бортвин приехал в Курган, возможно, по приглашению сестры. В Кургане он становится членом уездного учительского союза, входит в редакцию журнала «Голос учительства». После смены власти в 1919 г. работает заведующим отделом народного образования. 25 марта 1920 года по его инициативе школьный музей реорганизуется в музей местного края, и Бортвин становится его первым заведующим. Музей размещают на втором этаже бывшего особняка купца Ивана Яковлевича Андреева по адресу: улица Советская, 70. При музее создается «академическая» библиотека, в которой к началу 1922 г. было около 12000 книг. Недолгое время библиотекой занимался Эрик Густавович Бук со своим сыном Леонидом.

Политпросвет все лето 1920 г. присылал в музей девушек для составления библиотечного каталога и для помощи в организации экспозиции.

Если школьный музей лег в основу учебно-педагогического отдела, то отдел местного края Бортвин начал создавать с нуля. В 1921 г. в этом ему помогал преподаватель Ташкентского университета и Восточного института А. В. Панков, заведующий метеорологической секцией земельного управления К. Я. Маляревский, школьный инструктор Г. К. Рудый и «вольные» сотрудники музея, т. е. работающие без денежного вознаграждения И. Г. Копылов и В. Реут. Общими усилиями они организовали выставку «Наш край», приуроченную ко времени проведения конференции Союза работников просвещения. Выставка работала 22–28 мая, экскурсии проводились создателями выставки. На должности заведующего Бортвин мог заниматься своим основным и любимым делом — археологическими исследованиями. Вместе с Панковым А. В., учителем Рудым Г. К. и учеником Реутом В. Бортвин проводит археологические разведки в окрестностях села Белозерского, деревень Баитовой, Саниной, Шастовой, вблизи Петухова и Шмакова. В результате этих экспедиций музей пополнился археологическими и палеонтологическими материалами.

Дом А. Д. Смолина

Бортвин понимал, что музей не могут поднимать только два сотрудника, и 21 апреля 1921 г. он делает попытку создать при музее краеведческое общество. На собрание пришли 25 человек, приняли устав общества, на этом все и кончилось.

15 марта 1922 г. Бортвин уходит из музея и уезжает в Свердловск. Музеем и библиотекой остается заведовать временно исполняющая обязанности Толкачева Феоктиста Николаевна, которая в апреле передает и музей, и библиотеку Е.Н. Россомахиной, после нее заведовать музеем приходит некто Кычковский, который очень быстро исчезает, и в 1923 г. заведующим становится Паршаков Михаил Михайлович, который по совместительству работает директором театра.

К этому времени музей получил новое помещение по улице Свободы, 75, в бывшем доме Смолина Александра Дмитриевича. Дом был благоустроенным, с паровым отоплением. В этом же здании разместилась Центральная курганская библиотека, которая отделилась от музея. Вход в библиотеку был с улицы, в музей — со двора.

«Красный Курган» писал 2 августа 1922 г.: «Центральная библиотека расположена в очень хорошем помещении... и при ней музей

местного края в 375 коллекций, при котором имеются два учебных телескопа и архив старинных журналов и книг... Посещающих музей в месяц 250 человек в среднем». И через неделю — в той же газете: «Музей оставлен совершенно без внимания. В каждом из углов валяется целая гора разных ценных редких костей, покрытых пылью...».

Музей занимал на втором этаже 4 зала и большой коридор, внизу у него был склад и рабочая комната. На этот склад в августе или сентябре 1923 г. Паршаков перевозит 3–4 воза архива бывшего уездного училища. В этом архиве имелись сведения по истории местного края, о народном образовании, о жизни ссыльных декабристов.

В апреле 1924 г. музей прекратил принимать посетителей, но Паршаков до августа числился его заведующим. После его ухода судьба музея оказалась на попечении центральной библиотеки.

23 августа в отдел народного образования, по ведомству которого музей числился, поступает письмо от библиотеки с просьбой решить судьбу музея. В свою очередь заведующий Окроно 25 августа обратился в президиум Окрисполкома, который должен был принципиально решить вопрос об организации музея местного края, чтобы с начала 1924–1925 гг. уже можно было практически приступить к созданию данного музея. В этих докладных записках указывалось, что в городе существуют два музея: местный краевой и сельскохозяйственный при окружном земельном управлении (Окрзу) и оба бедствуют «отчасти потому, что на организацию единого окружного музея местного края не было обращено серьезного внимания, не давались средства; отчасти и потому, что научные работники — музейеведы и краеведы — за мизерную плату работать не шли. Заведовали музеями люди некомпетентные и мало заинтересованные, да к тому же по совместительству».

В докладных записках были выдвинуты следующие предложения: объединить упомянутые музеи в один, присоединить к ним музей педагогической практики, коллекции которого разбросаны по школам, организовать при музее специальную библиотеку, в которой сосредоточить сборники, справочники, определители, журналы, литературные и рукописные произведения по истории и экономике Курганского округа. А также включить в состав музея материалы Истории партии. Самым подходящим местом для музея предлагался бывший дом декабриста М. М. Нарышкина. И еще одно пожелание заключалось

Музей в доме Смолина

в организации при музее краеведческого кружка, а потом и Общества краеведения. Но пока требовался новый заведующий музеем.

В это время без работы оказался старый учитель, страстный краевед, Матвей Дмитриевич Русинов. К этому времени у него был написан большой труд — «Краткий обзор Курганского округа», который должен был быть включен в библиографический справочник Академии наук. На рецензию рукопись была отправлена Владимиру Павловичу Бирюкову, который в это время заведовал Шадринским научным хранилищем. По неизвестным причинам рукопись вовремя не была возвращена, не издана и в библиографический справочник не попала. В сентябре Михаил Паршаков передает музей Русинову. Не успевает тот вникнуть в дела, как его приглашают на Второй съезд краеведов в Екатеринбург, состоявшийся 4-9 октября. Русинов поспешно готовит сообщение об архиве уездного училища, хранящемся в музее, и после возвращения рассказывает о докладе Ивану Афанасьевичу Ленскому, который числился инструктором политпросвета по Центральной библиотеке и заведовал еще и Курганским архивным Бюро. Это

Бюро было организовано в мае 1924 года и размещено в том же доме Смолина, где были музей и библиотека. Ленский, заинтересованный в передаче училищного архива в свое Бюро, добился, чтобы в музей была направлена комиссия на предмет передачи училищного архива на постоянное хранение в архивное Бюро.

Обитогах работы комиссии Ленский докладывал в Окрисполком: «При проверке музея в октябре обнаружено, что архив весь уничтожен, документы, переписка и прочие бумаги с текстом из дел и книг вырваны и исчезли неизвестно куда. Налицо от архива осталась беспорядочная куча белой чистой бумаги и корки, годные для использования в канцелярии для делопроизводства... Архив кроме Паршакова уничтожить никто не мог, т. к. он работал один». Паршаков был отдан под суд и посажен в тюрьму.

При Русинове, 28 сентября 1924 года, в здании музея состоялось по инициативе Русинова и Ленского открытие Общества краеведения. Но уже через месяц, 23 ноября, Русинов передает заведование музеем Владимиру Павловичу Ефимову, сам остается его помощником. Связано это было с тем, что Матвея Дмитриевича пригласили штатным преподавателем в школу 2-й ступени. Вскоре его на должности помощника сменил Сергей Владимирович Звягинцев, проработавший почти год и 20 сентября 1925 г. переведенный на должность секретаря отдела народного образования. Ефимов остался один.

В 1925 г. Плановая комиссия постановила: «Мы предусматриваем содержание одного только музея... Ввиду того, что наш музей до невестности беден, мы в предстоящем году ставим наибольшую сумму для его пополнения приборами и инструментами и снижаем эту сумму до 1000 рублей в последующие годы».

При Ефимове произошло окончательное слияние музеев. Владимир Павлович заведовал музеем немногим более года. Но он как-то систематизировал работу музея. Были составлены списки тем предметам, которые были выданы Бортвиным и Паршаковым в школы и другие организации, предприняты попытки вернуть экспонаты, а также получить новые, в том числе пушку, найденную заключенными при земляных работах и перевезенную в Домзак, бивень мамонта из Чернавского. Ефимов распределил экспонаты по разделам, аннотировал их. Для посетителей музей был открыт три дня в неделю: вторник, пятница, воскресенье, и только с 12 до 3 часов. Организованные

экскурсии принимались в музее во все дни и в любое время, и притом бесплатно. Индивидуальные посетители шли за деньги: дети — 5 коп., взрослые — 10 коп. Было оформлено три отдела: естественно-исторический, культурно-исторический и общественно-экономический, а также работал кабинет наглядных пособий. В экспозиции были представлены коллекции древней керамики, кости мамонта, шерстистого носорога, первобытного быка, чучела птиц и животных, коллекции птичьих ног, клювов, яиц, насекомых, пять гербариев местных растений, 11 ящичков почвенных разрезов и т. д.

Ефимов считал, что музей — это незакрывающаяся выставка действительной жизни во всех ее проявлениях, и что музей учит жизни. Уже уйдя из музея, он напишет: «Основная задача музея в том, чтобы собрать и изучить все, что относится к нашему округу... С этим особенно необходимо поспешить. Достаточно вспомнить, сколько погибло ценного во время революции, гражданской войны, разрухи и голода, но кое-что сохранилось... Собрать и изучать, но не только — нужно учить и других, готовить молодых сотрудников, воспитать себе наследников, привить им вкус к краеведческой работе».

В конце 1925 года Ефимов заболел и написал заявление о своем уходе. 14 января 1925 года был составлен акт о передаче имущества, экспонатов и делопроизводства музея от Ефимова к Иванову Виталию Тимофеевичу, учителю начальной школы № 3, который проработает в музее целых три года.

Иванову было 20 лет, он родился в Петербурге, там же закончил один курс геологического отделения университета, и в июне 1924 г. оказался в Кургане. Он был полон энтузиазма, но справиться со всеми делами одному было невозможно, и новый заведующий нашел добровольных помощников. Среди них выделялся Цуканов Константин Лукич (работник телеграфа), который в свое свободное время занимался определением музейной коллекции минералов и горных пород; Гольдфейн Соломон Исакович упорядочил нумизматику и бонистику, систематизировал фотографический материал; препаратор Черкасов Андрей Иванович сделал чучело орла; другой препаратор, Виноградов, сам отстреливал птиц и зверей и сделал для музея 52 чучела. Больше всего посетителей привлекало чучело ягненка с восемью ногами.

На складе музея хранились учебные пособия — тот самый музей «педагогической практики», или музей «наглядных пособий», который

был передан еще при Ефимове. Теперь это был «передвижной педагогический фонд», из которого пособия выдавались во временное пользование школам. Пособий числилось 2003 единицы, а всех экспонатов в музее на 1 октября 1926 г. было 7965 предметов.

Многие экспонаты музея представляли большой исторический интерес. К сожалению, не сохранилась коллекция суррогатов хлеба голодных 1921–1922 годов, 60 образцов которого были приготовлены из отрубей, торфа, мха, лебеды, картофельных очистков, разных кореньев, коры и пр. Не сохранились стеклянные негативы из ателье Кочешева, на которых были сняты встреча первого поезда в Кургане, конные земляные работы на насыпи у деревни Смолино во время прокладки железной дороги, мост через Тобол во время разлива, вид строящейся Александровской церкви, ее внутренний вид, четыре вида Троицкой церкви, все негативы по волостям 1895 года, девять негативов по Петропавловску, в том числе дом Александра Дмитриевича Смолина, шесть негативов по Мариинску, одиннадцать — по Красноярску. И все это пропало!

Газета «Красный Курган» 20 января 1926 г. опубликовала маленькую заметку о музее, в которой говорилось, что музей принимает пожертвования и может купить любой материал, относящийся к округу. Заметка нашла отклик у жителей.

В апреле некто Михаил Дубровин за 15 рублей доставил «зверя», как записали — семейства оленевых; Г. С. Собакин за 40 копеек продал в музей 7 серебряных и 2 медные старинные монеты; Анатолий Степанович Гусев за 2 рубля предоставил 15 старинных монет, в т.ч. один серебряный рубль 1745 года.

Крестьянин Григорий Васильевич Падерин из села Падеринского за 7 руб. 50 коп. привез камень пудов на пять, который выдавал за метеорит. Этот камень, по уверению крестьян, упал с неба еще в 1902 г., в 20 верстах от Падеринского. Вскоре он был перевезен Падериным к себе и пролежал 20 лет под углом его избы.

В апреле 1927 г. крестьянин села Башкирского Метальников Родион Андреевич за 9 руб. продал музею чучело теленка с двумя головами. Этот теленок в 1960-гг. все еще был цел, но уже хранился в подвале музея. Во время поднятия грунтовых вод подвал затопило, и все, что там хранилось, было вынута для просушки на солнце. Ребятишки катали этого теленка по траве, пока он не развалился.

И только крестьянин А. С. Леканов выступил в роли жертвователя — бесплатно передал музею «большой каменный предмет, похожий на лопату», который он выпалал на своей пашне. Вероятно, это была жертвенная плита, так называемая «баранья голова».

В феврале 1926 г. Иванов приступил к организации научно-краеведческой библиотеки: в магазине «Искра» купили 27 книг, частного лица — 11 номеров журнала «Вестник знаний» за 1925 г. и 5 «научных» книг, по договоренности с заведующей центральной библиотекой Петровой из книгохранилища в музей были переданы издания КО МОСХа в количестве 12045 экземпляров, из них громадное количество дубликатов. Дубликаты предполагалось разослать на обмен в другие музеи и Общества краеведения. Потом, по согласованию с заведующим архивом Ефимовым, было передано в музей 118 книг краеведческого характера.

На 30 апреля в музейной библиотеке было уже 12207 книг. К октябрю в библиотеке осталось 318 книг, в том числе печатные материалы КО МОСХа с 1897 по 1918 годы. Пользоваться библиотекой могли только члены Общества краеведения или лица, работающие по вопросам изучения местного края.

С 10 марта того же года при музее начала работать химическая лаборатория, которая имела только реактивы, при помощи которых Цуканов распознавал некоторые объекты геологического характера. За необходимыми принадлежностями и реактивами обращались в фотографию Бабыкина, но постоянно спонсировать музей Бабыкин не мог, и вскоре лаборатория прекратила свое существование.

Чтобы привлечь посетителей, Иванов начинает готовить выставки. Приняв музей, он уже в январе делает выставку о 1905 годе и о восстании декабристов, 100-летие которого отметили всего месяц назад. Большую помощь музею в оформлении выставки оказал член Общества краеведения, политкаторжанин Максимов (сотрудник кожсиндиката), предоставив 45 фотографий из жизни декабристов в ссылке. Выставка занимала отдельную комнату-зал. На выставке был интересный документ 1826 г. — отношение коменданту Звериноголовской крепости о поимке декабриста Кюхельбекера. Выставка работала до 1 марта и посетили ее 431 человек.

С 1 марта отменили плату за вход в музей, что резко повысило посещаемость в марте, но не в апреле. 3 апреля перестали отапливать

все здание, сам заведующий работал в пальто, и то не более 2–3 часов в день, посетителей почти не принимали.

В октябре 1926 г. библиотеку и музей перевели на улицу Советскую, 71 (дом Корнильцева), где до этого располагался Окрисполком (окружной исполнительный комитет). Двухэтажное здание красного кирпича, против кинотеатра «Прогресс», было более тесным, чем дом Смолина. Библиотеке отдали второй этаж, музею — четыре небольшие комнаты на первом этаже. Экспонаты разместили так плотно, что если в комнату входило 5 посетителей, то они уже мешали друг другу. Если в доме Смолина у музея было 99,5 кв.м., то в новом помещении — 58,8 кв.м. Несмотря на тесноту, музей принимает все больше посетителей: в 1924 г. — 1824 человека, 1925 — 2513, 1926 — 3263, 1927 — 9532 человека.

О существовании музея начинают знать не только горожане, но и население округа.

В 1927 г. посетителей из округа было 904 человека. В октябре музей осмотрел старший инспектор Политпросвета Николай Александрович Абрамов, т. к. музей входил в систему Политпросвета, и 18 октября он написал докладную записку в Президиум Окрисполкома, в которой изложил бедственное положение музея. Абрамов предложил передать музею бывший дом декабриста Нарышкина, в котором на тот момент размещалась конфетная фабрика Беленького. Горкомхоз согласился отдать музею это здание бессрочно и бесплатно, но оно требовало капитального ремонта, на который нужно было около 5000 рублей, а годовая смета музея составляла 1317 руб. 54 коп. Тем не менее, 2 декабря 1927 г. была официально оформлена передача этого дома музею.

Летом 1927 г. в Курганском округе работала почвенная экспедиция Пермского университета под руководством профессора Василия Васильевича Никитина. С профессором была установлена договоренность, что Курганскому музею будут заготовлены 15 больших монолитов типичных почв в деревянных ящиках и 100 образцов почв в картонных коробках. За всю коллекцию музей должен был заплатить 150 рублей. При нищенском бюджете для музея это была большая сумма. В январе 1928 г. Иванов обращается за помощью в президиум Окрисполкома с просьбой перечислить музею сразу все деньги за четыре квартала со статьи хозяйственных расходов, всего 200 рублей. Профессору деньги выплатили, но тут появился очередной срочный платеж.

Дом Корнильцева

Техник горкомхоза составил смету капитального ремонта на дом Нарышкина, за которую потребовал заплатить. 27 марта 1928 г. Иванов обращается уже в президиум горсовета: «В настоящее время окружному музею крайне нужны средства... Техником горкомхоза составлена смета, за которую требуется уплатить 80 руб. 90 коп. Сумма до сих пор не выплачена из-за отсутствия средств. Прекращено приобретение экспонатов, в силу этого иногда приходится упускать довольно ценные предметы, принимаются только добровольные пожертвования экспонатов. Вопрос об изыскании средств для музея обсуждался на заседании Совета музея 8 февраля 1928 г., где решили обратиться в Окроно с просьбой дать в пользу музея несколько киносеансов. Окроно дало свое согласие, предложив непосредственно договориться с администрацией кино. Администрацией кинотеатра «Прогресс» дано кино в распоряжение музея на 29 марта. Пойдет картина «Парижский сапожник». Курганскому музею приходится дорожить хотя бы незначительной суммой, поэтому музей обращается к Вам с просьбой, что если возможно, то сбор кино 29 марта освободить от местного

десятипроцентного налога». Сеансы состоялись, но после уплаты денег за аренду и местного налога, который не отменили, у музея остался 31 руб.51 коп. Пока техником горкомхоза составлялась смета на ремонт, пока изыскивались средства, пустующий дом Нарышкина облюбовали беспризорники, которых было невозможно выселить.

Иванов регулярно обращается в милицию с просьбой освободить дом, боясь, что беспризорники его сожгут. Смета на ремонт была составлена на сумму 3315 руб. 71 коп. В феврале 1929 г. Иванов опять ходатайствует перед президиумом Окрисполкома о выделении хотя бы половины суммы на начало ремонта. Но денег не дают.

20 марта 1929 г. Виталий Тимофеевич подает заявление об уходе и уже 24 марта передает по акту музейное имущество П.К. Макаренко. Тот привлекает на помощь газету, и в июле появляется небольшая заметка под заглавием «Склад, а не музей», которая призывала «культурные учреждения города и общественность придти на помощь музею». Была создана комиссия, которая 23 октября 1929 года обследовала музей и вынесла предложение: библиотеку перебросить в другое место, весь второй этаж отдать музею. Библиотека выезжать не согласилась, и дело зашло в тупик. В том же октябре закрывают Александровскую церковь. Чтобы здание не пустовало, отдают его музею. В начале 1930 г. экспонаты музея перевозят в бывший храм, делают две временные выставки — антирелигиозную и сельскохозяйственную. Заведующий Макаренко 7 июля 1930 г. увольняется, не в силах справиться с обстоятельствами. В августе на его место назначают Кривошеина, при котором происходит переезд музея в Народный дом им. Ленина. По этому поводу в газете появилась заметка под названием «Музей краеведения гибнет»: «Курганский музей местного края под угрозой полного уничтожения. То, что было создано десятками лет, превращается в пыль. При освобождении Александровской церкви от музея для спортивного клуба часть экспонатов по чьей-то преступной указке, как утиль, свалена кучей в подвал церкви. Сейчас эти исторические ценности по палеонтологии и минералогии лежат в пыли, в грязи, в беспорядке. Остальная часть музея была перевезена в необорудованное для этого помещение клуба Ленина.

Экспонаты при перевозке частью поломаны и повреждены, т. к. люди, коим было повелено это «переселение», ничего не понимали в музейных экспонатах и обращались с ними, как с дровами...

Александровская церковь

Техническая часть нардома не обещает скоро оборудовать музей. Заведующий музеем Кривошеин абсолютно ничего не знает в вопросах музееведения, он попал сюда случайно, «по воле рока». Он все время, с августа месяца, когда его выдвинули на эту работу, просил, чтобы его, как не соответствующего назначению, сняли с этой работы, но горсовет не обратил на это внимание... Музей должен быть приведен немедленно в порядок».

10 декабря 1930 г. заведующий районо Батурин обратился к заведующему архивом Ефимову с просьбой подыскать кандидата на должность заведующего музеем, на что Ефимов ответил, что в данный момент никого не найти. На какое-то время музей остался без руководителя, можно сказать, прекратил свое существование.

В 1932 г. комсомолка Ода Шмулевич разместила часть музейных экспонатов в круглых коридорах вокруг сцены.

25 октября 1933 г. заведовать музеем был назначен Афанасий Григорьевич Калинин. Он родился в 1900 г. в селе Данауровский Урай Казанской губернии в крестьянской семье, которая в 1909 г. переселилась в Курган. Здесь Калинин закончил училище, потом Шадринскую учительскую семинарию, и с 30 октября 1924 г. заведовал Курганской начальной школой № 2.

После организации в 1928 г. педагогического техникума до 1 октября 1933 был его первым директором. До прихода Калинина музей был только складом, где все было свалено в беспорядке. При нем появились витрины по нумизматике, были выставлены чучела птиц и животных. Новые чучела делал все тот же Черкасов.

В начале ноября 1933 г. на третьем этаже была открыта экспозиция для посетителей, которая разместилась в большой комнате и широком коридоре. Соседняя маленькая комната служила подсобкой и одновременно кабинетом директора. Калинин посетил директоров промышленных предприятий с целью их привлечения к созданию новой, промышленной экспозиции. Привлек бывшего члена стачечного комитета 1905 г. Головина, с помощью которого достал целую библиотечку одного из рабочих кружков 1906 г. На некоторых книгах были подписи руководителей кружков. Тот же Головин принес в музей кольчугу. Местный художник Иван Козлов сделал для музея копию картины В. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Ему же Калинин заказал картину «Расстрел Пичугина». Эта картина до сих

пор хранится в запасниках областного краеведческого музея. В августе 1936 г. Калинин уезжает в Алма-Ату.

На его место заступил Владимир Николаевич Казимирский. Белорус, родился в Минске 13 августа 1894 г. В Курган попал в 1933 г. с Пермской Высшей Коммунистической сельскохозяйственной школой, куда его командировали учиться на трехгодичное партийное отделение. Эту школу окончил в 1936 г., месяца два работал инструктором райкома партии, а в ноябре назначен заведовать краеведческим музеем. В его бытность 29 января 1937 г. в Народном доме случился пожар, сгорели большой и малый зрительные залы и помещение музея. Основные экспонаты сумели спасти, но сильно пострадал книжный и документальный фонд.

Все, что осталось от музея, перевезли на Нижне-Базарную площадь, на второй этаж четвертого торгового корпуса, в котором до революции был магазин Колокольникова, а сейчас располагался Обком союза работников политпросвета. Потом в этом здании была пекарня, сейчас на этом месте торгово-гостиничный комплекс «Воробьевы горы».

5 июня 1937 г. заведующей музеем была назначена Парасковья Филипповна Теплова, которой Казимирский 11 июня 1937 г. сдал все имущество, оставшееся от пожара. При Тепловой в музее появились два сотрудника — М. С. Гапанюк и С. Гребенщикова, которые 22 октября 1938 г. поместили в газете «Красный Курган» небольшую заметку «Музей не ремонтируют». Действительно, помещение музею дали плохое, в котором протекали потолки, и развернуть экспозицию было невозможно, да и складированные предметы мокли и портились. Тем не менее, экспозицию развернули и проводили экскурсии.

При переезде потеряли пушку, которую осенью нашел некто Парамонов, который через газету и сообщил об этом: «Во дворе драмтеатра лежит чугунная пушка 1840 г. Музею этот ценный экспонат надо прибрать к месту».

Вышестоящие органы как будто не замечали плачевного положения музея, критиковали его работу, хотя ни в чем не помогали. К примеру, 10 мая 1938 г. на заседании райисполкома указывалось, что музей не оправдывает положения научно-исследовательского и политико-просветительного учреждения, что ему необходимо срочно организовать отдел социалистического строительства, и что директор музея Световцев Роман Степанович должен разбить новые материалы

на отделы: исторический и Октябрьской революции. Световцев был временным человеком в музее.

10 апреля 1938 г. Теплова уезжала на курсы в Москву, и РОНО направило Световцева на три месяца на ее место. Естественно, он ничего не сделал. В 1939 г. музей проинспектировала комиссия районного комитета партии, которая убедилась в его плачевном положении. И тогда музеем пообещали передать Троицкую церковь, которая находилась буквально рядом. Но дело так долго тянулось, что 15 апреля 1940 г. Теплова отправляет в горисполком докладную записку: «Решением Президиума горисполкома помещение бывшей Троицкой церкви должно передаться Курганскому районному музею, который уже на это помещение составил смету на проведение капитального ремонта, и уже Президиум облисполкома обещает денег 36000 рублей. Помещение это пока занято заготзерно, засыпано хлебом, теперь хлеб вывозят, машинами всю ограду поломали, подъезд в подвальное помещение развалили и кирпич уже растаскали, повытаскали несколько рам, разбили стекла...».

Не успел музей расположиться в Троицкой церкви, как грянула война. 22 октября 1941 г. на заседании горисполкома было принято решение «Ввиду увеличения населения города передать здание музея в аренду отделению Челябторга для устройства столовой... Музей закрыть, передать имущество по акту на хранение гороно».

Заведующие музеем в это время работали по несколько месяцев. 25 апреля 1941 г. Теплому сменила Анна Евгеньевна Якушина, уроженка села Боровое Белозерского района, за плечами которой были курсы советско-партийных и партийно-газетных работников. Ее вскоре перевели в распоряжение горкома ВКП(б).

15 июля 1941 г. заведующей назначили Марию Максимовну Струченко. При ней состоялся переезд музея на улицу Куйбышева, в бывший дом купцов Корниловых, в подвальное помещение.

Уже 19 июля 1942 г. газета сообщала: «В городе открылся краеведческий музей. Работают вводный отдел и отдел природы. В первый день музей посетило 130 человек. Готовится к открытию исторический отдел и отдел Отечественной войны».

22 октября 1942 г. Струченко перевели в научные сотрудники, а заведующей назначили Е. Н. Гольцман. Семья Гольцман была эвакуирована из г. Казатина Винницкой области. Глава семейства, Михаил

Магазин Колокольникова

Самойлович, работал прорабом, а жену определили в музей. В январе 1943 г. начали готовить экспозицию отдела промышленности.

В феврале была образована Курганская область, и вскоре музей получил статус областного учреждения. На заседании облисполкома 15 июля 1943 г. при облоно был утвержден областной музей на базе городского со штатом 5 человек, с месячным фондом заработной платы 1750 рублей.

18 февраля 1944 г. облисполком выносит распоряжение «передать облоно помещение бывшей Александровской церкви под областной краеведческий музей. Поручить зав. облоно (т. Фирсову) и директору музея (т. Гольцман) открыть музей к 15 марта 1944 г. Передать в ведение областного музея все имущество городского музея».

Но Александровскую церковь уже занял театр под хранение декораций и реквизита и освободил ее только в 1945 г.

Начали ремонт храма, который шел крайне медленно, музей продолжал находиться в непригодном помещении.

28 января 1947 г. на Бюро обкома партии постановили: «Ввиду того, что областного музея в Кургане в ближайшее время создать невозможно, обязать облисполком не позднее 1 марта 1947 г. реорганизовать

Шадринский городской музей в областной краеведческий музей, обеспечив укомплектование штата музея проверенными, квалифицированными научными работниками».

Шадринск тоже испытывал затруднение и с помещениями, и со специалистами, поэтому это постановление вскоре отменили.

В марте 1948 г. очередной директор музея, Гайлит Александр Иванович, заключил договор с домоуправлением № 14 об аренде на 5 лет первого этажа и подвала в доме по адресу Володарского, 11. Гайлит родился в 1910 г. в Риге, но ребенком оказался в Кургане — его отец поступил на службу в один из курганских банков. Окончил 3 курса Московского института иностранных языков, преподавал немецкий в школах и педтехникуме Кургана. Директором музея был назначен в конце 1947 г., после Меньщикова Леонида Ивановича. И пробыл на этой должности очень недолго.

В феврале 1949 г. его сменил на короткое время Елисеев П. Чтобы ускорить ремонт Александровской церкви, Елисеев принимает 1 апреля 1949 г. на должность старшего научного сотрудника Ивана Сидоровича Сковороду, который был в числе трех виновников пожара в Народном Доме, во время которого частично погиб музей. Теперь ему было поручено отвечать за проведение капитального ремонта церкви под музей.

«Красный Курган» писал 5 сентября 1949 г.: «Музей во время войны был закрыт из-за нехватки помещения. Теперь оно найдено. Идет ремонт. Но экспонаты не разобраны, свалены в кучу. Нет директора и научных сотрудников. В городе нет музейных специалистов. О подыскании директора среди местных краеведов и педагогов культпросветработы речь не идет...»

2 ноября 1949 г. ремонт был закончен. Сковороде объявили благодарность за образцовое выполнение задания, а 4 ноября он был уволен. Музей начал перевозить свое имущество из временного помещения по Володарского, 11, в отремонтированный храм и до 1991 г. имел адрес — Володарского, 48.

В сентябре директором музея назначили Турбина А. Ф., которого ровно через год перевели на должность художника и завхоза.

15 сентября 1950 г. директором музея стал Александр Петрович Либерте. Москвич, интеллигент, волею судьбы попавший в Курган, имеющий хорошее историческое образование, он оказался на своем

месте. При нем была создана первая экспозиция музея в статусе областного, которая была открыта для обозрения 10 ноября 1951 года.

Вернувшись в Москву, Либерте сменил фамилию на Свободина, занялся театральной деятельностью. Стал известным театральным и художественным критиком, стоял у истоков театра «Современник», в котором Олег Николаевич Ефремов поставил его пьесу «Народовольцы». По сценарию Свободина снят фильм «Нас венчали не в церкви». Существует театральная премия его имени.

А музей продолжал менять директоров, но уже не с такой поспешностью. В бывшей Александровской церкви он находился до 1991 г., потом ему было предоставлено здание бывшего Дома политпросвещения, где музей находится по настоящее время.

КУРГАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАЕВЕДЕНИЯ

По решению 1-й Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края при Российской академии наук в 1922 г. было создано Центральное бюро краеведения (ЦКБ), которое возглавил академик С. Ф. Ольденбург.

А в Кургане уже 7 апреля 1921 г. молодой и очень увлеченный идеей развития краеведения, заведующий музеем местного края Николай Николаевич Бортвин собрал у себя в музее учителей, студентов, представителей различных учреждений, чтобы оформить Курганское Общество краеведения. Собралось 25 человек, которым Бортвин прочел доклад, основной идеей которого было утверждение, что знание своей Родины есть сила, без которой народный труд не может быть производителен. Целью Общества должно стать обнаружение и охрана таких памятников, которые хотя и не могут в настоящее время быть подвергнуты всестороннему и глубокому изучению, но сохранение которых является насущной потребностью науки будущего. Докладчик говорил очень убедительно, присутствующие проголосовали за вступление в Общество краеведения, приняли устав Общества и разошлись. На этом завершилась первая попытка создания в Кургане Общества краеведения. Тем более, что Бортвин через год уехал в Екатеринбург, а в Кургане свирепствовал голод, который не способствовал работе Общества. Вторая попытка создания Общества краеведения оказалась удачной. В июне 1924 г. по инициативе краеведа-энтузиаста Матвея Дмитриевича Русинова и заведующего архивным бюро Ленского Ивана Афанасьевича при музее организовался кружок по изучению истории местного края.

28 сентября состоялось собрание кружка, на котором присутствовало 8 человек. Русинов сделал доклад, в котором уделил особое внимание ближайшему плану работ и сбору краеведческих материалов и предложил кружок преобразовать в Общество краеведения. Предложение было принято единогласно. Собрание постановило считать Общество краеведения открытым. Русинову поручили оповестить

население о целях и задачах Общества через газету «Красный Курган» (ГАКО, ф.376, оп.1, д.2, л.1).

Через несколько дней после создания Общества Русинов выехал в Свердловск на второй съезд краеведов, состоявшийся 4-9 октября 1924 г. по инициативе Уральского Общества Любителей Естествознания (УОЛЕ). На этом съезде было организовано Уральское Областное Бюро Краеведения (УОБК), чем было положено начало объединению краеведческих организаций региона. До 1930 г. УОБК подчинялось Главнауке Наркомата просвещения РСФСР, а затем сектору науки Наркомпроса. Уральское бюро краеведения ликвидировано в 1935 г.

Председателем Курганского Общества краеведения был избран Владимир Павлович Ефимов. Инициативная группа в составе В. П. Ефимова, И. А. Ленского, М. Д. Русинова, Е. Ф. Соколова, Е. П. Хорошаевой, Ф. Н. Толкачевой, М. С. Назаренко и Е. В. Скороходова

выработала Устав Общества, развернула пропаганду в школах, учреждениях, в профсоюзах с призывом вступать в Общество. Была выработана программа для краеведческих кружков и разослана по всему округу.

Агитация дала результаты: если на 1 февраля 1925 г. в Обществе было зарегистрировано 29 членов, то к концу этого года уже 77 членов, платящих взносы (Курганский округ. Курган, 1930. с.154).

Общество всколыхнуло мысли вокруг идеи краеведения и привлекло внимание многих организаций и учреждений. Школы делегировали в члены Общества молодых учителей, несколько человек было из молочной лаборатории, несколько врачей, служащие

из земельного управления и других советских организаций. В это же время начинается объединение краеведов в селах.

В Куртамыше организовался филиал Общества краеведения, мысль о создании которого пришла в голову милиционеру Ажгибесову.

Иван Афанасьевич
Ленский

Потом к этому движению присоединился инструктор Куртамышского политпросвета Чумаков и заведующий местным клубом Н. А. Абрамов. Вслед за этим было положено начало организации местного районного музея.

В селе Глядянском организуется кружок краеведов во главе с избачом Глебовым. Краеведческие ячейки возникли в селах Звериноголовском, Марайском, Белозерском, Мокроусовском районах и при Юргамышском сельскохозяйственном техникуме. Но местные власти отнеслись к краеведческому движению безразлично и этим способствовали тому, что к 1927 г. краеведческие ячейки свернулись.

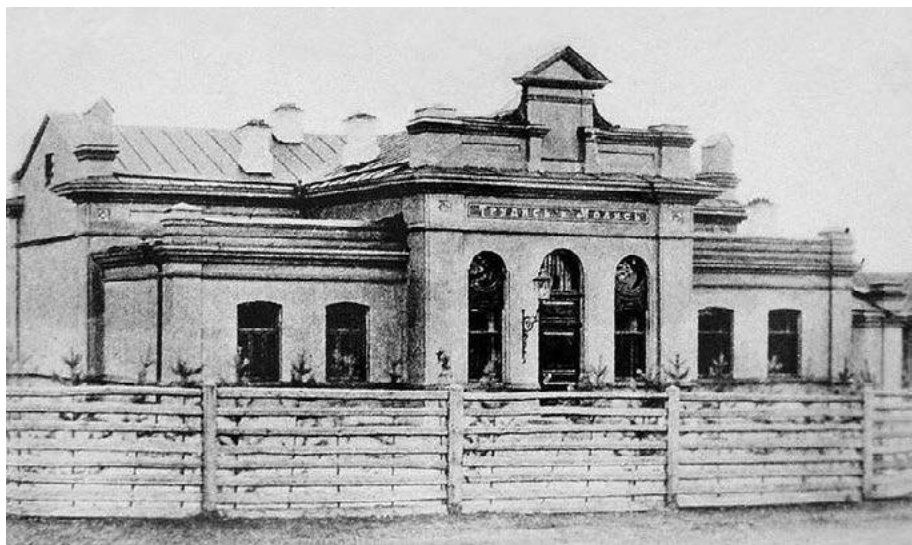
15 марта 1925 г. Правление было переизбрано и в него вошли агроном Андрей Иванович Князев, агроном Яков Ефимович Лешин, помощник заведующего музеем Сергей Владимирович Звягинцев, заведующий Статистическим бюро Филосов Петрович Барсуков, преподаватель лесного техникума, агроном Николай Гаврилович Колташев и Алексеев. Председателем был избран Я. Е. Лешин.

Со дня образования Общество краеведения собиралось в помещении музея. Новое Правление начало хлопотать о собственном помещении. На заседании 28 марта 1925 г. принимается решение ходатайствовать перед окружным исполкомом «О закреплении за Обществом краеведения участка бывшего МОСХа, дополнив его прирезкой соседнего участка усадьбы детдома, а также здания, занимаемого детдомом» (ГАКО, ф.р-367, оп. 1, д.5, л.10). Детдом тогда занимал здание 3-го женского училища. Сейчас территория Саманного дома и училища занята театром.

В апреле 1925 г. участок Саманного дома Обществом был получен. Поскольку в Правление входило несколько агрономов, то было решено организовать на участке плодовый питомник и ботанический

Владимир Петрович
Ефимов

Саманный дом

садик. Вся усадьба была вскопана и разбита на делянки учениками городских школ. Делянки были засеяны полевыми и огородными культурами, и даже были всходы, но с началом школьных каникул все работы были заброшены и делянки заросли сорняками.

Осенью усадьбу пришлось возратить комхозу, потому что 27 июля был составлен акт осмотра Саманного дома окружным инженером Н. В. Аронштамом и техником комхоза С. М. Киселевым, в котором было зафиксировано, что «здание имеет много трещин шириною до трех вершков, верхняя часть стен у водосточных труб размыта, здание разрушается, для жилья ни в коем случае не пригодно, немедленно должно быть очищено от жильцов и разобрано» (ГАКО, ф. р-367, оп. 1, д. 12, л. 29). До ноября Правление еще собиралось в Саманном доме, а потом его снесли.

В январе 1926 г. на этом месте заложили Народный дом им. В. И. Ленина. Обществу краеведения предоставили помещение на улице Свободы (ныне Куйбышева), 66.

В 1925 г. Обществом была произведена регистрация и фотографирование домов декабристов, но организовать их охрану не удалось. Сохранился акт обследования усадьбы Нарышкина от 21 марта 1925 г. В комиссию входили М. Д. Русинов, В. П. Ефимов и С. В. Звягинцев,

которые после осмотра усадьбы на Береговой, 64 записали, что «Дом принадлежит гражданину Беленькому Антону Прокофьевичу, и усадьба в границах: по Береговой — 38 сажен, по Думскому переулку — 41,8 сажен, по берегу Тобола от переулка до переезда, с уступом к реке, в поперечнике по Базарной площади — 42 сажени. Из означенной площади исключена каменная кладовая, с местом под нею, принадлежащая коммуноотделу. На уступе кр. Тоболу находится сад Нарышкиных. Часть сада в настоящее время вырублена гражданами Сальниковыми Алексеем и Федором Семеновичами, которым, по их словам, площадь сада отведена для постройки и понтования в 1924 г. коммуноотделом. Дом и постройки требуют ремонта. Часть надворных построек разобрана для разных надобностей, но места их фундаментов явно обнаруживаются» (ГАКО, ф. р-367, оп.1, д.11, л.2-3).

К акту приложен чертеж усадьбы с указанием сохранившихся построек. Комиссия ошибочно причислила к домам декабристов бывшее здание уездного училища, которое было достроено в октябре 1863 г., уже после отъезда из Кургана последнего декабриста. Но усилиями Общества краеведения на этот дом в ноябре 1927 г. была прикреплена бронзовая доска с профилями пяти повешенных декабристов, с надписью «Дом декабристов» и датами «1825–1927». Медная доска была отлита сидельцами Домзака. Дом заключения, как теперь именовалась бывшая тюрьма, имел за Тоболом вагранку, или чугуно-медно-литейный заводик, на котором отливались медные и чугунные доски, памятные и надгробные. Доска эта была украдена в начале 21-го века и, вероятно, сдана, как цветной лом.

В начале 1926 г. Правление Общества было переизбрано, и председателем Правления стал заведующий музеем Виталий Тимофеевич Иванов. Правление посчитало: так как интересы музея и Общества краеведения совпадают, то кандидатура Иванова самая удобная. Новый председатель предложил провести в музее окружную художественную выставку под эгидой Общества краеведения. На заседании Правления 14 марта 1926 г. был создан выставочный комитет в составе Виталия Тимофеевича Иванова, Константина Лукича Цуканова и самодеятельного художника Матасова. Выставке, поскольку ее проведение было первым опытом, решили придать широкий характер. Было отпечатано 500 экземпляров листовок с приглашением принять участие в выставке, из них 300 экземпляров разослали в районные

исполкомы, 150 — по учреждениям города, 50 — расклеили на улицах. Несмотря на агитацию, на выставку поступило всего 123 предмета, и работала она одну неделю, с 3 по 9 мая. Посетили выставку 423 человека. Центральное место на выставке занял своими произведениями дилетант Матасов, от картин которого осталось впечатление профанации в искусстве. В дальнейшем он не выставлялся.

Больше у Иванова, как у председателя Правления Общества краеведения, никаких идей не было. В Кургане он жил недавно, историю города и округа не знал, воодушевить членов Общества не мог, и к концу 1926 г. большая часть членов механически выбыла. Деятельность Общества практически прекратилась.

Но истинные краеведы ликвидировать Общество не согласились. 2 февраля 1927 г. избрали новое Правление в составе И. А. Ленского, В. П. Ефимова, Я. Е. Лешина, В. Т. Иванова и Н. А. Абрамова. Председателем сделали Ленского, человека энергичного и напористого. Правление решило в первую очередь уделять как можно больше внимания музею, оказывать ему всевозможную помощь. Члену Общества, Михаилу Захаровичу Лешину, преподавателю лесного техникума, расположенного на Илецко-Иковской даче, было поручено составить для музея гербарий трав с описанием, что и было сделано.

Почвенная экспедиция Пермского университета под руководством профессора Василия Васильевича Никитина, по договоренности с Обществом, передала музею большое количество образцов местных почв.

На общих собраниях стали заслушивать доклады членов Общества. Интересным было сообщение гидротехника окружного земельного управления Кузьмы Дмитриевича Челядинова «Гидрологическое обследование реки Тобола (1925-1928 гг.) в связи с рациональным использованием его водной энергии в интересах местного хозяйства». Челядинов был неплохим фотографом и сопровождал свои сообщения снимками.

Его дочь, Валентина Кузьминична Бортовская, передала в краеведческий музей в 2003 г. несколько таких снимков. Челядинов был уроженцем Мишкинского района, окончил Московское политехническое училище, в Курган приехал в 1924 г., 5 апреля 1938 г. был арестован по обвинению в шпионско-диверсионной деятельности и 24 ноября того же года расстрелян. Реабилитирован 18 апреля 1961 г.

В 1928 г. Н. Н. Бортвин по поручению Академии наук раскопал курган у деревни Вагиной Белозерского района. Итоги раскопок он доложил на собрании курганских краеведов. Были сообщения самые разнообразные: о торфяниках Курганского округа, о фенологических наблюдениях, о революционных событиях и пугачевском движении, о сектантах и разливах Тобола и о многом другом.

В результате этих слушаний возникла мысль об издании краеведческого сборника. 12 февраля 1928 г. общее собрание членов постановило: «Правлению Общества озаботится собранием в портфель Общества краеведческих работ, производящихся в округе на предмет опубликования их в специальном издании «Труды Курганского Общества краеведения» (ГАКО, ф. р-465, оп.1. д.12, л. 42).

Президиум Окрисполкома 31 октября 1928 г. выделил 1000 рублей на издание сборника, недостающая сумма, если таковая будет, должна состояться из членских взносов и пожертвований. Для участия в первом сборнике привлекли профессоров Уральского политехнического техникума Ю. М. Колосова и М. О. Клера, профессора Пермского университета В. В. Никитина и его студентов, директора Свердловской геофизической обсерватории М. В. Ситнова, ученого секретаря областного Бюро краеведения Л. М. Каптерева, свердловского археолога Н. Н. Бортвина и др. Ленский сделал попытку привлечь к участию в сборнике Петра Петровича Смолина, сына известного курганского купца Петра Дмитриевича Смолина.

Петр Петрович работал в Москве, на биостанции в Сокольниках, куда Ленский 18 апреля 1929 г. и направил свое письмо: «Уважаемый Петр Петрович! Наше Общество изучения Курганского округа издает в 1929 г. первый краеведческий сборник. Собираются материалы от всех исследователей округа, к числу которых мы причисляем и Вас. Профессор Модест Онисимович Клер убедительно рекомендовал обратиться к Вам, как обладателю богатейших наблюдений по зоологии нашего округа. Не зная конкретно Вашей работы, Правление Общества обращается к Вам с предложением о принятии участия в нашем краеведческом издании. Размер очерка до 20000 буквенных знаков, популярный для школы и наблюдателей зоологов-краеведов. Сборник сдаем в печать в первой половине июня сего года» (ГАКО, ф.р-367, оп.1, д.15, л.92-93). Об ответе Смолина ничего неизвестно, но в сборнике его статьи нет.

Сборник «Курганский округ» под редакцией И. А. Ленского, Я. Е. Лешина и В. П. Ефимова был отпечатан в 1930 г. в Курганской типографии им. Пурица тиражом в 1000 экземпляров. Давно стал библиографической редкостью. Среди авторов сборника — иногородние профессора и студенты, из местных краеведов — только Иван Афанасьевич Ленский и Вальтер Павлович Штольцер, инженер-строитель городского водопровода.

Курганские краеведы были озадачены подготовкой очерков для второго сборника. Сотрудник курганской метеостанции Копейкин пишет большую работу «Обзор погоды и метеоэлементов в динамике истекшего пятилетия»; специалист-торфовец Окрузд. Ф. Чистяков, который являлся единственным знатоком торфяников местного края и их ресурсов в топливном балансе хозяйства округа, готовит очерк «Описание торфяников Курганского округа»; агроном П. Г. Маслов — очерк «Сорняки полевых и огородных культур»; сотрудник Колхозсоюза, агроном-коллективизатор — очерк «Колхозы округа»; журналист, сотрудник газеты «Красный Курган» А. Я. Гусев готовит сразу несколько публикаций: «Пугачевское и противопомещичье движение в Курганском округе», «Первая советская власть в Кургане», «1905 год в Кургане», «Пролетарская печать в Кургане», «Голод в Курганском уезде», другой журналист «Красного Кургана», Н. Сибиряков собирает материалы «Сектанты в борьбе против Советов». Всего не перечислишь, но очерков готовилось много и краеведами-сельчанами.

К сожалению, издание второго сборника не состоялось. 8 июля 1930 г. от Уральского Бюро краеведения в Курганское Общество краеведения поступает заказ на монографическое описание одного из колхозов округа, по выбору Общества. Работу поручили члену Общества, журналисту Алексею Яковлевичу Гусеву.

Сообщая 14 июля об этом Уральскому Бюро Краеведения, Ленский пишет: «...Опасность наша в том, что все члены перегружены по службе и всякое хорошее начинание не бывает доведено до конца... Необходимо указать, что назначаемые Вами премии чрезвычайно мизерны, что даже не окупают всей сложности труда краеведа-исследователя, которому, чтобы дать монографическую работу, необходимо потратиться самому в гораздо большей сумме (переезды, время в колхозе, связь, проверка добытых сведений в окружном центре, техническая и литературная обработка и т. д.). Желательно размер премий

пересмотреть в сторону увеличения, отчего Уральское Бюро только выиграет» (ГАКО, ф. 376, оп. 1, д.20, л.47).

15 июля 1930 г. выходит Постановление ЦК ВКП(б) о ликвидации округов, по которому окружные города становятся районными центрами, в том числе и город Курган. Все окружные организации ликвидируются.

Замерла деятельность и Общества краеведения. 1 марта 1931 г. газета «Красный Курган» помещает заметку члена Общества И. Пономарева, который пишет: «В то время, когда в СССР строительство идет гигантскими шагами, когда жизнь бьет ключом, молодежь рвется к учебе, у нас же в Кургане какая-то преступная рука разрушила краевой музей... На днях выяснилось, что Курганское Общество краеведения волею злой судьбы также превращено в развалину... Ведь музей и Общество должны быть вспомогательными организациями по изучению края. Разве не интересно учащимся педтехникума, сельхозтехникума и других учебных заведений знать свой край... В скором времени должно быть организационное собрание по вопросам жизнедеятельности Общества краеведения. Это собрание должны посетить все культурные силы города и принять самое живое участие в восстановлении Общества. А также обратить внимание на восстановление музея. Позор курганцам допустить развал двух ценных единиц всего края: музея и Общества краеведения. Педагоги всех учебных заведений, учащиеся техникумов, институтов, школ 2-й ступени и все культурные силы города, дело за вами!».

Собрание состоялось 5 марта в 5 часов вечера в здании Курганского архива. На повестке дня было два вопроса: о ликвидации Общества как окружной организации и о формах дальнейшей краевой работы.

Как раз в это время председатель Общества Ленский был переведен в Пермь заведовать межрайонной базой книгоцентра, куда и выехал из Кургана, не оформив сдачу дел Правлению.

По требованию Ефимова дела Общества, которые находились на квартире Ленского, были доставлены в архивное бюро.

Ефимов сообщал 22 апреля 1931 г. в Уральское Бюро краеведения: «Когда окончательно выяснилось, что председатель Ленский бросил Общество на произвол судьбы, то мы, оставшиеся два члена Правления, Ефимов В. П. и Лешин Я. Е., обсудив создавшееся положение и принимая во внимание, что с ликвидацией округа наше общество

повисло в воздухе, т. к. юридически оно по Уставу уже не существует, мы пришли к выводу, что Общество надо или ликвидировать или же реорганизовать в районное...» (ГАКО, ф. р-367, оп.1, д.216, л.27).

Реорганизация Общества краеведения в районное Бюро краеведения произошла в последних числах августа 1931 г. Бюро числилось на той же усадьбе, что и архив, на улице Свободы, 51 (бывшая Березина). Председателем Бюро был избран Я. Артемьев, ученым секретарем В. П. Ефимов, который и вел всю работу. Летом 1931 г. вернулся Ленский, но членом Бюро пробыл недолго, в начале 1932 г. ушел официально. Бюро краеведения никакой деятельностью себя не проявило.

В ноябре 1935 г. Ефимов отсылает заявление в Курганское отделение Госбанка: «Вследствие Вашего предложения о снятии текущего счета № 758, а также и ввиду совершенной недеятельности Общества и Бюро краеведения, названный счет № 758 следует закрыть, а имеющиеся на нем суммы в 787 руб.79 коп. перечислить на текущий счет № 619 Курганского отделения государственного архива, как продолжателя работ Общества краеведения». Деньги архиву были перечислены 22 ноября 1935 г., и Курганское Бюро краеведения прекратило свое существование.

Краеведческая работа на общественных началах прекратилась, но стоит помнить тех, кто эту работу двигал, собирал и хранил сведения по истории родного края, и сегодня мы благодарны этим людям.

Самую большую роль в краеведческом движении 1920–1930-х гг. сыграл Владимир Павлович Ефимов. Он родился 12 (24) июля в станице Звериноголовской, в семье казака. В 1916 г. окончил Оренбургский учительский институт, поступил в Томский университет, где проучился один курс на историко-философском факультете и два курса — на физико-математическом. Заболел тифом и оставил учебу (ГАКО, ф.р-367, оп.1, д.21, л.63).

Вернулся в Звериноголовское, учительствовал. Переехал в Курган в сентябре 1924 г., 23 ноября того же года принял заведование музеем местного края. Ушел с этой должности по болезни с 1 января 1926 г. Вскоре он был назначен заведовать архивом.

Располагая в архиве большим количеством документов, Ефимов начинает с этого времени работать над несколькими темами: обобщает материалы по истории народного образования в Курганском

округе с 1800 по 1917 г.; собирает материалы по литературным и официальным источникам к истории города Кургана; составляет перечень древних курганов, меры их охраны и нанесение их на карту; составляет библиографию Курганского округа; собирает и систематизирует материалы по декабристам. Местные архивы в 1917–19 гг. во многом подверглись уничтожению и расхищению. Чтобы найти необходимые сведения, Ефимов в 1929 г. выезжал в Челябинск и Оренбург для работы в архивах, в 1930 г. — в Омск и Тобольск. Многие материалы попали в частные руки, иногда изымать их приходилось за деньги или принудительно.

Об отношении Ефимова к краеведению мы можем судить по его выступлению на пленуме районного Бюро краеведения 25 сентября 1931 г.: «Много наше краеведение и вообще история края теряет от невнимательности и наплевательского отношения к культурным ценностям — печатным и архивным материалам; уничтожение библиотекой огромной массы ценных, в буквальном смысле, книг в 1925 и 1929 годах; даже сейчас мне неизвестна судьба просмотренных и отобранных мною около 18 000 книг; уничтожение архивных материалов Окргу, Статбюро, Окроно, Окрплана, уездного училища и т. д. Архивное Бюро при одном работнике совершенно бессильно в данное время бороться за архивы... Мне приходится одному вертеться как белке в колесе — и в архиве, и по краеведению, и отчеты писать, справки выдавать, и вести научную и архиво-техническую работу...» (ГАКО, ф. р-376, оп.1, д.22, л.49).

Вот так напряженно Ефимов работал до 1938 года, когда он ушел с работы. У него была уже открытая форма туберкулеза, и 4 апреля 1942 г. Владимир Павлович скончался.

В организационном плане большую роль играл Иван Афанасьевич Зыков, взявший в 1920 г. псевдоним — Ленский. Он родился 13 (26) января 1897 г. в деревне Скаты в семье лесника, уроженца деревни Рычковой, куда позже семья и вернулась. Участвовал в Первой мировой войне, георгиевский кавалер, в мирной жизни сменил много профессий. В 1921 г. был слушателем первого набора совпартшколы — начальная марксистская подготовка членов партии. В 1922 г. назначен заведующим уездным политпросветом. Заведующим он был недолго, но в системе политпросвета работал несколько лет. Был первым заведующим окружным архивным бюро, заведовал книжным

магазином «Искра», с 1921 по 1934 г. был корреспондентом местных газет, служил в промкооперации, в Окрпотребсоюзе. В 1924 г. вместе с М. Д. Русиновым основал Курганское Общество краеведения, в 1927–1930 гг. был председателем правления этого Общества. В 1931 г. решил покинуть Общество краеведения, о чем сожалели даже свердловские партнеры. Директор Уральской научно-исследовательской станции гипросельхоза Березовский 15 декабря 1931 г. писал В. П. Ефимову: «Мне кажется, Вы недооцениваете Ленского. При всей его, может быть, небольшой интеллигентности, это, все-таки, один из активнейших работников у Вас в Кургане, а для Бюро краеведения он является ценнейшим и его отпускать из Бюро ни в какой мере не годится» (ГАКО, ф.р-376, оп.1, д.25, л.46).

В заявлении на имя Ефимова от 17 ноября 1933 г. Ленский пишет: «До сих пор в местных организациях и отдельные руководящие работники народного образования продолжают считать меня причастным к краеведческой организации и ответственным за состояние работы. О выбытии меня из состава Бюро краеведения я Вас ставил лично в известность в начале 1932 г., после неудавшихся попыток с работами Уралнис Гипросельхоза и полной невнимательности к вопросам краеведения со стороны бывшего района. В апреле 1932 г. я был публично компроментирован в газете редактором газеты «Красный Курган» Приходько (членом Бюро краеведения), как проводивший якобы вредоносную тенденцию в краеведческой работе за все время (с 1924 г.). Хотя это потом не подтвердилось как ложь, но это выступление меня поставило за пределы краеведческой организации по изучению местного края. С этого момента я фактически и порвал связь с районным Бюро краеведения. Письменно подтверждаю о моем выбытии из краеведческой организации и прошу не считать меня ни выборным, ни рядовым членом с 1 февраля 1932 г.» (ГАКО, ф.р-376, оп.1, д.28, л.86).

25 марта 1936 г. Ленский был арестован и приговорен к трем годам лагерей по 58-й статье. Вернувшись в 1939 г., Ленский краеведческой работой не занимался, но после войны стал писать воспоминания, часть из них хранится в краеведческом музее, с которым у него была тесная связь. Многие исследователи пользуются его мемуарами, но нужно предупредить, что писались они по памяти, и многие факты, приводимые Ленским, не соответствуют действительности. Иван Афанасьевич скончался 11 марта 1977 года.

Самым старшим среди курганских краеведов был Матвей Дмитриевич Русинов. Коренной сибиряк, родившийся 9 августа в Таре, окончил Омскую учительскую семинарию. В Курган прибыл 20 июля 1879 г., преподавал историю и географию в уездном училище, преобразованном в 1902 г. в городское, а в 1914 г. — в Высшее начальное училище. Его хорошо знали в городе, многие учителя сами когда-то были его учениками. В 1906 г. Русинов получил чин коллежского асессора, в 1909 г. — награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. В 1910 г. был переведен в Тюкалинск, но скоро вернулся.

Какое-то время после установления Советской власти и закрытия некоторых учебных заведений был без работы, с сентября по ноябрь 1924 г. заведовал местным музеем. Именно он и И. А. Ленский были отцами-основателями Курганского Общества краеведения. Русинов много выступал на заводах, в клубах, школах с докладами и лекциями по истории края, собирал документы, состоял членом Московского Археологического общества. В конце 1924 г. был приглашен в школу 2-й ступени преподавать астрономию и экономику. В это время он пишет пособие для школ 1-й ступени, которое было разрешено для печати областным методическим Советом в Свердловске, оно называлось «Обзор Курганского округа и его естественных особенностей». Русинов обратился в Окроно, откуда ответили: «Ваш труд, при всей его ценности богатства материала и полноты изложения, Окроно не может рекомендовать в качестве пособия для школ 1-й ступени, т. к. «Обзор Курганского округа», изданный Окрисполкомом и уже имеющийся в школах, является вполне достаточным справочником по всем краевым вопросам. Ваш труд уступает «Обзору» в том отношении, что в нем нет достаточной популярности изложения, и что статистические данные уже устарели» (ГАКО, ф.р-48, оп.1, д.40, л.97).

В то же время Окроно ходатайствует перед Президиумом горсовета о присвоении Русинову звания Героя Труда с присвоением персональной пенсии. Термин «Герой труда» стал активно использоваться по всей стране с 1921 г. Тогда грамоты с этим словосочетанием начали вручать передовым рабочим с большим трудовым стажем. Присвоение производилось губернскими Советами профсоюзов по представлению рабочих собраний. Герои труда пользовались определенными льготами. Документа о присвоении звания Русинову не обнаружено. Скончался Матвей Дмитриевич 12 февраля 1931 года.

Одновременно с Русиновым, Окроно просило и за другого старшего учителя, члена Общества краеведения Соколова Елпидифора Федоровича. 18 мая 1927 г. Президиум горсовета постановил, что: «...долголетняя педагогическая деятельность учителей Русинова М. Д. и Соколова Е. Ф. была направлена исключительно на пользу трудящихся, что она заслуживает полного одобрения со стороны органов Советской власти, и что Русинов и Соколов достойны звания Героев труда. Просить вышестоящие органы Советской власти о назначении им персональных пенсий» (ГАКО, ф.р-465, оп. 1, д.25, л.318).

Соколов родился 13 октября 1862 г. в селе Николаевском Омского округа, окончил Омскую учительскую семинарию, выдержал специальное испытание на звание учителя родного языка и в 1883 г. приехал в Курган. До 1895 г. преподавал в мужском Троицком училище. Был женат на племяннице А. Н. Балакшина Екатерине Григорьевне Серебренниковой, которая была учительницей чистописания, рисования и рукоделия в женской прогимназии.

Первой краеведческой работой Соколова был большой очерк о Троицком училище, построенный на документах и опубликованный в «Тобольских губернских ведомостях». В 1895 г. Елпидифора Федоровича перевели в Тобольск, где он долгое время служил инспектором народных училищ. Собирал материалы по народному образованию Тобольской губернии, писал об этом статьи, которые печатались в таких изданиях как «Ежегодник Тобольского музея», в газетах «Сибирский листок», «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Восточный обзор», «Екатеринбургская неделя», «Земля и труд».

В 1918 г. семья Соколовых вернулась в Курган, где Елпидифор Федорович начал преподавать в профтехшколе. По субботам проводил там литературные вечера, на которых учащиеся выступали с декламацией. По его инициативе стала выпускаться ежемесячная стенная газета «Профтехшколец». Поддержал возникновение «Синей блузы»*.

Синяя блуза — советский агитационный эстрадный театральный коллектив, отражавший самые различные темы — от общеполитических и международных до мелочей быта, новое революционное массовое искусство. Существовал с начала 1920-х до 1933 года. Название дала одежда — свободная синяя блуза, в которой выступали артисты. Она соответствовала традиционному облику рабочего на агитплакатах.

По воспоминаниям Валентина Коржева, выпускника профтехшколы, Соколов был «всеобщий любимец, большого роста, грузный старик сльвиной шевелюрой серебристых волос и усами типа «Тарас Бульба», очень энергичный и инициативный». Став членом Общества краеведения, Соколов продолжал собирать материалы и по современному положению народного образования. Материалы его не отложились в архиве.

Большая роль в становлении краеведческой работы в Кургане принадлежит Николаю Николаевичу Бортвину. Он родился 25 февраля 1892 г. в селе Бердюжском Ишимского уезда бывшей Тобольской губернии (ныне Омская обл.). Один год проучился в Тобольской духовной семинарии и уехал в Петербург, где усиленно занимался самообразованием. В 1910 г. сдал экзамены в Петербургском учебном округе и в 1911 г. поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, избрав узкой специализацией археологию. В 1917 г. он вернулся в Курган, где преподает на курсах для взрослых, заведует отделом народного образования, входит в редакцию газеты «Голос учительства» и становится членом уездного учительского Союза. В феврале 1919 г. его мобилизовали в колчаковскую армию, где он служил рядовым в Тюменском полку. В августе 1919 г. был ранен под городом Касли. После излечения вернулся в Курган и в 1920 г. становится основателем и первым заведующим музеем местного края. Работая в музее, проводит свои первые самостоятельные археологические исследования. Им была сделана в 1921 г. первая попытка создания Общества краеведения. В 1922 г. уехал в Свердловск, и, сменив несколько мест работы, оказался в Свердловском областном музее, занимался уже постоянно археологическими раскопками. Являлся активным членом Курганского Общества краеведения, через него поддерживалась связь со свердловскими профессорами, участвовал в технической подготовке сборника «Курганский округ», для которого написал большой очерк «Доисторическое прошлое Курганского округа». Бортвин стал первым преподавателем курса археологии на историческом факультете Свердловского университета. Скончался 21 апреля 1943 г.

Маляревский Константин Яковлевич, вступив в Общество краеведения, зарекомендовал себя как метеоролог-наблюдатель. Маляревский родился 12 ноября 1865 г. в селе Елошанском в семье

священника. Окончил Омскую учительскую семинарию в 1884 г. и был направлен в село Шмаковское, потом в село Елошанское, откуда в 1892 г. был переведен в Курганскую церковно-приходскую школу. Был рукоположен в священники, служил в храмах Ялуторовского уезда, с 1912 г. — в Свято-Духовской церкви в Рябково, потом в Исетской церкви и, наконец, 24 февраля 1912 г. перемещен, согласно его прошения, на вторую вакансию священника при Курганском Богородице-Рождественском соборе. С тех пор навсегда осел в Кургане. Много занимался самообразованием — изучил счетоводство, статистику, метеорологию. В 1893 г. в «Тобольских губернских ведомостях» опубликована его статья «Что и как делать для распространения сельскохозяйственных знаний в Курганском округе», в 1910 г. в «Народной газете» — его статья «О наблюдении погоды». По возрасту был выведен за штат, но, будучи заштатным священником, принимал участие в церковных собраниях по поводу изъятия церковных ценностей и по поводу обновленческой церкви. Много занимался сбором сведений и наблюдением за погодой и климатом Курганского округа. Эти сведения он еще до революции сообщал главной геофизической обсерватории в Петербурге. Кроме метеорологии, преподавал в сельскохозяйственном техникуме, занимался сбором материала по народному образованию, написал большую работу, передал ее в Окроно, но труд был возвращен без обоснованного заключения. Увлеч краеведением своего старшего сына Михаила, который тоже стал членом Общества краеведения.

Михаил родился в 1902 г., окончил Курганский сельскохозяйственный техникум, агроном. Преподавал в школах крестьянской молодежи в селах Звериноголовском и Мокроусовском, организовал там краеведческие кружки. В 1937 г. был репрессирован, но остался жив и вернулся.

Плодотворно занимался краеведением Александр Иванович Кривошеков. Он родился 27 августа 1882 г. в станице Звериноголовской в семье казака. Окончил двухклассное училище, по испытанию приобрел звание учителя и с 15 лет работал в сельских школах Оренбургской губернии. За успехи переведен инспектором в станицу Еткульскую, где у него родился сын Борис, ставший известным поэтом под фамилией Ручьев (был репрессирован в 1937 г., но остался жив и обрел российскую известность). В 1916 г. Александр Иванович переведен в Троицк

на должность инспектора городских школ. За педагогическую деятельность награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Несколько лет состоял действительным членом Оренбургской архивной комиссии. Много лет работал в Оренбургском архиве, в итоге написал интересные краеведческие очерки, напечатанные в таких изданиях, как «Вестник Оренбургского учебного округа», «Труды ученой комиссии за 1917 г.», «Оренбургский казачий вестник». О тематике очерков можно судить по их названиям: «Исторические судьбы Оренбургского края», «Обряды и обычаи оренбургских казаков», «Поверья и предрассудки казаков», «Казачьи легенды», «На оренбургской пограничной линии», «Крестьянский бунт в Челябинском уезде в 1843 г.», «Казачьи депутаты в комиссии 1766 г.», «Далматовский монастырь и его прошлое», «Колонизация оренбургских степей», «К истории духовенства в Оренбургской епархии», «К выборам в Государственную думу» и др. В 1917 г. Кривошеков был избран депутатом в Учредительное собрание. После возвращения в 1923 г. в станицу Звериноголовскую, он принял сан священника Обновленческой церкви, был направлен в село Петровское Юргамышского района. Там вступил в Общество краеведения и в 1928 г. подготовил два очерка: «Барская вотчина» — историко-бытовой обзор крепостного села Петровского и «Казачий уголок в Курганском крае» — историко-бытовой обзор станицы Звериноголовской. После снятия сана Кривошеков опять преподавал. Потом уехал в Киргизию, там получил звание заслуженного учителя и умер во Фрунзе в январе 1957 г.

Со дня организации Курганского Общества краеведения его постоянным членом был Яков Ефимович Лешин. Был рядовым членом, членом Правления, председателем Правления. Он родился в 1891 г., окончил сельскохозяйственный институт в Петрограде по специальности «агроном». Работал в окружной плановой комиссии. Был необычайно деятельным человеком, общественником. Регулярно вел в газете «Красный Курган» рубрику «Советы крестьянину», которые были особенно необходимы в голодном 1922 году.

В Бюллетенях Окрисполкома за 1926 г. из номера в номер публикуются его материалы «К вопросу о путях развития сельского хозяйства в Курганском округе». Лешин был инициатором выпуска плановой комиссией Окрисполкома сборника «Краткий обзор Курганского округа». Сборник был напечатан в 1925 г. Открывается

он статьей «Естественно-исторические условия округа», написанной Лешиним. Здесь же его статьи «Сельское хозяйство» и «Маслодельная промышленность».

Лешин сотрудничал с Пермским университетом во время проведения почвенной экспедиции во главе с профессором Никитиным в Курганском округе в 1927 г. В результате этих работ была составлена почвенная карта округа для музея.

В 1930 г. под редакцией И. А. Ленского, В. П. Ефимова и Я. Е. Лешина выходит сборник Общества краеведения «Курганский округ». Именно Лешин, как член плановой комиссии, способствовал выделению 1000 рублей на этот сборник.

Достойными продолжателями краеведов 1920–1930-х гг. являются современные исследователи истории местного края. Среди них ученые вузов, библиотекари, учителя, врачи, инженеры, родоведы, издаются краеведческие сборники и монографии, детские книги и альманахи.

Все меньше остается белых пятен и забытых имен.

Пусть больше будет исторических находок.

ДОМ КРЕСТЬЯНИНА ИМ В. И. ЛЕНИНА

После установления Советской власти Россия оставалась аграрной страной, и от настроения крестьянства зависело очень многое. Власть контролировала ситуацию в деревне и старалась влиять на сознание сельчан. В начале 1920-х гг. по всей России стали создаваться Дома крестьянина.

Постановлением ВЦИК от 18.03.1920 г. всем губернским исполкомам предлагалось организовывать Дома крестьянина, которые давали бы приют приезжающим крестьянам, помогали бы разрешить их нужды и запросы.

Для общего руководства в июне 1922 г. в Москве возник Центральный Дом крестьянина, который сначала находился в ведении ВЦИК, с 1923 г. — в ведении Наркомзема. По его рекомендации к 1924 г. в стране было открыто 115 Домов крестьянина, в 1926 г. их было уже 362.

Летом 1920 года Курган готовился праздновать первую годовщину освобождения города от колчаковских войск. Кроме митингов, шествий, собраний было решено приурочить к середине августа событие районного масштаба — открыть Дом крестьянина. На заседании президиума Курганского уездного парткома 27 июля 1920 г. постановили «открыть Дом крестьянина, заведующим которого назначить т. Турецкого» (ГАКО, ф.р-635, оп.1, д.22, л.110).

Уже шла муниципализация, и среди отнятых у хозяев усадеб стали искать подходящую для Дома крестьянина. Такая усадьба нашлась на улице К. Маркса, между улицами Володарского и Томина, на нечетной стороне. Ранее она принадлежала ломовому извозчику Ивану Григорьевичу Пузанкову, занимала два соседних участка, и стояли там два двухэтажных каменных дома.

«Красный Курган» сообщал 14 августа 1920 г.: «Через несколько часов состоится открытие Дома крестьянина. Того дома, где бы каждый приезжий крестьянин мог получить, не толкаясь по городу, нужную

ему справку, пищу духовную и физическую. Сегодня, в день годовщины славного освобождения Кургана Красной Армией, открывается Дом крестьянина. Он должен быть живой связью города с деревней».

Дом, еще недавно стоявший запущенным, был приведен в порядок, на воротах красовалась большая вывеска, во дворе навесы, конюшня, баня, оборудуется кузница. На первом этаже дома находилась кухня с котлом для кипячения воды, две комнаты для приезжающих, в которых койки с матрацами. На втором этаже — комната заведующего и читальня-библиотека, на столах — газеты, на стенах — плакаты и листовки.

Курганский Дом крестьянина был одним из первых не только в Сибири, но и во всей России. Просуществовал он недолго. Второй дом на усадьбе, который предназначался для столовой, был занят под квартиры партийными работниками и, несмотря на всю энергию Турецкого, выселить их не могли. Финансирование было слабым, крестьяне по-прежнему останавливались либо у знакомых, либо на заезжих дворах.

Часто Дом крестьянина становился общежитием для слушателей различных курсов. Кроме того, прежний хозяин Пузанков начал ходатайствовать о возврате ему дома, и дом ему возвратили по протоколу межведомственной комиссии от 4 апреля 1922 г.

Первый опыт помощи крестьянам в виде организации Дома крестьянина заставил местные власти осенью 1923 г. снова поднять вопрос о создании постоянного Дома крестьянина.

В связи со смертью В. И. Ленина Президиум исполкома Курганского окружного совета 19 февраля 1924 г. принял Постановление об организации в Кургане Дома крестьянина им. В. И. Ленина и открытия его не позднее 15 марта (ГАКО, ф.р- 315, оп. 1, д.3, л.104).

В марте 1924 г. была составлена комиссия из заинтересованных лиц: начальника окружного земельного управления Шкаева, управляющего Курганским отделением Сельхозбанка Чебыкина, председателя Правления селькредсоюза Белозерова, председателя Правления потребсоюза Троицкого, заведующего общим отделом окрисполкома Богомолова. Комиссия изыскивала средства, определяла структуру и штат для Дома крестьянина. По всему городу отсматривались подходящие здания, и остановились на бывшей гостинице Баранцева (угол Советской и Пичугина, в будущем — кинотеатр им. Ленинского

комсомола). Когда техническая комиссия осмотрела здание, то в нем оказалось много неудобств и требовалось много ремонта. Двор был мал, не имел конюшен и навесов. Осмотрели дом Рыловых (сейчас Советская), но и он оказался несоответствующим. Самым подходящим оказался дом Константина Марковича Дунаева (угол Климова и Володарского, сейчас художественная школа). Деревянный дом из семи комнат общей площадью 402 кв.м., надворные постройки заключались в двух каменных складах с навесами, деревянный амбар с навесом, деревянные конюшни и саманный склад. Под всеми навесами могли поместиться до 50 подвод, что давало возможность сохранять от дождя как груз, так и лошадей. Начали спешный ремонт. Большое затруднение оказалось с мебелью. Пришлось заимствовать кровати у здравоохранения, а тем временем выписали кровати из Москвы.

Торжественное открытие Дома крестьянина состоялось 1 мая 1924 г. Представитель окружкома партии Лишутин в своем выступлении сказал: «Дом крестьянина должен стать таким учреждением, которое взяло бы на себя всю заботу о материальном устройстве крестьянина в городе, всю заботу о проведении его дела в советских учреждениях в кратчайший срок и без лишних хлопот самого крестьянина, всю заботу о наиболее выгодном дляходака устройстве его торговых дел в городе» (Красный Курган, № 49. 6.05.1924).

С первых дней Дом крестьянина стал охотно посещаться. Имея только 40 кроватей, заведующему приходилось принимать на ночлег до 50 человек. С постояльцев взималась плата: за сутки постоя — 5 коп. с человека и 5 коп. с лошади, пуд сена — 50 коп., пуд овса — 90 коп., обед из одного блюда (суп с мясом и хлеб) — 35 коп., чай бесплатно. Кроме того гарантировалась полнейшая безопасность лошадей и багажа. Багаж принимался специальным сторожем под квитанцию, двор охранялся ночным сторожем. Сам крестьянин мог спать на отдельной кровати с готовым одеялом, матрацем, простыней и подушкой.

Штат Д.К. состоял из заведующего, трех сторожей, двух официанток, одной уборщицы, по договору был нанят человек с лошадей для подвозки воды и уборки двора. Библиотекарь была приписана к штату Центральной городской библиотеки. Очень скоро стало очевидно, что Дом крестьянина не может вместить всех желающих.

Было решено отдать под Д. К. каменный торговый дом Марка Марковича Дунаева на той же усадьбе, но на углу улицы Свободы

Дом крестьянина (Дом Константина Марковича
Дунаева) на ул. Береговой

(Куйбышева). В полуподвальном этаже каменного дома устроили столовую, которая готовила обеды на 100 человек, тут же была кладовая для продуктов. Верхний этаж состоял из 5 комнат, из которых три заняли для приезжающих (30 коек), одну комнату отвели для обслуживающего персонала, одну комнату предназначили для радио и его слушателей, большая комната, разделенная аркой, служила для культурно-просветительных целей и показа фильмов кинопередвижкой. В коридоре помещалась библиотека.

Еще до открытия Дома крестьянина Окружное земельное управление (Окрзу) считало, что при нем необходимо иметь библиотеку-читальню с книгами по сельскому хозяйству, иметь сельскохозяйственный музей и обязательно устраивать лекции. Библиотека была организована, и ее заведующая ежедневно после обеда устраивала громкие читки, с 5 часов вечера для желающих устраивались лекции по сельскому хозяйству.

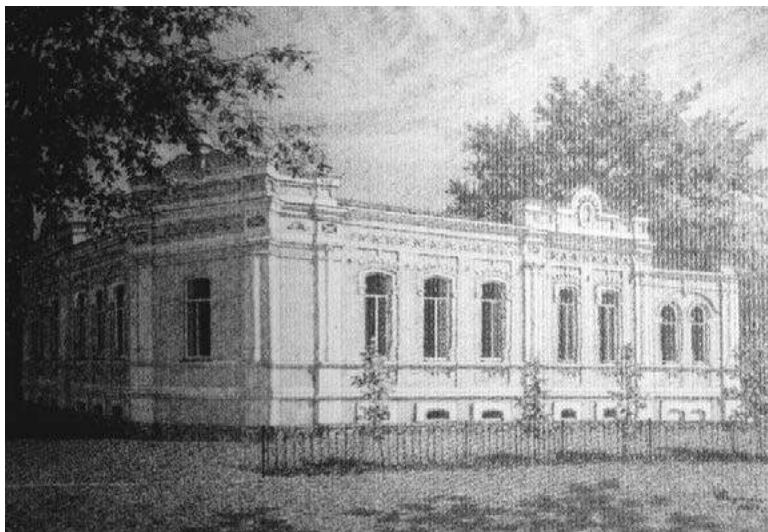
Начальник земельного управления Никита Ксенофонович Шкаев помещает в газете небольшой отчет, в котором приводятся сведения: «...Дом крестьянина посетило с 1 мая 1924 г. по 1 мая 1925 г. — 19493 чел., с 1 мая 1925 по 1 мая 1926 г. — 28530 чел., лошадей за два

ДОМ КРЕСТЬЯНИНА ИМ В. И. ЛЕНИНА

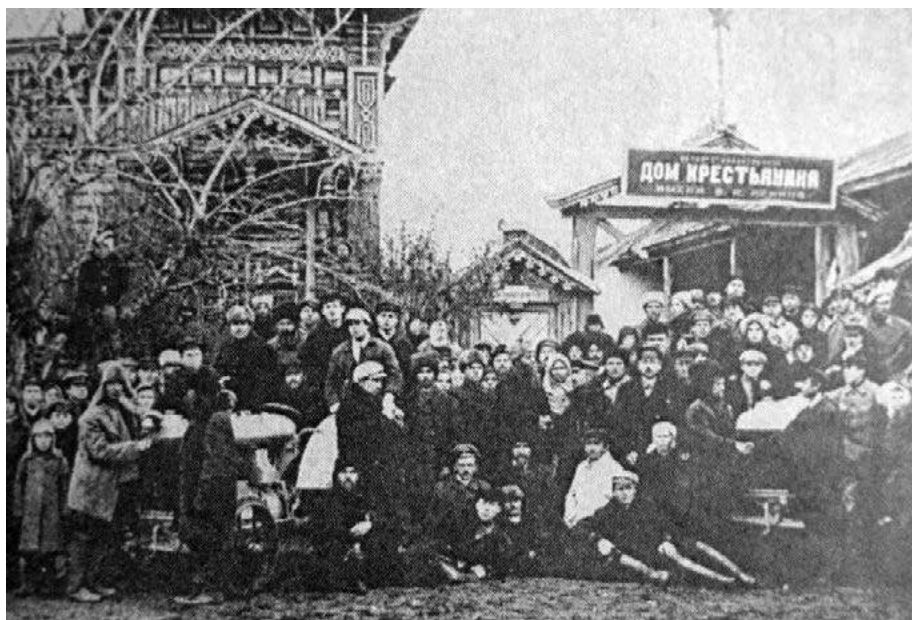
года перебывало — 31 233 головы. При Доме крестьянина имеется библиотека с 1 000 экземпляров книг и комната для читальни. Посетило читальню в 1925–1925 гг. — 4373 чел., библиотеку — 968 чел. Выдано книг — 3048 экземпляров. Книжных выставок сделано — 5. Проведено кампаний и революционных праздников — 9, докладов-бесед с 4243 слушателями. В Дом крестьянина сделано экскурсий учащимися города 10 с количеством экскурсантов 145 чел. Сделано три экскурсии с крестьянами на электростанцию и молочную ферму. Проведен ряд съездов советскими, профессиональными и кооперативными органами» (Красный Курган, 5.05.1926).

В 1926 г. заведующий Домом крестьянина Иван Илларионович Соболев обратился в Окрзу с предложением утвердить новые ставки за постой: с крестьян — 25 коп., с лошади — 5 коп., со служащих и пр. — 30 коп. В тот год в Доме крестьянина были большие траты — приобретено радиоимущество на 2590 руб., книг и инвентаря — на 450 руб., постельных принадлежностей — на 280 руб., сделан ремонт на 100 рублей.

22 января 1926 г. в Доме крестьянина состоялось торжественное открытие радиоприемника с громкоговорителем. Слышимость

Дом крестьянина (дом Марка Марковича Дунаева
по ул. Свободы (Куйбышева)

Дом крестьянина им. В. И. Ленина в 1933 году

была на 14–15 человек, потому что не успели отладить большой усилитель звука, работали два малых усилителя. Отладкой радио занялся Алексей Парфенов, местный радиолобитель, и только 18 марта 1927 г. радио заговорило громко, слышимость на две комнаты, в которых слушателей вмещалось до 200 человек. Парфенов и кружок радиолобителей из сотрудников организовал. Кроме радиосеансов, изредка давала сеансы кинопередвижка, были показаны два спектакля.

Стало традицией проводить в ноябре сельскохозяйственные выставки, приуроченные ко Дню урожая. Первая небольшая выставка была в 1926 г., ее посетило 250 человек. В 1927 г. выставка состояла из 5 отделов — сельскохозяйственного, промышленного, торговли, истории революционного движения и городского хозяйства. Были экспонаты из колхозов, совхозов, машиноторгующих организаций, молочной инспекции, маслосоюза и всех промышленных предприятий города. Земельное управление выделило на выставку 329 руб., райисполком — 75 руб.

Ровно через год в Доме крестьянина была организована районная выставка, на которой были представлены Октябрьский и Каширинский

совхозы, совхоз Дома заключения (тюрьмы), сельскохозяйственный техникум, зауральская опытная станция и представители земельных обществ.

В феврале 1929 г. окружком комсомола открыл при ДOME крестьянина курсы по подготовке пионервожатых для деревни, тут же работали курсы трактористов, на которых обучалось 105 человек.

Постепенно Дом крестьянина стал превращаться в ночлежный дом. Заведующий Соболев обратился в горсовет: «Вот уже четыре зимы Дом крестьянина служит ночлежкой всех приезжающих в город рабочих, безработных и т.п., чем сохраняет тысячи 2-3 денег городскому хозяйству, которое, безусловно, должно было бы ночлежку построить, чтобы в зимние времена приютить те 15-20 бесприютных бедняков, которые бесплатно ночуют в ДOME крестьянина. Горсовету хоть чем-нибудь необходимо принять участие в работе Дома крестьянина, в его оборудовании по примеру других городских Советов республики и сложить арендную плату...» (ГАКО, ф. р-712, оп.1, д.270, л.48).

Очередной заведующий, назначенный 10 августа 1929 г., Александр Мартынович Ветров в январе 1930 г. вселил в Дом крестьянина 35 бесарабских беженцев, о чем стало известно в Московском Центральном ДOME крестьянина, который препроводил ВЦИК это сообщение.

ВЦИК 8 февраля запросил Курганский Окрисполком, который не торопился с ответом. 27 февраля пришло напоминание от ВЦИК и просьба прислать ответ к 14 марта. Результатом запроса ВЦИК стало обследование работы и состояния Дома крестьянина, его финансового и хозяйственного положения. Комиссия работала с 21 по 25 мая 1930 г. Состояние кассы и ведение отчетности нашли удовлетворительным. В остальном обнаружено много недостатков.

«Общежитие для приезжающих достаточно не оборудовано, нет вентиляторов, отчего сырые стены и на окнах вода. Недостает кроватей и постельных принадлежностей, так что приезжающие располагаются на голом полу... Средняя пропускная способность жилых помещений 200–250 человек, в среднем проходят 300–350 человек, а иногда доходит до 400–450 человек... Столовая в антисанитарном состоянии, не хватает столов и скамеек, многие едят на полу. Кухня не оборудована. Имущество в складах находится в беспорядке. Двор не приспособлен для лошадей и подвод с грузом, недостает навесов. Двор в антисанитарном состоянии — вся площадь завалена навозом

до 30–40 см. Самый вид Дома крестьянина и его санитарное состояние не располагает крестьян к политпросветительской работе. Всюду грязь, висят почерневшие от пыли плакаты и лозунги, которые недостаточно отражают посевную кампанию, коллективизацию, ликвидацию кулачества как класса... Вопросами классового воспитания с крестьянами Дом крестьянина вообще не занимается, и сама постановка дела в приеме крестьян на ночлег аполитична...» (ГАКО, ф. р-315, оп.1, д.45, л.68). 1 ноября Ветрова сняли.

С организацией колхозов Дома крестьянина стали называться Домами колхозника.

В 1931 г. Уральский областной Дом колхозника им. Ленина вышел с инициативой построить совхоз «Ударник полей» и отпустил на это 500 рублей. Он призвал все окружные и районные Дома колхозника внести по 100 рублей на создание будущего совхоза. Общее собрание сотрудников Курганского Дома колхозника, в количестве 24 человек, постановило: «Избрать комиссию по сбору средств на постройку совхоза «Ударник полей» и завербовать 200 подписчиков на журнал «Ударник полей».

Колхозник Стрельников, работающий при Доме колхозника дворником, заявил: «Я являюсь ударником, на постройку совхоза жертвую из своего жалованья 1 рубль и призываю последовать моему примеру завхоза Колташева». Колташев подписался на 2 рубля и вызвал заведующего Козлова, который подписался на 3 рубля и вызвал в свою очередь служащих конторы. Кассир Жмейко вызвала всех сотрудников внести не менее одного рубля.

Курганский Дом колхозника призвал последовать его примеру райколхозсоюз, райисполком, колхозный институт, зоотехникум и все организации, заинтересованные в развитии и овладении техникой сельского хозяйства, и переведении его на социалистические рельсы» (Красный Курган, № 244. 31.10.1931).

Осенью 1931 г. Центральный Московский Дом крестьянина вышел с предложением организовать Всероссийский конкурс на лучший Дом крестьянина. Срок проведения конкурса с 1 ноября 1931 г. по 1 января 1932 г. Президиум ВЦИК одобрил это начинание. О том, что Курганский Дом колхозника примет участие в смотре, не было и речи.

В связи с переводом Высшей Коммунистической Сельскохозяйственной Школы (ВКСХШ) из Перми в Курган, намеченном

на 1935 г., президиум горсовета принял решение разместить одно из общежитий школы в Доме колхозника, куда предполагалось заселить 200 студентов.

Еще в 1928 г. высказывалась мысль приблизить Дом крестьянина к рынку, к кооперативным организациям, и лучше всего для этой цели подошел бы дом Петра Смолина на углу Куйбышева и Савельевой. В начале 1935 г. из бывшего дома Смолина выселили многочисленных жильцов и приступили к ремонту. 8 марта Дом колхозника из усадьбы Дунаевых переезжает в бывший дом Смолина. Это уже окраина города, далеко от глаз начальства.

Пошли слухи, что в Доме колхозника творятся безобразия. Слухи дошли до Челябинска, и облисполком для проверки направил бригаду. Бригада обнаружила, что «заведующий Суворов окружил себя классово чуждыми элементами. Завхоз Предеин — кулак, его жена — сторожиха, дворник — племянник Предеина. Повар Лушников — кулачка. Заведующий Суворов бесплатно пользуется столовой со всей своей семьей. Дом колхозника имеет растрат около 35 тысяч только за 1935 г. Учет и отчетность запущены» (Красный Курган, № 69. 24.03.1936).

Итоги проверки бригада направила в президиум РИКа. Персонал Дома колхозника сменили.

Новый заведующий Наволоков помещает в газете объявление: «Дом колхозника по улице Куйбышева, 60 обслуживает всех приезжающих пеших и конных, а также с автомашинами. Прием круглые сутки. Такса за койки в сутки: с колхозников — 1 руб., с командировочных — 3 руб. 50 коп., со всех остльных — 2 руб. 50 коп. При Доме колхозника есть столовая, баня с дезокамерой, легковая лошадь, камера хранения» (Красный Курган, № 49. 29.02.1936).

Дом колхозника работал до 1941 г., потом сюда заселили эвакуированных из западных областей страны.

НАРОДНЫЙ ДОМ ИМ. В. И. ЛЕНИНА

В шесть часов вечера 22 января 1924 г. в Кургане была получена первая телеграмма о смерти В. И. Ленина. Наутро все заборы были заклеены экстренным выпуском газеты «Красный Курган» с портретом Ленина в траурной рамке и с газетной шапкой «Среди нас нет больше Ильича, но дело его останется незыблемым».

Был опубликован план проведения траурного шествия по городу и проведения экстренных собраний. В кинотеатре «Прогресс», в школе 2-й ступени (женская гимназия), в театре «Новый мир», в клубе Вольно-пожарного общества прошли митинги, залы были переполнены.

В театре «Новый мир» с докладом о жизни Ленина выступил И. А. Ленский. После его доклада собравшиеся единогласно вынесли пожелание поставить в Кургане памятник Ленину. В день похорон вождя, 27 января, на площади Свободы (ныне Троицкая) собралось около 5 тысяч человек, после митинга траурное шествие тронулось на братские могилы. Разошлись в 2 часа дня. В тот же день состоялось объединенное заседание окружного исполкома, горсовета и представителей профсоюзных организаций, на котором присутствовало до 200 человек. Постановили: начать сбор пожертвований на памятник Ильичу, 5-ю Советскую школу 1-й ступени и Лесную школу с этого дня именовать школами им. В. И. Ленина. На площади Свободы поставить памятник Ленину и переименовать ее в площадь Ленина (ныне Троицкая площадь, ЦУМ, филармония).

Окружной исполком вскоре выпустил подписные листы для сбора пожертвований. Одними из первых откликнулись 60 рабочих кожевенного завода им. Грунта, которые единогласно постановили отчислить однодневный заработок на памятник.

В феврале «Красный Курган» помещает заметку «Какой построим памятник Ильичу в Курганском округе», в которой говорится: «Поступающие пожертвования составляют порядочную сумму к моменту окончательного решения вопроса: что сделать на эти деньги? Вопрос

этот обсуждается на страницах всех центральных и большинства провинциальных газет... и везде получает один ответ: Ленин... совсем не думал, что ему лично будут строить памятник на площадях каждого города и даже деревни, как это теперь всюду намерены делать. А потому везде склоняются к определенному решению: памятников т. Ленину пока не сооружать, за исключением городов Центральной России, а все пожертвования употреблять на улучшение жизни детей. Всем организованным рабочим и гражданам необходимо еще раз обсудить на своих собраниях вопрос — какой памятник создадим мы В. И. Ленину в Курганском округе и разрешить его так, как решает большинство» (Красный Курган, 21.02.1924).

После многочисленных собраний и сбора мнений, принимая во внимание, что в Кургане нет такого здания, в котором можно было бы сконцентрировать всю политико-просветительную работу, решили строить Народный Дом им. В. И. Ленина.

22 июня 1925 г. была создана комиссия для проведения организационных мероприятий. В это время в Кургане появляется должность окружного инженера, на которую 7 июля 1925 г. был принят Михаил Васильевич Аронштам, до этого работавший в г. Усолье. Вот ему-то и поручили составить проект объявления в центральных газетах о конкурсе на представление проекта Народного Дома. Выставлялось условие, что здание должно быть вместимостью не менее чем на 1000 человек, с лекционным залом и комнатами для кружковой работы, стиль постройки должен служить памятником переживаемой эпохи. Объявление было опубликовано 22 декабря 1925 г. в газете «Известия».

Откликнулись инженеры, архитекторы, целые художественные мастерские из Москвы, Ленинграда, Киева, Бердичева, Николаева, Ульяновска и др. Сроки конкурса для многих оказались слишком короткие. 16–17 февраля уже состоялось заседание жюри, которое рассмотрело проекты под девизами: «Звезда», «Карандашом и кистью», «Титаник», «Кормчий», «Круг», «На Урал», «Треугольник». В каждом проекте жюри находило что-то неприемлемое для Кургана.

Был рассмотрен внеконкурсный проект, представленный курганскими инженерами Михаилом Васильевичем Аронштамом и Григорием Ильичем Поповым. Жюри признало этот проект удовлетворительным при условии дополнительной разработки. Им даже

выплатили по 700 рублей, которые полагались по условиям конкурса за принятый проект.

Встал вопрос о месте постройки Нардома. Предложений поступило много: на месте Александровской церкви, на месте военкомата (бывш. дом Меньшиковых на углу Свободы и Троицкого переулка), на месте городского театра «Новый мир» (бывш. кинотеатр «Весь мир»), на месте тюрьмы и т. д.

Аронштам для постройки Народного Дома предложил два места: угол Советской улицы и Володарского переулка или углу улицы Гоголя и Троицкого переулка. Выбор предложили сделать рабочим и служащим на ближайших собраниях.

Рабочие не согласились строить дом на углу Советской улицы, потому что там был городской сад, который придется уничтожить, единственное место, где можно летом отдохнуть.

Выбрали северо-восточную часть Александровского парка, как тогда называли сад, разбитый на старом Троицком кладбище. Но этот угол был занят Саманным домом, который был отдан Обществу краеведения.

27 июля 1925 г. Аронштам осмотрел здание и нашел, что оно разрушается, немедленно должно быть очищено от жильцов и разобрано. Саманный дом снесли уже после закладки Нардома. Стройкомитет 17 марта 1926 г. поручил Аронштаму Саманный дом продать или снести и очистить площадь хозяйственным способом.

Хотя никакого окончательного проекта Народного Дома еще не было, было решено, что закладка здания будет во вторую годовщину смерти Ленина, т.е. 22 января 1926 г.

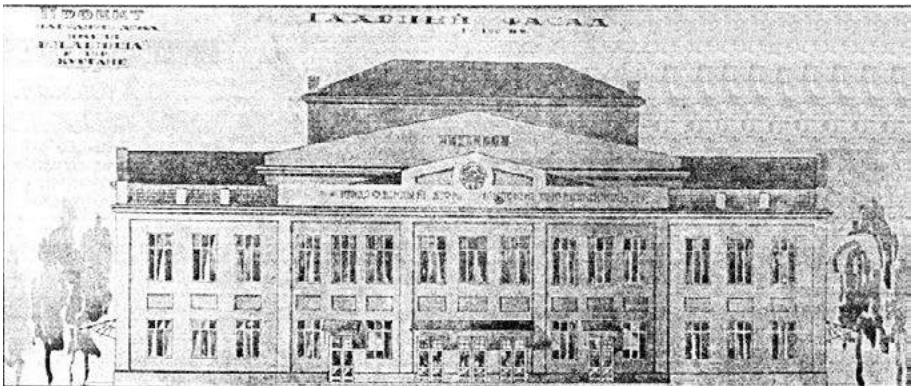
В этот день участники собрались к 10 часам к Дому профсоюзов (бывш. дом Васильевых), и организованным порядком манифестация пошла по улице Советской до проспекта Володарского, по проспекту мимо братских могил до места закладки Нардома. Состоялся митинг, после которого председатель ОкРика и председатель горсовета положили в небольшую траншею свои камни, за ними под звуки оркестра положили по камню 20 представителей от организаций. Во время закладки проходил кружечный сбор и раздача листовок и жетонов (ГАКО, ф.р-465, оп.1, д.13, л.1).

В феврале был создан Строительный Комитет, который должен был контролировать весь ход строительства Народного дома.

НАРОДНЫЙ ДОМ им. В. И. ЛЕНИНА

Жилищный подотдел окркомхоза по акту от 25 февраля 1926 г. передал Строительному Комитету здание МОСХа «Трудись и молись», и при нем ветхие амбары и прочие постройки. Весной предполагалось провести полную закладку фундамента. Встал вопрос о строительстве кирпичного завода в деревне Глинки, а пока Строительному Комитету были переданы полуразрушенный торговый корпус на Нижне-Базарной площади, до 300 000 кирпича с разбираемой мельницы (бывш. Дунаева), конюшню и брандмауер с бывшей усадьбы Бакинова (Свободы, 39), часть брандмауерной стены с усадьбы Нарышкина и т. д.

О каком здании мечтал город, газета рассказала в заметке «Построим Нардом — памятник В. И. Ленину»: «Народный дом им. В. И. Ленина будет представлять огромное здание длиной — 60 м., шириной — 40 м. и высотой — 10 м. Нардом будет иметь главный фасад, выходящий на Гоголевскую улицу и два боковых фасада: на Троицкий переулок и в парк. Здание будет в два с половиной этажа. В нижнем этаже расположен обширный вестибюль с обширной раздевальной по образцу Московского Художественного театра. Из вестибюля будет вход в зрительный зал. Он в два яруса, рассчитан на 1 140 человек. Нижний ярус с боковыми ложами — на 760 человек, верхний — на 380 человек. По обеим сторонам зрительного зала расположены фойе с буфетами. В верхнем этаже расположен спортивный зал на 300 человек с отдельной раздевальной. Кроме того, будет лекционный зал, библиотеки с комнатами для тихого и громкого

Фасад предполагаемого Народного дома им. В. И. Ленина

чтения на 100 человек, 9 комнат для кружковой работы на 200 человек. В верхнем этаже намечается устройство киновудки. Отопление — паровое» (Красный Курган, 8.04.1926).

Строительный комитет 8 мая 1926 г. поручил инженерам Аронштаму и Попову составить окончательные сметы, начать разработку рабочих чертежей и готовить траншеи для закладки фундамента. Аронштам на скорую руку чертежи сделал, но понимал, что они мало профессиональны.

Строительная комиссия 14 мая провела проверку и нашла, что чертежи мало годятся, не решен вопрос с пиломатериалами, заготовленный кирпич превращен в щебень, который для бетонной кладки не пригоден, и Строительному комитету нанесен убыток.

Аронштам срочно подал заявление на увольнение с 30 мая 1926 г. Его уволили, но дело передали в окружной Дисциплинарный суд для привлечения его к ответственности и возмещения причиненного им ущерба.

«Красный Курган» написал, что убыток, нанесенный бесхозяйственностью Аронштама при постройке Нардома, исчисляется предварительно в 5–6 тысяч рублей.

Остался один Г.И. Попов, который сказал: «Поскольку я остаюсь в Кургане и принимал участие в составлении проекта на Нардом и строительной сметы, считаю не вправе отказаться от несения обязанностей ответственного руководителя по постройке Нардома» (ГАКО, ф.р-465, оп.1, д.13, л.75). 4 июня Попов принял у Аронштама все дела, чертежи, заготовленные материалы.

Чертежи Аронштама и Попова были отправлены на экспертизу в Свердловск, откуда в феврале 1927 г. пришло заключение, что задание технически не продумано, были указаны множественные недостатки и даны рекомендации. Попов отказывается от руководства стройкой. В Курган приезжает новый окружной инженер, Бакеев, которому предстоит сделать новый проект. Сначала он делает эскизный проект, который был выставлен на три дня, 29-31 декабря 1927 г., в зале заседаний Дома Советов (бывш. духовное училище) для обозрения жителями города. Проект отправили в Свердловск, там его областной строительный комитет одобрил, и Бакеев приступил к разработке чертежей уже на одноэтажное здание, но с перспективой достройки второго этажа.

Несмотря на постоянные изменения в проекте, строительство началось, и к августу 1927 г. кладка стен была доведена до трети первого этажа.

В это время артель каменщиков потребовала повышения договорной цены с 10 до 13 рублей за тысячу уложенных кирпичей. У Строительного комитета денег не было, и случился массовый уход рабочих со стройки.

В разгар строительного сезона найти новую артель было невозможно. На возведение здания под крышу требовалось еще 100 тысяч рублей, а у горсовета было только 30 тысяч. Решили работы отложить до будущего года, наличные средства употребить на доработку проекта и на заготовку необходимых материалов.

Горсовет занялся изысканием средств. Инженер Бакеев приступил к усовершенствованию проекта. Опять вернулись к идее двухэтажного здания. Весь первый этаж и часть второго отводились под театр с большим фойе на втором этаже и с буфетом, обслуживающим и лекционный зал. Зрительный зал подковообразный, с балконом и ложами. На втором этаже в боковых приделах — спортивный и лекционный залы с самостоятельными выходами с боковых фасадов. Проектировались помещения гримерных, репетиционный зал, комнаты для кружковой работы, библиотека и пр. Конструкции балкона, лож, перекрытие зала и сцены — железобетонные. Общая кубатура здания — 39 тысяч куб. метров, ориентировочная стоимость — 500 000 рублей. Было проведено обследование грунта и состояния фундамента и стен. Грунт оказался хорошим, фундамент и стены должны выдержать предполагаемую нагрузку даже с запасом.

Строительный комитет и горсовет объявили, что финансовое положение позволит в 1928 г. выполнить все намеченные работы.

В июне 1928 г. состоялось несколько заседаний по рассмотрению проекта Бакеева, который представил планы поэтажно, продольный и поперечный разрезы, и два фасада. Обнаружилось, что проекта как такового нет, имеется только общая эскизная наметка, мало продуманная и небрежно выполненная. Комиссия высказала опасение, что при данном положении дел с проектом и расчетами вряд ли можно будет приступить к продолжению работ. Вызвала недоумение почти полная неготовность проекта, на который ушло около полутора лет. Строительный комитет срочно заключает 1 июля 1928 г.

Постройка в Кургане памятника ИЛЬИЧУ—Народного Дома.

Рисунок 1920-х гг.

договор с Дмитрием Михайловичем Кузнецовым и передает ему работу по составлению проекта, которую тот обязуется выполнить через месяц, к 1 августа. В помощь Кузнецову был создан технический совет под руководством инженера Верзилова, который работал техническим руководителем на турбинном заводе. Совет мог привлечь специалистов по своему усмотрению.

Новый проект действительно был готов к августу, представлен в Свердловск и утвержден Уралгосстройконтролем 8 августа 1928 г. К работам приступили только 20 августа. Начальником работ был назначен Кузнецов. Снова начались неурядицы. Для возведения здания полностью требовалось кирпича 1 500 000–1 800 000 штук. Райпромкомбинат доставлял кирпич мелкими партиями, с перебоями, и в конце концов доставил менее 400 000 тысяч. Ежедневно

работали 125 человек, не хватало квалифицированных каменщиков. Из-за отсутствия кирпича, железных балок, бревен для возведения лесов начались простои, между рабочими и администрацией начались конфликты из-за расценок. Все это привело к очередной остановке работ в октябре.

В 1929 г. основные работы по возведению наружных и внутренних стен были завершены. В декабре уже готовилась заявка на отопительные приборы, мебель и пр.

В январе 1930 г. ввели должность директора Народного Дома стал им Прокопенко. Он уже вел переговоры по оборудованию сцены с представителями Московского деревенского театра Центрального Дома искусств им. Поленова. Этот театр в сентябре 1929 г. был в Кургане на гастролях, в ходе которых было достигнуто предварительное согласие на оказание помощи в оформлении Народного Дома.

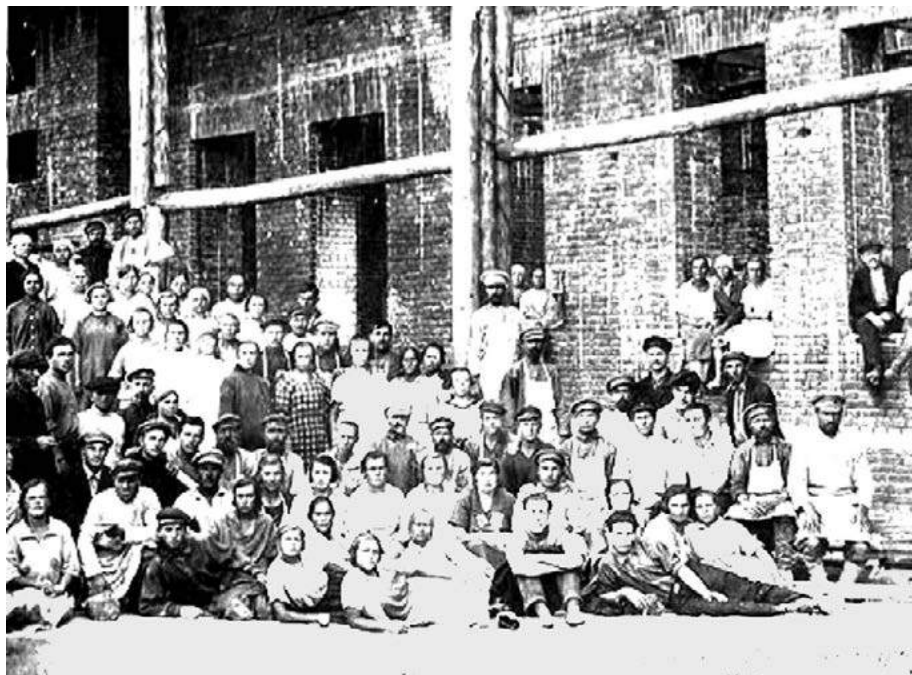
Президиум горсовета поставил задачу постройку и оборудование здания закончить к 1 сентября 1930 г. Но к намеченной дате еще не были сколочены полы зрительного зала, не смонтирована арматура балкона и лестниц, не выложен мозаичный пол вестибюля, не сделаны два наружных балкона, не выстроены две кассы, тамбур, поручни, не закончены электроосветительные и водопроводные установки, канализация, штукатурка, побелка, не закончена укладка асфальтовых плоских крыш и другие более мелкие работы.

Не хватало рабочих, хотя финансами строительство было обеспечено. Свердловск для завершения постройки отпустил 100 000 рублей. Работы велись в спешном порядке.

В сентябре была создана комиссия, которая должна была разработать план работы Нардома. Для формирования театрального коллектива в Свердловск выехал представитель, который заключил контракт с драматической труппой профессиональных актеров в количестве 32 человек на срок до 15 апреля 1931 г.

5 ноября 1930 г. состоялось торжественное заседание пленума горсовета, посвященное 13-й годовщине Октябрьской революции и открытию Народного дома им. В. И. Ленина.

14 ноября открылся первый театральный сезон пьесой Н. Фалеева из заводской жизни «Командные высоты». Постановка главного режиссера И. П. Сагайдарова. Была задействована вся труппа. За сезон Сагайдаров поставил следующие спектакли: «Переплавл»

Строители Народного дома, 1925 год

(Щеглова), «Горячие будни», «Крылья и Зеленый шум» (Болотова), «Ледолом» (Чуркина), «Чапаев» (Фурманова), «Темп и натиск» (Касьянова), «Светите, звезды» (Микитенко), «Двор» (Караваевой), «Платок и сердце» (Апушкина), «Доходное место» и «Не все коту масленица» (Островского), «Коварство и любовь» (Шиллера), «Власть тьмы» (Толстого).

После окончания сезона в газете появилась заметка «Драться за пролетарский репертуар театра»: «Закончившийся сезон драмы при взгляде на его репертуар показал, что построение его носило случайный характер. Рядом с нужными и ценными пьесами по содержанию и форме — «Ледолом», «Светите, звезды», «Горячие будни» — афиши пестрели давно прожеванной и проглоченной стариной вроде: «Петр Третий и Екатерина Вторая», «Не все коту масленица», «Коварство и любовь», «Власть тьмы» и т.п. Формально они были поставлены в приемах дореволюционного театра и никак и ни в чем не были увязаны с текущим днем, их тематика была не только не нужна, но и вредна...» (Красный Курган, № 100 6.05.1931).

Заметка не была подписана, ее автор призывал пропитать всю работу театра коммунистическим содержанием и дать отпор всяким попыткам оторвать ее от задач социалистического строительства, решительно повернуться лицом к рабочему зрителю. Местные критики требовали поставить театр на службу интересам социалистического строительства, чтобы он стал помощником партии в деле перевоспитания трудящихся масс на идеологическом и культурном фронте.

Нардом в ноябре 1930 г. не был готов к открытию, здание имело много дефектов. Тем не менее в декабре 1930 г. в это неподготовленное помещение были перевезены экспонаты краеведческого музея и просто свалены на пол. Одновременно Центральная библиотека, тоже в неподготовленное помещение, в спешке перевозила книги.

12 тысяч книг были свалены в кучу, разобраны, и 18 декабря библиотека приняла первых посетителей.

Музей свою экспозицию открыл только в 1933 г.

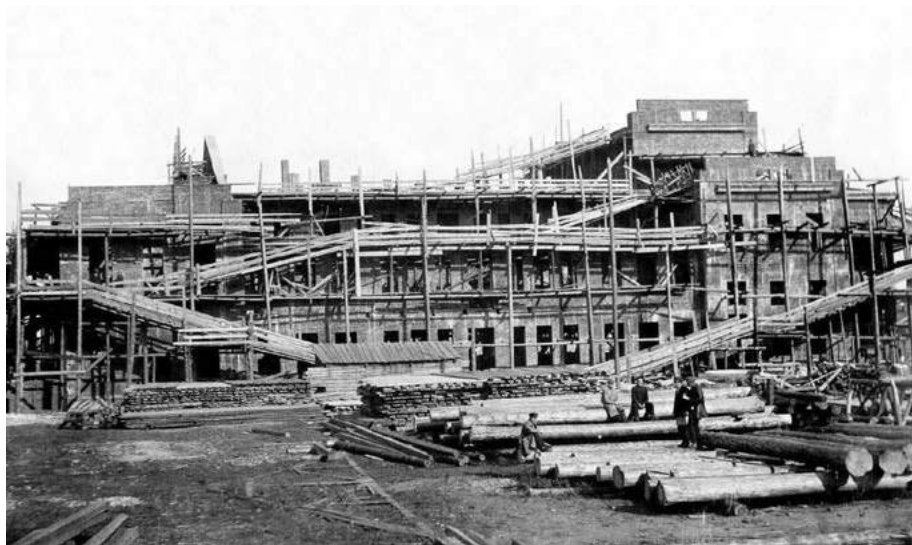
Библиотека и музей имели вход с боковых фасадов. Несмотря на то, что уже работала библиотека, с полной нагрузкой работали театр и киноустановка, в здании были грязь и холод, охрана не была налажена, в здание во всякое время можно было войти в одиночку и целыми группами бродячих людей, которые проникали во все помещения и на сцену.

10 февраля 1931 г. в Нардоме случился первый пожар именно на сцене. К 14 марта на той же сцене было еще два пожара (ГАКО, ф.р-465, оп.1, д.111, л.8).

Нардом получил свой финансовый план, который старался выполнить продажей билетов на спектакли и на фильмы, которые демонстрировались в малом зрительном зале. Фильмы сопровождали баянист Е. Маслов и пианист И. Караваев.

Был заключен контракт с духовым оркестром, и администрация Нардома принимала заявки от организаций и частных лиц на обслуживание оркестром вечеров и уличных церемоний за умеренные цены. Была открыта платная бильярдная, коммерческая столовая и парикмахерская.

При читальне работало справочное бюро, где давались справки по всем деловым вопросам и оказывалась бесплатная юридическая помощь членам всех союзов, колхозникам и крестьянам — беднякам и середнякам.

Строительство Народного дома

Несмотря на все усилия, Нардом не выполнял финансовый план, его работа подвергалась критике со всех сторон.

На заседании президиума Контрольной комиссии 20 апреля 1931 г. руководство Нардома обвинили в том, что оно не организовало соревнование, ударничество, не возглавило инициативу и производственный энтузиазм масс, в результате не выполняется промфинплан; революционный репертуар составляет 40 %, театр поставлен на службу обывателю, музей и библиотека не перестроили свою работу и не поставили ее на выполнение промфинплана.

Дирекции было предложено обеспечить: непрерывную работу в летний период, руководство работой изб-читален, охрану помещений и пожарную безопасность.

На основании Постановления горсовета Народный дом, кинотеатры «Прогресс» и «Рабочее кино» 22 декабря 1930 г. были объединены в Управление зрелищных предприятий (УЗП).

В 1931 г. Наркомпрос в целях приближения искусства к массам разработал маршрут культурного обслуживания рабочих Урала. В распоряжение Курганского УЗП государственная филармония направила концертную группу в составе известной исполнительницы этнографических песен Меда-Адам, виолончелиста и пианиста. Конферанс вел Н. Братов. Группа дала 5 концертов 28 февраля и 1–2 марта.

19 марта состоялся концерт симфонического оркестра под управлением Архангельского.

Для летнего театрального сезона 1931 г. УЗП пригласило новую труппу с главным режиссером Андреем Трубецким, который обещал репертуар, отражающий всю революционную хронику и сатиру на буржуазию запада. В оформлении — уход от старого павильонного натурализма к формам условных намеков и штрихов, использование в спектаклях музыки, для чего приглашен специальный дирижер-композитор.

Летний сезон открылся 21 мая пьесой Дмитрия Курдина «Междубурье» из жизни Красной Армии. Ставили «Хлеб» Киршона, «Весенние зарницы» Н. А. Крашениникова. Гастроли длились два месяца, ожиданий не оправдали, посещаемости и денег не дали, Трубецкого раскритиковали.

Директор УЗП Крецелов искал деньги на ремонт Нардома, отделка которого и окончательное оборудование все еще не были закончены. Внешний вид здания был непривлекателен, цвет окраски неодинаков, даже ручек на дверях не было. Ограда наскоро сколочена. Везде разбросан кирпич, ямы, декорации брошены под открытым небом и уже гниют под дождем, крыша протекает и пр. Проводя хозрасчет, Крецелов предложил сузиться библиотеке, свернуть детскую библиотеку, т. к. ему нужно было помещение, за аренду которого ему давали 800 руб. Читателей перестали пускать через центральный вход, потом сняли электропроводку в коридорах, ведущих в библиотеку. Но библиотека устояла и в дальнейшем даже открыла читальный зал, который ежедневно посещали 70–80 человек.

Большим событием для Кургана в 1931 г. были концерты народной артистки республики, балерины Большого театра Екатерины Васильевны Гельцер, которые состоялись 7–8 сентября. Партнером Гельцер был танцовщик Большого театра Владимир Голубин. Они представили танцы из балетов «Красный мак» и «Дон Кихот», вальс «Каприз», лезгинку, военный марш.

УЗП решило, что курганская публика устала от драмы, и на зимний сезон 1931–1932 гг. пригласило театр оперетты с главным режиссером П.К. Никольским. Театр до этого гастролировал в Ирбите. В репертуаре были такие классические спектакли, как «Прекрасная Елена», «Корневильские колокола», «Продавец птиц», «Мадмуазель Нитуш»,

«Перикола», так и новинки: «Ночь перед Рождеством», «Холопка», «Моряки», «Рудокопы», «Красное солнышко», а также два балета: «Волшебная флейта» и «Прерванный карнавал». Гастроли этого театра закончились 27 апреля 1932 г. Оперетту посещали охотнее, но она была идеологически не выдержана.

Тем более, что на основании Постановления Курганского горсовета от 15 ноября 1931 г. Нардом (УЗП) был переименован в Дом Соцкультуры. Это было официальное название, и оно не прижилось. Название требовало соответствующего содержания от новых пьес, от новых актеров. Требовались постоянные театральные труппы, а не гастролеры. Чтобы готовить новых актеров, Уральский областной театральный трест организовал при театрально-зрелищных предприятиях цехи кадров работников искусств. При Курганском Нардоме открыли прием молодежи от 15 до 25 лет на актерские курсы. При поступлении требовалась справка о социальном происхождении, так как преимущество отдавалось детям рабочих и колхозников, комсомольцам с образованием не ниже семи классов. К особо одаренным требования понижались. Общежития не было, но стипендию давали.

В Народном доме 28 декабря 1932 г. проходило заседание выездной сессии Уральского областного суда по делу об убийстве в деревне Колесниково пионера Коли Мяготина. Газеты были заполнены гневными призывами жестоко наказать убийц, и на заседание прибыли журналисты нескольких газет, в том числе «Пионерской правды». Вели заседание заместитель председателя областного суда Леонидов и помощник прокурора Виноградов. Суд начинался в 5 часов вечера, в 4 часа на площади Свободы был проведен митинг, в котором приняли участие рабочие машиностроительного завода, мясокомбината, железной дороги, учащиеся техникумов. После митинга демонстранты прибыли в Нардом. Суд длился несколько дней, и все дни возле Дома стояла толпа, жадно лоящая новости. Убийцы были осуждены: пять человек — к расстрелу, шесть человек — к 10 годам заключения и один — к одному году.

Зянваря в Нардоме состоялся слет комсомольцев, рабочей молодежи, педагогов, пионеров, посвященный итогам сессии областного суда.

Наиболее провальным в работе Нардома был 1933 год.

НАРОДНЫЙ ДОМ ИМ. В. И. ЛЕНИНА

«Красный Курган» 28 декабря опубликовал заметку «Нардом им. В. И. Ленина должен стать культурным центром»: «...В Народном доме за год сменилось семь директоров, за последнее время он вообще никем не возглавляется. Назначенный месяц назад директором Семахин еще не приступил к работе. Кружки не организованы, спортивный зал и множество комнат пусты. Бюджет не исполняется. Основной источник крепкого бюджета — это доход от постановок не оправдался. Нет организованного зрителя. Заводы отказались от приобретения билетов ударника и абонентских книжек с 40 % скидкой. Труппа себя не популяризировала — не было выступлений на заводах, цехах и т. д...»

В зимний сезон 1934–1935 гг. в Народном доме проходили гастроли украинского музыкального театра. Актер этого театра Константин Пьянков объявил себя финударником и подписался на заем второй пятилетки в размере месячного заработка. Он обязался развернуть работу по реализации займа между работниками Нардома и зрителями театра.

Большой интерес зрителей 12–13 марта 1935 г. вызвали концерты агитбригады ленинградских Красных партизан и красногвардейцев под руководством Александра Ильича Донского. Перед концертами

Народный дом в ноябре 1930 года

Донской выступал с воспоминаниями о Дальневосточных операциях Красной армии и призывал к усилению оборонной работы. Произошла встреча с Курганским обществом Красных партизан.

В апреле в Нардоме прошла олимпиада художественной самодеятельности школьников и рабфаковцев. Большой зал был переполнен. В мае гастролировал детский кукольный театр.

На зимний сезон пригласили театр оперы и балета. Художественный руководитель — Анисов, дирижер Л. С. Мандрыкин, художник — И. М. Дольчин, балетмейстер — Н. А. Горский. В репертуаре все лучшие оперы мира: «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Царская невеста», «Пиковая дама», «Русалка», «Князь Игорь», «Черевички», «Аида», «Травиата», «Севильский цирюльник», «Паяцы», «Фауст», «Тоска», «Веселая вдова», «Корневильские колокола», «Холопка». Сезон открылся 20 октября 1935 г. оперой Верди «Аида».

Курганская публика впервые столкнулась с музыкальной классикой, зал редко был заполнен, выручали абонементы, которые под давлением закупали со скидкой предприятия. К примеру, 5 января 1936 г. лестранхоз привез на оперу Верди «Травиата» 75 своих лучших рабочих. Ехали организованно из колхозов и совхозов.

Между дирекцией Нардома и театром часто возникали конфликты — систематически задерживалась зарплата, артисты находились в плохом материальном положении. Договор закончился 1 мая, и театр уехал на летние гастроли в Барнаул и Томск. Осенью договор был возобновлен, и оперный театр вернулся в Курган.

Художественным руководителем в труппу был приглашен известный режиссер Шаповалов из Винницкого оперного театра, дирижер, художник и балетмейстер остались прежними. Состав труппы увеличился: хор с 12 до 28 человек, оркестр — с 13 до 27, балет — с 18 до 23. Солистов стало вдвое больше. Остались Феофилова, Долженкова, Нагорная, Носова, Гамова, Горская, Кончевский, Земляков, Усов, Поздняков. Из новых ведущих: Истомина — драматическое сопрано, из Москвы; Фишер и Петрова — лирико-колоратурное сопрано; Луховская и Бодиско — меццо-сопрано; Третьяков и Щавелев — тенора; Матсук, Берлин, Беклемишев — баритоны; Гришин и Крылов — басы. В репертуаре были балеты — «Красный мак», «Лебединое озеро» и «Конек-Горбунок». Сезон открыли 11 ноября 1936 года опять «Аидой». Опять начались конфликты. Директор Варушкин

задерживал зарплату. Театр 17 января 1937 г. дал последний спектакль — «Риголетто», и 18 января был большой прощальный концерт. Оперный театр покинул город.

Срочно пригласили на гастроли передвижной цирк, который 29 января дал первое представление, а в полдень 31 января в Народном Доме запылал пожар. Семь беспризорников вечером 30 января забрались на чердак здания, прямо над сценой разложили небольшой костерок на фанере, которая к утру прогорела. Сцена для акустики была обшита камышовыми плитами, и когда потолок прогорел, эти плиты дружно вспыхнули. На колосниках должен стоять бак с водой, и если его открыть, то сцену от зала отгородила бы стена падающей воды. Но воды в баке не оказалось, воду для тушения пожара подвозили на лошадях. Потом прибыли пожарные машины с автонасосами, которые работали с перебоями. Большинство грузовых машин тоже привлекли к подвозке воды. Пожар бушевал более двух суток. Сгорели большой и малый зрительные залы, помещение музея. Отстояли спортивный зал, библиотеку, почти все служебные помещения. Сотрудникам музея удалось спасти почти все экспонаты, и вскоре музей получил новое помещение на Нижнебазарной площади.

Убыток от пожара составил 620 000 рублей. 23 марта перед судом предстали директор Н. С. Вахрушкин, механик по паровому отоплению И. С. Скворода, завхоз С. Я. Александров. Всех приговорили к трем годам заключения и штрафам на покрытие убытков.

После оперного театра в Кургане должен был гастролировать областной драматический театр, начавший сезон 1936–1937 гг. в качестве постоянного театра в Магнитогорске. Пожар остановил на время эти гастроли. Совнарком на восстановление Нардома отпустил 1 млн. рублей. Начали срочно оборудовать сцену в спортивном зале, чтобы в апреле принять Магнитогорский театр. 23 апреля театр открыл гастроли, которые длились до 30 августа. Закрывали сезон спектаклем «Слава» В. Гусева, только для стахановцев. 31-го — костюмированный бал-маскарад и большой концерт при участии артистов драматического театра и джаз-оркестра под управлением И. В. Морозова. Танцы до 3 часов ночи.

В сентябре Народный Дом был в центре внимания не только курганцев, но жителей всего района.

«17 сентября 1937 г. в 1 час дня в помещении Народного Дома начался суд над активными участниками контрреволюционной террористически-вредительской организации правых в Кургане Реутовым В. В., Фоминых Г. П., Ханьжиным П. Я., Никулиным Е. М., Серковым И. И., Рязановым А. А., Маньковым Д. Ф., Носковым С. Г. Дело рассматривается Выездной сессией Военного трибунала Уральского Военного округа в составе: председатель — заместитель председателя Военного трибунала УрВО юрист первого ранга т. Зайцев, члены: военные юристы первого ранга тт. Егудин и Кирре. Государственное обвинение поддерживает и. о. прокурора Челябинской области т. Филиппов, защищают подсудимых члены коллегии защитников тт. Соколов, Павпертов, Скриниченко.

Зал заседания суда переполнен рабочими, колхозниками и служащими района. Зал вмещает немногим более 500 человек, а желающих присутствовать тысячи. Около репродукторов на улицах и в домах трудящиеся слушают трансляцию из зала суда... Все подсудимые в предъявленных им обвинениях признали себя виновными» (Красный Курган, 18.09.1937).

20 сентября, в полночь, был зачитан приговор — все подсудимые приговорены к высшей мере уголовного наказания — расстрелу. Это были партийные и хозяйственные руководители. По стране шли партийные чистки, уничтожались лучшие люди.

В том же сентябре по решению Челябинского обкома партии в Кургане был образован колхозно-совхозный театр для обслуживания трудящихся города и деревни. К работе театр приступил 10 октября 1937 г. в спортзале Нардома премьерой пьесы А. Корнейчука «Банкир». Репертуар намечался самый обширный — 20 пьес.

В феврале 1938 г. состоялись отчетные спектакли, после которых была проведена конференция зрителей, на которой обсуждалась работа режиссера А. Н. Арказанова, репертуар, художественное оформление спектаклей. К этой конференции в фойе были выставлены картины художника Краснова «Расстрел Пичугина» и «Расстрел десяти комиссаров».

Через год театр был реорганизован, переведен из колхозно-совхозных в городские и стал именоваться Городской драматический театр им. В. И. Ленина. Увеличили труппу актеров. За зимний сезон 1940–1941 гг. театр показал горожанам 13 пьес

советской и классической драматургии. На 230 спектаклях побывало 49 967 человек.

14 июня театр открыл летний сезон комедией В. Шкваркина «Страшный суд», а 22 июня в летнем театре уже состоялся митинг по случаю объявления войны. Присутствовало более 1000 человек.

2 августа театр показал последний спектакль. Осенью в Курган был эвакуирован завод дорожных машин из Кременчуга. Заводу отдали здание Народного дома. В начале ноября 1941 г. завод вошел в подчинение Наркомата минометного вооружения и получил литерный номер 761. В декабре уже выпускал огнеметы системы В. Н. Клюева, потом бензоцистерны и топливозаправщики для самолетов, всего 10 видов продукции, в том числе снаряды к гвардейскому миномету «Катюша». После войны завод перевели в бывший Казенный винный склад.

Народный Дом стали восстанавливать для областного драматического театра.

ВЫСШАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ШКОЛА

Молодое советское государство для подготовки партийных, советских и профсоюзных кадров в 1919 г. открывает в Москве Первый коммунистический университет им. Я. М. Свердлова.

Затем подобные комвузы (как их кратко именовали в документах) возникают в крупных областных и республиканских центрах.

В 1930 г. ЦК ВКП(б) принял решение об открытии еще 15 новых комвузов, в том числе в Перми. Стали подбирать будущего ректора для Пермского университета, который бы занялся его организацией.

В ЦК остановились на кандидатуре Войлошникова Георгия Васильевича, который в это время руководил пропагандистской группой на Сталинградском тракторном заводе. Это был выходец из забайкальских казаков, родился в селении Цаган-Олуй Борзинского района Читинской области, в 1898 г. окончил учительскую семинарию в Чите, преподавал, в Гражданскую воевал против атамана Семенова, партизанил, был политинструктором, начальником военно-политической школы своей кавалерийской дивизии, потом был мобилизован для организации Советской власти в Забайкалье.

В августе 1922 г. Войлошников был командирован в Московскую Академию коммунистического воспитания им Н. К. Крупской, которую окончил в 1926 г. и снова направлен в Забайкалье на пропагандистскую работу. Затем — Сталинград. В 1930 г. был делегатом 16-го съезда ВКП(б) от ЦК.

Постановлением секретариата ЦК ВКП(б) 23 марта 1931 г. Георгий Васильевич назначен ректором 2-го Уральского коммунистического университета, к организации которого он немедленно приступил. Осенью 1931 г. Комвуз в Перми начал свою работу. Принимались туда члены и кандидаты партии по командировкам райкомов партии, и комсомольцы — по путевкам райкомов комсомола. Задачей комвуза была подготовка низовых партийных работников для промышленных районов страны. Жизнь университета оказалась недолгой.

ВЫСШАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ШКОЛА

5 августа 1932 г. Сталин направляет письмо Кагановичу, Молотову и Ворошилову с указанием «...Преобразовать «Свердловку» и областные комвузы, дающие теперь не нужных нам всезнаек, в сельскохозяйственную школу нового типа, могущую дать нам вполне современных и хозяйственно подкованных начальников МТС, секретарей райкомов, предриков, заведующих отделениями зерносовхозов и фермами колхозов и животноводческих совхозов» (Сталин и Каганович. Переписка 1931-1935 гг. М. 2001.с.262).

В связи с этим письмом ЦК ВКП(б) 21 сентября 1932 г. публикует Постановление о реорганизации комвузов. 2-й Уральский коммунистический университет был превращен в Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу им В.М. Молотова. Ректором остался Войлошников.

Занятия по новой программе начались с января 1933 г. Студенты комвуза оказались студентами сельскохозяйственной школы, но отнеслись к реорганизации учебного заведения не очень благожелательно. Программа ВКСХШ включала в себя много новых курсов. В комвузе кроме таких общеобразовательных предметов, как русский язык,

Георгий Васильевич Войлошников с женой
Антониной Васильевной Панютиной

математика, физика, химия, биология, география, особое внимание и время уделяли историческим курсам: всеобщая история, история народов СССР, история Коминтерна, история ВКП(б), политэкономия, диалектический и исторический материализм, советская Конституция и партийное строительство и особое внимание курсу — Ленинизм.

В программу сельскохозяйственной школы были включены следующие курсы: общая агрономия, ведущие сельскохозяйственные культуры, борьба с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений, общее животноводство, частное животноводство, борьба с болезнями сельскохозяйственных животных, механизация сельского хозяйства, организация сельскохозяйственного производства и труда в совхозах, колхозах и машино-тракторных станциях (МТС), учет и счетоводство. Была введена обязательная производственная практика 2-го и 3-го курсов.

В 1934 г. школа вышла на первое место среди пермских вузов и завоевала переходящее Красное знамя Пермского горкома и горсовета. В школе было два отделения: двухгодичное, готовившее руководящих хозяйственных работников, и трехгодичное, готовившее руководящих партийно-советских работников.

Желающих поступить на учебу в сельскохозяйственную школу было достаточно. В 1934 г. было подано 435 заявлений, к экзаменам допустили 280 человек, по итогам испытаний принято 175 человек: 149 мужчин и 29 женщин. На двухгодичное отделение — 151 человек, на трехгодичное — 25 человек. Контингент был разнообразный, большинство были членами и кандидатами ВКП(б) — 138 человек, комсомольцев — 29, и только 9 человек беспартийных. Что касается предварительного образования, то 120 человек окончили начальную школу, 16 — окончили семилетку, 8 — выпускники совпартшкол, и 15 человек не окончили даже начальной школы. Возраст студентов — от 18 до 40 и более.

Примером такого сороколетнего студента, который был старше ректора, можно назвать Казимирского Владимира Николаевича. Родился в 1894 г. в Минске, в семье стрелочника. С 15 лет работал слесарем и токарем, был призван в армию, по болезни отпущен. В 1918 г. ушел добровольцем в Красную Армию, где вступил в партию большевиков. Был начальником пулеметной команды, затем оперативным работником Особого отдела ВЧК Западного фронта. В семейном

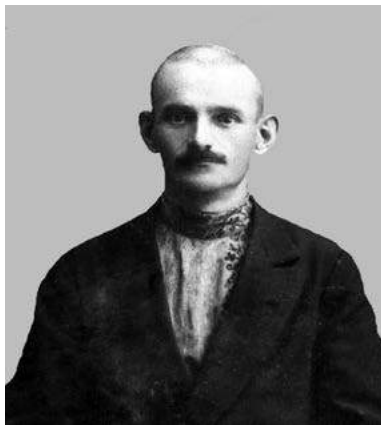
ВЫСШАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ШКОЛА

архиве Казимирских хранятся документы Владимира Николаевича времен Гражданской войны, в том числе Удостоверение от коммунистической ячейки 5-го запасного стрелкового батальона 2-й Запасной бригады от 31 июля 1920 г.: «Дано сие Казимирскому В. Н. в том, что он, находясь членом Рос.Ком.партии Б-ков в ячейке сего батальона, с 3 ноября 1919 г., вел себя, как и подобает борцу-революционеру за благо пролетарских масс, показывал всегда пример сознательности и стойкости, достойные члена передовой пролетарской партии».

В другом удостоверении отмечалось, что он отличался примерной исполнительностью и распорядительностью, отлично знал свое дело, как партийный работник умел поднять у подчиненных дух и чувство осознания долга перед революцией и Красной армией. После Гражданской войны оказался в Перми, где был выдвинут на руководящую советскую работу, в 1933 г. направлен на учебу в ВКСХШ. Студентов с такой биографией брали на трехгодичное отделение. Они составляли партийный костяк школы.

После реорганизации комвуза оказалось, что в промышленной Свердловской области, в состав которой входила Пермь, работают две ВКСХШ, а в Челябинской области, восточные районы которой имели развитое сельское хозяйство, нет ни одной. По ходатайству Челябинского обкома партии сельскохозяйственную школу переводят в Курган.

Чтобы принять такое большое учебное заведение, Президиум Курганского горсовета на своем заседании принимает решение разместить школу в бывшем духовном училище, а животноводческий техникум, который там находился, перевести в другое помещение. Под кабинет механизации отдали бывшую Александровскую церковь. Под общежития студентов передавались дом Балакшиных, который оставался на бывшей территории турбинного завода, на Пушкинской

Владимир Николаевич
Казимирский

Бывшее духовное училище, вид со двора

улице (позже там был роддом), барак учкомбината, клуб «Спартак» (бывшее здание Дамского попечительного общества, возле пожарной части) и Дом колхозника (бывший дом Дунаева). В складском помещении на усадьбе Дома колхозника устроили студенческую столовую. Со временем адреса общежитий поменялись (ГАКО, ф.р-465, оп.1, д.195, л.2).

В июне 1935 г. состоялся переезд школы в Курган. Все имущество и оборудование доставлено в полной сохранности, ведь все это стоило до 500 000 рублей. Один кабинет механизации оценивался в 60 000 руб., кабинет общей агрономии и ведущих культур — 23 000 руб., кабинет физики — 21 000 руб., библиотека включала 60 000 книг общей стоимостью 103 000 руб. Занятия на новом месте начались уже 19 июля 1935 г. В Курган приехали 350 студентов и 25 научных работников.

Ректор школы Войлошников пишет в газете: «Мы имеем ряд собственных предприятий для обслуживания учащихся и преподавателей: столовая, буфет, парикмахерская, пошивочная мастерская, сапожная и прачечная, под общежития заняты 12 домов. Для кабинета механизации получены комбайн, две автомашины, имеем гарантию

ВЫСШАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ШКОЛА

на получение трактора «Сталинец». Наш контингент вырос до 500 человек. В текущем году выпускаем 168 человек. В школу исключительно из Челябинской области вливается новых 180 студентов».

Сразу в школе был организован медицинский пункт с ежедневным приемом больных с 5 до 8 часов вечера. Студенты активно включились в городскую жизнь. Залето и осень капитально отремонтировали 25 жилых домов, в том числе свои общежития, восстановили несколько тротуаров, озеленили дворы и палисадники своих общежитий, озеленили улицу Володарского. Осенью школа участвовала в уборочной кампании, убрали около 40 гектаров пшеницы в Галкинском сельсовете, перевезли на своих автомашинах свыше 1 200 центнеров хлеба на сыпные пункты. Весной 1936 г. горсовет для благоустройства города обязал школу вывезти с электростанции 50 кубометров шлака для подсыпки тротуаров. У школы был грузовик и пять лошадей для хозяйственных работ. Этой же весной учащиеся привели в порядок двор школы, разбили замечательный цветник, который в пору цветения подвергался набегам учеников 14-й школы, расположенной по соседству, в здании бывшей мужской гимназии.

В октябре, после уборочной, в школе прошла очередная проверка партийных документов, или чистка. Проверку проходили и студенты, и преподаватели. В результате исключили из партии 17 студентов. Выбрали новый партком, секретарем парткома избрали Казимирского, который до этого на своем курсе был секретарем партячейки, работал в комиссии по чистке.

Осенью состоялся первый курганский набор учащихся. В нем оказалось несколько орденосцев. Их поселили в общежитие № 2, по Береговой, 39. Орденосцам уделяли особое внимание — школа сразу запросила радиоузел о постановке трех радиоточек в это общежитие. Челябинский облисполком 10 февраля 1938 г. вынес постановление о выдаче студентам-орденосцам по 100 рублей ежемесячно сверх стипендии (ГАКО, ф.р-465, оп.2, д.106, л.15), для них же исполнялись специальные заказы. Так, группа орденосцев пожелала приобрести 20 пар хромовых сапог «джимми» и две пары ботинок, которые были для них пошиты через раймежпромсоюз.

В 1935 г. в ВКСХШ поступила Ушакова Варвара Алексеевна, к тому времени кавалер ордена Ленина, член ВЦИК. Она родилась в 1909 г. в с. Чистом Щучанского района, в 12 лет осталась круглой сиротой,

ЛЕНИНИСКИЙ ПУТЬ

Орган парткома ВКП(б), профкома и дирекции Челябинской ВКШШ имени МОЛОВОТА.

Адрес редакции: гор. Курган, Гоголевская 36

№ 21 (53). Воскресенье 22 декабря 1935 года

Обязательства преподавательского коллектива Челябинской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы

Товарищ Сталин в своей речи на совещании преподавателей комбайнеров и комбайнеров призвал всю партию, всех тружеников нашей великой родины готовиться к тому, чтобы довести в ближайшем будущем, год к году 3—4, ежегодное производство хлеба до 7—8 миллиардов пудов*, говорится к немалому росту технических культур и развитию животноводства.

Товарищ Сталин еще раз указал, что главное теперь в том, чтобы начать на кадрах, обучить кадры, помочь овладеть советской техникой, вырабатывать изюм в день людей, способных освоить технику и поднять ее вперед. В этом теперь главное.

Товарищ Рыбин на пленуме обкома ВКП(б) и в речи на областном совещании комбайнеров поставил перед всей областью конкретную задачу в ответ на лозунг вождя товарища Сталина собирать не меньше 100 пудов с гектара, добывая в 1936 году решающих успехов в области животноводства, превратить Челябинскую область в передовую племенную область Советского Союза.

Исторические успехи вождя товарища Сталина и конкретные задачи руководителей челябинских большевиков товарища Рыбина глубоко воодушевили нас и поставили перед нами задачу коренного улучшения учебной работы в подготовке руководителей работничества сельскохозяйственного земледелия. Мы принимаем указанные вождям все обязательный закон и программу своей работы и берем на себя следующие обязательства:

1. Систематически и углубленно работать над образцовой постановкой учебной работы и бороться за высший идейно-политический уровень преподавания.

Широко использовать в преподавании новейшие достижения науки и техники, изучать связи и вооружать учащихся знаниями современной промышленности и сельского хозяйства. По каждой отрасли провести обсуждение программы и учебников и включить, как обязательную часть программы, опыт лекционных, фермерских комбайнеров, трактористов, трактористки и местных оленеводов и скотоводов.

Производственную практику студентов провести в передовых хозяйствах, МТС и колхозах области так, чтобы студенты могли учиться на лучших образцах их производства и могли в то же время оказать помощь в дальнейшем их укреплении. Подготовить каждого студента, слушателя на производственную практику в период уборочной кампании, комбайнеров и из числа студентов переключить курсы подготовки и послать в уборочную 1936 г. 50 комбайнеров.

2. Принять непосредственное участие в проведении курсов преподавателей колхозов, заводов и бригадиров колхозных товарищей ферм.

Вести шефство над Курганской школой комбайнеров и оказывать ей систематическую помощь в улучшении постановки преподавания и подготовки комбайнеров.

Вести шефство над район преподавателей колхозов, заводчиков колхозными товарищами фермами и отащными станциями, оказывая им конкретную помощь в работе и в выполнении взятых ими на себя обязательств.

3. По выполнению конкретных задач получения 100 пудовых урожаев, превращении Курганского района в район образцового животноводства по крупному рогатому скоту мы берем на себя следующие обязательства:

а) принять участие в составлении программы и лекционных курсов по Курганскому району. Особое внимание обратить на разработку вопросов применения новых пород и минеральных удобрений в системе севооборотов Курганского района.

б) Систематически работать над улучшением работы Курганского госплемрассадника, оказывая помощь в составлении плана развития животноводства района и в проверке его выполнения.

в) Вести под постоянное наблюдение и руководство племенную ферму колхоза «Красный маяк» и колхоза «Сибиряк», превратить их в передовые, образцовые фермы районные, организовать в них каталогаторию и проводить зоотехническую учебу колхозников склади преподавателей школы.

г) Принять активное участие в организации и достояние работы образцовой каталогатории Курганского района.

д) Организовать комсомольское обязательство по животноводству не менее, чем в трех колхозных товарищеских фермах и по племенству в 5 колхозов района.

е) Выполнить, назначенную по плану научно-исследовательскую работу, имеющую большое практическое значение для сельского хозяйства области.

В ответ на речь вождя товарища Сталина и решения пленума обкома мы обязуемся подготовить активных и способных большевиков, организаторов сельскохозяйственного земледелия.

Мы характеризуем крупнейшего станковщика, великий учитель и вождь на роду товарищ Сталин!

Преподаватели: Венюков, Барышников, Копылов, Костяев, Николаев, Титов, Екимов, Ефимов, Жарков, Панюгина, Барышников, Силичанин.

Ректор Челябинской ВКШШ Волышкинов.
Секретарь парткома Казимирский.
Председатель профкома Польшаев.

Новый состав парткома

Список членов парткома ВКШШ, избранного на партсобрании 9 декабря 1935 г.

1. Назимирский В. Н.	нов Я. А. 7 Янов А. Н.
2. Чистяков Ник. Ал-др.	8. Воденинкова А. А.
3. Ванюков Я. И.	9. Ануфриев Г. Н.
4. Войлошкин Г. В.	10. Марков Петр И.
5. Девьягин Н. С., 6. Тита-	11. Тумусов Ник. Ник.

Секретарем парткома избран тов. Назимирский

Общее партийное собрание 9 декабря 35 года избрало секретарем парткома Назимирского В. Н., члена ВКП(б) с 1925 года.

Тов. Назимирский родился в городе Манске, отец его—рабочий мел. дор., сам он с 15 лет работал токарем по металлу.

В 1917 г. работал пред-

седателем звена, в Горном заводе работал зем. разведчиком, в металлургическом заводе. В 1917 году вместе с другими рабочими завода вступил в Красную гвардию, с 1918 г.—доброволец Красной армии, первое время рядовой, а затем начальником пулеметной команды.

По мобилизации из Красной армии работал на разведывательном заводе до 1926 года и с 1926 г. выдвигается на руководящую работу завед. охранным делом, позднее председателем рена В Чусовских горнозаводов.

Тов. Назимирский

Перед поступлением в ВКШШ работал зем. секретарем парткома завода им. Дзержинского.

Являясь студентом ВКШШ, тов. Назимирский был избран председателем работы в комиссии по чистоте.

До работы секретарем парткома тов. Назимирский состоял студентом 3-го курса Чусовских горнозаводов.

Резолюция

по докладу секретаря Курганского района ВКП(б) [имя]

«Об итогах проверки подлинности партийных документов по парторганизации ЧВКШШ»

1. Заслушав доклад [имя] об итогах проверки подлинности документов по парторганизации ЧВКШШ, общее собрание полностью одобряет работу района ВКП(б) по проверке подлинности партийных документов.

Общее партсобрание ЧВКШШ отмечает, что проведенная проверка подлинности партийных документов дала возможность наиболее полно очистить парторганизацию ЧВКШШ от классово чуждых элементов, проработавших обычным путем в партию, отобрать партийным у тех, кто их недостойны и кто получил их обманным путем. Проведенная проверка подлинности документов вызвала оживление всей партийной работы, усилила большевистскую деятельность и большевистскую самокритику, вызвала новое отношение коммунистов партколлектива ВКШШ и партийной дисциплины и к партийному хозяйству.

2. Факты наличия классово чуждых элементов в рядах парторганизации нашей школы, выявленные в результате проверки подлинности документов (Нерадовский, Суботин, Бурьянов, Мерляков, Шидов, Савельев, Ошеров, Шибанов и др.) свидетельствуют о недостаточной классовой деятельности у треугольников школы и всей парторганизации, что обязывает каждого коммуниста еще более повысить большевистскую, классовую деятельность, а треугольнику школы вести последовательную работу по изучению всего коллектива ВКШШ и выявлению оставшихся и еще не разоблаченных классово чуждых элементов, немедленно исключая их из стен школы.

3. Общее партсобрание призывает всех студентов и преподавателей школы еще более повысить свою классовую деятельность и вести работу на основе разоблачения широкой большевистской критики и самокритики.

Председатель собрания Назимирский.
Секретарь Воденинкова

ВЫСШАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ШКОЛА

жила в няньках, в батрачках. В 1928 г. вступила в комсомол и была послана на курсы трактористов в Челябинск. После окончания учебы ее направили в только что организованный Макушинский зерносовхоз, где она собрала в 1930 г. первую в Зауралье женскую тракторную бригаду, за работу которой по представлению Уральского зернотреста Варя была награждена орденом Ленина. В 1931 г. была делегатом 15-го Всероссийского съезда Советов, на котором Варю избрали членом ВЦИК.

На 8-й областной конференции комсомола Ушакова была избрана членом Уральского обкома ВЛКСМ.

Отвечая на запрос из Москвы, Варя писала 3 января 1937 г.: «В секретариат Президиума ЦИК Союза ССР... Образования почти совсем не имею, так как в школе не училась, а только в 1927 г. училась 3 месяца в ликбезе, затем на курсах трактористов 3 месяца и на курсах шоферов 5 месяцев. Все время занимаюсь образованием. За весь период работы в Макушинской организации зерносовхоза с 1928 по 1931 год работала секретарем комсомольской ячейки. В 1932–33 гг. была выбрана членом Бюро РК ВЛКСМ. В течение двух лет работала редактором стенной женской газеты совхоза... В 1935 г. Макушинский РК ВКП(б) на основании личного моего заявления отпустил меня на учебу». Будучи студенткой, Варя неоднократно выезжала в Челябинск для участия в работе пленума обкома ВЛКСМ. В 1937 г. она заболела и была направлена на лечение в Свердловский физиологический институт. Выехала из Кургана 23 декабря 1937 г. и больше не вернулась.

Варвара Алексеевна Ушакова

Школа имела свою газету-малотиражку «Ленинский путь», которая печаталась в Перми, потом в Кургане в городских типографиях в количестве 350, потом 550 экземпляров. В газете подробно освещалась вся жизнь школы: учеба, отдых, спортивные достижения. В школе

готовились ворошиловские стрелки, активисты осоавиахимовской работы, почти все студенты имели значок ГТО. 30 декабря 1935 г. был дан старт лыжному пробегу Курган-Челябинск.

Обо всем этом можно было узнать из газеты. Там же было опубликовано расписание производственной практики. Все студенты второго курса 15 июля 1936 г. отправлялись на практику, точки которой были утверждены Челябинским обкомом ВКП(б) в 8 районах области. С каждой группой студентов ехал преподаватель — руководитель практики. Студенты работали в качестве помощников бригадиров тракторных бригад. От обязательной практики освобождались те студенты, которые добровольно помогали колхозам, они всячески поощрялись.

Так, приказ ректора от 25 мая 1936 г. гласит: «За добросовестную, самоотверженную работу в период посевной компании в 1936 г. на тракторе в подшефном колхозе и за высокое качество обработки колхозных полей, студент курса двухгодичного отделения Мальцев Андрей Яковлевич премирован суммой 200 рублей» (ГАКО, ф.р-675, оп.1, д.78, л.41).

Передовых студентов старались всячески поощрять: их возили на экскурсии в Свердловск, в Москву, больным давали путевки на курорт. Поощряли морально: отличников назначали в первомайской колонне к знамени, «как лучших представителей студенчества, достойных нести боевые знамена». К годовщине революции в 1937 г. 5 человек премировали шеститомником сочинений В. И. Ленина, 5 человек — трехтомником сочинений Ленина-Сталина, двое получили Полное собрание сочинений Ленина, трое — сельскохозяйственную энциклопедию, двое — сочинения Н. В. Гоголя и двое — сочинения А. С. Пушкина.

Под Новый год, в декабре 1936 г., прошел смотр лучших комнат в общежитиях, в результате которого Варя Ушакова была премирована 75-ю рублями, как староста лучшей комнаты, за второе место в комнате поставили репродуктор, за третье место в комнате табуретки заменили на стулья.

Комплектование сельскохозяйственной школы в 1936 г. было существенно изменено. По решению ЦК ВКП(б) поступающие были должны иметь образование не ниже 7-летки и стаж руководящей работы не менее трех лет. Подготовительное отделение начинало свою работу

ВЫСШАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ШКОЛА

1 сентября, основное — 1 января 1937 г. Школа должна была принять 200 новых студентов, все — из 68 районов Челябинской области. Нужно было расширить штат преподавателей. 17 апреля 1936 г. назначается и.о. доцента по кафедре общей агрономии, сотрудник Челябинской сельскохозяйственной опытной станции Квитко Василий Ефимович — сначала по совместительству, затем перешел в число штатных сотрудников. 20 сентября Квитко назначается руководителем кафедры общей агрономии и ведущих сельскохозяйственных культур, позже — заместителем директора школы. В 1944 г. Квитко был приглашен во вновь организованный Курганский сельскохозяйственный институт, через год он возглавил там агрономический факультет.

Другой преподаватель школы, Жарков Петр Иванович, руководивший кафедрой социально-экономических дисциплин, тоже был приглашен в этот институт и проработал там долгие годы.

В августе 1937 г. в Кургане начались аресты руководителей города и района, которых обвиняли в создании контрреволюционной организации. В сельскохозяйственной школе прошла очередная чистка партийных рядов. В октябре 1937 г. был исключен из партии и снят с работы ректор Войлошников Г. В., которого обвинили в подрывной работе в школе.

Вспомнили, что в январе и апреле 1935 г. еще в Перми он получил два строгих выговора за либерализм и примиренческое отношение к троцкизму, что его отец был раскулачен, а он, якобы, скрыл это от партии. Жену Войлошикова, Антонину Васильевну Панютину, которая преподавала Ленинизм, обвинили в контрреволюционной деятельности и постановлением от 2 декабря 1937 г. приговорили к 10 годам лишения свободы. Она тоже родилась в Забайкалье, в 1898 г., рано примкнула к политической борьбе, с 1915 по 1919 г. состояла в партии эсеров, затем порвала с ними. Вместе с Георгием Васильевичем участвовала в партизанском движении, в 1923 г. вступила в партию большевиков. Антонина Васильевна умерла в заключении 21 декабря 1944 г. от кровоизлияния в мозг. В 1956 г. была реабилитирована.

25 ноября 1937 г. Войлошников был назначен учителем в школу № 10, позже преподавал до 1961 г. в школах №№ 12 и 31.

Чистка среди студентов и преподавателей продолжалась. Отчисляя студентов, им ставили в вину: «связь с врагами народа Реутовым и пр.», «как обманным путем пробравшийся в школу и морально

разложившийся», «как исключенный из партии за протаскивание на учебных занятиях мнимых заслуг Троцкого и за дискриминацию пролетарского писателя Горького», «за связь с братом-троцкистом» и т. д. (ГАКО, ф.р-675, оп.1, д.105, л.88об).

19 октября Войлошников издает приказ: «На основании указания директивных организаций от 19.10. с. г. обязанности ректора Челябинской КСХШ слагаю и передаю назначенному на должность ректора ВКСХШ, проректору по учебной части т. Ванюкову Якову Ивановичу с 20 октября 1937 г.».

Ректором Ванюков пробыл всего два месяца и по решению Бюро райкома партии 20 декабря передал эти обязанности доценту кафедры политэкономии Ефимову Петру Васильевичу.

Согласно передаточному акту, в школе на это время было 369 студентов, 19 штатных преподавателей, 5 кафедр, 9 кабинетов. В библиотеке книг 53459 томов. Школа имела 4 общежития, в которых жили 211 студентов-одиночек и 38 семейных. В общежитиях имелись 42 радиоточки и три Красных уголка.

10 мая 1938 г., уже на основании приказа Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями при Президиуме Верховного Совета СССР, Ефимов передал заведывание школой вновь назначенному и.о. ректора Козицкому Михаилу Николаевичу.

30 декабря того же года Бюро Челябинского обкома ВКП(б) решило вернуть Ефимова на должность ректора, и 13 января 1939 г. состоялся акт передачи школы от Козицкого Ефимову.

В марте 1939 г. Курганская и Челябинская ВКСХШ и Курганский сельскохозяйственный техникум были объединены в колхозный сельхозтехникум, с нахождением в Кургане. Ректором назначили Ефимова Петра Васильевича, проректором по учебной и научной части — Жаркова Петра Ивановича. 17 ноября 1940 г. на партийной конференции Ефимов был избран первым секретарем горкома партии, и ректором техникума стал Жарков.

В связи с началом войны и надобностью здания школы под другие цели, техникум переводят в здание педагогического техникума, затем в здание областной школы Совстроительства.

В августе 1941 г. состоялось решение о перемещении техникума в Далматово, но невозможность получить вагоны, громоздкость перевозок, отсутствие в Далматово подходящего помещения заставили

ВЫСШАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ШКОЛА

искать другой вариант. Остановились на селе Утятском, куда переезд облегчался наличием водного транспорта по Тоболу. К декабрю было перевезено основное учебное и хозяйственное оборудование. Техникум получил небольшое учебное здание, общежитие и складские помещения. Из-за недостатка помещений кабинеты и кафедры были развернуты не полностью, главная часть оборудования оставалась в упакованном виде на складах Кургана и Утятского. Но библиотеку развернули полностью.

В 1941 г. направление учебных занятий было уже только сельскохозяйственное. История ВКСХШ закончилась.

УСАДЬБА НАРЫШКИНЫХ И ЕЕ ИСТОРИЯ

Наверное, каждый житель Кургана знает, где находится «Усадьба Нарышкиных», современный Дом-музей декабристов. Хоть владельцев усадьбы было много, за ней закрепилось имя Михаила Михайловича Нарышкина.

Дворянин, полковник Тарутинского полка, член Союза Благоденствия и Северного тайного общества. 14 декабря 1825 г. не мог участвовать в восстании на Сенатской площади С-Петербурга, т. к. находился вместе с полком в Москве, там же был арестован. Приговорен к 12 годам каторги, срок которой сокращен 22 августа 1826 г. до 8 лет. Каторгу отбывал в Чите и Петровском заводе.

За год до восстания Нарышкин женился на фрейлине, графине Елизавете Петровне Коновницыной, которая последовала вслед за мужем в Сибирь. В 1832 г., в связи с рождением очередного ребенка в царской семье, сроки наказания декабристам были снижены, и часть узников была освобождена. Среди них был и Нарышкин.

В январе семья выехала из Петровского Завода и 14 марта 1833 г. достигла Кургана. Уже через три дня Елизавета Петровна пишет матери: «Мы нашли довольно приличную квартиру, которая нас устраивает на первое время, тем более, что она стоит 25 рублей в месяц» (КОКМ, оф.11014).

Квартиру Нарышкины сняли в доме бывшего земского исправника Федора Фирсовича Серебрякова. Исправник был вдовцом с тремя дочерьми, молодыми девушками, имел 10 человек дворовых и в ближайшее время собирался купить себе усадьбу поменьше, потому что, будучи в отставке, уже не мог содержать большой двор. Нарышкины какое-то время пытались купить дом или начать строить новый, но в маленьком Кургане приличные дома продавались редко, а строительный лес был дорог. Им нравился дом Серебрякова, но они предполагали, что он будет слишком дорог для них. Опасения оказались напрасны. Торопясь уехать, Федор Фирсович уступил дом за сходную цену.

Елизавета Петровна в своих письмах довольно подробно описывает покупку: «Мы решили купить дом, в котором мы сейчас квартируем и который, несмотря на то, что его строили приблизительно сорок лет назад и что поэтому он нуждается во многих исправлениях, нам подходит более всего того, что нам предлагали до этого. Мы имеем небольшой сад на берегу реки, все необходимые служебные постройки во дворе, место для огорода, и мы условились заплатить за дом пять тысяч шестьсот рублей... Крышу нужно будет переделывать, дом необходимо утеплять и обшить досками, внутренние помещения отремонтировать, все это за три или четыре тысячи рублей, и тогда мы будем иметь дом, который, по сравнению со здешними невозможными ценами, нам обойдется на несколько тысяч дешевле того, чем если бы мы захотели выстроить совершенно новый... Дом простоит еще тридцать и более лет, если мы его хорошо отремонтируем и, по крайней мере, если Бог продлит нашу жизнь, мы будем иметь теплый и удобный уголок для дней нашей старости... Наш дом расположен самым выгодным образом: он находится на площади, где устраивается рыночная торговля, лавки — рядом с нами, церковь в двух шагах, сад разбит на возвышенности, омываемой рекой, с которой открывается вид на окрестности с тремя или, вернее, четырьмя деревнями, с зелеными долинами, и это имеет очень веселый вид.

Михаил Михайлович
Нарышкин

А что нам особенно нравится, так это то, что от нас мы видим лишь небольшой уголок города, несмотря на то, что мы находимся в лучшем квартале, что мы имеем по соседству чужой дом только с одной стороны, да и то этот дом отдален от нас небольшой улочкой» (ГАКО, ф.р-2380, оп.4, д.64, л.20).

Эта улочка была коротким переулком, который от Троицкой улицы (Куйбышева) мимо пожарного депо и Думы тянулся к Тоболу и спускался до самой воды. По отлогому склону берег был выложен

бревнами, остатки которых археологи обнаружили в 2009 году. По этому переулку ходили за водой и полоскать белье в реке.

Когда Думский переулок в 1919 г. был переименован в Рабочий, название Думский перешло к этому маленькому переулку и сохранялось довольно долго.

В мае Нарышкин начал работать в саду. Он пересаживал деревья, сажал новые, купил дикую яблоню и попытался привить к ней отводок, который Розен получил с Украины и подарил ему. Площадь сада была расширена. В последующие годы появились роскошные цветники. Убогая теплица была перестроена, там сложили печь и «оранжерея», как ее называла Елизавета Петровна, отапливалась. Ремонт дома начали только в мае, когда Серебряков полностью освободил дом. Сначала сняли крышу и сделали новую, потом перешли в комнаты.

Из-за постоянного стука топоров и молотков, из-за жары, которая стояла в тот год, Нарышкины устроили себе спальню в амбаре, что им очень понравилось. В августе жара спала, в амбаре стало прохладно, и они 20 августа сняли три комнаты в соседнем доме.

Елизавета Петровна пишет матери: «Мы решили жить здесь все время, пока ремонт нашего дома не будет закончен. Работы в нем продвигаются медленно, и мы очень утомлены всеми теми неприятностями, которые нам доставляют рабочие. Для них каждый день праздник, и они уж очень прилежно посещают некий дом в городе, над входом которого красуется сосновая ветка» (ГАКО, ф.р-2380, оп.4, д.64, л.31).

Она имела в виду питейный дом, который был неподалеку.

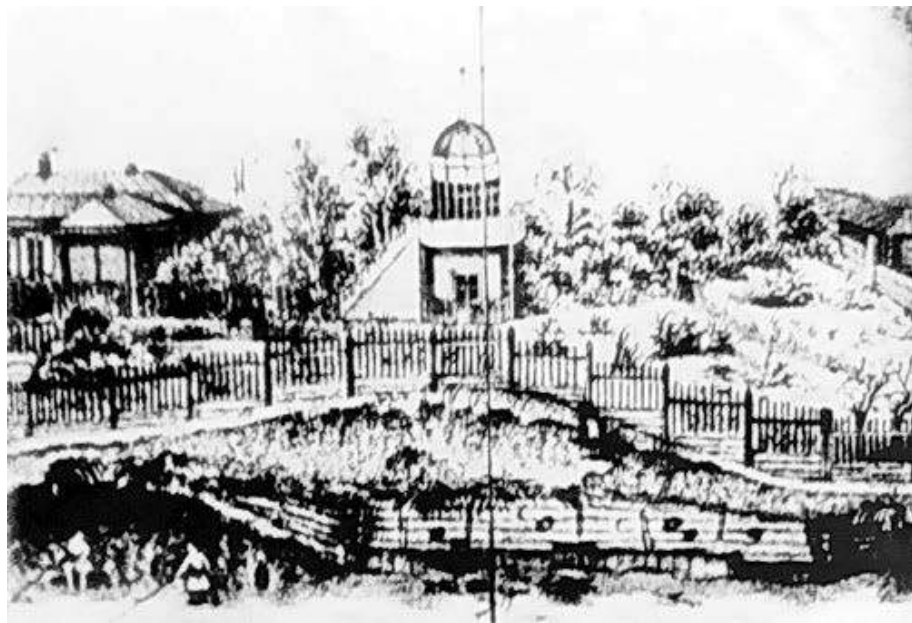
В свой дом Нарышкины вошли 7 октября 1833 г. Декабрист Михаил Александрович Назимов, живший в Кургане с 1830 г., славился среди своих товарищей как замечательный художник. Он делает рисунок усадьбы Нарышкиных, обозревая ее с берега Тобола. Этот рисунок Елизавета Петровна отправляет матери и в письме дает пояснения: «Вы также найдете в этом ящике план и вид на наш дом, которые дадут Вам о нем довольно точное понятие, за исключением того, что деревья нашего сада не имеют в натуре столь величественного вида... Беседка на рисунке имеет также слишком элегантный вид, и господин Назимов слишком щедро придал ей такой кокетливый и новый облик. За исключением этих мелких подробностей... все изображено точно...» (КОКМ, оф.11412).

Вся усадьба была обнесена деревянным заплотом и только от берега была отделена штaketником.

Нарышкины думали, что окончат свои дни в Кургане, но посещение нашего города 5 июня 1837 г. юным наследником престола, цесаревичем Александром, переменяло их участь. Просьба наследника и ходатайство поэта В. А. Жуковского, сопровождавшего своего воспитанника в поездке, перед императором об облегчении участи декабристов обернулось отправкой их на Кавказ, рядовыми в различные полки. Приказом военного министра от 21 июня 1837 г. Нарышкин был зачислен в Навагинский пехотный полк. Семейство покинуло Курган через два месяца, 21 августа. Усадьбу продать они не успели, оставили охранять ее своих дворовых людей Романа и Егора.

Уже с Кавказа Михаил Михайлович отправил доверенность на продажу дома Александру Федоровичу Бриггену.

11 апреля 1838 г. Бригген пишет Нарышкину: «Доверенность на продажу дома мне еще не передана господином Дурановым (бывший земский исправник — А. Васильева), но это не сделает остановки,

Усадьба Нарышкина. Рисунок декабриста Михаила Назимова

Усадьба Фоминцевых

если бы нашелся покупатель... Я думаю его отдать внаймы здешнему исправнику г-ну Скорине, человеку весьма обстоятельному и аккуратному... Дом ваш требует 200 руб. в год поддержки...» (Бригген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск. 1986. С.121).

Следующее известие о доме мы узнаем из письма Бриггена от 9 мая 1841 г.: «С домом вашим еще не кончено. В ноябре я писал к князю Горчакову (генерал-губернатор Западной Сибири — А. Васильева), предлагая купить этот дом в казну, которая в нем нуждается и которой я отдал в найм за 900 руб. в год... По сей день не имею еще решения... Получаю сведения от моего надсмотрщика, что там печь развалилась, там заплот упал и пр. Партикулярных покупателей нет» (Бригген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск. 1986. с.145).

23 января 1842 г. Бригген пишет Нарышкиным: «Весною я хочу обнести места с реки и с задов простою загородкою из жердей, как загораживают поля, ибо заплоты и укрепление берега рушились, но я ими жертвую, как хороший комендант для сохранения крепости предместьями — поддерживать их не для чего, надобно беречь и поддерживать капитальное строение, которое у нас в хорошем состоянии...»

То хорошо, что он не даром стоит, дома ныне здесь стоят впусе, некому покупать» (Бригген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск. 1986. с.155).

По предположению известного курганского журналиста Бориса Карсонова, в этот период в доме Нарышкиных размещался земский суд.

17 августа 1842 г. Елизавета Петровна пишет Бриггену: «Вы не лишаете нас надежды хорошо продать курганский дом, придумывая новое решение, чтобы потери были бы наименьшими. Располагайте этой продажей по собственному усмотрению. Избавьте нас от дома целиком или частями... как можно скорее. Все последние годы благодаря вашим стараниям дом сдается за хорошую плату, но он портится со временем, надо его продать и все...» (ГАКО, ф.р-2380, оп.4, д.159, л.15).

15 марта 1842 г. в Курган прибывает декабрист Николай Васильевич Басаргин с семейством и поселяется в доме другого декабриста — Ивана Семеновича Повало-Швейковского. Но им требуется собственный дом, и 11 августа 1843 г. теща Басаргина, вдова-поручица Степанида Ивановна Маврина, покупает на свое имя дом Нарышкиных. В купчей указано: «...Деревянный дом на каменном фундаменте, с пристройками, усадьбою и занимаемую под оным землею — длиннику по улице 38 сажен, на задах уступом к реке Тоболу — 27 сажен, поперечнику от базарной площади к реке Тоболу — 42 сажени, а всего застроенной и незастроенной земли 2.463 квадратных сажени, состоящий в г. Кургане на Береговой улице, за 1.200 рублей серебром...» (Санкт-Петербургские Сенатские объявления. № 77. 27.09.1843).

Нарышкин пишет Бриггену: «Очень рад, что дом достался Николаю Васильевичу Басаргину, которому желаю в нем поживать счастливо и мирно. Сожалею, что он не при нас еще водворился в Кургане, передайте ему мой искренний привет...» (Литературный вестник. т.2. кн.6. М. 1901. с.139).

Не успела семья Басаргина как следует устроить новоселье, как шадринский купец Иван Мартынович Вагин уговорил Маврину продать усадьбу ему. Купчая была совершена 15 февраля 1844 г. Маврина запросила уже 1500 рублей серебром, которые и получила. Ею был куплен другой дом. Вагин и его наследники владели усадьбой Нарышкина более 40 лет.

Иван Вагин уже в 1841 году числился по городу Кургану как гость, т. е. иногородний купец, постоянно торгующий в данной местности. У мещанина Василия Чирышева он купил мельницу на Тоболе, рядом с городом, у него же купил деревянный магазин на Береговой улице, но дома своего не имел. Управлять имуществом наездами или через приказчика ему не нравилось, он хотел постоянно жить в Кургане,

усадьба Нарышкина была недалеко от его магазина, его очень устранивала, и он ее все-таки приобрел.

Вагин открыл в Кургане ренсковый погреб, торговал мукой, хотел открыть табачную фабрику, но не успел. Внезапно умер от паралича 50 лет от роду, 4 апреля 1850 г. Его имущество в Кургане наследовал брат, Тимофей Мартынович. При нем на усадьбе был выстроен корпус каменных лавок, справа от ворот, и корпус деревянных лавок, слева от ворот. Со временем вместо деревянных лавок был выстроен каменный торгово-складской корпус, возможно после пожара.

В 1864 году в городе случился пожар, который уничтожил почти всю центральную часть Кургана. Каким-то чудом усадьба Нарышкиных, теперь Вагина, уцелела. До этого в 1860 году сгорел Гостиный двор, в декабре 1865 года был еще один большой пожар.

Вероятно, в 1860-е гг. Вагин строит вдоль переулка брандмаурную стену, простоявшую почти полтора века. Тимофей Мартынович выстроил в окрестностях Кургана еще несколько мельниц. После его смерти усадьбу наследовал сын Николай Тимофеевич, который жил в Шадринске. Управлять курганскими мельницами он нанял вязниковского мещанина Марка Трофимовича Делинина и поселил его в доме Нарышкина.

О жизни в этом доме написала в своих воспоминаниях Евдокия Марковна Делинина, окончившая гимназию и ставшая учительницей. Позже Марк Трофимович купил собственный дом в Тихановке. В декабре 1886 г. Николай Вагин погибает в Шадринске во время пожара. Его дети пропускают сроки утверждения в правах наследования, и владельцем мельниц, магазинов и усадьбы становится арендатор, курганский купец Николай Викторович Куракин.

Данная на владение наследством Вагиных была совершена в Тобольском губернском правлении 13 мая 1888 г. на имя Куракина. Через два года он все имущество продает.

Усадьбу по Береговой покупает 2 июля 1890 г. Алексей Егорович Фоминцев за 6560 руб. В купчей перечисляется имущество усадьбы «заключающееся в полукаменном двухэтажном доме, корпусе

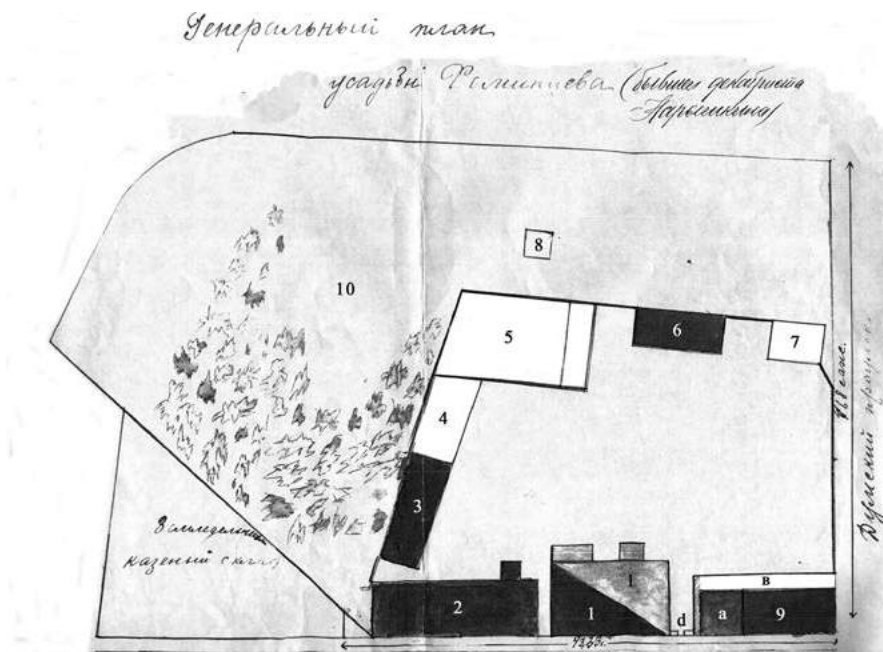
Ренсковый погреб — в Российской империи магазин, торгующий алкогольными напитками на вынос. Первоначально предназначался для торговли зарубежными винами (само слово «ренсковый» происходит от рейнских вин).

каменных лавок, погребе, амбаре, двух завознях деревянных, трех каменных, начатых кладкою, амбаров, каменной стены длиною 20 и вышиною 4,5 аршина с пристроенною к ней конюшнею и коровником, деревянной бане, заплотах с двумя воротами и местом земли по улице 38 сажень, в задах уступом к Тоболу — 27 сажень, поперечнику по базарной площади к реке — 42 сажени» (ГАКО, ф.р-367, оп.1, д.11, л.2).

Фоминцев — купец, выходец из крестьян деревни Колесниковой Сычевской волости, гласный городской думы и член управы. Вел бакалейную и хлебную торговлю. В 1903 г. Алексей Егорович умирает, и хозяйкой усадьбы становится его жена Елизавета Никодимовна. Она продолжает дело мужа, но свою торговлю немного сворачивает и каменные лавки на усадьбе сдает в аренду, в том числе под оптовый пивной склад Екатеринбургского и Ирбитского заводов. Елизавета Никодимовна умирает 24 декабря 1918 г., усадьба переходит наследникам, которые в 1919 г. оказались среди тех, кто «по незнательности был эвакуирован белыми бандитами в Сибирь». В их отсутствие усадьба была муниципализована. Вернувшись в Курган, Фоминцевы пишут заявление о возврате имущества, и 8 марта 1922 г. Межведомственная комиссия постановляет: дом возвратить, но каменные кладовые оставить за горкомхозом. Вскоре наследники продают дом Антону Прокопьевичу Беленькому.

В 1919 г., во время артиллерийского обстрела Кургана белыми, дом был сильно поврежден, новый хозяин начинает его ремонт, но через какое-то время приостанавливает все работы. Он опасается продолжающейся муниципализации. Беленький пишет заявление в Межведомственную комиссию с просьбой закрепить за ним дом, и комиссия постановляет: «Закрепить за фактическим владельцем Беленьким А. П. дом, как не имеющий эксплуатационной ценности, взяв на учет УКО (уездный коммунальный отдел) все каменные склады, находящиеся на означенной усадьбе, как имеющие высокую эксплуатационную ценность, а участок усадебного места выделить г. Беленькому из общего количества, сообразно с расположением дома» (ГАКО, ф.р-712, оп.1, д.25, л.24).

Областной отдел местного хозяйства (Уралместхоз) демунципализацию дома Беленького не утвердил «в виду того, что дом превосходит установленную в законе норму размера жилой площади,

План усадьбы Нарышкиных, 1925 год

т. е. 25 кв. саж., а дом Беленького имеет жилой площади 35 кв.саж.» (ГАКО, ф.р-712, оп.1, д.25. тл.78).

Горкомхоз разделил дом на квартиры, и в одной из них поселилась семья Беленького, который продолжал бороться за единоличное владение всем домом.

Дом состоял на учете Общества краеведения, представители которого 21 марта 1925 г. обследовали усадьбу и составили протокол: «Дом принадлежит гражданину Беленькому А.П., и усадьба в границах: по Береговой — 38 сажень, по Думскому переулку (вдоль брандмауерной стены) — 41,8 сажень, по берегу Тобола от переулка до переезда, с уступом к реке, в поперечнике по Базарной площади — 42 сажени. Из означенной площади исключена каменная кладовая, с местом под нею, принадлежащая коммунотделу. На уступе кр. Тоболу находится сад Нарышкиных. Часть сада в настоящее время вырублена гражданами Сальниковыми Алексеем и Федором Семеновичами, которым, по их словам, площадь сада отведена для постройки... Дом и постройки требуют ремонта. Часть надворных построек разобрана для разных

надобностей, но места их фундаментов явно обнаруживаются» (ГАКО, ф.р-367, оп.1, д.5, л.3).

К акту приложен чертеж усадьбы с указанием сохранившихся построек. Что касается Сальниковых, то это были соседи справа, через узенький переулочек. При обстреле в 1919 г. дом их сгорел, они его наново строили и вырубали сад. При пожаре обгорела брандмауерная стена усадьбы Нарышкина.

В том же 1925 г. горкомхоз составляет опись-анкету на усадьбу: «Дом деревянный, двухэтажный — 293,1 кв.м. Первый этаж подвальный — 2 комнаты, 35 кв.м. и кухня, 52,9 кв.м. Второй этаж — 9 комнат, 178,88 кв.м. и кухня, 45,24 кв.м. Общая площадь пола — 311,21 кв.м. Дом на каменном фундаменте, цоколь кирпичный. Дом оштукатурен внутри и снаружи, 24 окна, 7 наличников, ставней нет. Крыша железная. Три русских печи, одна печь без плиты, четыре голландских печи. В пяти комнатах провод электрический частью есть, в шести комнатах совершенно нет. Одна терраса, крыльца нет, один ледник, бани нет, ворота одни — старые, калитка одна. На усадьбе бывший магазин — 82,43 кв.м., сени — 9,07 кв.м., каменный, снаружи оштукатурен, фундамент кирпичный, второго этажа нет, подвала нет, два окна, пять дверей, крыша железная. Каменное складочное помещение — каменный корпус с подвальным помещением, во всю длину его деревянная площадка со входом в подвал с железной дверью, в корпусе 10 окон, из них с железными решетками — 5, и один железный ставень. Имеется над площадкой навес и позади у сеней. Пять дверей с железными ставнями, крыша железная на два ската. У площадки три входа по три ступени» (ГАКО, ф.р-367, оп.1, д.25, л.2).

В 1924 г. горкомхоз начинает отдавать торговые и складские помещения в аренду различным организациям: Союз слепых снял помещение под столовую, Объединение инвалидов — под завод фруктовых вод, Селькредсоюз — под склад яиц, Челябинское отделение Сельмаш-синдиката — под жестяную мастерскую.

Сельмаш захотел взять под жилье своим сотрудникам и дом. Беленький и другие жильцы из дома были выселены.

В 1926 г. Сельмаш аренду прерывает и в горкомхоз 12 ноября 1926 г. поступает заявление Курганского Союза сельскохозяйственных и кредитных кооперативов «Селькредсоюз»: «Имея определенные сведения о ликвидации Курганского отделения Синдиката Сельмаш, просим

после освобождения помещений, занимаемых им по Береговой улице, сдать таковые в аренду Селькредсоюзу под склад сельскохозяйственных машин и орудий» (ГАКО, ф.р-367, оп.1, д.25, л.71). Селькредсоюз аренду получил, а в доме поселил своих сторожей.

В феврале 1926 г. президиум горсовета разрешил жилищному отделу окркомхоза передать Комитету по постройке Народного дома имени Ленина одну каменную кладовую и часть обгоревшей брандмауерной стены на усадьбе. В этот год на многих купеческих усадьбах были разобраны брандмауерные стены для строительства Нардома. Туда же ушла колокольня Александровской церкви.

В 1927 г. встал вопрос о предоставлении окружному музею более просторного помещения. 2 ноября президиум горсовета заслушал предложение заведующего отделом коммунального хозяйства Демина по этому поводу и постановил: «Против предоставления здания бывшего дома декабристов по Береговой улице для размещения музея не возражать, с закреплением такового постоянно за музеем, при условии надлежащего оборудования данного помещения Политпросветом Окроно...». Имелся в виду не сам дом, а торговый корпус слева от дома.

22 октября заведующий музеем Иванов В. Т. осмотрел помещение и нашел, что оно, как по месту его расположения (фасадом на площадь Свободы), так и по внутренней планировке вполне соответствует размещению в нем музея.

12 декабря 1927 г. был заключен договор: «Горкомхоз сдает Курганскому окружному музею каменный торговый корпус по Береговой, 64, (размер торгового помещения 220,43 кв.м., подвального — 211,47 кв.м.) бессрочно, бесплатно, но арендатор за свой счет производит капитальный и текущий ремонт помещения» (ГАКО, ф.р-367, оп.1, д.25, л.130). Ориентировочная стоимость ремонта была 5000 рублей. Горкомхоз ждал и требовал ремонта помещения, которое пустовало. Музею денег не давали.

В марте 1929 г. Иванов В.Т. сообщает горкомхозу: «...Ремонт здания не производится по причине полнейшего неимения средств для строительных работ. Въезд же музея без надлежащего ремонта в указанное здание абсолютно немыслим и невозможен. Вопрос об отпуске необходимой суммы средств для ремонта здания поставлен докладной запиской музея перед Президиумом Окрисполкома и одновременно

в этой же записке поставлен вопрос об отказе от здания, если в просимых средствах будет отказано...» (ГАКО, ф.р-367, оп.1, д.25, л.151).

Музею от предложенного здания пришлось отказаться.

Тем временем горкомхоз, учитывая острый квартирный кризис в городе, решил над торгово-складочным помещением, прилегающим к переулку, надстроить второй этаж, на что окрфинотдел выделил 35 000 руб., потом сократив эту сумму вдвое.

15 мая 1928 г. в газете «Красный Курган» появилась небольшая заметка И. Еланцева «Курган обогащается новым «небоскребом»: «Комхоз начал достройку одного здания по Береговой, 64... Эти работы комхоз производит на складе бывшем сельпромсоюзе и на кирпичном этаже выводит новый — деревянный. На сколько же квартир рассчитана такая махина? Увы! Она рассчитана всего на 8 скромных квартир, и каждая из них обойдется... чуть не в 3 тыс. рублей. Читатели, вероятно, спросят: почему так баснословно дорого обходится каждая квартира? В чем заключается секрет такой дороговизны? Прежде чем сделать деревянную надстройку, пришлось разобрать крышу, потолок и выломать трое дверей, которые потом пришлось заделать. На месте этих дверей и окон будут прорубаться новые... Во дворе придется сломать 2 звена под железом и один навес. Не приходится говорить, что разрушение стоит денег и больших денег. На достройку дома в 8 квартир швырнуто 18 500 рублей...».

Эти новые квартиры были отданы типографским рабочим.

Складское каменное помещение слева от дома, освобожденное Селькредсоюзом, в 1929 г. было арендовано Курганской молочной артелью, которая в подвале устроила ледник и зимой объявляла торги на подвозку льда с Тобола.

Потом в этом здании размещалась капо-корешковая мастерская артели «Красный Октябрь». Эта мастерская изготовляла шахматно-шашечные доски, шашки, канцелярские и ученические принадлежности, мундштуки, портсигары и даже мебель. Работали, в основном, женщины, которые следили за международным положением, и в сентябре 1936 г. собрали в помощь испанским женщинам и детям 53 рубля.

Со временем арендаторы получили в свое пользование часть двора и выстроили забор, отделившись тем самым от самого дома Нарышкина. Потом надстроили второй этаж. Помещение переходило из рук в руки. В 1947 г. там размещалась артель «Новая сила»,

Квартира типографских рабочих на усадьбе Нарышкиных

столяры которой изготовляли стулья, шкафы, табуреты, стиральные доски и пр. (теперь здание облагорожено, расширено и в нем находится заведение «Империал»).

Сам дом Нарышкина оставался под квартирами до тех пор, пока в 1935 г. его не отдали под Клуб пионеров. Заведовала клубом сначала Долина, потом Яковлев. В клубе были организованы кружки авиамодельный и фотолюбительский, возник театр детской самодеятельности, который 7 июня 1937 г. показал свой первый спектакль в трех действиях «Золотой ключик». Кинотеатр «Прогресс» проводил в клубе дневные сеансы для детей. Билет стоил 20 копеек.

Летом 1938 г. Клуб пионеров выселяют, и дом Нарышкина переходит медицинскому училищу. 18 июня был заключен договор на его арендное пользование училищем с 20 июня 1938 г. по 19 июня 1947 г. Сначала здесь было общежитие, учебный корпус размещался в бывшем доме декабриста Розена.

В январе 1940 г. дом Розена переходит военному ведомству. Общежитие по Береговой, 64 превращается в учебный корпус. Условия для занятий не самые благоприятные, угнетает теснота. В отчете за учебный год 1947-1948 отмечается: «Учащиеся занимаются в доме из 5 комнат: 4 — под аудиториями, 1 — учебная часть,

1 — учительская. Одна комната разделена на кабинет директора и лабораторию. Полуподвальное помещение состоит из четырех комнат — две приспособлены для классных занятий, одна — под библиотеку, одна — под бухгалтерию и хозяйственную часть. Всего имеется 5 классных комнат на 18 групп. Занятия идут в три смены, с 7 часов утра до 10 часов вечера» (Бурбело Л.А. Из школы — в медицину. История Курганской фельдшерско-акушерской медицинской школы. Курган. 2012 г. с. 356).

После войны в городе в очередной раз меняется нумерация домов и адрес училища уже — Береговая, 72.

В 1947 г. кончается срок аренды, но новое помещение училища получает только в 1960 г. по Красина, 52. Тем не менее, в доме Нарышкина остаются учебные классы, он становится учебным корпусом № 2. Теснота уменьшилась, в подвале даже выделили одну комнату под общежитие.

В 1963 г. технические комиссии, обследовав здание, пришли к выводу об угрозе обвала и невозможности использовать его для учебных занятий.

27 мая 1964 г. исполком горсовета выносит решение передать первый этаж здания по улице Комсомольской, 24 медицинскому училищу и редакции газеты «Молодой ленинец».

Клуб пионеров

Дом Нарышкина перешел в ведение райисполкома и служил перевалочной базой для временных жильцов из тех домов, которые были поставлены на капитальный ремонт. Кроме того, в подвале поселили 5 семей, прописанных постоянно.

9 ноября 1965 г. директор краеведческого музея Виктория Ивановна Шаталова направляет докладную записку в областное управление культуры с просьбой поставить вопрос перед областным исполкомом о передаче дома Нарышкина музею, как исторического памятника, связанного с декабристами, и как архитектурного памятника начала 19-го века.

3 октября 1966 г. облисполком вынес решение просить Совет Министров РСФСР принять это здание на государственную охрану и организовать в нем Музей декабристов.

В 1968 г. дом Нарышкина был передан на баланс областного музея, началось выселение жильцов, подготовка документации, реставрация здания, сбор экспонатов.

К 150-й годовщине восстания на Сенатской площади 10 декабря 1975 г. в Кургане был открыт Дом-музей декабристов!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АРА** — американская администрация помощи
- быв.** — бывший
- ВКП(б)** — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
- ВКСХШ** — Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа
- ВЦИК** — Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ВЧК** — Всероссийская чрезвычайная комиссия
- ГА** — Государственный архив
- ГАКО** — Государственный архив Курганской области
- ГАОПДКО** — Государственный архив общественно-политической документации Курганской области
- ГАРФ** — Государственный архив Российской Федерации
- Гипросельхоз** — Государственный институт по проектированию промышленных зданий и сооружений сельского хозяйства
- Горкомхоз** — городское коммунальное хозяйство
- Гороно** — городской отдел народного образования
- д.** — дело
- детдом** — детский дом
- домзак** — дом заключения для арестованных
- жакт** — жилищно-коммунальный отдел
- земотдел** — земельный отдел
- исполком** — исполнительный комитет
- кв.** — квадратный
- книгоцентр** — центр книгожурнального распространения
- КОБ** — комитет общественной безопасности
- КОКМ** — Курганский областной краеведческий музей
- комвуз** — коммунистическое высшее учебное заведение
- Коминтерн** — коммунистический интернационал
- Комуч** — комитет защиты Учредительного собрания
- КОМОСХ** — Курганское отделение Московского общества сельского хозяйства
- краеесовет** — краевой продовольственный экономический комитет
- МВД** — министерство внутренних дел
- Межрабком** — международная организация рабочей помощи
- МКПР** — международный комитет помощи России

- МТС** — машино-тракторная станция
- народом** — народный дом
- Наркомзем** — Народный комиссариат земледелия
- Наркомпрос** — Народный комиссариат просвещения
- НКВД** — Народный комиссариат внутренних дел
- Ожест** — Общегражданское жилищно-строительное товарищество
- ОКРЗУ** — Окружное земельное управление
- окрисполком** — окружной исполнительный комитет
- оп.** — опись
- ОСОАВИАХИМ** — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
- пленбеж** — Управление по делам военнопленных и беженцев
- политпросвет** — советские органы, занимавшиеся политическим просвещением
- Помгол** — Комиссия помощи голодающим
- Потребсоюз** — Союз потребительских обществ, то же что и потребительская кооперация
- Продком** — продовольственный комитет
- продразверстка** — политика обеспечения заготовок продовольствия за счет крестьян
- промфинплан** — промышленно-финансовый план предприятия, составленный на определенный период времени
- РЖСК** — рабочие жилищно-строительного кооперативного товарищества
- РИК** — районный исполнительный комитет
- саж.** — сажень
- св.** — святой
- селькредсоюз** — Союз сельскохозяйственных и кустарно-промышленных кредитных кооперативов
- Совдеп** — Совет депутатов
- Совнарком** — Совет народных комиссаров
- ССМА** — Союз сибирских маслодельных артелей
- уездзвак** — уездное управление по эвакуации
- УЗП** — Управление зрелищных предприятий
- УКО** — уездный коммунальный отдел
- УОБК** — Уральское областное бюро краеведения
- УОЛЕ** — Уральское общество любителей естествознания
- Уралместхоз** — Уральское отделение местного хозяйства
- ф.** — фонд
- ЦКБ** — Центральное бюро краеведения

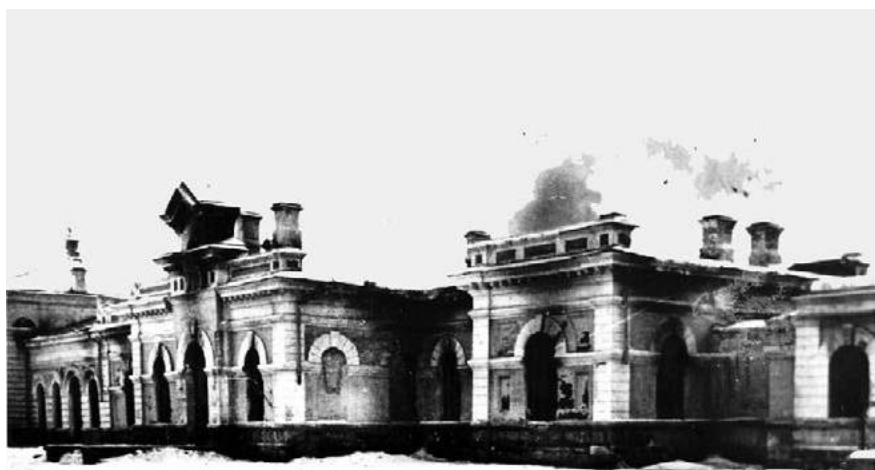
Троицкое мужское и женское приходское училище.
Угол Троицкой (Куйбышева) и переулка Фроловского (Советская).

Революционный праздник на Александровской площади. 1918 год.

Дом А.И. Кочешева. Угол Дворянской (Советской)
и переулка Думского (Комсомольская).

Горящий Курганский вокзал. 1919 год.

Смолин Петр Дмитриевич с быком-рекордсменом

Дом мещанского старосты И. А. Головизнина (ул. Дворянская).

Чехословаки в Кургане

Похороны чешского легионера. Курган, 1918 год.

Дом Смолина

Скотопригонный двор Курганской городской бойни

Андрей Балакшин

СОДЕРЖАНИЕ

Учреждения культуры в крае в конце XIX — начале XX века	3
Курган. Год 1917-й	34
Курган. Год 1918-й	64
Курган. Год 1919-й	94
Адмирал Колчак. Поездки на фронт	117
Курганские типографии и газеты до 1920 года	136
Продовольственная управа	174
Курганская милиция в 1917—1920-х годах	189
Аргентовские	204
Военнопленные в Кургане	219
Из заводской жизни	234
Голод	255
Муниципализация	278
Маляревские. Дела семейные	302
Музей местного значения. Борьба за выживание	342
Курганское общество краеведения	363
Дом крестьянина им. В. И. Ленина	381
Народный Дом им. В. И. Ленина	390
Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа	408
Усадьба Нарышкиных и ее история	420
Список сокращений	435

Александра Васильева
КУРГАН. ТАК БЫЛО

Верстка, дизайн
Денис Малюгин,
Владимир Филимонов,
Татьяна Пеганова,
Валерий Бурматов

Корректор
Наталья Игнатова

Подписано в печать 02.10.2019 г.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.
Объем 27.75 физ. печ. л.
Бумага офсетная.
Гарнитуры Spectral и Roboto.

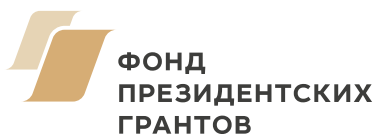
Печать офсетная. Тираж 550 экз.
Заказ 602.

Отпечатано в ООО «Курганский Дом печати»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106. zpress@pkzaural.ru

Александра
ВАСИЛЬЕВА

Курган. Так было

Новая книга ведущего краеведа Курганской области Александры Михайловны Васильевой открывает для нас забытые и неизвестные страницы истории зауральского края, Гражданской войны и тех времен, которые когда-то составляли повседневную жизнь наших земляков.

ISBN 978-5-6042937-8-2

9 785604 293782

